Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Истпарт Отдел Областного Комитета Р. К. П. (б)
ТАТРЕСПУБЛИКИ.

ГК625
Б 743

БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ о чехо-учредиловской интервенции в 1918 г.

№ 1.

КАЗАНЬ.
Издание Комбината Издательства и Печати.
1924.

ГЭКМ.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ГК625
Б743р

Институт В. И. Ленина
№ сф
25011
Библиотека
248-1425

Главлит ТССР. № 1092. Зак. № 854. Тираж 2000 экз.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1038544

Казань. Типогр Комбин. Издат. и Печати „Восток“ Казан. 4.

От Истпарт Отдела О.К.

До сего времени Испартотделом издавался журнал „ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ“; выпущено было три номера этого журнала. Всероссийское совещание работников Истпарта в 1923 г. высказало пожелание, чтобы впредь издания местных отделов выходили не ввиде периодических или непериодических журналов, а ввиде сборников, составленных по принципу единства содержания даваемого в них материала.

Вполне разделяя эту точку зрения, Коллегия Истпартотдела тотчас же после Совещания наметила к составлению ряд сборников, один из которых—пред глазами читателя.

Подготовительные работы по составлению настоящего сборника „Борьба за Казань“ были начаты в тот момент, когда в распоряжении Испартотдела не было никаких материалов, исключая далеко неполного газетного архива. Все документы о периоде учредиловских демократических попыток были уничтожены вандалами XX века.

Бурный калейдоскопический поток революционных событий наслаивал в сознании борьбы за Казань колоссальное количество идейного материала, под тяжестью которого моменты этой борьбы частью вовсе стерлись из памяти участников ее,—частью исказились,—частью остались от них лишь клочки, обрывки. К тому же нужно добавить, что все активные работники того времени уже много лет, как выехали из Казани. Все это говорит за то, что сборник наш никак не может претендовать на полноту. Он представляет собою лишь начало.

Однако, те намеки, которые рассыпаны на его страницах, дадут возможность нашим товарищам, бывшим казанцам, воскресить в своей памяти забытое; мы думаем поэтому, что следующие наши сборники, посвященные этому же периоду будут составляться с большей легкостью и большей полнотой.

Далее, мы не можем не остановиться еще на одной особенности настоящего сборника по сравнению с прежними нашими изданиями. Тогда как те главным образом пополнялись единицами (старейшими работниками нашей партии), к составлению же настоящего сборника привлечено в той или иной мере до шестидесяти человек из которых 2/3 падает на рабочих и крестьян—участников борьбы на отдельных участках общего фронта гражданской войны.

Мы твердо убеждены, что достаточно широкое привлечение при осторожном подходе и использовании сообщаемого крестьянами и рабочими фактического материала дадут плодотворные и богатые детали к тому, что должны дать люди широкого политического охвата.

Выражая искреннюю признательность тем товарищам, которые в той или иной мере причастны к составлению настоящего сборника посредством сообщения нам исторических сведений, мы выражаем уверенность, что их участие в нашей совместной работе будет закреплено и продолжено.

Будем помнить, что „работа для истории революции есть работа для революции“ (слова М. С. Ольминского).

I. Казань до налета чехо-учредиловцев.

Четыре месяца в Казани и под Казанью.

Еще 30 мая 1918 года, после раскрытия Савинковской организации и «Союза Защиты Родины и Свободы», ВЧК установила, что контр-революционеры намереваются обосноваться на Поволжье, дожидаться здесь союзнических войск и начать наступление на Москву, а после свержения Сов. Власти возобновить войну с Германией. Найдены были пароли к контр-революционным организациям Казани, благодаря чему ВЧК удалось проникнуть в штаб организации генерала Попова и заарестовать ее верхушку.

Но ВЧК удалось устранить только верхушку. Корни оставались, и можно было предполагать, что контр-революционные организации продолжают свою работу. На деле быстро это подтвердилось. В связи с продвижением чехо-словаков к Самаре, к Поволжью стали с'езжаться все контр-революционные элементы. С.-р. не замедлили это использовать в своих целях. К 6 июля, когда левые с.-р. в Москве затеяли восстание, Главнокомандующий Муравьев по приказу ЦК с.-р. отдал распоряжение войскам двинуться к Москве. Это свидетельствует об уверенности не только в безопасности тыла, но и о предполагавшихся резервах.

Словом, все свидетельствовало о том, что Поволжье—район угрожаемый чехо-словаками—кишит контр-революционерами. Применить общие меры ВЧК здесь было бы недостаточно. Для них нужен был аппарат с военным уклоном, с более жесткими мерами воздействия.

Учитывая это, Совет Народных Комиссаров почти одновременно с назначением Вацетиса Главнокомандующим Востфронта, образовал «Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте».

Председателем этой Комиссии назначили меня, и я в 20-х числах июля выехал в Казань. Здесь я был зачислен в Реввоенсовет Востфронта с совещательным голосом и кроме основной работы по ЧК работал в Реввоенсовете, особенно в момент от'езда тов. Куйбышева и Благонравова в участки действующего фронта.

В Казани к этому времени уже существовала Чрезвычайная Комиссия, но в ней сотрудничали еще лев. с.-р. Уже это связывало ее действия. Но больше всего тормозили ее работу губернские власти, где господствующее положение занимали тоже лев. с.-р.

Правда, между с.-р. были разновидные элементы, но в общей своей массе они являлись элементом ненадежным, как это показал Московский опыт.

Вот почему первым делом было преобразование Казанской Чрезвычайной Комиссии в «Ч. К. чехо-слов. фронта». Чр. Ком. переехала на Гоголевскую улицу и приступила к расширению своего аппарата.

Но это дело подвигалось вперед чрезвычайно медленно. Из Москвы мне дали с собой лишь двух товарищей из разведки (т.т. Эглита и Пунку). В Казани сотрудников старой Комиссии оказалось около 10. Вот с этим то аппаратом и пришлось взяться за работу.

Если бы контр-революционеры знали такую нашу слабость, мы едва ли бы могли сдобровать. Но, как это бывало повсюду за первые годы гражданской войны, противник всегда преувеличивал наши силы, что не раз спасало наше положение.

А между тем, положение требовало произвести неотложные и серьезные операции, как в городе, так и в деревне.

В городе находилось много офицерства. Более активные жили в ближайших деревнях. В Комиссии имелись донесения о контр-революционной работе в деревне и о вооружении крестьян. Необходимо было произвести массовые обыски на предмет разоружения деревни и изловления белогвардейцев. Для этого требовалось 300 человек солдат. Но эту операцию пришлось отложить, так как у командующего такой силы не оказалось. В распоряжении Вацетиса был только 5-й Латышский полк, только что прибывший, но не в полном комплекте. Его нельзя было трогать потому, что в городе были ненадежные части, вроде Сербского отряда, потом перешедшего к чехам.

Словом отсутствие сил связывало деятельность Чрезвычайной Комиссии.

Но не только это парализовало ее деятельность. Губернские власти были под сильным влиянием лев. с.-р. Последние то и дело связывали руки. Несмотря на это Чрезвычайная Комиссия все же приступила к разоружению с.-р., но и эта работа подвигалась так же медленно.

В силу всего этого контр-революционный элемент мог не бояться за свое существование и продолжать свою работу по подготовке сдачи Казани.

Таково было положение в области борьбы с подпольем контр-революции.

Но не лучше обстояло дело и с фронтом, с военными силами. К моменту моего прибытия в Казань чехи подступали к Симбирску, и час-от-часу ждали его падения. Туда отправились т.т. Благонравов и Кобозев.

На следующий день утром поступили сведения о сдаче Симбирска.

Наши деморализованные части поспешно отступали и поставили под угрозу неприятеля Казань. Это, ведь, было время, когда наши войска, выбитые из одного губернского города, не останавливались в своем отступ-

лении раньше другого губернского города. Через несколько дней в Казань стали прибывать беглые красноармейцы и с каждым часом их число увеличивалось. Было ясно, что если эту волну не остановить в дороге, если они заполнят Казань и посеют здесь панику, то дни Казани сочтены, поэтому Реввоенсоветом были приняты энергичные меры для приостановления прибывших частей. Но этого было мало, надо было подумать об организации ударных частей для наступления на Симбирск. Но сделать что-либо в этом направлении было почти невозможно. В городе находился лишь один татарский полк, численностью в 1500 человек, плохо сколоченный, недавно проявивший явные признаки недовольства, и партизанско-бандитские части Трофимовского, и ожидалось прибытие 5 латышского стрелкового полка. Реввоенсовет остановился на мысли немедленно отослать на правый берег Волги Трофимовского, но это было продиктовано не столько желанием усилить фронт, сколько стремлением избавиться от этого бандита. Он уже несколько месяцев подряд приводил в ужас все окрестное население своими реквизициями и бандитскими выходками. Он представлял из себя типичного волжского разбойника, Штаб его обыкновенно находился на пароходе. Этот пароход одновременно являлся и интендантским складом и гаремом, а дисциплина здесь устанавливалась его нагайкой. Так вот, этот самый Трофимовский отнюдь не хотел выезжать на фронт. Целых три дня он тянул волынку, отговариваясь отсутствием продовольствия, и только благодаря чрезвычайным мерам удалось его выпроводить на фронт.

Тов. Бакинский предлагал этого Волжского разбойника просто—напросто расстрелять, но большинство с этим не согласилось, побаиваясь последствий. Доводы Бакинского сводились к тому, что этот Трофимовский нагадит на фронте не меньше, чем успел нагадить в Казани. Дальнейшие события показали, что Бакинский был прав. Уже после сдачи Казани мною был отдан приказ о расстреле Трофимовского.

Связь с фронтом была слабая; сведений оттуда почти никаких не приходило, а части на фронте были определенно ненадежные, поэтому пришлось организовать Институт политических уполномоченных для надзора за этими частями и для информации штаба. Все надежды строились на ожидании обещанных эшелонов, которые где-то застревали и все еще не прибывали в Казань, а чехи в Симбирске остановились не надолго и начали наступление на Казань. Над Казанью нависала определенная угроза, и Реввоенсовет стал забрасывать Центр телеграммами отчаяния, выпрашивая помощь. Чувствовалось, что и в Москве на положение вещей смотрели с опаской; было отдано распоряжение о вывозе золота из Казани и направлена целая флотилия под руководством Измайлова. Флотилия прибыла в Казань в первых числах августа и приступила к сооружению узко-колейного пути из города к пристани. Но эта мера оказалась поспешной. Испытывая на себе обстановку фронта, нам казалось, что Казань сдавать нельзя, что сдача Казани равняется открытию подступов к

Москве, что, разбитая под Казанью, наша армия покатится до Нижнего и неприятель, таким образом, тесным кольцом окружит нас с Востока и Севера. Нам казалось, что необходимо принять отчаянные усилия для защиты Казани. А если эти меры будут приняты, тогда зачем вывозить золото? Все же директива в Центре была дана и надо было ее выполнить. Но вывоз золота это не такая простая вещь. Организовать погрузку, хотя и не легко, но все-таки дело возможное, от хищений защищать при помощи имеющихся сил—вещь возможная, но не перехватят ли этот ценный груз в дороге? Деревни Поволжья—определенно ненадежны. Прежде чем решиться на отправку золота, надо проверить путь, и вот 4 августа Командующий Вацетис, Комиссар при Командующем Данишевский, Раскольников и я садимся на пароход и едем по направлению к Верхнему Услону для проверки пути. Наше внимание остановилось на этом Услоне, т. к. он господствует над окружающей окресностью. Слезши с парохода, мы забрались на гору и осматривали места, пригодные для установки батарей. Если только удастся здесь своевременно установить батареи, то Казань от вторжения неприятеля защищена. Уже поздно вечером мы возвращаемся обратно на пристань, но здесь нас ошеломляет известие: наши суда потерпели поражение у устья Камы и поспешно отступают к Казани, а неприятель на всех парах несется им вслед. Мы сначала не верили этому сообщению; ведь еще несколько часов тому назад нам не было об этом ничего известно, а Трофимовский сообщил, что он продвигается вперед. Откуда же такие сведения? А сведения оказались полученными от пассажиров, только что прибывших в Казань и бывших очевидцами сражения. Они даже передавали, что наши пароходы скоро должны прибыть в Казань. Мы поспешно отправляемся в город, Главнокомандующий отдает распоряжение об установлении батерей у Нижнего Услона в 12 верстах вниз по Волге. Раскольникову поручается загородить реку путем потопления нескольких барж. Всю ночь кипит не переставая работа, но несмотря на все усилия, батарей так и не удается установить: никак нельзя скомплектовать команды, а артиллеристы по дороге все разбегаются. Установкой батарей руководит офицер Петров, но к утру он выбывает из строя, т. к. шофер оказался белогвардейцем и направил машину на телеграфный столб, последствием чего было ранение Петрова.

Прошла ночь, а батареи еще не были установлены и баржи не были потоплены. Путь на Казань был свободен. Трагизм положения заключался в том, что главнокомандующий не имел в своем распоряжении почти никакого войска. С минуты на минуту ожидались подкрепления. По прежним сводкам Начвосо они давно должны были прибыть в Казань. Секрет, наконец, открылся: Член Кол. Наркомвоена т. Юренев задержал войска на ст. Свияжск, намереваясь образовать здесь штаб фронта. Началась лихорадочная перестрелка телеграммами, а Юренев настаивал на своем. В результате—подкрепления не подходили, а отступавшие из под Симбирска части не удалось еще привести в боевую способность.

К 12 часам дня с фронта прибыл уполномоченный т. Берзин (Бланк) и донес, что наши суда подходят к пристани, а неприятель верстах в 20-ти за ними. Это было первое правдоподобное известие с фронта. Но как то не верилось всему этому. Берзин доложил, что на наших пароходах не хватает снарядов, за чем он, собственно, и приехал.

В поисках снарядов прошло несколько часов, а тем временем с пристани доносят, что неприятель подходит туда и что наши суда отступают.

Но прямо-таки не верилось этому. Ведь не слышно же не то что орудийной, а даже ружейной стрельбы! Решили лично проверить сведения, и я вместе с тов. Берзиным на автомобиле отправляемся к пристани. Там все пусто, даже солдат не видать. Обращаемся к ближайшему сторожу.

— Где наши суда?

— Проехали вверх

— Давно?

— Да уж порядочно: с час будет.

— А это что за суда? Спрашиваем мы, указывая на проходящие мимо пристани суда.

— То неприятельские—хладнокровно отвечает сторож.

Мы беремся за бинокли и разглядываем суда. Мимо пристани по тому берегу Волги проходят два парохода с прицепленными у бортов барками, нагруженными солдатами.

Тов. Берзин хватается за маузер. Я его отдергиваю и тороплю в город.

По всей пристани ни живой души. Неприятель без выстрела проезжает Казань. Бросаемся к автомобилю, но он ни с места: не достает бензину. Мы к извозчику—и на силу заставляем его нас доставить в город.

Совершенно ясно, что чехи намерены, проехав пристань, высадить десант, чтобы отрезать отступление из города по железной дороге.

Поэтому на устье направляются две роты латышского стрелкового полка. К моменту их прибытия чехи успели высадить десант. Огнем латышских стрелков их загнали в Волгу. Один из пароходов латышские стрелки подожгли снарядами. Чехи повертывают обратно к Нижнему Услону и отсюда начинают организованное наступление на Казань. К утру уже грохочут пушки. В городе неспокойно. Ночью из города тайком ушел сербский отряд на присоединение к чехо-словакам.

Партийный комитет и губернские власти то и дело заглядывают в Штаб и просят сообщить о положении вещей. Реввоенсовет, все еще в надежде на прибытие подкреплений, успокаивает Губком и просит не сеять паники. Стрельба, однако, все приближается к городу. Угрожающую опасность все чувствуют. Тов. Измайлов нагрузил несколько подвод золотом и ночью выехал по шоссейной дороге. Его флотилия вместе с наемными военными судами отплыла по направлению к Нижнему.

Чехи постепенно приближаются к городу. Снаряды уже падают у крайних кварталов города. А помощи нет. Трофимовский со своими

судами позорно бежал. Казань начинает входить в линию огня. Оставаться здесь штабу фронта никак нельзя; ведь кроме Казанского участка существуют еще другие участки фронта, действиями которых надо руководить. Реввоенсовет принимает решение перенести штаб фронта в гор. Свияжск, а в Казани организовать командование участком. К пяти часам дня намечается от'езд Реввоенсовета.

Но в это время появляется в Штабе какой-то суб'ект высокого роста, который начинает дезорганизовать аппарат. Он без стеснения обзывает Реввоенсовет трусами и изменниками и своими упреками задевает самолюбие командующего, чем заставляет его откладывать от'езд.

Губком извещается о решении Реввонсовета. К семи часам вечера у Штаба собирается отряд из коммунистов, чекистов и штабных работников, чтобы организованно покинуть город, т. к. дальше оставаться нельзя: снаряды уже рвутся у Штаба, в доме потрескивались уже стекла.

Какой-то латыш-моряк работает один у трехдюймовки, выкаченной на углу Проломной.

В момент от'езда вдруг затерялся тов. Вацетис. Поиски не дают никаких результатов. Исчезли и Данишевский и Раскольников. Мы с Бакинским направляем группу отступающих к вокзалу, расчитывая здесь встретить и Главкома и других.

Пройдя один квартал мы натыкаемся на бегущих солдат.

— В чем дело?

— Чехи подожгли вокзал.

Это известие действует на всех разлагающе.

Начинается паника. Оглядываюсь кругом: нет уже т. Шейнкмана. Его жена несет пачку кредиток—миллион рублей. Начинается проливной дождь. Деньги размокнут. Она предлагает их мне и я, засунув их в портфель, направляюсь дальше.

В районе вокзала,—действительно, пожар. Народ шарахнулся весь вправо: какие же нужны еще доказательства—вокзал горит! Но мы с Бакинским идем к вокзалу: там должны были встретиться с Главкомом, Данишевским и Раскольниковым. А если они там, как же их можно бросить одних?

Мы идем к вокзалу, за нами следует еще человек пять смельчаков.

Подходим к вокзалу—поезд на парах, но на паровозе нет машиниста. Разыскиваем машиниста и заставляем занять свое место, приставляем к нему еще помощника и нашу охрану с револьвером—чтобы не думал шалить.

Ищем Вацетиса и других, но никого нет. Вокзал еще в наших руках, горят только товарные склады.

Решили направить посыльного к Вацетису, но в это время прибегает вестовой и просит подождать: Главком через пять минут прибудет.

Ждем пять, десять минут—никто не является. Зато учащается перестрелка, пули уже ударяются в ближайшие вагоны. Мы залезаем в вагоны

и намереваемся от'ехать. Но тут прибегают два латышских стрелка и извещают, что чехи заняли полотно и что отступление отрезано. Что же делать? Вернуться в город?

А там рвутся снаряды.—Ехать?—дорога перерезана чехами.

Решили ехать. Отдаем приказ машинисту—трогать.

Но только что тронулись, как вдруг удар. Думаем,—кончено..... Однако поезд идет дальше. О стены ударяются пули,—значит, нас обстреливают. Оказать сопротивление—безцельно: нас 7 человек с револьверами и 2 стрелка с винтовками. Не успели подумать до конца, как взрыв ручных гранат. Но поезд все идет дальше. Скоро не слышно уже перестрелки.

Неужели все благополучно?!

Под'езжаем к Аракчино, там встречаем Валериана и Ивана Межлауков. Они измокли до ниточки, оперируя у Устья. Здесь выяснилось, что взрывом гранаты, брошенной чехами, ранен пом. машиниста. Первое же столкновение об'яснилось просто: мы на пути наскочили на груженый вагон, а потом ехали под его прикрытием.

В Красной Горке («Юдино») путь занят встречным эшелоном. Поезд останавливается, и мы, не спавшие двое суток, засыпаем на месте. Вдруг выстрел! Еще и еще. Потом удар. Поезд подвинувшись на несколько сажен останавливается и слышится треск столкновения поездов. Вылезаем из вагонов, узнать причины. Глядим, многие бегут в лес, думая что чехи. Однако, дело оказалось проще: произошло простое крушение поездов.

А случилось это, как потом выяснилось, следующим образом: на путях кроме нашего поезда стоял еще прибывший эшелон. В одном из вагонов, где были арестованные, солдат выстрелил в бежавшего арестанта. Из-за выстрела всполошились остальные солдаты и стали стрелять. Машинисты обоих поездов одновременно направили поезд к Свияжску и столкнулись на общей стрелке.

Из нашего поезда опрокинулось несколько вагонов. Жертв не было никаких. Только у одного китайца контузило ногу.

Но путь был испорчен основательно. О дальнейшей поездке нечего было и думать. Но нам надо было спешить в Свияжск, поторопить помощь. Оставив Ивана Межлаука в Красной Горке для удержания эшелонов, мы втроем—Бакинский, Межлаук Валерий и я отправились пешком в Свияжск. Кое-где пролеты проезжали в товарных вагонах, а большинство пути прошли пешком. К утру мы уже были на ст. Свияжск, и здесь застали и Юренева и Кобозева. Вся дорога уже была наполнена встречными эшелонами.

Вот эти то эшелоны хотя бы на два часа пораньше!

Но теперь поздно об этом плакаться. Казань пала. Кто бы ни был виноват в задержке войск, теперь судить не время. Надо организовать сопротивление, чтобы не отдать Красной Горки, надо задержать бегущих, вернуть бежавших на параходах в Нижний.

Но нет Главнокомандующего, нет Данишевского и Раскольникова. За временное командование берется т. Кобозев. Только дней через десять приезжает Вацетис.

Оказывается, он отступил к Сарапулю, уже поздно вечером, под обстрелом пулеметов из окон и крепости, где уже засели чехи. Окружным путем через Москву он добрался до ст. Свияжск.

Но о Данишевском и Раскольникове и след простыл. Москва сильно встревожена и обвиняет нас, что мы бросили этих т.т. в Казани.

Жена Раскольникова, переодевшись солдатом, направляется в Казань, разыскивать мужа. Здесь ее арестовывают, но она как-то убегает и возвращается к нам. В Казани Раскольникова нет. Уже потом выяснилось, что и Данишевский и Раскольников вышли за несколько минут до нас по направлению к Чебоксарам и Вятке, откуда через неделю прибыли в Москву.

Повернувши от вокзала по проселочным дорогам товарищи—Милх, Данилевская, Вегер и другие измотавшись вдрызг, пришли к Свияжску на третий день со стороны ст. Тюрлема.

Итак, небольшая станция Свияжск делается штабом фронта и губернским центром. Поспешное отступление не позволило вывезти из Казани почти нечего. Осталось не только золото, но и кредитки и военный запас. Единственно, что у нас было—это один миллион рублей у меня в портфеле. Эти деньги все же в первые дни позволяют затыкать самые зияющие дыры. Я же со своим миллионом сделался чем-то вроде казначея.

Прибывающие подкрепления дают возможность удержаться на занятых позициях. Бои идут у Красной Горки. Здесь шальным снарядом убивается командир полка т. Юдин. Выбыл из строя верный и опытный командир, а новые мало испытанные. Чехи наступают вдоль обоих берегов. Белое офицерство Казани, которое Чрезвыч. Ком. не удалось вычистить за краткостью ее существования, составило добровольный офицерский батальон, который теперь оказал большую помощь чехам. Он то и наступил по правому берегу Волги к городу Свияжску, желая отрезать наш Штаб от Москвы, перехватив Казанскую жел. дорогу.

За короткое время пали три губернские города: Самара, Симбирск, Казань. Это сильно сказывается на настроении мало испытанных бойцов, и дисциплина падает. Вслед удравшему в Нижний Трофимовскому, туда направляются и другие отряды. Требуется жесткий приказ т. Троцкого: расстрелять каждого десятого, чтобы восстановить дисциплину.

С приездом Вацетиса и Троцкого начинается период боев за взятие Казани.

Восточный фронт разросся в ширь. Нельзя им командовать из одного участка фронта, со ст. Свияжск. Поэтому штаб переводится в Арзамас, куда я переношу и Чрезв. Комис.

Мои действия направляются к изловлению белогвардейского элемента и охране штаба от покушений, а попытки к этому имели место.

Месяц боев и наши части наконец у стен Казани. Еще до взятия Казани я получил приказ Реввоенсовета 5-й Армии, за подписью тов. Розенгольца, которым я назначен председателем Военного Трибунала 5-й Армии, долженствующей занять Казань. Я немедленно отправляюсь на ст. Свияжск и отсюда первым поездом через поврежденный мост прибываю в Казань. Впереди уже тов. Кин. Он назначен комендантом города.

Ринулись к чистке города, а здесь хоть шаром покати: вся буржуазия поголовно покинула город, забросив все свое имущество.

Дом Чрезв. Комиссии на Гоголевской ул. запечатан. Это распоряжение с.-р. властей.

Тут начала работать следственная комиссия по «исследованию зверств большевиков», но неуспевши как следует взяться за дело, она была вынуждена покинуть город.

Нам всем казалось, что вот теперь, после того, как многие открыли свое настоящее лицо за этот месяц, нам придется усиленно поработать по чистке города. Для этого, ведь, кроме Чрезв. Комиссии был организован еще Военный Трибунал V-й армии.

Однако оказалось не то; вся белогвардейская активная часть и даже сочувствующие им ушли из города и отступали вместе с чехо-словацкими частями. И Чрезвыч. Комиссии и Трибуналу пришлось почти бездействовать.

Единственно, кто счел себя неприкосновенным—это профессура. Из них уехало несколько человек. Эти «неприкосновенные» однако, не мало поработали в пользу учредиловцев. Каждый из них нес какую-нибудь работу, направленную в пользу белой армии.

Мне все же пришлось их потревожить и пригласить к себе на Гоголевскую. Собрав вечером, я их оставил в зале заседания Трибунала, предоставив им целую ночь на размышление. В течение этой ночи мы совместно с «добровольцем» тов. Бакинским произвели допрос. И тут из всех показаний оказалось явственно одно: профессор—это самый заурядный обыватель. Он верит всем слухам, вплоть до того, что большевики поджаривают живыми свои жертвы. Возмущенные этими «фактами» они и решили помочь учредиловцам установить законный порядок.

Лацис.

(Продолжение следует).

Партийная и Советская Казань до чехов.

I) Основной опорой Соввласти и партии в Казани были рабочие в первую очередь завода № 40. На солдат полностью мы опирались перед октябрем, в октябре, ноябре и, пожалуй, декабре.

Демобилизация в их среду внесла много изменения. Среди оставшихся усилился удельный вес писарей и т. п. публики. В солдатской жизни Совета оказалось поровну б-ков и левых с-р-в. В рабочих же массах мы пользовались полным доверием почти безраздельно. Заводы были нашей опорой во время первых белогвардейских заговоров. Рабочая секция Сов. Раб. Депутатов была и оставалась до конца большевистской (впрочем, примерно в июле в ней резко увеличилось количество не б-ков). В весенние месяцы 1918 г. настроение рабочих резко ухудшилось. Основная причина продвопрос и отчасти затруднения с выплатой зарплаты из-за недостатка дензнаков. На заводах уже временами на митингах разыгрывалась ожесточенная борьба между нами и меньшевиками. Тяжелым резервом с нашей стороны в таких случаях выступали т.т. Шейнкман и Грасис. Был даже случай, что мы двинули на заводы и приехавшего в Казань на с'езд по организации Тат-башкирских Штатов Свидерского. Меньшевикам случалось иногда, правда, очень редко, одерживать победы.

Основными рабочими организациями были в это время, кроме Рабочей Секции Совета, профсоюзы и Бюро фабзавкомов, где председательствовал анархист Богданов. С трудом удалось провести слияние (о работе этих организаций, больше всего может сообщить т. Карпов). Влияние наше в этих организациях было прочно. Партработа в массах со смертью т. Олькеницкого сильно ослабла. Бывшие у него связи с рабочими подобрать не удалось и должным образом заменить его мы не смогли. Вскоре после его смерти из Казани уехал Шейнкман. Его от'езд также не был возмещен. Партия и Совет все больше отрывались от масс.

II. *Губерния.* Связи с губернией почти не было. Воспоминания т.т. Покровского и Гордеева в этом отношении точны. Среди крестьян у нас опоры не было (на крестьянском июльском с'езде *) большевиков было 5—6 человек. Работа среди них нами не велась. Здесь безудержно царили правые и левые эсеры, больше последние. Продразверстка, несмотря на постановления крестьянских с'ездов, вызывала недовольство. Уже в конце 17-го и начале 18-го года приходилось за хлебом выезжать с отрядами. Помню одну такую свою поездку верст за 40 от Казани. Почва для контр-

*) С'езд был в первых числах августа. (Ред.).

революции была на лицо. Октябрьские лозунги—«земля и мир» кулаками уже были проглочены и мы им уже только мешали.

III. *Национальный переплет.* Национальный вопрос был чрезвычайно сложен. В то время он существовал, как чисто татарский вопрос. Большевиков в постановке этого вопроса еще до октября опередили меньшевики. Татары меньшевики (может быть и кадеты—истории Шуро подробно не помню) организовали Всероссийский Совет Мус. Военных Депутатов и ставили вопрос об автономии. Не помню, к чему сводились их требования при Керенском. В наше же время они об'единяли всех врагов Соввласти, в том числе и не мусульман. Из руководителей Шуро помню Алкина, Тукумбетова, Музафарова, Большевистское же движение среди мусульман только выкристализовывались. Рабочие мусульмане уже входили к нам (Галеев и некоторые другие), но руководителей еще не было. Из левого Мус. Соц. К-та только выделялось большевистское крыло во главе с Султан-Галиевым и менее решительным, но более крупным Мулла-Нур-Вахитовым. В общем же мусульманское движение было не в наших руках. Характерна организация мус. полка, на кот. согласился Совнарком и мы. Командиром его мусульмане поставили б. члена гос. думы Биглова (капитан).

Скрывавшие свои намерения Шуровцы с организацией этого полка обнаглели, пред'являли требования, задерживали по дороге оружие и пр. Нам стоило больших трудов расслоить полк, в нем случайно оказалось несколько большевиствующих солдат. Но и после этого мусульмане в массе были не с нами. Мус. деревня целиком была под влиянием контр-революционных мулл. Саид-Галеев приехал позже; он значительно укрепил наши позиции.

IV. Плюсом для контр-революции было нахождение в Казани большого количества офицеров (как в центре округа), мы зарегистрировали их около 5.000.

V. Падению Казани способствовали также своеобразные наши отношения с левыми с-рами. В Казани они сразу после Октября стали на нашу сторону (отдельные из них персонально участвовали в перевороте), вошли в Ревштаб (тогдашнее название Ревкома) и стали на работу. Никаких принципиальных разногласий они не выдвинули. Руководители в интеллигентской части были в большинстве связаны личной дружбой с руководителями большевиков. (До Февральской революции в Казани была об'единенная соц. организация). То же встречалось и на заводах (левый с.-р. Иванов и др.) и в армии (Вякин, Ефремов). Большинство из них сейчас в наших рядах. Это создало обстановку полной дружбы; происходили об'единенные заседания комитетов; мы не вели борьбы в массах и мирились с захватом ими губернии. (Здесь нам к тому же было бы трудно бороться). Вероятно, этому способствовал и недостаток работников и наша в то время политическая неопытность. Мотивов наших лучших политиков (Шейнкмана и Грасиса) вспомнить не могу. У Грасиса это могло происте-

кать из его индивидуализма, лишавшего его, к слову сказать, руководства организацией. Выход левых с.-ров из правительства не повлиял на Казанские отношения, и политика левых с.-ров после убийства Мирбаха застала нас безоружными—деревня была не наша. Наши вчерашние друзья свободно дезорганизовали наши ряды.

VI. Два слова об интернационалистах—они образовались не в 18-ом году, как говорит Брауде, а после февральской революции. Брауде спутал расхождение между к-тами, б-ков и интернационалистов по вопросу о Забулачной республике с расхождениями 17-го года. В октябрьском перевороте интернационалисты не участвовали. На работу пошли не вполне решительно. Напомню т. Брауде, что в январе 1918 года до Забулачной эпопеи на III Вс. с'езде Советов он был во франции интернационалистов. В Казани группа эта была в массах невлиятельна. Но ее удельный вес определялся хорошим штабом. С ними, как и с левыми эс-эрами, бывали об'единенные заседания комитетов.

VII. *Состояние парторганизации.* Внутрипартийной работы, разумеется, не велось; организация была малочисленна, имела мало работников, но была обсолютно сплочена. Руководителями ее были в первую очередь Шейнкман и Олькеницкий, затем Грасис, Карпов, я, Рудов, Фролов, Бочков. Позднее приехали и в то время еще не играли руководящей роли Догадов и Стельмах. Из выдающихся рабочих надо отметить (кроме Рудова) Северова, Вихирева, Дерунова, Гордеева Н. (пороховика), Комлева, Большакова, Серова. Можно восстановить еще ряд имен. Недостаток работников заставлял нас втягивать в среду руководителей всех маломальски способных. Широко были использованы приехавшие украинцы. Покровский, только что вступивший в партию, сразу был посажен на большую работу в Губкоме, Ив. Межлауку, тогда совсем молодому члену партии, но исключительно крупному работнику, была дана возможность развернуть все свои силы и стать в числе наиболее руководящей головки.—Крупную роль играл приехавший позже Евг. Вегер и несколько меньшую вошедший к нам Израйлович.

VIII. *Соваппарат.* Вопрос о взаимоотношениях не существовал. Центр был в Совете. Руководителем Совета сначала был Шейнкман, затем мы с Межлауком, мы же руководили Парткомом. Совработа определялась нашей прочностью в рабочих массах и отношениями с левыми эс-эрами. При ослаблении того и другого ослабла и она. Все же мы, вероятно, были одной из наиболее сильных в этом отношении организаций (не считая столиц).

Мы распространили Соввласть на Ижевск, Алатырь, Сарапуль, посылали, начиная с 1918 г. отряды против Дутова, затем против учредиловцев. Отделы Советов были организованы плохо. В связи с нац. вопросом и превозглашением центром Урало-Башкирского Штата была об'явлена нами Рабоче-Крестьянская Казанская Республика (примерно в марте 1918 г.). Шейнкман был Предсовнаркома, я—председателем Совета. Большой интерес составляет созванный нами областной С'езд по организации штата. Его

Группа Казанского Губ. Исполкома первого состава после изгнания чехо-учредиловцев.
1-й ряд—слева на право: стоит—С. БРАУДЕ; сидят—РУДОВ, ВЕГЕР И., РЕЗАУСКИЙ. 2-й ряд—О. ВЕГЕР, А. КАРПОВ, Н. ГОРДЕЕВ, Г. ГОРДЕЕВ, А. БОЧКОВ, М. ЕНДАКОВ, А. ДОГАДОВ. 3-й ряд—второй слева—Наз. ЕЖОВ; рядом с ним—ИЗРАЙЛОВИЧ; затем Е. ВЕГЕР, ДАНИЛИН, ВАСИЛЬЕВ (крайний справа).

историю восстановить может, очевидно, т. Свидерский. В тогдашней обстановке деление на Совнарком и Совет оказалось нерациональным и вскоре мы от него отказались.

IX. *Борьба с внутренней контр-революцией.*

1) После октября мы сломили упорную забастовку всех служащих, но чиновничество до конца оставалось нам враждебным.

2) В ноябре—декабре шла борьба вокруг мусульманского полка.

3) В феврале или марте 18-го года был раскрыт (главари были арестованы при помощи приехавшего из Москвы, оказавшегося потом провокатором, Владимирова) заговор ген. Попова. В нем участвовал Винокуров, Никитина (жена быв. министра) и др.; много было офицеров. Заговорщики предполагали по составленному списку уничтожить нашу группу и захватить власть. По поводу арестованных, между прочим, возникла дисскусия о смертной казни. Б-ки были за расстрел, из левых эс-эров с нами оказался Калегаев. В ликвидации основную роль, кроме Владимирова, сыграла организованная Фроловым комиссия по борьбе с контр-революцией.

4) Примерно в то же время началась невполне подготовленная *Забулачная волынка—мусульманская контр-революция.* Лозунг их был—об'явление учредиловского штата. Главой правительства был намечен оренбургец Валидов, позднее басмач; из немасульман помню в списке правительства *Батя.* Ликвидацией руководили я и лев-эс-эр. Ефремов. Москва для ликвидации выслала моряков Масальского и Соболева.

5) Мы перехватили много отдельных нитей заговоров, но недоведенных далеко. Вероятно, крупную роль в них играл Ивановский и, может быть, Василий Иванов. Аресты давали ничтожные результаты.

6) В апреле или в мае или июне возникло *гарнизонное восстание.* Солдаты, набранные по принципу добровольчества, были в тяжелых материальных условиях. Большая вина в этом падает на руководителей округа. Восстание, несомненно, было связано с белогвардейцами. Руководители его усиленно спаивались буржуями. Был избран анти-революционный деклассированный Гарнизонный Комитет. В противовес ему мы провели выборы в красноармейскую секцию Совета и опирались на нее. Ликвидировали восстание мы с Межлауком.

7) Офицерское восстание вспыхнуло в момент занятия Казани чехами, но ослабленное предыдущими неудачами, оно никакого значения не имело. Сдача Казани была обусловлена не ими, и сражавшиеся войска о нем почти и не знали.

X. *Отношения со штабом фронта.* (Оставляю в стороне историю выбора для штаба Казани, организацию его и всю чисто военную дальнейшую эпопею). В первое время при Муравьеве, Мехоношине, Благонравове было прекрасно. Мы были связаны с Мехоношиным с Благонравовым; помогали, чем могли. (Нач-ком Политотдела у них стал Евг. Вегер, редактором газеты Грасис); получали помощь от них. При возникновении Муравьевского восстания сделали все, что могли. Сам Муравьев и Трофимовский

Библиотека Института В.И. Ленина
1038547
БИБЛИОТЕКА

дезорганизовали работу и до восстания, но это мелочи. С приездом Вацетиса и Данишевского отношения ухудшились и стали резко формальными. Мы обвиняли их в обособленности, диктаторстве; они, вероятно, были недовольны нами. Контакт поддерживался только через Губвоенкома Ив. Межлаука.

XI. *Крестьянский с'езд.* Бывшие эс-эры должны изложить историю его созыва, состав и прочее подробно.

Примерно в июне 18-го года мы поставили вопрос о создании единого губернского центра власти. До тех пор городом правил Сов. Раб. Депутатов, деревней—Крестьянский С'езд. Важные вопросы решались совместно. Об'единение было обсалютно необходимо: нельзя было сохранять фактический разрыв. В отношении об'единения мы были в невыгодных условиях—Исполком был составлен из 10 от Кр. Депутатов и 10 от рабочих; 10 крестьянских были левыми эс-эрами, среди рабочих было человека 3—4 левых эс-эров и интернационалистов. Они оказались в большинстве. Мы все же пошли на слияние. Председателем был избран Калегаев. Шейнкман в Москве был избран членом ВЦИК-а и назначен членом Коллегии Наркомфина.

Когда Казанские левые эс-эры поддержали свой Ц. К. в вопросе об убийстве Мирбаха, мы распустили Исполком и назначили Ревком (Иван Межлаук может восстановить вопрос о вагоне динамита, посланном Ефремовым, Калегаевым и Майоровым своему Ц. К.), я был председателем его. Однако, мы не довели дела до конца и не отложили назначенного Крестьянским Советом С'езда. Вся подготовка его была в лево-эсэровских руках. Состав кулацкий. Наркомвнутделом т. Петровским с'езд был распущен. Понятно, и это ослабило нас перед приходом чехов.

XII. Все же причина падения Казани лежала в штабе и армии: мы не имели в своем подчинении никакой вооруженной силы, фронт забрал все; вооружением рабочих он заниматься не хотел. Разумеется, падению Казани способствовала частично и местная обстановка—выжидание большей части рабочих, недовольство крестьян, ненависть нераздавленной окончательно городской буржуазии (мы в то время были еще очень мягки). О нашей работе по созданию Кр. Армии и состоянии наших частей больше всего могут сообщить т.т. Судьин, Ив. Межлаук и Петряев.

XIII. *Два слова о золоте.* Перед Р.В.С. фронта я вместе кажется, с т. Покровским подняли в июне или июле вопрос об эвакуации золота. Т. Мехоношин нам обрисовал общее положение страны, указав, что эвакуировать некуда. За неделю, примерно, до падения Казани явился уполномоченный Совнаркома для его эвакуации, но лишь подготовил технические условия для вывоза золота белыми. Подробнее может сообщить т. Введенский.

XIV. *Некрологи погибшим.* Погибшие руководители—Шейнкман, Олькеницкий, Фролов, Скачков, Комлев, В. Волков, Вахитов. Из активной части Хатаевич, Беренс и др., из близких к нам—Гинсбург.

XV. *Газета.* Она большой роли у нас не играла. О ней могут сообщить т.т. *Грасис и Ионов.*

Л. Милх.

Красная Армия в Казани

с момента ее формирования до налета чехов.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД.

В феврале месяце 1918 г., по окончании демобилизации запасных войск старой армии, начала формироваться Красная Армия, в то время добровольческая. Начальником формирования Красной Армии и председателем Организационного Комитета был назначен тов. И. Шелыхманов, член Р. К. П. Основное ядро ее—артиллерийская бригада, одна из самых крупных единиц (в которую я поступил добровольцем 28 февраля 1918 г.) состояла из солдат старой армии второй запасной артиллерийской бригады. Она была расквартирована в артиллерийских казармах на Арском поле (второй пулеметный дивизион) и в бывших Каргопольских казармах (первый пулеметный дивизион). Меньшая часть состояла из артиллеристов и пехотинцев, отчасти дезертиров и безработных рабочих. Был еще авто-отряд и баталион матросов. Кроме этих частей был также первый Советский пехотный полк, квартировавший в крепости. Впоследствии сформировался татарский полк и в июне и июле стал формироваться кавалерийский полк.

В моих воспоминаниях я коснусь, преимущественно, артиллерийской бригады. Каждый дивизион ее разделялся на три батареи, каждая по 250 человек. Что касается состояния частей, то на первом месте по политической сознательности стояли матросы и артиллеристы, худшую часть, резко отличающуюся от остальных, составляли пехотинцы, недисциплинированные и деморализованные. Особенно это относится к баталиону имени Карла Маркса. Что касается состава других частей, в частности первого Казанского Советского полка, то там, преимущественно, были пехотинцы запасных полков и дезертиры с фронтов, по происхождению—казанцы; и значительно меньше было босяков, безработных и еще меньше фронтовиков; некоторый процент, но гораздо больший, чем в первом артиллерийском полку, составляли лица с уголовным прошлым, способные к бандитизму.

Комсостав в бригаде преимущественно был из старого офицерства, которое от фронта скрывалось в запасной бригаде. Командир бригады был подполковник П., командир полка был прапорщик Т.; впоследствии, как они, так и многие другие изменили Соввласти и перешли на сторону контр-революции.

Добрая половина состава, шедшего в Красную Армию, шла из-за материальных выгод (выдача двух комплектов хорошего обмундирования и

проч.), кроме того, поступление в армию давало возможность крестьянству служить только до полевых работ, (т. к. люди брались только на три месяца), меньшая же часть была озабочена защитой Советской Власти, была готова с оружием в руках ее отстаивать и ждала лучших дней для Красной Армии.

В то время, как в бригаде, так и в других местах не было комиссаров частей, а существовали солдатские комитеты; последние не были выборными, а назначались Организационным Комитетом и часто состояли не из лиц преданных Советской Власти, а из шкурников, служивших в запасных частях, а также примазавшихся левых эс-эров, которые остались только с тем, чтобы пополнить карманы; так наприм., в комитете артиллерийской бригады председателем был Колпаков, (по сведениям, бывший коннозаводчик на юге и в то же время—левый эс-эр), товарищем председателя был Левчаткин (сын директора Казанской психиатрической лечебницы и родственник бывшего губернатора), и секретарь—Хацкевич (студент Варшавского института). С самых первых дней формирования артиллерийской бригады комитет повел такую линию: Колпаков, как председатель, состоя членом Горсовета, бывал в Губисполкоме и других организациях; однако, что он делал там—нам было мало известно.

Из доклада Колпакова о состоянии нашей бригады красноармейцы выяснили, что Колпаков имеет совсем ложное представление о ней: в обмундировании, дескать, не нуждаются, дисциплина хорошая и занятия идут каждый день; тогда как на самом деле ничего этого вовсе не было. Левчаткин был в от'езде по поручениям. В бригаде работал, собственно, один секретарь Хацкевич, который, понятно, много выполнял технической работы, но ничего существенного сделать не мог, хотя и был энергичным работником. Батарейные же солдатские комитеты, поскольку они не были выборными и не пользовались доверием, ничего кроме хозяйственных функций не выполняли. Комсостав не принимал должных мер к восстановлению дисциплины и обучению войск. Создалась такая картина: солдаты ходили только в наряды по гарнизону, бывавшие периодически через несколько дней, обучение не производилось. Никакой культпросвет. работы не велось никем, даже солдатскими комитетами, существовавшими в то время. По старому правилу красноармейцы не имели права созывать даже общих собраний без разрешения выше стоящих органов, солдатские же комитеты никакой инициативы не проявляли. Никаких докладов ни на какие темы в армии не делалось, ни представителями партии, ни представителями Красной Армии. Партработников (за исключением тов. Шелыхманова) в то время еще в армии не было; при чем тов. Шелыхманов связи с частями не имел: не устраивал собраний, и не был среди красноармейцев, что нам казалось тогда довольно странным. Не существовало ни партячеек ни коммунистических, ни лево-эс-эровских. Солдаты находились в плохих материальных условиях и не были обеспечены ни обмундированием, ни самым необходимым, хотя это и обещалось при формировании;

тогда как, в конце марта месяца в артиллерийской бригаде на складах обмундирование было получено (синее артиллерийское сукно, английский зеленый диагональ и шевиот); обмундирование тогда сознательно не раздавалось солдатскими комитетами под давлением председателя бригадного комитета и командира бригады; его оставляли для тех, кто еще останется на три месяца, а кто не желал оставаться, тому давать не хотели. Красноармейцам было известно, что чиновничество из интендантского управления растаскивали все это. На запрос красноармейцев в Военном Комиссариате им отвечали: «если они не смирятся, то для успокоения их пришлем матросов», матросам же и пехотинцам в таких же случаях отвечали, что с этой-же целью к ним пошлют артиллеристов. Таким образом, среди частей начал создаваться антагонизм. В этих условиях дальнейшее существование Красной Армии было недопустимо. Красноармейцы были доведены до отчаяния, вследствие того, что на них обращали очень мало внимания *) и в конце марта месяца было созвано самостоятельно, без разрешения выше стоящих органов, первое дивизионное собрание. Таким образом, причиной созыва последнего послужило бюрократическое отношение Колпакова к красноармейцам, который явившись единственный раз в казарму (по делу об обнаруженных красноармейцами нескольких тюков сукна) на законные требования красноармейцев обычно отвечал очень грубо и стращал арестом. На это собрание Колпаков был приглашен, но не явился. Участниками—инициаторами его были Ф. Терехин—красноармеец первой батареи и Ведерников (красноармеец пулеметного дивизиона) в то время бывшие беспартийными, оба—добровольцы. Председателем данного собрания был Терехин, секретарем—Ведерников. Требования данного собрания сводились к следующему: 1) введение со всей строгостью революционной дисциплины, занятий, 2) замена ненадежного комсостава, 3) проведение культурно-просветительной работы путем создания солдатских клубов и об'единения в них добровольцев гарнизона в целях изжития антагонизма с одной стороны; поднятия классового самосознания и революционизирования и спайки—с другой, 4) улучшение материальных условий быта в размерах требуемого Красной Армией согласно приказа тов. Шелыхманова при начале формирования, 5) перевыборы всех солдатских комитетов взамен назначенных, не отвечающих своим требованиям и не пользующихся никаким доверием среди красноармейцев. На этом собрании было постановлено созвать гарнизонное собрание Казани. Каковы были постановления в других частях и были-ли они во всех частях точно не помню, но знаю, что в некоторых из них, действительно, состоялись, и требования в основном были аналогичны с постановлениями дивизионного собрания. Вскоре после этого через один-два дня (числа 27-28 марта) было созвано гарнизонное собрание представителей частей войск. Председателем

*) Нужно заметить, что высшее начальство—военком Ефремов (лев. эс-эр) и названный выше Колпаков к солдатам никогда не являлись.

собрания был избран товарищ Ведерников, секретарем—один товарищ из матросов. Собрание происходило в помещении первого дивизиона первой батареи на Арском поле. Цель данного собрания сводилась к следующему: высказать представителям всех частей гарнизона о положении своих частей, выяснить меры предотвращения столкновений между частями Красной Армии и устранить антагонизм, а также разрешить вопрос об организации клубов, т. е. фактически в основе рассматривались те же вопросы, которые были подняты на дивизионном собрании. Первым вопросом стояло выяснение отношений гарнизона Красной Армии города Казани к Губернскому Военному Комиссару Ефремову, который не принимал почти никаких мер к улучшению материального положения солдат, и к поднятию культурно-просветительной работы, а также не принимал мер к введению революционной дисциплины в частях войск и не принимал мер к замене командного состава более соответствующим. После обсуждения первого вопроса поступил ряд предложений; резюмируя их, я предложил арестовать Губернского Комиссара Ефремова. Насколько я помню, в то время в коллегии Губвоенкомата были: Ефремов—эс-эр, Милх и Емагулов—большевики. Обсудив это предложение, собрание решило пригласить Губвоенкома на гарнизонное собрание для заслушания доклада и выяснения создавшегося положения; если же он откажется явиться, то арестовать его и представить на гарнизонное собрание; кроме того было решено арестовать Колпакова—председателя бригадного комитета, Завьялова—председателя батарейного комитета 3-й батареи первого дивизиона (бывшего прапорщика) и Захарова—работника Интендантского Управления. Для выполнения этого постановления был избран тов. Терехин и два матроса. Им были даны два мандата для Ефремова—первый на его приглашение, второй—на арест, и на остальных были даны мандаты на право их ареста. По получении мандатов, согласно постановления гарнизонного собрания, я перед тем, как отправиться, счел своим долгом предупредить собрание, подчеркнув с своей стороны свое мнение о необходимости для всей Красной Армии поддерживать Советскую Власть; мною было указано, что если данное поручение относится к аресту советских работников, то это было вызвано их полной бездеятельностью; только при данных условиях я счел возможным взять выполнение данной миссии—воли гарнизонного собрания. Последнее постановило не допускать ареста меня и матросов, тем более, что в это время весь гарнизон был в боевой готовности и связь со всеми частями была налажена отлично. Дух войск был приподнят и стоило только разжечь массы, как восстание стало бы несомненной реальностью. Уезжая с собрания, я предупредил красноармейцев о необходимости избегать всяких кровопролитных столкновений, дабы все ликвидировать путем выяснения с приглашенными представителями. Отправившись с матросами, я взял с собой десять человек ординарцев и поехал в Кремль. Явившись к Губвоенкому, принявшему не всех нас, а только двоих (почему, не знаю), я показал ему мандат на право приглашения его на гарнизонное собрание.

Ефремов согласился ехать. Тут же присутствовал Милх, которого в лицо я не знал; он задал мне несколько вопросов, на которые получил ответы в краткой форме; если же он желает знать все подробности, то я предложил ему прибыть на гарнизонное собрание. Перед в'ездом в крепость (у УКХ) я оставил 7 человек ординарцев, а остальных троих я взял с собой и оставил их внутри крепости, чтобы, на случай ареста, скорей известить через остальных 7 человек гарнизонное собрание. Как только мы вместе с Ефремовым выехали из крепости, он увидел 7 человек ординарцев, смутился, полагая, что его арестовали, но все же проехал на гарнизонное собрание. Я же поехал розыскивать Колпакова и Завьялова. Первого я не нашел, так как, видимо, он заранее был извещен и сбежал. В ночь на первый день пасхи я узнал от Хацкевича, бывшего секретаря бригадного комитета, что Колпаков пригласил в Зеленый Дол его анонимной телеграммой: «Если не забыли старых друзей, приезжайте провожать меня». Хацкевич поехал и увидел Колпакова вооруженным револьвером и тремя бомбами. Кроме оружия Колпаков запасся и массой паспортов, вероятно, и заграничных.

Когда Хацкевич, проводив Колпакова, приехал и сообщил об этом мне; я, в то время секретарь президиума бригадного комитета, отправился на лучшей лошади командира бригады к вокзалу на телеграф с намерением сообщить по прямому проводу в Алатырскую Красную Гвардию о задержании Колпакова в Алатыре, указав его приметы и вагон. Однако, в Алатыре его не задержали.

Завьялова я нашел на дому и, арестовав, отправил на гарнизонное собрание для об'яснений. Сам я успел прибыть на гарнизонное собрание к докладу Ефремова, который тогда шел на встречу всем требованиям красноармейских частей и в первую очередь—гарнизонного собрания и представителей частей гарнизона.

Его слова: «Вам нужен клуб, завтра отремонтирую ваши казармы под клуб и театр; вам нужны перевыборы комитетов—завтра же переизбирайте; вам нужна замена комсостава—завтра же можно некоторых заменить, которым не доверяют красноармейцы».

Обещал удовлетворить соответствующим обмундированием, обещал введение революционной дисциплины и, не зная истинного настроения красноармейских частей, настолько стушевался, что говорил: «если желательно, то я и сам сложу с себя полномочия Губвоенкома». Из этого следует, что он изрядно был взволнован и в то же время не знал положения в войсках; его неосведомленность об'ясняется тем, что от Колпакова он получал сообщения, что в войсках все обстоит благополучно и дисциплина тверда. В его присутствии решался вопрос об организации Гарнизонного Комитета, на что он не возразил, принципиально согласился и даже не счел нужным поставить вопрос об этом, как о новой возникающей организации,—в Коллегии Губвоенкомата и Губисполкома. Инициатива организации Гарназонного Комитета принадлежала представителю первого

пехотного Советского полка Березину, который впоследствии отправился в качестве помощника комиссара с первым сводным Казанским отрядом, изменил Советской власти, перешел на сторону активной контр-революции и был расстрелян. Целью Гарнизонного Комитета, по мнению представителей, было: 1) об'единить в один солдатский руководящий орган все остальные организации для преодоления развившегося антагонизма, и 2) улучшить ведение культурно-просветительной работы, и 3) улучшить материальные условия быта. Ефремовым была сделана недопустимая ошибка в этом вопросе, когда он разрешил единолично организацию Гарнизонного Комитета. Этим он лишний раз доказал неспособность быть во главе частей Красной Армии. После Ефремова с политическим докладом выступил тов. Шейнкман, прекрасно осветив вопросы состояния Советской Республики и о задачах Красной Армии. Из его сильного, понятного для масс доклада ни одного слова не было пропущено ни одним красноармейцем. Т. Шейнкман в противоположность Ефремову многого не обещал, а наоборот, указывал на тяжелые испытания, которые предстоит пройти бойцам Красной Армии, всему рабочему классу и беднейшему крестьянству Советской Республики. После упомянутых докладчиков собрание заслушало доклад прохвоста Завьялова, офицера старой армии, который подделывался под дудку красноармейцев.

После доклада этих лиц собрание постановило вынести резолюцию, сводившуюся к постановлению, вынесенному на дивизионном собрании. В первую очередь, в резолюции было указано о необходимости защищать Советскую Власть. Во вторых—в резолюции было постановлено немедленно переизбрать солдатские комитеты во всех частях гарнизона. В третьих—было решено создать Гарнизонный Комитет. Четвертый пункт касался улучшения материального положения в армии в отношении обмундирования и снабжения продовольствием и фуражем. Пятый пункт, указывал на необходимость введения культурно-просветительной работы и организации клубов. Шестой—о введении революционной дисциплины и строевых занятий. Седьмой говорит о замене командного состава, и о ряде других вопросов.

ВТОРОЙ ПЕРИОД.

Вскоре после гарнизонного собрания во всех частях Красной Армии было приступлено прежде всего к перевыборам солдатских комитетов. В первой артиллерийской добровольческой бригаде предвыборной кампанией руководили тов. Терехин и Ведерников. Состав батарейных комитетов был переизбран полностью. Выбраны были хотя и беспартийные, но более революционные элементы—бывшие фронтовики. Состав бригадного комитета тоже был полностью переизбран. Председателем его прошел тов. Ведерников, а секретарем тов. Терехин и членом—рабочий Иванов. Можно сказать, что выборы солдатских комитетов, как батарейного, так и бригадного, прошли достаточно успешно, что же касается Гарнизонного Комитета, то туда прошли лица, называвшие себя «марксистами», но, как

выяснилось впоследствии—таковыми они вовсе не были, не внушали доверия и вели себя совершенно непристойным образом. В члены Горсовета от бригады прошли следующие лица: тов. Муштаков и кто-то еще. Что же касается выборов в первом полку, то там оказались следующие:

Состав Гарнизонного Комитета был самый разнообразный. Количество лиц, входящих в него было свыше 10-ти. Председателем комитета был матрос Сметанин, личность, мало внушающая доверия. Тут были и анархисты, как напр., Краюшкин и кто-то другой, тут были и офицеры—контр-революционеры.

Вообще тут были лица, которые сыграли на руку не революции, а контр-революции. С этого момента буквально день и ночь приходилось работать всему бригадному комитету, дабы целиком обеспечить части продовольствием, обмундированием, фуражем и т. п. Не малое участие пришлось принять и в налаживании культурно-просветительной работы, а также и поднятии боеспособности в целом. И не прошло одного—двух месяцев, как первая добровольческая бригада стала неузнаваема. Добровольцы воспряли духом, ежедневно велись с 6-ти часов занятия. Стала вводиться строгая революционная дисциплина. Приступлено было к организации солдатского клуба в помещении бывшего офицерского собрания—(рядом с казармами). Солдаты были обеспечены обмундированием, продовольствием и чувствовалась налаженность и боеспособность первой добровольческой бригады, т. ч. можно было бы ожидать много благоприятных результатов, если бы в момент возрождения бригады не случилось отправки на Дутовский и чехо-словацкий фронты. Лучшей частью в бригаде был первый дивизион, наиболее образцовой была первая батарея. Дисциплина была поднята настолько, что даже командир бригады Падчин был вынужден созвать собрание комсостава частей, дабы не ронять авторитета командования. Совсем иначе дело обстояло в первом полку.

Вконце апреля и вначале мая Губвоенкомом была получена телеграмма о взятии Оренбурга контр-революционными войсками во главе с атаманом Дутовым и об ужасных зверствах над рабочими.

Оренбургские власти и командующий Урало-Оренбургским фронтом (матрос Яковлев) запросили помощи от Казанцев. С этой целью было созвано экстренное расширенное заседание в Губвоенкомате с представителями частей—солдатами, комсоставом и представителями водного транспорта (последних—специально по вопросам перевозки). Председательствовал на собрании комиссар Ефремов, от бригады присутствовали Падчин и Терехин, от полка—Творянович. Здесь обсуждался вопрос о возможности посылки отряда о количестве и качестве его комсостава и снаряжения. Решено было сформировать и отправить первый Казанский сводный отряд в 2.000 человек, в составе пехоты—в количестве одного батальона от первого Социалистического Советского полка, одной роты мусульманского полка, одної роты социалистического батальона моряков с тремя пулеметами, пулеметного дивизиона в количестве 30-ти пулеметов и двух бро-

невиков. Отправку решено было производить по Волге, на что «авторитетными» представителями было заявлено, что вполне хватит двух пароходов и были предоставлены пароходы «Рубин» и «Ориноко». Командиром отряда был назначен Творянович. Комиссар назначен не был. Предполагал выехать сам Ефремов. Сборы, формирование и отправка частей происходили почти самостоятельно, без всякого общего руководства, если не считать недостаточного руководства со стороны Военкомата. До момента от'езда пароходов как командира, так и комиссара отряда не было. Вполне успешно происходила отправка и подготовка артиллеристов. По всей бригаде было об'явлено о записи желающих ехать добровольно на Дутовский фронт. Записалось больше, чем нужно и были выбраны лучшие в количестве одной батареи. Так же успешно, только немного менее дисциплинированно собрался и пулеметный девизион. На каждого добровольца было по два комплекта артиллерийского обмундирования, продовольствия и фуража было расчитано на путь до Самары. Не совсем благоприятно было с конским составом т. к. лошади были малосильны, еще не оправившиеся с момента демобилизации запасных частей старой армии. С этой целью мною были отобраны с разрешения Губвоенкома от подрядчика 10 лошадей—битюгов, привезенных с фронта из мортирной батареи (в скобках сказать—они были в марте месяце мною же обнаружены на базаре при самовольной продаже лошадей воинскими частями). Хуже обстояло дело с комсоставом, который приходилось посылать на фронт под угрозой расстрела, да и несмотря на это они соглашались с натяжкой, с условием, что поедет с ними сильный политический деятель. С одной стороны им не хотелось ехать против своего же брата, с другой стороны—они боялись быть растерзанными своими же красноармейцами в случае каких-либо поражений и неудач. От артиллерии поехал командир батареи Прокофьев и командир взвода фронтовик фейерверкер из крестьян тов. Лалин, наиболее революционный (в последствии командир батареи, получивший орден Краснаго Знамени и вступивший в РКП). Командир пулеметного дивизиона Бутенин (по сведениям—впоследствии перешедший на сторону контр-революции). В качестве полит. Комиссара был отправлен тов. Гинсбург. В общем и целом этот отряд покрыл себя большой славой революционных подвигов. Но рассказы о нем не входят в план настоящей статьи.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД.

В июне месяце в Губвоенкомате Губвоенкомом т. Иваном Межлауком вместе с заместителем и управделами т. С. Судиным я был приглашен, как представитель бригадного комитета, на заседание, на котором обсуждался вопрос о состоянии войск Красной Армии, при чем мной было внесено предложение о переформировании частей из бригады в дивизион дабы иметь меньшую, но более боеспособную часть. На это Межлаук не согласился, мотивируя тем, что нужно иметь моральное воздействие на

противника. Я возражал и указывал, что красноармейцы могут сбежать и останутся одни лишь орудия; тогда Межлаук ответил, что скоро будет мобилизация. Действительно, в ближайшие же дни мобилизация была об'явлена. Прежде чем о ней говорить, я коснусь состояния тех органов, которым было поручено ее проведение. В первых числах июля месяца начал формироваться Казанский Уездный Военкомат по распоряжению Казанского Губвоенкома Межлаука (помещение находилось в доме Пирогова). Во главе Казан. Уезд. Военкомата была назначена Коллегия из трех лиц: два военных комиссара А. Муштаков (21 года, бывший прежде секретарем Оперативного Штаба), Ф. Терехин (20 лет), военрук Ипатов (23 лет, бывший штабс-капитан, имевший несколько знаков отличия старой армии). Не лишне указать ряд лиц, которые состояли во главе тех или других отделов военкомата: заведующий отделом формирования и обучения бывш. полковник Севастьянов (быв. командир 94 запасного полка, имевший от времен старой армии золотое оружие). Управделами—бывш. полковник Блюм. Помощник военрука быв. штабс-капитан А. Кушкэ. Заведующий отделом снабжения быв. штабс-ротмистр Генке, и ряд других ответственных должностей занимали «почетные», заслуженные в то время офицеры. В общей сложности в Штабе Комиссариата находилось около 70 человек, включая и писарей и офицеров. Работать с имеющимся офицерством, враждебно относящимся к Советской Власти было в высшей степени трудно, особенно в то время, в период формирования Комиссариата и к тому же—в момент подступов Дутова к Оренбургу и чехословаков к Казани, тем более, нам, не имеющим опыта в деле формарования Красной Армии и молодым работникам вообще. Офицерство вело себя недоброжелательно ко всем начинаниям по формированию Красной Армии: выполняло задание формально, занималось скрытым саботажем, а некоторые саботаж выявляли открыто, в частности Генке, который в часы занятий осмелился устроить «митинг» и заниматься анекдотами. После чего нами были приняты меры к смещению подобных лиц и заменой другими. Но за отсутствием других, лучших, наши просьбы почти никогда не удовлетворялись. Мы просили Губвоенкомат о том, чтобы нам было дано право самостоятельно назначать на должности, хотя и неответственные, но Губвоенкомат дал право только для приема писарей и то в исключительных случаях. Как только был сформирован Комиссариат, тотчас же было приступлено к мобилизации двух годов—1892 и 1893. На мобилизацию явилась одна треть или одна четвертая из всего количества, к тому же как они явились! Мобилизация проходила во дворе бывшего военного училища (школа прапорщиков). Для проведения мобилизации были организованы две комиссии. Председателем первой был Муштаков, техническим руководителем—Ипатов, члены комиссии и два врача. Председателем второй—Терехин, техническим руководителем—Севастьянов. Техника проведения мобилизации была поставлена хорошо. Сборные пункты были оборудованы, продовольствием обеспечены, но, к великому сожалению, явка мобилизованных и настроение их были прескверные.

Вместо мобилизованных присылались председателями сельсоветов и волисполкомов по большей части протоколы разнообразного характера; так наприм., Арская волость вынесла такое постановлене: «ввиду того, что соседние ближайшие волости заняты чехами, нам не устоять, поэтому на мобилизацию не являться».—Другие волости присылали протоколы с резолюциями за учредительное собрание, а иные--под другими мотивами отказывались от мобилизации, требуя уплаты за квартиры и проч. денежного довольствия, которое не было уплочено старой армией.—Размеры этих сумм были подсчитаны и в протоколах точно указаны. По Столбищенской волости было не лучше. Явившиеся из двух—трех деревень—вернулись обратно, за остальными—неявившимися, а по их возвращении в комиссию не пошли, мотивируя тем, что на мобилизацию не вышла *одна деревня.* Когда началась мобилизация и отправка по частям войск для пополнения Красной Армии, формирование новых частей, то мобилизованные заявили в один голос, что они в Красную Армию не пойдут, указывая на присутствие в ней «разбойников и бандитов».

Мне с Муштаковым пришлось выступить на митинге, раз'ясняя задачи Красной Армии, и задачи Советской Власти.

Потом выступил т. И. Межлаук, после чего они согласились. Но все же у них было сильное желание формироваться в отдельные части от Красной Армии (добровольной). Впоследствии, когда они согласились служить вместе, то просили удостоверения о том, что они *мобилизованы, но не добровольцы.* Отсюда ясно, что нам нужно было ожидать в ближайшее время от частей Красной Армии. Что касается явки городских жителей, то здесь нужно отметить одно положительное обстоятельство,—это то, что рабочие шли безропотно. Неявившихся был незначительный процент. По состоянию здоровья многие из рабочих оказались больные, преимущественно туберкулезные, крестьяне были в большинстве случаев раненые, инвалиды, участники империалистической войны. Несмотря на все недостатки по явке, Губ. Военным Комиссаром тов. И. Межлауком была отмечена успешность в проведении мобилизации. Он сообщил, что в Приволжских городах до Астрахани включительно мобилизация прошла во много раз хуже, так например: в Симбирске на мобилизацию явилось 87 человек всего, а по нашему уезду было принято приблизительно 1250 человек. Вскоре после этого была проведена мобилизация офицерства в тыловое ополчение. Мобилизованные отправлялись в рабочую дружину. Декретом Совнаркома освобождались офицеры, состоящие студентами в Высших учебных заведениях, а в то время все контр-революционное офицерство «состояло» студентами. В рабочую дружину попали преимущественно бывшие прапорщики, мещане и мелкая буржуазия и небольшой процент крупной. И если эта группа офицерства была до мобилизации скверно настроена, то в момент мобилизации недовольство проявилось в больших размерах. Все мобилизованные были отправлены, для погрузки дров на станцию Инза и другие станции

железных дорог, откуда они, при наступлении чехов, постепенно все разбежались. Всего мобилизованных офицеров было до 70-ти человек.

После этой мобилизации была об'явлена мобилизация лошадей по городу, которая прошла сравнительно успешно, но все же собственники лошадей зачастую уклонялись от мобилизации. Мобилизация проходила под руководством приемной комиссии до самого прихода чехо-словаков (6-го августа 1918 года). Все мобилизованные армейцы направлялись во вновь формируемую первую Казанскую Советскую Дивизию, основа которой состояла частью из красноармейцев—добровольцев, остальная часть была заполнена вновь принятыми. Так составились первый кавалерийский полк, первый Советский полк, Мусульманский полк. Комсостав пополнялся из офицеров, состоявших на учете Губвоенкомата (явившихся на учет во времена Муравьева). Никакого доверия комсостав к себе не внушал, в особенности в Первом Кавалерийском полку. Командиром дивизии был назначен тов. Авров, в то же время занимавший должность Губвоенрука (тогда—левый эс-ер, бывший штабс-капитан, а впоследствии коммунист и Командующий Петроградским Военным Округом). Начальником Штаба был П. А. Петряев *). Коснусь общего настроения частей, преимущественно бригады. В этот момент, в июле месяце настроение красноармейцев было самое скверное, об'яснявшееся следующими причинами: с одной стороны—многие красноармейцы по истечении трех или шести месячного срока намеревались демобилизоваться и отправиться в деревню на полевые работы. С другой стороны, прибывшие мобилизованные разлагали остальных своим пассивно-отрицательным отношением. Неоднократная посылка отрядов на фронт против Дутова и чехо-словаков (было отправлено три отряда) с наилучшими красноармейскими частями—добровольцами, не сообразовавшаяся с боеспособностью остающихся частей, создали хаотическое состояние последних, тем более, что вновь мобилизованные были не обучены. Особенно это было заметно в Каваллерийском полку, куда отправлялись преимущественно пехотинцы и отчасти артиллеристы. В дополнение к этому разлагающему обстоятельству являлось то, что председатель бригадного Комитета не был достаточно авторитетен и не пользовался полными правами, а батарейные комитеты сильно изменились в своем составе; поэтому многие красноармейцы—добровольцы, не желая оставаться в частях, стали понемногу демобилизоваться, а командир бригады—тому не препятствовал. Пользуясь небоеспособностью бригады, комбриг Падчин и ему подобные не только не задерживали красноармейцев, а наряду с этим собирали контрреволюционное офицерство и давали им различные поручения в целях разложения армии. Он устраивал совещания у себя на квартире с командирами отдельных батарей и дивизионов, дабы наилучше осуществить свои планы. О всех предпринимаемых шагах красноармейцы своевременно

---

*) Вследствие смерти тов. Аврова, необходимо получить сведения о военных частях Каз. гарнизона и Дивизии от тов. Межлаука, Петряева и Судьина.

сообщали Председателю Бригадного Комитета, а также и мне и просили вернуться для налаживания работы в бригаду. О всем этом мной (в то время я был Казанским Уездвоенкомом) было сообщено заместителю Гувоенкома—тов. С. В. Судьину, который, хотя и был перегружен работой, но все же этому уделял много времени и признал нужным назначить в бригаду Комиссара, а не председателя комитета, что было вполне своевременно. Однако, вследствие промедления Губвоенкомата назначения Комиссара не состоялось, а вскоре уже пришли чехи.

При таких условиях в городе Казани было об'явлено военное положение. Комендантом города в то время был товарищ Кин, партработник с Украины. Служащие в Комиссариатах отказались от работы. В Уездвоенкомате ряд «работников» за неделю до прихода чехо-словаков заболели инфлюэнцией—(например военрук Ипатов). Работа, как таковая уже приостановилась, кроме приемной Комиссии, которая работала до самого прихода чехов. Мне, как военному, стало известно о подходе чехо-словаков, прорвавших отряд Трофимовского (отправленного по Волге), от Управляющего фабрикой Поляр, который ввиду волнений среди рабочих запросил, правда ли, что идут чехи? Я запросил Окр. Военкомат, Губвоенкомат и узнав, что, действительно, чехи подходят, просил товарищей не волноваться. В то же самое время были приняты меры к охране Комиссариата от наступления чехов. Наступление чехо-словаков велось по направлению к бывш. архиер. дачам, а оттуда—ко второму дивизиону—расположенному в бывш. Карго-польских казармах. По имевшимся в то время сведениям и подтвердившимся впоследствии, по суше чехи наступали в количестве лишь 700 человек и по Волге—прорвался один пароход,—поднявшийся несколько выше Казани и занявшийся обстрелом ее из орудий. В то время, шло наступление ко второму дивизиону. Комсостав бригады, а может быть и выше, отдали приказ о централизации всего оружия ко второму дивизиону; при этом командир одной из батарей—Л—отправил свою батарею к пристаням якобы для обстрела парохода, но там эту батарею обстреляли рабочие, прибывшие на подкрепление и не знавшие, что эта батарея наша. Все эти распоряжения Л—ча, как контр - революционера, были отданы сознательно. Оставшиеся неполные две — три батареи приготовились встречать наступающего врага под командой Ком. Дивизиона Галченко (бывш. полковник, старик лет 60-ти).

Не успели чехи подойти близко ко второму дивизиону, как неожиданно с тыла подступили 35—40 человек пехотинцев—бывших офицеров—контр-революционеров, скрывавшихся недели две-три в архиерейских дачах, пробираясь во время военного положения в город в женских одеждах. Об этом в свое время в городе было известно, но не знали, где они находятся (точно).

Из-за неожиданности предательства, красноармейцы в беспорядке отступили к первому дивизиону.

Когда товарищ Муштаков, отправившись верхом в Суконную слободу, хотел узнать, как далек противник, он вынужден был признаться в полной дезорганизованности Красной Армии и предательстве комсостава. Так, из баталиона имени Карла Маркса три роты перешли на сторону «белых» и только одна осталась верна Советской власти. Шла беспорядочная стрельба из пулеметов и ружей. Служащие в Комиссариате были отпущены накануне. Как только товарищ Муштаков возвратился обратно, он сообщил о своих наблюдениях и предложил мне вместе с ним выехать из Комиссариата. Несколько раньше (в 3 часа дня 6-го августа) я отправился на улицу с целью выяснить возможность свободного проезда. Тогда мне пришлось убедиться в появлении на всех углах новорожденной подпольной белогвардейской организации. Напротив нас стоял солдат с офицерской выправкой держал винтовку «на изготовку», собираясь стрелять. Тогда я вошел во двор—в помещение сторожей. Скоро белые вошли туда и я, не узнав их, пошел им навстречу, и они,—как мне, так и остальным предложили выйти на улицу в надежде выпустить нам залп в спину—я отказался; нас приставили к стенке. Всего нас было семь человек: я, два сторожа, командир какой то Красноармейской части, задержанный на улице, помощник коменданта Комиссариата,—двоюродный брат С. Муштакова, дежурный писарь, бывший прапорщик П. Минеев и седьмой—красноармеец нашей карроты—мусульманин, стоявший на посту у под'езда. У меня отобрали револьвер «Наган» и документы, это было мое упущение, что я не успел их ни уничтожить ни спрятать.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД.

После каждого обнаруженного документа, начиная с пропуска за подписью т. Кина и др., мне угрожали расстрелом. Какой то, по наружному виду быв. прапорщик, татарин, отобрал у меня револьвер; офицеры были русские, но в солдатской форме. Их группой командовал этот самый прапорщик из татар. На мой протест о том, что я не признаю самочинных растрелов, мне приходилось получать 15 или 20 пощечин, а также здорово поплатиться за попытку к побегу. Когда были рассмотрены все документы (в то время разразился гром и получилась жуткая картина), был отдан приказ расстреливать все семь человек. Но как только два стсрожа стали просить командира о прощении, ссылаясь на то, что у них семьи и дети, их отпустили при условии не служить больше большевикам. Те дали вынужденное обещание и были освобождены, после чего командир подошел ко мне и выпустил в двух шагах две пули. Одна пробила левое легкое и оставалась в спине, а другая ранила левую руку навылет. Я, не успев опомниться, встал и мне в спину были выпущены еще две пули.

Потом в упор в меня были выпущены еще две пули, одна из них пробила навылет шею, а другая ранила в голову, но не опасно. Выпу-

стив в меня шесть пуль, командир подошел к часовому, которого убил наповал седьмой пулей. Тем временем тов. Муштаков, подойдя к неизвестному часовому, на его запрос кем он является, показал документ Военного Комиссара, часовой отобрал документ, затем потребовал отдать оружие, что тов. Муштаков и сделал и был отведен к командиру их отряда (во двор быв. Ольгинского приюта). Там неизвестным командиром было сказано: «таких-то нам и нужно»; приказал ему итти на улицу. Когда тов. Муштаков пошел, ему в спину были выпущены из отобранного револьвера три пули, одна пролетела мимо, а две другие попали в правое легкое и он тяжело раненый упал под водосток около дома. К этому времени завязалась перестрелка между отрядом красноармейцев, засевших в быв. доме Смоленцева и расстреливающим отрядом во дворе Пирогова. Вскоре подошли Таткоммунистические отряды. Я, воспользовавшись уходом белых со двора (белые предполагали, что я убит), поднялся и спрятался в подвале, где было до 4-х вершков грязной воды, где и пробыл до 9 часов вечера. Из этого подвала я прогнал скрывавшегося там писаря Минеева. В 9 часов вечера я ползком добрался до сторожки, где я рано утром, при содействии отца Муштакова, переменил окровавленный костюм на другой.

Сторож приносил мне воду. 7-го утром я был обнаружен белыми по указанию явившегося Севастьянова быв. полковника, который явился якобы за розыском охотничьего ружья, спрятанного им в бытность заведующим отделом формирования и обучения. Я был арестован и увезен на лошади, под конвоем гвардейского офицера, сначала к коменданту станции, а потом к коменданту города. Последним я был напрвлен в военный госпиталь, но в госпитале я благополучно пробыл до 25 августа. С 25-го по 27 был на гарнизонной гауптвахте, с 27-го по 10-е был в губтюрме и 11-го освобожден. Тов. Муштаков пробыв до 8-ми часов вечера под дождем, ползком добрался до двора Комиссариата, там стояла лошадь Военкомата и он на ней окольными путями добрался до комклуба, где увидал Ефремова. Последний предложил ему или выехать за пределы Казани на автомобиле или итти в госпиталь. Муштаков, будучи тяжело раненым, согласился итти в госпиталь, куда был направлен под чужой фамилией (Александра Маркелова) и находился в хирургической палате, где мы с ним встрнтились и были вместе до 25 августа. Отсюда он был направлен в пересыльную тюрьму и освобожден 11-го сентября.

Прежде чем писать воспоминания о пребывании в тюрьме и в арестном доме, я скажу несколько слов о том офицерстве, которое служило в Военкомате.

В то время когда все комиссары были под расстрелом, все офицеры в количестве около 70 человек, включая офицеров-писарей, заняли ответственные должности и, как видимо, не случайно. Так военрук Ипатов, правда с маленьким скандалом, занял должность командира батареи. Кушке—ад'ютанта Артиллерийского Управления. Полковник Севастьянов, быв. Заве-

т. ШЕЛЫХМАНОВ.
(См. статью Ф. Терехина).

т. ГРИГОРЬЕВ.
(См. статью Ларионова—«Восстание 3-го сентября»).

т. АВРОВ.

т. ВВЕДЕНСКИЙ.

т. ТИХОНОВ, член Губисполкома.

Партийные и Советские работники времени борьбы за Казань.

дующий Отделом формирования и обучения, был назначен командиром второго народного полка. Быв. Управделами Блюм был назначен помощником коменданта города (комендантом города был известный полковник Григорьев). Заведующий отделом Снабжения Штабс-ротмистр Генке был назначен командиром полка и эскадрона кавалерии. Можно думать, что, как они, так и другие, служившие в частях Красной Армии состояли в подпольной контр-революционной организации. По сведениям счевидцев красноармейцев при входе чехов они дружески здоровались и пред'являли какие-то билеты. С 7-го августа помещение Увоенкомата заняли белогвардейцы, которые разграбили все находившееся там: оружие, продовольствие и обмундирование, а также и все бумаги и документы, которые вывозили в другие места *).

Пребывание в госпитале.

Во время нашего пребывания в госпитале чехи не знали, что мы Военные Комиссары, т. к. Муштаков был под чужой фамилией, а я, хотя сначала и был записан Военным Комиссаром, потом, по какой-то случайности, в списках близко не оказался. В то же время по ночам чехи приходили в госпиталь и предлагали тяжело раненым красноармейцам и матросам, кто мог, итти с ними. Частью их уводили в тюрьмы, а частью в овраги и др. места, где и расстреливали их «пачками». Мы не были уверены в своей судьбе, но спустя три дня комендантом города был отдан приказ—«без суда и следствия не расстреливать». Числа 20-го к нам с тов. Муштаковым пришли на допрос, от которого мы отказались ввиду болезненного состояния.

Т. Муштаков был выдан шоффером, перешедшим от красных к белым, а я был найден в списках, а также, видимо, был выдан врачем. Этот врач выдал одного из уфимских работников.

22-го числа, я ходил домой к матери выяснить возможность побега. Вернувшись, я узнал от Муштакова, что 22-го ночью приходил за допросом ад'ютант Калинина. Я успел написать письма матери и еще двум знакомым, которые за мной ухаживали, т. к. знал, чем грозят эти допросы. В то время, когда контр-революционное офицерство свирепствовало, врачи и весь медперсонал, относился ко всем больным безразлично, более или менее сносно, конечно к лицам белого полета отношение было самое дружественное, а к Комиссарам—формальное. Издевательств не было, т. к. врачи не надеялись на прочность белогвардейской власти. Вскоре пришел прапорщик Муравьев с двумя часовыми и с издевательствами предложил нам итти, но мы отказались. Тов. Муштакова отправили в санитарной повозке в пересыльную тюрьму, а я был отправлен пешком, но, пройдя полдороги, отказался и на остановленной частной лошади с большими муче-

*) О том, как был занят Губвоенкомат, мне мало известно (сведения могут дать т.т. Судьин и Межлаук).

ниями был довезен до пересыльной тюрьмы. Вместе со мной был отправлен уфимец и, арестованный Муравьевым за пьянство, белогвардейский офицер, грозивший нам расстрелом. Накануне нашего выхода из госпиталя настроение раненых было бодрое, несмотря на поражение Красной Армии. Один раненый в ноги рабочий успел уже связаться с пороховскими рабочими, которых было 40 человек (они имели пулемет). Это было мне сообщено тов. Муштаковым, но мы не успели с ними связаться ввиду того, что на следующий день были отправлены в тюрьму.

На гауптвахте.

Одну и единственную ночь на гауптвахте я провел в самой холодной камере. На следующий день, вследствие того, что комендант гауптвахты оказался знакомым до войны офицером, я был переведен в более хорошую камеру. Затем комендантом города Григорьевым был отдан приказ о переводе всех политических в губтюрьму, куда нас в количестве 40 человек и отправили.

В губтюрьме.

Я попал в общую камеру, в которой было 10 человек, преимущественно офицеры, кроме двух-трех человек, в том числе быв. редактор газеты «Знамя Революции», левый эс-эр Ионов (судьба которого решалась не однократно в военно-полевом суде, получалось 4 голоса против расстрела и 5 за).

В гауптвахте числа 8-го в $12^1/_2$ час. дня был расстрелен тов. Шейнкман, который говорил, что его товарищи отомстят за его смерть. За ним вызвали тов. М. Межлаук, арестованного из номеров «Франция». Недели через две всех оставшихся направили в губтюрьму. Комендантом гауптвахты был поручик Яшин. На 4-й день пребывания на гауптвахте был получен приказ Григорьева прекратить самочинные расстрелы и расстреливать лишь по приказу полевого суда, вследствие возбужденного настроения населения после конференции. Офицерские караулы были заменены рабочими. Положение арестованных улучшилось. Стали пропускать газету и комендант об'явил мне: «Ваша жизнь в безопасности и вас переведут в губтюрьму», что и начали делать с 22-го числа, и не знаю, для какой цели, водили по всем улицам.

Дезертиров в народной армии было около половины из всего количества заключенных в тюрьме (около 250 человек). Народоармейцы в первое время отказывались от службы из-за отсутствия заинтересованности, дисциплины и из-за привеллигированного положения чехов. Другая половина состояла из политических заключенных, красноармейцев (30—40%) и остальная часть были политработники и рабочие, незначительный процент был комсостав Красной Армии. 3-го сентября было восстание Пороховских рабочих. Всех арестованных из женского отделения перевели в

арестный дом в Плетенях. Тогда же были беспорядки во втором народном полку, находившемся в быв. Журавлевских казармах, в Адмиралтейской слободе, командиром которого был, как указано раньше, Севастьянов. В женское отделение приводили рабочих, участников восстания и расстреливали „пачками", что продолжалось несколько дней. 7-го вся администрация тюрьмы, вследствие меткой стрельбы артиллерии Красных войск и усиленного наступления, бросила тюрьму. Остались надзиратель второго отделения и ключник. Тогда все арестованные уговорились на случай явки кого-либо из белогвардейских властей, никого не выдавать и если во дворе будет производиться расстрел десятого или что-либо в этом духе, напасть на патрулей, отобрать оружие и направить против них. Более сознательная часть арестованных, тотчас устроила самоохрану, нашли винтовки бежавших часовых. Вооружились. Ионовым были найдены списки лиц, подлежащих расстрелу (около 50 человек), в том числе был Ионов, Терехин, Болгарский и, как будто, полковник Галченко. Некоторое время спустя пришли два белых офицера—чехи и немедленно позвонили по телефону, вызвав отряд чешской кавалерии в 60 человек, которые взяли охрану на себя. 7 и 8-го перестали выпускать из камер. В ночь с 9-го на 10-е была сильная стрельба и на рассвете вошел отряд Красной Армии под главным руководством Балабанова, и нас всех освободили. Настроение среди заключенных красноармейцев и народоармейцев было бодрое, ввиду подхода Красных войск к Казани. Настроение же офицеров было разнообразное, соответственно их состава и полит-физиономии, там были некоторые правые эс-эры, ожидавшие смерти т. Ленина; были также служащие у красных, работавшие с Советской властью на ответственных должностях левые эс-эры и меньшевики. Был один мичман, командовавший флотом, попавший в тюрьму при красных за расстрату денег и оставшийся там при белых автоматически. Был офицер Котляров (левый эс-эр); там же был Петров из баталиона Карла Маркса. Все они ждали освобождения, чтобы отомстить красным и, понятно, при занятии Казани Красными среди них создалась паника. Прогулки из тюрьмы вначале допускались во дворе, а потом прекратились совсем. Кормили тоже очень плохо: давали $^1/_2$ ф. хлеба и 5 — 10 ложек плохого супа. Отношение администрации было скверное.

Занятие Казани Красными.

11-го сентября первые отряды Красной армии вошли в Казань. Я уже успел побывать в нескольких концах города и, в первую очередь, у артиллерийских казарм, где проходили первые отряды. Вопреки слухам, распускаемым белогвардейцами, что красноармейцы будут вырезать все население, Красные Войска, под руководством т. Троцкого вели себя в городе очень дисциплинированно и сдержанно. Никаких самочинных расстрелов и арестов не было, несмотря на то, что были потеряны десятки и сотни лучших товарищей—красноармейцев рабочих и крестьян. Все это произ-

водилось соответствующими организациями, хотя и был об'явлен красный террор в ответ на белый террор; он применялся в первую очередь к попам, стрелявшим из пулеметов с колоколен, и подобным личностям. Он выполнялся не самочинно, а авторитетной Чрезвычайной Комиссией во главе с столь же авторитетным председателем ее, т. Лацисом. По выходе из тюрьмы многие из бывших арестованных взялись за оружие и бросились в погоню за белыми к Лаишеву. 12-го был смотр Второй Армии тов. Троцким. Там я увиделся с т. И. Межлауком, который мне сообщил о предстоящей мобилизации и я, несмотря на плохое состояние здоровья, согласился таковую проводить.

Тут же я получил мандат Военкома за подписью т. Межлаука. Поступив в Военкомат 15-го, 22-го я уже об'явил мобилизацию 5-ти годов, в то же время мне приходилось формировать волостные и уездные военкоматы. Люди как бы переродились. Мобилизация проходила неузнаваемо. Из призываемых 12 тысяч человек явились почти полностью.

И хотя нехватало продовольствия и помещения, настроение мобилизованных было бодрое, революционное. Из офицеров никто не принимался ни на какие должности, даже писарей, которые набрались из бывших писарей воинского начальника, а впоследствии из крестьян. Ежедневно являлось до 100 человек добровольцев.

Галченко получил полномочия для формирования артиллерийского дивизиона, пригласив для организационной работы тов. Тюлелюева.

Ф. Терехин.

О Т Р Е Д А К Ц И И: В то время, как значительная часть настоящего Сборника была набрана, автором т. Ф. Терехиным представлен был дополнительный материал, на 7-и страницах. В значительной доле даются в дополнениях подробности о состоянии частей.

До и во время чехов (Казань-Арск).

1. Несколько моментов из жизни парторганизации.

После роспуска организации городского района, причиной чему было обнаружение в ней лиц мало связанных с интересами Р.К.П.(б), Губком назначил организатором района т. Олькиницкого. Он привлек меня к технической работе Райкома. Помнится, что перерегистрация проходила медленно. К концу ее насчитывалось 40—70 членов Партии.

Организация была слаба. Опытных работников насчитывалось десятка полтора, остальные—молодняк. Значительная часть пассивных. Партийцы работали в губернском масштабе, вели борьбу с меньшевиками и эс-эрами в Совете, рабочих районах, и с татарским буржуазным Шуро.

Организация городского района собиралась очень редко. За период с февраля до конца мая я не помню ниодного собрания.

На первом собрании стоял какой-то доклад т. Ежова Назария, после которого было намечено организовать отряд особого назначения, а также решен переезд райкома и губкома из крепости в дом Александрова по улице Карла Маркса. Начальником отряда был назначен т. Ежов и инструкторами—Карасев, Казакевич и Борисевич.

Был избран районный комитет: председатель т. Ежов и технич. секретарь т. Ульман.

Это же собрание было информировано об издании новой газеты «Рабочий». Редактором был намечен Покровский В. А., который подобрал сотрудников; Баранцева—выпускающим, Шулакова—корректором и меня—хроникером.

Тогда же решено было организовать партклуб с т. Ежевым Н. во главе.

В клубе я работал в качестве библиотекаря и экспедитора.

Мезонин дома был отведен под общежитие коммунистов, переходящих на казарменное положение.

Я переселился в общежитие; там жили следующие товарищи: Шулаков, Кабанник, Балабас, Беккер, Станищак и еще один латыш, фамилии которого не помню.

В отряде занятий никаких не было. Самостоятельно изучали винтовки и чистили их; караульная служба была установлена для охраны помещения Парткома на добровольных началах,—кроме нас несли охрану Городецкий Н., Карасев, Птицын, Данилин, 2-ой Ульман и еще человек пять.

Из склада Журавлевских казарм отряд получил около десятка новеньких пулеметов Кольта. С ними проделывалось то же, что и с винтовками. Правда, Борисевич показал нам, как обращаться с пулеметом.

2. Белогвардейская „работа“.

Слабость организации, основные силы которой направлялись на освобождение рабочих от эс-эроменьшевистского дурмана, недостаточная организованность ее, были причиной тому что старый чиновничий город оказался вне внимания партии и власти. Тоже и с уездами; в некоторых из них продолжали существовать земские управы и городские думы.

Казань,—фабрика офицерства для царской армии во время империалистической войны, теперь превращалась в белогвардейское гнездо. В ней сосредоточилось большое количество черносотенного офицерства ставшего дрожжами контр-революционной активности казанской буржуазии и чиновенства.

Отсталая казанская буржуазия, пробудившись от столбняка, охватившего ее во время грозного Октября, начинала всем своим туловищем понимать утрату власти и наглела с каждым днем. Обнаруживались ее попытки к расширению и укреплению влияния на промежуточные слои населения города: учащиеся, чиновники и т. п. с призывами к активности. Черносотенные слои расширялись за счет городского мещанства, потерявшего обывательское спокойствие во время революциии.

Вечера—балы белогвардейцев, гуляния в «Швейцарию» и за Казанку использовывались для сговаривания об единстве действий. Производилась почти открытая вербовка добровольцев на Дон (вечер проводов старшего сына у попа Сердобольского) и вообще в белую армию. Существовала мало законспирированная связь с другими городами и, возможно, даже государствами, которая могла быть обнаружена. По вечерам в районе 3-ей горы, где преимущественно сосредоточилось офицерство, производилась частая стрельба из винтовок; по городу раскинулась сеть закусочных лавок, в которых торговали офицеры и их жены. Достаточно было войти в них коммунисту или рабочему, как он уже чувствовал, что попал во вражий стан. Закусочные служили белогвардейцам связующими пунктами.

Готовясь к выступлению контр-революция стала занимать позиции, которые местная власть не могла обеспечить за собой. Одной из первых позиций буржуазии была охрана города. Через домовые комитеты охрана набиралась из черной сотни и офицерства (напр. на Углу Черноозерской — того дома, где теперь помещается редакция «Красной Татарии», ночным сторожем был жандармский ротмистр Кирсанов; по Грузинской и Покровской в трех местах стояли офицеры); в охране вещевого склада преобладало офицерство.

Для иллюстрации активности казанской белогвардейщины опишу несколько фактов, оставшихся в моей памяти благодаря того, что мои начальные догадки по поводу их подчеркивались дальнейшим ходом событий того-же периода. Описание их не смогу дать законченным и связанным, т. к. изучением материалов о казанской контр-революции мне заниматься не приходилось.

Я учился в Казанской Художественной школе. Как новичек в партии, я не получал от нее никаких заданий и работал, как умел, руководствуясь только желанием принести как можно больше пользы для Революции. Об'ектом работы взял ту социальную группу, в которой находился сам.

Социальный состав школы по происхождению был довольно пестр. Учились скуки-ради сыновья, дочери и жены купцов, помещиков, попов и генералов, а наряду с ними—желавшие учиться там, где не мешал возраст и не было «воспитательного» режима средней школы—мещанская беднота.

Школа продолжала существовать в том положении, как ее поставил царский двор, в ведомстве которого она числилась.

Заведующий школой был монархист Медведев Г. И. Из состава преподавателей добрая половина принимала активнейшее участие в борьбе с Сов. Властью: так напр. поп С.—кадет, А.—кадет, профессор Строгонов И.—манархист.

Школа имела довольно большую связь с аналогичными кругами. Казанского Общества. Художники-учащиеся имели из них меценатов, как например: помещика Боратынского, прис. пов. Андреева, б. губернатора, купцов, Черноярових, Сапожниковых и т. п. Кроме того и в ней самой и около нее были видные меньшевики: прив. доц. Денике, Пионтковский С.—теперь коммунист.

Революция отразилась на школе тем, что мещанская беднота учащихся решила создать свой Исполком, который добивался управления школой и реорганизации ее. В Исполком вошел я и еще три ученика, тогда склонных к революционности (Андрианов, Федотов, Христенко) *). Создалась реорганизационная комиссия школы из представителей учеников, совета школы и представителей «общественного мнения»—лиц, интересующихся «процветанием» школы (Боратынский и прис. пов. Андреев).

Весной, приблизительно в апреле месяце, мне пришлось быть у А. Во время нашего разговора он переговорил с кем-то по телефону относительно отправки неизвестного офицера в Японию, в чем, как видно, принимал решающее участие. Этот разговор тогда не произвел на меня никакого впечатления. Но вскоре после этого двое художников Попов В. и Михайлов Н. собрались поехать в Японию. Я знал, что у них никаких средств на эту поездку нет, а перед этим они не думали ни о каком подобном путешествии. С Поповым по школе я был в хороших отношениях, и он сообщил мне, что они едут по собственному желанию, но с поручением от А. и страхового агента П. (Жил П. в это время в том же доме, где помещался тогда Гарнизонный

*) В состав Исполкома уч. входили еще: племянница Щетинкина и О. И. Орлова (соч. К-Д.), как представители соответствующей группы школы, не желавшей потерять влияние.

Комитет г. Казани). Попов и Михайлов добрались до Иркутска или Владивостока и живут теперь в Сибири.

Жил я с Андриановым. У нас постоянно бывал К. А. (ученик худ. школы)—сын царицинского купца. К. работал в буржуазном Шуро чертежником по выделению Татарской Республики. В разговорах он хвастал тем, что получал командировки по другим городам с чрезвычайно секретными поручениями, и об умелом выполнении их. Он был в близких отношениях с А. М. (ученицей худож. школы) которая в тоже время считалась невестой Богданова, впоследствии растрелянного Ч. К.

Эти господа вели себя довольно странно, и не надо было больших напряжений, чтобы определить чего они хотят. (А. М. впоследствии дважды сидела в Ч. К. К. в настоящее время работает где-то в Москве). Я полагал, что А. М. являлась связующим звеном между целым рядом белогвардейцев: Богданов, Нефедов и другие, в том числе и К. А.

При районном к-те Р.К.П. (б) вместе со мной работал т. Копко. Он организовал партийную библиотеку. Мы подружились с ним. Я питал к нему полнейшее доверие и уважение.

Т. Копко состоял студентом политехникума; был он по национальности белорус, из крестьянской семьи. Мне помнится, что он говорил о бедственном положении его родных. Сведений о ней не получал с тех пор, как эвакуировался с политехникумом в Казань. (Этот герой заслуживает, чтобы о его семье озаботилась наша партия). Ему было 19—20 лет. Высокий ростом, худощавый. На первый взгляд мягкий характером, он обнаруживал большую твердость и энергию.

Т. Копко квартировал с т. Лавриновичем—тоже студентом политехникума, в районе 3-й Горы, где было белогвардейское гнездо офицерства. Это обстоятельство постоянно наводило нас на разговор о замечающемся росте белогвардейской активности, тут мы взаимно делились своими наблюдениями.

Вскоре т. Копко и т. Лавринович приняли участие в работе Чрезв. Следств. Комиссии; вслед за ними стал работать там и я.

Наблюдения т.т. Копко и Лавриновича привели к двум фигурам: Богданова(о котором указывалось выше) и Нефедова. Оба офицера были заняты подготовкой к восстанию, закупкой оружия и вербовкой добровольцев в белую армию. Копко удалось проследить белогвардейское собрание в «Ямках» за Академической слободой.

Т. Копко расказывал о собраниях офицеров в квартире А. М.. В дальнейшем натолкнулись на офицера С. С-ого (второго сына попа из худож. школы), в котором можно было предполагать организатора белоармейцев. С-кий С. впоследствии был активен в делах контр-разведки к-та учредилки в Казани. Его руки обильно облиты кровью казанских рабочих.

Наблюдение по следам С-кого заставило т. Копко с шестью красногвардейцами, с целью ареста его, направиться в Раифскую пустынь.

По всей вероятности, С-кий заблаговременно надумал устроить там для наших товарищей ловушку. Товарищи в монастыре получили разрешение на ночлег. Ночью монахи собрали окрестных крестьян и связанными предали товарищей на самосуд толпы, обвинив их в попытке ограбить монастырь. Озверевшая толпа, подстрекаемая жрецами христа, живыми сожгла т. Копко и т.т. красногвардейцев.

Проявление звериной ненависти к пролетарским революционерам было предупреждением казанским рабочим о том, на что способна белогвардейщина.

Пусть помнят рабочие и их дети, что воспитателем и организатором палачей пролетарских революционеров был поп (отец братьев С—ких), а участниками—спасающиеся от греховного мира овцы христовы.

Вскоре после этого печального события было произведено покушение на т. Шейнкмана, председателя Губкома и т. Олькеницкого, в результате которого последний был убит. Кстати нужно сказать, что т. Олькеницкий был членом Чрезвычайной Следственной Комиссии. (Подробнее об этом—см. № 3 «Пути Революции»—изд. Тат. Истпарт. Отд. Обкома Р. К. П.).

Казанская организация в один день хоронила своих лучших борцов: т. Олькеницкого и останки сожженных семи товарищей.

Некоторые товарищи помнят Гиршу Олькеницкого по Казанской кружковой работе.

Для меня он был известен месяца за три до его смерти, и за это время, несмотря на немногочисленные и непродолжительные разговоры с ним, у меня сложился о нем образ большевика, каким он должен быть.

Оба последние события не звенья ли одной цепи?

Мне это по каким-либо материалам не удалось выяснить, но это подозрение сохраняется у меня до сих пор. Т.т. Копко и Лавринович наткнулись на белогвардейскую организацию и сведениями о результатах своей работы делились с т. Олькеницким. Белогвардейцы, решив замести следы, убили Копко и Олькеницкого.

Приблизительно месяц спустя после описанных мною фактов, узнается о подготовке лево-эс-эровского восстания в Казани. Для меня, как новичка в партии, это обстоятельство было не понятно. Я знал, что часть активных левых эс-эров и большевиков жили дружной семьей на одной квартире по б. Лядской, принадлежащей родным Шнуровского или Калегаева. Здесь жили Гребенева, Фелицины, Вера Брауде, Останин, Олькеницкий; постоянными посетителями их были П. Ионов и др. Мне не представлялось, как возможно было при их дружбе скрыть подготовку лево-эс-эровского восстания.

3. Гарнизонное восстание.

Казанские военные части были возглавляемы левыми эс-эрами или сочувствующими им. Гарнизонный Комитет был под лево-эсеровским влиянием *). Красноармейцы гарнизона не внушали большого доверия,—отсутствовала какая-либо дисциплина.

Единственной, более надежной частью считался батальон К. Маркса, командиром которого, как говорили, был сочувствующий левым эс-эрам.

В это время проводилась ликвидация красноармейских комитетов. Комитет не желая подчиняться требованиям Губисполкома и старался опереться на гарнизон. Предполагалось восстание.

Между рядовыми работниками говорили, что некоторых наших товарищей красноармейцы задержали в крепости, в числе задержанных называли А. Бочкова, и что в крепость не пропускают.

Нашему отряду было предложено собраться ночью в батальоне К. Маркса и захватить с собой оружие.

Вечером я отправился к товарищу по художке—Федотову Ст. Он пошел тогда добровольцем в Красную армию и был выбран в полковой комитет.

Часто мы встречались и я узнавал от него о настроениях красноармейцев—это были совершенно недисциплинированные добровольческие части, вступившие в армию с целью кормиться, требовать по несколько раз обмундирование, сахар и т. п.

В этот раз, рассчитывая на дружбу ко мне Федотова, я, не об'ясняя причин, просил его эту ночь пробыть в полку и в случае тревоги в нем немедленно сообщить мне через Парт-Клуб. Он убеждал меня, что настроение солдат такое же, как было, но согласился пойти и исполнить мое поручение.

Ночью собрались предупрежденные товарищи в батальон К. Маркса. Нас встречала, кажется, т. Гребнева и вручала бинты. Настроение всех было выжидающее. Никто не говорил, а может быть и не знал, чего именно мы ждем и что намерены делать. Ждали довольно долго и слонялись по корридорам.

Под утро было созвано собрание в комнате верхнего этажа. Присутствовали представители Гарнизонного Комитета, из которых некоторые были пьяны. Выступил с речью т. Межлаук. Об'ясняя недопустимость неподчинения Советской власти; требовал и угрожал арестом на основании резолюции рабочих-фабрик и мусульманских частей. Межлаук говорил грозно и внушительно. Представители Гарнизон. Комитета отвечали неясно и неуверенно.

Утром пошел опять к Федотову; он сам недавно пришел. Федотов рассказал мне, что красноармейцы спали спокойно. Узнал, что в Гарниз. Комитете была попойка. Я ему вполне доверял, но тут принял все меры,

*) Многие «работники» тогдашних войсковых комитетов называли себя эс-эрами или сочувствующими им. См. статью т. Терехина в этом сборнике.

чтобы выяснить, не водит-ли он меня за нос. В ответ он рассердился за мое недоверие.

В следующую ночь по срочному требованию т. Милха, т. Городецкий Николай и я пошли в распоряжение т. Ахтямова, командира мусульманского полка. В помещении Исполкома мы застали т. Ахтямова за планом города. Он дал нам поручение пройти без оружия по Вознесенской улице около помещения Гарнизонного Комитета, затем по Булаку и сообщить ему, что мы сумеем заметить по пути. В дополнение никаких об'яснений не дал.

Мы пошли в своих обыкновенных костюмах. Николай выглядел, как всегда, франтом.

В Гарнизонном комитете было темно и тихо; через дом напротив, из одного окна богатой квартиры, пересекала улицу световая движущаяся полоса: поднималась кверху и опускалась и, повторившись несколько раз, исчезла. Похоже, что это проделывалось велосипедным фонарем. По дороге не встретили ни души. На мосту Булака наткнулись на красноармейца с пулеметом; на другом мосту—тоже. Через каменный мост медленно прошел автомобиль; нас никто не останавливал. По левой стороне Булака, стояли небольшие и редкие группы красноармейцев—татар.

Городецкий предложил папиросу пулеметчику, сидевшему на мосту. Тот взял, и мы стали выспрашивать, что он ждет, зачем тут пулемет, будет-ли он стрелять?.. На первые два вопроса тот ответил незнанием, на второй отрицанием и при этом добавил, что нас он задерживать не намерен.

Это стояли части мусульманского полка.

Еще раз—никаких событий не произошло. Этим дело кончилось. Гарнизонный Комитет ликвидировался.

Эти моменты приводились мною для того, чтобы охарактеризовать военное состояние Казани за месяц до чехо-словаков. Оперативное руководство было в руках эс-эров; строевое отдано было Муравьевым в руки белогвардейского офицерства.

Эс-эровский Гарнизонный Комитет решил препятствовать подчинению армейцев пролетарской власти; хотел закрепить свое влияние попустительством и поддержкой в растаскивании казенного обмундирования и продовольствия, но красноармейцы не пожелали пойти на его призыв.

4. Перед чехами.

К этому времени чехо-словаки быстро продвигаются к Казани; падают Самара и Сызрань, после измены Муравьева и его убийства, падает Симбирск.

Последние события сгустили атмосферу в Казани. Губком партии принимает ряд мер, Губисполком также. В это же время прибывает в город Штаб Востфронта.

Перед падением Симбирска, туда поехала коммунистка (фамилии ее не помню). Губком не доверил ей серьезных поручений. В Симбирске она

попала в руки учредиловцев, от которых храбро погибла. Вслед за ней посылался в тыл чехо-словаков, для подпольной работы т. Кузовлев; с ним поехала т. Фелицина старшая. Поездка Кузовлева была неудачна; он был арестован по подозрению и отправлен в глубь Сибири; там бежал в деревню и работал у крестьянина. В 1921 г. он возвратился в Казань, потеряв связь с партией.

Недели за три до падения Казани, по предложению т. Покровского, я, т. Городецкий Н. и т. Шулаков, направились в распоряжение начальника полевого контроля при Штабе восточного фронта—Сироткина. Нам было поручено иметь постоянную связь с Покровским.

Полевой контроль помещался на Казанской улице; для конспирации учреждение называлось № дома . . . такой-то. Наружная постановка дела била ненужной конспиративностью, т. к. хорошо было заметно, что жители улицы понимали цели учреждения. Из окон соседних домов подолгу присматривались к посетителям дома.

Старший из секретных сотрудников был юноша лет 20, с военной выправкой (напоминающей учащегося кадетского корпуса). Его помощник—ровестник ему по возрасту, напоминал испорченного барченка. С первого же взгляда была заметна несерьезность постановки работы, напоминающей игру в пинкертонов.

Эти ребята выдали нам документы с известными дворянскими фамилиями. Я усумнился в возможности использования их, но был срезан «начальником». Мы болтались в этом учреждении, получая ненужные поручения. Помню, мне было поручено наблюдение за какой-то старухой, живущей в номерах по Проломной улице. Старуха ходила на базар, в лавчонку с корзинкой, покупала различные продукты. Я сперва старался держаться незаметно для старушки. Я не верил в сериозность задания и решил проверить это, пойдя нарочно по пятам старухи, чтобы она заметила мою работу. Старуха не скоро поняла. Вдруг она обернулась ко мне с руганью и вопросом, что я хочу от нее?

Такие же забавные задания давались моим товарищам.

Мы трое все время держали под подозрением весь состав секретных сотрудников. Все были беспартийные. Это были люди без определенных профессий, бывшие офицеры, комми-вояжеры и т. п., жаловавшиеся на свою участь, как им приходится опасно добывать кусок хлеба. Заработок у них был здесь очень солидный. За каждый рапорт и по прилагаемому дутому счету расходов, они получали большие суммы. Большинство из них хвасталось, что они уже вошли в доверие в белых отрядах Казани и не сегодня—завтра закончат свое дело.

В возможность их проникновения к белым мы вполне верили, но стоял вопрос о том, где они работали искренно?

При полевом контроле был отряд, на мой глазомер человек 70. В мотоциклисте отряда я узнал своего земляка, сына монархиста, Яковлева М. (я слышал от земляков-товарищей плохие отзывы о нем и знал,

что он был офицером). Яковлев не выдавал себя и хотел удрать, когда я позвал его. Он об'яснил мне, что он является чрезвычайно секретным нашим работником и не желает быть открытым. Он остался в Казани, работал с чехами, и в Сибири,—в разведке Колчака; после занятия нами Томска был расстрелян (свед. от знакомых).

В отряде же работал однофамилец Городецкого Н., коммунист. При посторонних он старался держаться в стороне от нас, с сомнительными же лицами обращался за панибрата; по возвращении в Казань я встречался с ним; он был наш.

Мы часто информировали обо всем Покровского.

За неделю до чехов, полевой контроль предполагали раскассировать. Сотрудники знали, что мы коммунисты. Узнав о роспуске, они нас, как своих предполагаемых друзей, просили содействовать поступлению их в Ч. К., к т. Лацису, куда переходили мы.

Никто в организации не думал о возможности близкого падения Казани. Но напряженная нервная обстановка в клубе сгущалась. Прибывали беженцы—коммунисты из Самары, Сызрани, Белебея, Симбирка и др. мест, занятых чехами. В начале они жили в клубе в безделье и почти не пополняли нашего отряда.

Помимо беженцев сновали новые лица для Губкома. Бывал несколько раз Трофимовский, который вел себя ухарски. Хвастал в разговорах, что он спасет Казань.

Отряд коммунаров не собирался. Бывали вызовы отдельных товарищей. Теперь даже те, которые самостоятельно занимались с пулеметами, забыли их. В клубной толчее раза три видал, Т., которого знал по школе и в котором подозревал белого. Он, оказывается, приходил с целью поступить инструктором нашего отряда и ссылался, кажется, т. Ульману на то, что знает меня. (Т. работал в контр-разведке учредиловцев).

Внизу клуба продолжал жить Александров, владелец дома. Парадное крыльцо под террасой было им использовано для закусочной, а так же весь прилегающий сад. Прислугой были дочери Александрова или его знакомые. Публика закусочной заполняла сад. Тут был щегольской народ и офицерство, дружественно, как старые знакомые, здоровавшиеся с содержателем закусочной и его продавщицами. Наши тоже спускались в сад, но встречались неприветливо. С нас заламывались невероятные цены или подавали что-либо завалявшееся.

Только за несколько дней до чехов были приняты меры к очищению нижнего этажа. Меня поразила записка на дверях закрытой закусочной: «Закусочная закрывается на несколько дней». Почему? Разве их выгнали временно? Говорили, что во время от'езда Александрова у него обнаружены были винтовки.

Во всяком случае, закусочная была хорошим наблюдательным пунктом за жизнью нашей организации. Особенно бойко шла торговля перед закрытием ее.

За день до падения Казани, вечером, когда никого из казанских ответственных работников не было, кто-то настойчиво звонил по телефону. Подошел я. Мне сообщили, что Богородск (в устье Камы) занят чехами, которые наступают дальше. Фамилии звонившего и откуда звонят,—я не узнал. Посоветовался с одним из ответственных работников-беженцев и мы предположили, что это провокация.

На другой день за городом была слышна стрельба, по общему мнению, учебная. Я побывал на своей старой квартире, где жил Андрианов. Андрианов и хозяева его убеждали меня, что это стрельба не учебная и в городе это все знают. Вечером мы узнали, что у пристани были отбиты неприятельские пароходы. Т. Кабанник получил задание наблюдать за эвакуацией золота; в помощь ему выделили одного товарища и меня. Но в эвакуации золота мне участвовать не пришлось.

5. Падение Казани.

Ночью я, Городецкий Н. и Шулаков Ив. дежурили в Ч. К. Спать нам не разрешалось. Ночь прошла спокойно. Утром Губком был заполнен рабочими различных фабрик; на полу лежали груды ящиков с ружейными патронами. Ящики распечатывались и патронами набивались пулеметные ленты. Внизу приготовлялся лазарет. Всем руководил т. Ежов Н. Мы просили т. Ежова оставить нас в клубе, потому что в Ч. К. нас не используют; он предложил получить разрешение там. Нам разрешили, с условием возвратиться по первому требованию.

Стрельба уже шла. В клубе застали т. Покровского и т. Бочкова А.

За несколько дней перед этим мне и т. Городецкому, т. Покровский предлагал, на всякий случай, поселиться в частных приличных квартирах и порвать связь с парт'организацией. Я отказался, мотивируя тем, что меня, наверно, знает белогвардейщина. Я жил в Казани шесть лет, работал с Копко и оба были приметны настолько, что нас стали знать даже те, которых мы не знали. Теперь т. Покровский вновь предложил нам остаться в Казани для подпольной работы; мы, кажется, все трое согласились (Городецкий, Шулаков и я).

Т. Бочков А. выдал работникам парт. и советского аппарата деньги—по тысячерублевой бумажке. Моя тысяча особенно пригодилась в Арске, когда туда прибывали коммунисты без копейки денег.

Снабжение коммунаров готовящегося отряда задерживалось раскупоркой патронов.

По телефону постоянно звонили с различными никчемными разговорами, вроде: «который час», «когда будет собрание»? или передавали разные ложные сведения. В общем телефон для нас не служил уже второй день.

У парадного входа в клуб, по ул. К. Маркса формировался отряд под командой т. Карпова А.

Когда мы втроем вновь пошли в Ч. К., отряд готовился итти на фронт. Отряд состоял из рабочих и, частью, коммунистов. В его рядах был Федотов С. и девица лет 19-ти в красном платье, кажется, работница с фаб. Поляр *). Я понимал, что этот отряд нѐ принесет никакой пользы в бою, потому что видел, как большинство его с трудом доставали патроны из лент и еще с большим трудом вкладывали их в винтовки.

Добрая половина из них первый раз держала в руках винтовку. Мне было стыдно перед товарищами стоять, не входя в отряд. Помню, мы не попрощались с нашими знокомыми, а об'яснять им причину, почему идем в другом направлении, было не кстати. Отряд пошел к Худ. Школе, повернул за угол в сторону Шамовской больницы в Суконную слободу.

Нам в Ч. К. итти не хотелось, там мы работали всего дня четыре. Мне казалось, что там нам доверяли немного. Первый раз, как пришли к т. Лацису, он, узнав зачем мы пришли, заговорил с присутствующим тут Сироткиным и, разговаривая с ним, пошел. Думая, что мы теперь в среде своих и что разговор относится и к нам, мы с Шулаковым последовали за ними и, наконец, вошли на чердак. Т. Лацис грубо крикнул: чего вас интересует? и предложил отправиться обратно. Больше он нас к себе не принимал.

Из всех сотрудников мы знали только одного, который должен был быть, по всей вероятности, нашим старшим. Теперь, когда мы пришли, у дверей Ч. К. постоянного караула не было. В корридоре нижнего этажа много народу. В комнате, где работает наш знакомый, его нет. Посидев немного, кто-то из нас вышел в корридор. Оказывается, там толпились родственники арестованных и сами арестованные. Наконец, разыскали кого-то из сотрудников Ч. К. Оказывается, что это выпускают арестованных. Посовещавшись между собой, мы решили, что о нас никто не думает и что старым сотрудникам нет дела до нас, почему мы и надумали возвратиться в Клуб.

На дороге против дома Ч. К. стояла группа чекистов с пулеметом. Было около 6—7 часов вечера. Перестрелка усиливалась. Казалось, что стрельба в нескольких местах: в стороне вокзала—орудийная, и ружейная—в Суконной и Академической слободе.

Зашел в квартиру Андрианова с целью поесть и поделиться с ним о моем намерении остаться в Казани. Условились, что я на первые дни скроюсь на кладбище. А он найдет меня по начерченным мелом условным знакам и принесет первые сведения о том, когда можно будет переселиться в Казань, и принесет хлеба. В квартире пробыл не более $^1/_2$ часа.

В Клубе народу было немного. Ответственных работников никого. Мы с т. Карасевым и т. Данилиным направились в мезонин, где были целы пулеметы и несколько десятков винтовок. Клуб уже перестал быть связующим пунктом для наших коммунаров. Мы выбили из большинства пулеметов замки и выбросили их на подволоку. Тоже проделали и с винтовками-

*) Я слышал что девушку в красном платье видели во многих местах; может быть их было несколько—вероятно, это была она-же, но в разное время.

Через улицу стоит деревянный дом в саду, по бокам на улицу—маленькие домики. Из дома через забор пробежали несколько человек, в сторону Родионовского Института. (Я еще прежде заметил, что какие-то лица, похожие на переодетых в солдатские шинели гимназистов, вбегали во двор Родионовского Института).

В последнего я выстрелил из винтовки. Он продолжал бежать тише.

Пришла мысль, что документы парт-организации не уничтожены. Обыскали все столы; оказывается, ничего уже не было.

Ко мне подошел рабочий-коммунист, с задержанным им человеком, похожим на почтового чиновника.—Спрашивает, что с ним делать? Чиновник об'яснял, что на улице он оказался по каким-то личным делам. Решили его запереть в подвале. Еще через некоторое время привели человека, которого сняли с лошади и разоружили на Рыбнорядской или Георгиевской улице. Подозревая в нем чеха, без допроса его увели в сад для расстрела. Улица была пуста. На углу Гоголевской прошел через улицу А., я думал его догнать и застрелить, но не сделал: бесцельно было бить, когда мы в основном в городе проиграли.

Одиночки показывались, но их никто не трогал. Прошел через Грузинскую от Родионовского Института с белой повязкой на руке Б. . . .

Оставшихся в Клубе было человек 15-ть. Решили отстаивать Клуб. Командовать взялся, кажется, т. Серов 2-ой.

На террасах расставили пулеметы по бокам дома, направив в обе стороны улицы и на углу третий пулемет—дулом в сторону Комиссариатской улицы. Пулеметчик оказался один Борисевич на 3 пулемета. Он встал около последнего пулемета. Здание осталось пустым. Несколько товарищей решили отступать на Дербышки, станцию Казань-Екатеринбургской жел. дороги.

Среди них были т.т. Баранцев, Шулаков, Городецкий и Табейкин Ал. Звали меня итти с собой.

Не помню точно, до этого момента или после, к Комклубу под'ехал какой-то гимназист и подвез на лошади винтовки. Мы отказывались принять. На нас, 15 человек, оружия и своего было более, чем достаточно Куда эти винтовки девали—не помню.

Потемки усиливались надвигающейся грозой. Было несколько грозовых ударов; мгновениями улица освещалась, как днем. Т. Серов рассыпал цепь по улице от Гоголевской до польского костела; мне поручил встать у костела. Собственно цепь залегла только у садика. Сзади, у Клуба, оставался пулемет с Борисевичем. На костеле беспрерывно звонили. На балкон из дома Молоткова неоднократно выбегала женщина.

Она заговорила со мной: что я тут стою, что такое происходит в городе и т. п. В тоне ее слышалась радость: В ответ—я прикинул винтовку. Она больше не показывалась. Вскоре из дома побежала прислуга на Грузинскую улицу. В сторону Н.-Горшечной прошли двое молодых людей.

Я их остановил. Они, смеясь, заявили, что разве я их не знаю? Они, дескать, где-то работали вместе со мной. Девать их было некуда и я не задержал.

Костел названивал. Пошел сильный дождь. Теперь, при освещении молнии цепи не было видно—наверное, разошлись; стрельба из пулемета была у Ч. К. Стреляли кругом. Пошел в сторону Н.-Горшечной, чтобы увидеть, что делается там. Состояние было самое отвратительное. Вспомнил о намерении остаться в Казани...

Свернул в сад студенческого общежития. Положил винтовку в кусты. Перелез дальше через забор и попал в пустырь. Выбрал густой бурьян и крапиву у наклонившегося сплошного забора. Протоптал место для лежания. Здесь была маленькая гарантия от дождя и возможность обдумать план дальнейшего действия. Со мной был револьвер «Кольт» с коробкой патрон, русская бомба и бинокль. Снаряды летели через меня в сторону Арского поля; со стороны земляного моста слышалась ружейная стрельба.

В только, что оставленном мной садике послышался разговор; акцент был не русский. Выстрелили несколько раз; пуля пролетела близко, выше меня. Я решил, что это стреляют из моей винтовки по мне. Могли наши, как в ушедшего от боя. Могли и белые. Я продолжал лежать, пока не прождал нужное время после замолкнувшего разговора.

Стрельба прекратилась.

В крепости заиграла духовая музыка, что-то победное. Это сигнализировало занятие Казани белыми.

6. Через фронт.

Темень дала возможность выбрать ближайшее убежище. Прошел улицу, перелез два забора и попал во двор художественной школы, план здания которой мне был известен превосходно. Залез по наружной лестнице под крышу. Там был в моем распоряжении целый лабиринт.

От вымокшей одежды сильно лихорадило.

Над основным корпусом здания устроены деревянные желоба с опилками для паровой системы отопления.

Я натерся опилками, чтобы разогреть тело, лег голым, зарылся в опилки и уснул. Проснулся—было светло. Из стеклянного купола худож. школы и слуховых окон можно было наблюдать за жизнью в Казани.

День солнечный; по улице ходили горожане в праздничных костюмах. Рабочих и бедноты не было видно. С пением «Взвейтесь соколы орлами» —прошел белогвардейский отряд, человек в тридцать, в сторону Арского поля. К Родионовскому институту под'ехал автомобиль с военными.

Лихорадить продолжало, одежда еще не высохла... Я вновь натерся опилками и спал до следующего дня. Утром проснулся от страшной жажды. Стал искать выхода во внутрь помещения.

Первая пустая комната, из которой идет лестница под крышу, оказалась заперта; таким образом, выхода у меня не было. Возвращаться на-

ружной лестницей было невозможно—я бы мог обратить на себя внимание из квартир Технического училища.

Дверь, ведущая в остальное помещение школы из пустой комнаты, имеет стеклянный верх. Выбив одно стекло, стал ждать, когда успокоятся, обратившие внимание на шум, кто находился в это время во втором этаже школы.

Через полчаса все успокоилось. Перелез через дверь. В следующей комнате, из пожарного крана налил в жестянную банку воды. Вторую банку пить не мог—оказывается, она была из-под керосина.

Не ел уже двое суток и только теперь почувствовал, что голоден больше, чем хотел пить.

В классы худ. Фешина стали собираться учащиеся. Это обстоятельство заставило меня задержаться еще на час или два.

Часам к трем дня я мог спуститься по лестнице до начала спуска в первый этаж. Там говорили несколько знакомых голосов, в том числе Андрианова.

Чтобы обратить внимание последнего на себя, я вырвал из бумаги наш условный знак, по которому он должен был меня найти на кладбище, написав: «я здесь», бросил. Результатов не последовало. Бросил свой бумажник (который был знаком Андрианову), под ноги говорящих. Бумажник поднял сынишка сторожа и тоже безрезультатно. На большее я не рискнул.

Когда разговаривающие ушли, остался один сторож. Я спустился к нему. Мое появление его испугало. Последнее время в школе все знали что я—большевик, а теперь прошел слух, что я расстрелян белыми. Фамилию сторожа не помню. Он принес мне кусок хлеба и настойчиво просил, чтоб я убрался из школы. Он уже успел, пока ходил за хлебом, поговорить обо мне с другим сторожем. Сторожа боялись за себя и свои семьи, чтобы не попасть в руки белых вместе со мной. Немного погодя, по всей вероятности, побуждаемый любопытством, ко мне под крышу пришел кочегар с ребенком лет семи.

Я вынужден был оставить свое убежище. Вышел черным ходом через двор на улицу К. Маркса. На лавочке, у ворот сидели все сторожа школы. Мне бросился в глаза их дружественный поклон. Вообще же сторожа были мало любезны с учениками.

Я направился к зданию В. Ж. Курсов, потом к земляному мосту, дальше по оврагу Второй горы, в квартиру Андриянова. Хозяйка не отказала в ночлеге, но предупредила, что обо мне кто-то уже спрашивал.

Андриянов рассказал об учредиловском властвовании, о производимых массовых расстрелах—достаточно по злобе назвать кого-либо большевиком, чтобы его расстреляли. Был такой случай на базаре по указанию торговки; потом оказалось, что расстрелянный никакого отношения к революции не имел. Андриянов говорил, что все, как сумашедшие, ищут возможности участвовать в расправах.

Только тут я стал понимать невозможность выполнения задания Покровского. Я не знал ни одной квартиры, не был связан с рабочими массами. И, наконец, как указывал выше, меня знали многие белогвардейцы. Не было места для жилья, из которого я мог бы искать связи с нашими.

Пришлось думать о том, как бы выбраться из Казани. Утром я переменил свою физиономию. За последнюю неделю выросла борода, которую Андрианов постарался привести в культурный вид. Померяли жилет с манишкой и галстухом. В таком законченном, подтянутом виде и с бородкой, я никогда не ходил. Теперь был похож на сельского учителя.

Стрельбу было слышно в стороне Красной Горки. Значит, более крепкий фронт чехов можно было предполагать именно здесь. Мы предположили, что легче будет пройти в сторону Арска, тем более, что справки говорили о сохранении Дербышек в руках красных отрядов.

Днем в квартиру зашел Чеботарев К. и Мошевитин; оба были белогвардейски настроены; собирались в добровольческую армию. Меня они считали заблудившейся овцой, поэтому большого значения моей принадлежности к партии не придавали. Который-то из них сделал мне предложение временно укрыться у Андреева, где предполагалось вполне надежное место. Не знаю, было это предложение непосредственно от Андреева, расчитывающего направить меня «на путь истинный», или придумал сам посетитель. Я не воспользовался их «любезным» предложением.

Поздно вечером, захватив с собой «Кольт», несколько кусков сахару и кусок хлеба, — я отправился в путь. Прошел по оврагу Второй Горы, по Односторонке Арского поля и Академической, спустившись в овраг между кладбищем и садом «Русская Швейцария». От темноты дороги не было видно. Шел по пустырю у Казанки, держа направление на здание колонии малолетних преступников. Это здание хотел обойти, но взял лишнего и попал на дорогу. Впереди шумел автомобиль. Свернул снова к колонии, но оказывается я ее прошел. Тут был обрыв. В темноте не было видно какой он глубины и что на его дне. Впереди продолжал шуметь на том же месте автомобиль, слышны были голоса. Не рискуя попасться в руки белогвардейцев, я решил задержаться тут до утра. Лег в кусты на берегу обрыва.

Проснулся я довольно поздно, часов в семь. Проголодался. Кусок хлеба я имел глупость с'есть не дойдя до Казанки. Теперь в моем распоряжении было только кусков шесть пиленого сахара, и коробка папирос. Еду пришлось отложить на более экстренный случай.

Оказывается, я находился на под'еме около колонии малолетних преступников. Внизу покос и болото, дальше деревня, возможно, Савиново, а с боку дорога на Дербышки. По дороге в город и из города шел народ, сперва только крестьяне, позже люди, одетые в городское платье.

Неопределенность моего положения мне надоела и соблазняло мирное путешествие народа при отсутствии военных, чем я и решил воспользоваться *).

Спустился вниз к болоту, тут был крестьянин с телегой; он перевез меня через болото. Крестьянин осведомлялся, имею ли я документы и больше со мной не говорил.

Пройдя гумна деревни, я вышел на дорогу. Впереди меня, саженях в 100, стоял конный солдат. Заметно было, что он заинтересован мной. Я был перед вопросом, что делать? Итти в сторону от него—он нагонит. Положение пойманного мне не благоприятствовало. Пошел на него сам, чтобы спросить, как беспрепятственно можно дойти до Высокой Горы, где я учительствую. Солдат был смуглый, в сербской шапочке. На мой вопрос ответил вопросом:—Откуда идешь и есть-ли пропуск.—«Из колонии малолетних преступников, от моего дяди, у которого я гостил, когда началась стрельба. Мне никто не сказал, что нужен пропуск, колония в полутора верстах от города и никто там еще не знает об установившейся «законности».

— Ты большевик?

Я ответил отрицательно.

Вдруг серб повернул коня и при этом крикнул мне: «Берегись, большевики! Они будут стрелять». Впереди показалось несколько человек. Я догадался, что это может быть «удочка», постарался сделать безучастный вид и отошел в сторону.

Поскакав на одном месте с винтовкой на готове, серб предложил мне итти за ним к офицеру. Пошли в сторону мнимых большевиков.

Подходя к офицеру, я постарался заговорить с ним вперед задержавшего меня. Я сообщил, что иду среди белого дня на этого гражданина, рассчитывая на его любезность, что он укажет мне дорогу, а не бегу от него, как подобало бы большевику. И при этих условиях он меня задерживает, как подозрительного. Серб смутился и только подтвердил то, что сказал я. Таким образом, по всей вероятности, я рассеял подозрения офицера. К повторению моего рассказа сербу я прибавил, что одновременно с учительствованием, учусь в художественной школе. Офицер, посмотрев мой настоящий документ ученика (документ от Полевого Контроля на дворянское имя, я уничтожил), провел руками по бокам пальто и по боковым карманам. Процедура была очень рискованной. (Предупредить опасность выбрасыванием револьвера по-пути я не успел). Офицер велел мне обратиться за пропуском в дер. Савиново, к караульному офицеру. Я не намерен был вновь попадать в белогвардейское окружение и пошел в сторону опушки леса. Отойдя от них на расстоянии 60-ти сажен, я сел на их глазах по причинам естественной надобности. Когда они перестали

*) Запрятал под пояс брюк «Кольт», затянулся поясом, покрыл его жилетом. Наконец, на мне был пиджак и пальто. Патроны остались в кармане брюк.

любоваться мной, отодвинулся за кусты, на всякий случай заготовляя об'яснение своей продолжительной задержки.

Убедившись, что меня никто не преследует, передвинулся на берег овражка с лесом и лег выжидать ночи. Темнота была такая же, как и прошлые ночи. Я пересек дорогу в направлении дер. Дербышек. Мимо деревни скоро дошел до речки. Прежде я ее не знал и теперь переправиться через нее не решился, в виду близости деревни и, может быть, еще чего-либо, что скрывалось темнотой. На самом деле, утром обнаружилось, что я совсем близко от каких-то вагонов с людьми.

Днем выбрал место, где можно легко пройти реку в брод. Еще день лежал у белогвардейского фронта, прислушиваясь к их разговорам. В этот день я с'ел три куска сахару.

Перед вечером под'езжали на дрезине наши и стреляли из пулемета. Через час в этом районе восстановилась мирная обстановка, уже не нарушаемая всю ночь. Из стоящих внедалеке вагонов слышался женский смех. Вскоре оттуда вышел охотник и пошел по другому берегу реки, мимо моего убежища. Вдруг близко от меня, на реке заквакала утка. История была очень неприятная, потому что охотник мог пойти на нее и обнаружить меня. Утка продолжала квакать. Я бросил несколько комков грязи по направлению к утке. Может быть утка была домашней, но тем не менее мне, из-за нее пришлось вновь проверить план перехода фронта.

Кончилось благополучно. Ночью я прошел реку и фронт.

7. Отряд т. Азина.

Я шел по полотну ж. д. Версты за полторы до станции Высокой Горы, меня задержали двое солдат, шедших навстречу. Я был рад, что наконец, добрался до своих и старался распросить, что можно. Но солдаты отмалчивались, заявляя, что я скоро сам переговорю с господином капитаном. Они были одеты в незакопченый солдатский костюм, что-то было несоответствующее ему в фуражках, обуви и в подпоясанной шинели.

У ст. Высокая Гора толпились, в еще более нарушающих обычай одеждах, солдаты с винтовками на плече, в руке и на ремне. У многих за поясами были гранаты и револьверы. Солдаты различных возрастов. Тут были и подростки, точно так же вооруженные. Крестьянских лиц было мало, больше тут был городской народ.

Меня ввели в помещение станции. В корридоре я ждал очереди, когда освободится военный, находящийся в комнате, за письменным столом.

Военный все время двигался и жестикулировал с плеткой в руке. Он напоминал казачьего офицера. В комнате было еще несколько человек, в поношенных офицерских костюмах с чужого плеча. У большинства на брюках красовались пестрые лампасы. Тут же было и несколько солдат.

Невзирая на свирепый вид казачьего офицера, все военные, вплоть до солдат, стояли очень непринужденно. Военные называли друг друга господами офицерами. Солдаты при обращении начинали с «господина».

Выходит, я вновь попал к белым. Меня начало одолевать беспокойство. Опять приходилось строить план предстоявшего разговора, чтобы не обнаружить в нем себя.

Меня ввели к капитану. Он быстро подскочил ко мне с поднятой плеткой и схватил за грудь. Крича, он обвинял меня в шпионаже и обещал расстрелять, если не расскажу о противнике.

В этот момент я напрягал все силы, чтобы определить, в чьих руках нахожусь. Сперва я рассказывал о себе очень осторожно, что мол, иду из Казани, как безучастный к происходящим событиям житель, испуганный происходящей там стрельбой и расстрелами. Иду в родную деревню, где учительствую. Капитана мало удовлетворил мой рассказ, и он продолжал трясти меня за груд и кричать.

Кто-то не выдержал и крикнул:—«Товарищ Азин, морда у него белогвардейская, нечего с ними канителиться». Это дало мне возможность определить где я, и рассказать все, что мог, не только о себе, но и о фронте белых.

Т. Азин видно, не способен был довериться сразу и придумал для меня нетрудное испытание. Я должен был пройти в сопровождении слабого старика крестьянина—бежинца от станции до села Высокой Горы. Расстояние версты полторы, причем он предупредил, что если, только что проведенный им телефон от села до станции будет прерван, он будет виновником считать меня. На пол-дороге старик меня оставил и я шел один. Вероятно, т. Азин ехал за мной по пятам, т. к. около села он перегнал меня верхом на лошади.

В селе Высокая Гора, в квартире попа, стоял Штаб т. Азина. В помещении штаба было много разного хлама. Некоторые штабные продолжали спать. Я попросил т. Азина накормить меня. Мне дали большую кружку молока и кусок свежего хлеба.. Молока было несколько цинковых баков. Т. Азин сообщил мне, что молоко было прислано соседним помещиком в подарок отряду, в котором помещик предполагал белых. Т. Азин помещика отблагодарил расстрелом. Т. Азин предполагал сделать из меня своего ад'ютанта, но не успел я с'есть хлеб, как он изменил свое намерение и предложил отправиться куда хочу. При чем предупредил, если я пойду в сторону Казани, его красноармейцы все равно меня задержат и тогда Азин расправится сомной, как со шпионом. Не умея работать в обстановке недоверия, я не настаивал на оставлении меня в отряде и направился в Сарапул, где предполагал встретить Казанских товарищей.

Поездов не было, итти пришлось пешком. По дороге не заходил в деревни, предполагая плохие отношения крестьян. Ночевал в копне сжатого хлеба.

Ночью медлено прошел темный поезд с большим составом вагонов, если бы я был на насыпи, то мог свободно заскочить и доехать до цели. Состав был нагружен оставляющими фронт продовольственниками, основной частью Азиновского отряда. Азин остался держать фронт с несколькими десяткими верных ему красноармейцев. Это я узнал впоследствии. По дороге впоть до Вятских—Полян, включая Арск, не было признаков власти ни наших, ни белых. На ст. Вят. Поляны стояли два поезда: Азинский с эшалоном в стророну Арска, другой пустой, идущий на Сарапул. Я вскочил в вагон последняго там было несколько неопределеных личностей. Перед отходом поезда нас всех задержали красноармейцы. Я попросил представить меня для допроса командиру эшелона, которому обещал передать важные сведения.

В вагоне командира было тесно. В переднем купе спал какой-то смуглый товарищ небольшого роста в кожанном костюме; у его ног у окна висел маузер и карабин; против него, на лавке лежали военные карты, тут-же стояла посуда для чая и консервные банки. В остальной части вагона помещались красноармейцы-латыши с засученными рукавами и открытой грудью. Везде висело, лежало и стояло оружие: винтовки различных систем, револьверы, бомбы, ленты с патронами и т. п.

Меня посадили против спящего товарища. Рядом со мной сел человек со старой штабной выправкой. В нем можно было видеть спокойного самоуверенного человека, он был одет хорошо и строго. Лицо выражало чуть заметную иронию. Он произвел на меня хорошее впечатление, тогда как вообще к офицерским типам я всегда был недоверчив.

Вскоре спящий товарищ проснулся, пристально посмотрел на меня и спросил: «Где я вас видал?»

Стали вспоминать. Оказывается он бывал в Парт-Клубе и там видал меня. Это был тов. Милькe. Я рассказал подробно свои похождения и в заключение показал свой «кольт» пронесенный через два фронта. Это понравилось всем прислушивавшимся к моему рассказу. Этим кольтом я оправдал себя за брошенную винтовку в саду Студенческого общежития.

Поезд уже шел в сторону фронта. Было решено, что комендантом г. Арска назначается т. Пуринг, это тот, который сидел рядом со мной в ожидании когда проснется Мильке. Помощником коменданта гор. Арска буду я.

На Арском фронте под Казанью эшалон т. Мильке составил левую группу фронта под его командой. Казанская белогвардейщина принимала т. Мильке за казанского работника т. Милха. Правой группой командовал Азин. На фронте между Азиным и Мильке произошли какие-то недоразумения, обиженным в которых считал себя Мильке. Вследствие этих недоразумений Мильке с этого фронта перевелся, а командование обоими группами перешло к т. Азину. Отряд Азина был немногочисленен, не более 300 человек. Но он получил подкрепление людьми и лошадьми проведенными мобилизациями Арской комендатурой, через которую были даны

подкрепления и в сторону Вятских Полян. Арский фронт беспрестанно беспокоил белогвардейскую Казань. В одном из районов т. Азиным был сделан прорыв белогвардейского фронта. Красноармейцы врывались в слободу, но за неимением достаточных резервов победа не была завершена.

8. В Арске.

Ночью 13-го августа мы были в Арске. От станции до города шли пешком. Нас было человек одиннадцать: Пуринг, молодой матросик, двое красноармейцев, четверо бывших военнопленных, супруги Добужинские и я. Дорогой скользили в грязи. Город не имел огней, кое где сквозь щели ставен проглядывал свет керосиновых ламп. Нашли помещение постоялого двора, где остановились я, двое красноармейцев и молодой матросик. Здесь я разглядел лица разделяющих со мною ночлег. Один из красноармейцев оказался жизнерадостной женщиной лет 19-ти с голосом задорного мальчишки. Другой красноармеец—невысокий хохол с безбородым крепким лицом и молодой матросик, по всей вероятности с речного парохода, со впалыми измученными глазами на бледном лице. Кажется с нами же был и т. А. Табейкин?

Шумно вела себя женщина-красноармеец. Рассказывала о каких-то приключениях в дороге. Матросик постарался рассказать о фантастических ощущениях после кокаина. Вскоре он достал порошок и стал угощать остальных. Некоторые попробовали, я отказался.

Пуринг с Дыбужинскими и остальными товарищами пошли тотчас-же организовать Комендантское Управление в одном из пустых зданий (в настоящее время там помещается кантком РКП.).

Утром по городу были расклеены приказы от коменданта. Город об'является на военном положении; гражданам запрещается появляться на улице позже 9 часов вечера и зажигать огни в комнатах с незакрытыми ставнями.

У комендатуры на крыльце стоял пулемет.

Гарнизон состоял из перечисленных выше товарищей.

К нам из Сарапула прибыли еще трое коммунаров: Птицин, Дунаев и Линев.

Добужинский был назначен комендантом станции. Его жена организовала общую столовую.

Мы занялись созданием комендантской канцелярии. Печать, кажется, достали от Горисполкома. Наняли несколько канцелярских служащих.

Начал работать Волисполком. Председателем был татарин (я слышал, что теперь он коммунист, фамилию не помню). В волисполкоме работал хромой эс-эр, впоследствии революционный коммунист.

Группа работников Особого Отдела II армии Вост. фронта. Август 1918 г.
1-й слева—Н. В. ГОРОДЕЦКИЙ. 1-й справа—А. ЖУРАВЛЕВ.

Властью в городе, а потом и в окружности стала комендатура. Опытных коммунистов у нас не было и помочь работе Исполкома никто не умел. Как работал Волисполком не известно. Исполком в целом исполнял различные обращения комендатуры аккуратно. Часто его члены приходили советоваться к нам. Фактически работа Исполкома заполнялась нашими заданиями.

В период двух-трех дней к нам пришли т.т. Конов, Дулат-Али, прошедшие фронт чехов в одеждах татарских крестьян еще до них, кажется, пришли Гадилев и двое других татар коммунистов, фамилии которых не помню. Наконец узнали, что в какой-то деревне находится т. Тазитдинова (теперь уч. в КУТВ'е), которая тоже приехала в Арск. Через Арск проехал т. Казаков с семьей в Москву; он тоже сумел бежать из Казани.

Я принимал всевозможные меры для задержания коммунистов татар в Арске. Комендант Пуринг сперва не понимал значения задержива́ния коммунистов в городе, когда они нужны были на фронте, я же принимал его поведение, как желание отделаться от коммунистов. В общем на этой почве сохранялось взаимное непонимание между возникшей ячейкой и комендантом.

Все же задержать коммунистов татар удалось и это оказалось очень полезным. Возникла ячейка, в бюро которой вошли я, Дунаев и Добужинский. Я был выбран председателем. Ячейкой был принят в партию т. Линев. До этого он был л. эс-эром. Были приняты еще несколько товарищей.

Ячейка принимала активнейшее участие во всех мероприятиях коменданта и много проявляла своей инициативы. Ячейкой были устранены все нетактичности десятка кавалеристов, приехавших в Арск. Их ячейка постаралась возвратить на фронт. Восстановила доверчивое отношение крестьянского и городского населения арского района к Красной Армии.

Арский район заселен до 70% татарами. Я думаю, что ячейка практически вела национальную политику правильно в интересах укрепления тыла. Мне неоднократно приходилось слыхать от товарищей впоследствии, что крестьяне Арского района в тот период были несравненно лучше настроены, чем другие волости бывшей Казанской губернии. Ниже это я постараюсь подтвердить рядом фактов.

Охарактеризую положение нашего района насколько позволит моя память. Казань, Лаишев, Чистополь, Устье реки Вятки и дорога от Казани до Атни и даже дальше на Малмыж было кольцом белогвардейских влияний. Туда мы не могли проникнуть. Телеграфной связи с Вяткой мы не имели. Тесная связь сохранялась с Вятскими Полянами. Сарапул оставался тоже ненадежным пунктом. В этом окружении восстаний и белогвардейских отрядов (отряд Степанова) и крестьянской враждебности закреплялся тыл Азинского отряда.

Был момент, когда и Вятские Поляны оставались без воинских частей.

Арская ячейка развертывала работу путем агитации. На гектографе и просто от руки размножались воззвания к населению, писанные т. Ко-

новым. На базарах постоянно выступали Конов, Гадилев, Дулат-Али и др. Члены ячейки посылались по деревням с агитационной и разведывательной целью. Таким образом мы узнали, что Атнинская дорога занята учредиловцами.

Вскоре после организации комендатуры в Арске мы получили сведения, что в одной из волостей, ближе к нам от Атней, об'явлена белогвардейская мобилизация. Было решено эту мобилизацию перехватить, об'явив свою. В эту волость поехал небольшой отряд — несколько коммунистов татар и кто-то из русских. Путем уговоров и агитации мобилизация была проведена в нашу пользу.

Для Азинского отряда нужны были бинты и чай. Все лавки города были закрыты, а купцы скрылись. Пришлось замки лавок взламывать. С этой целью ходило несколько человек: я, два красноармейца-немца из бывших военно-пленных и кто-то из татарских коммунистов. Мы обошли все лавки, собрали чай и дешевую мануфактуру, похожую на марлю. Из остального в лавках ничего не тронули. При чем протокол составлялся при понятых. Купцов очень удивило, что в их лавках прочий товар тронут не был, а убытки, понесенные от нашего обхода, были незначительны. На другой день торговля в городе шла обычным порядком.

Крестьяне приходили в комендатуру за различными справками и за разрешением их тяжб. Приходилось разрешать уголовные дела деревни.

По настоянию ячейки был арестован начальник продовольственного отряда (беспартийный), работавший от II-ой армии. Он терроризировал деревню, устраивал различные безчинства. Трибуналом II-ой армии он был расстрелян.

Это особенно хорошее впечатление произвело на крестьян.

Когда была об'явлена мобилизация лошадей, то комендатура могла выбирать действительно подходящих для армии.

После того, как Казань была уже взята нами обратно. В Арске вспыхнуло восстание на почве неумелого сбора прод-разверстки. В качестве продкомиссара там работал, если не путаю фамилию, Белькевич. Этот Белькевич работал в комендатуре. Были получены сведения, что он сын казанского помещика. У нас он не пользовался ни малейшим доверием и ячейка старалась удалить его из комендатуры. Белькевич подавал в ячейку заявление о вступлении в партию и получил отказ. Впоследствии он в партию всетаки вступил и оказался на ответственной работе продкомиссара или начальника отряда продовольственников. Здесь он принял все меры, чтобы устроить размычку между крестьянами и рабочими. Мне передавали, что он избивал мужиков плетями. Вызвал восстание, в подавлении которого сам-же принял горячее участие.

В Арск приехал уполномоченный по организации Чрезвычайных Комиссий Олунь. Он назначил Пуринга начальником полевого контроля в Арске и его помощником меня. Фактически работу пришлось вести мне. Все члены ячейки вступили сотрудниками полевого контроля.

Работа проходила, главным образом, в установлении, где кончается наше влияние по деревням. Были попытки послать разведку в Казань. Велась следственная работа по всем преступлениям в нашем районе.

Крупных дел было только три: 1) дело продкомиссара II-ой армии, 2) шпионаж и 3) дело шпионов телеграфистов (привлекались к ответственности 11 человек). В результате первых двух дел—трое расстреляны. Обвинение в третьем оказалось провокационным.

В средине августа в Арск были представлены арестованные телеграфисты в числе 11 человек. Арестованные, кажется, по распоряжению командарма II. Они были сняты со всей телеграфной линии Арск—Высокая Гора по подозрению в шпионаже. Материал обвинения заключался в переговорах по телеграфу в момент падения Казани и, после, о ходе военных событий. В переговорах принимали участие все арестованные. Всем грозила высшая мера наказания. Но при первом же опросе обнаружилось, что среди арестованных имелись вполне честные работники телеграфа и даже активные наши сторонники; например: Арский телеграфист, Чернов?, который до чехов от самосуда при восстании спас коммуниста, отправив его в Казань в почтовом мешке. Это обстоятельство заставило нашу ячейку постараться изучить дело лучше. В результате выяснилось, что инициатором всех переговоров по телеграфу был арский начальник почтовой конторы. Он сумел выкрутиться от ареста командарма, постаравшись обвинить всех телеграфистов линии и огородить себя. Когда пошли его арестовать (это было поручено т. Конову), он сбежал. В его квартире было найдено несколько револьверов, винтовки и значительная сумма золота.

Арский почтовый начальник организовал связь с Казанью, настойчиво запрашивая телеграфистов о необходимых ему сведениях.

Оправдание телеграфистов дало нам возможность вновь установить связь в районе Арска, а вскоре и с Вяткой.

Через некоторое время была взята Казань.

В. Мазунин.

Казанский Совет Крестьянских Депутатов и левые эс-эры перед чехами.

Не будет преувеличением сказать, что в сентябре 1918 г. под Казанью решалась судьба́ Русской Революции.

Разгром белых под Казанью был поворотным пунктом гражданской войны: с этого момента Красная Армия получила явный перевес над белыми, неуклонно гоня их в Сибирь и уничтожая.

Поэтому состояние Казани в этот и предшедствующий ему период заслуживает особого внимания.

В опубликованных до сих пор материалах более или менее полно освещена жизнь, работа и значение рабочей и красноармейской секций Совета за этот период, и местной организации РКП (б), но почти нет материалов о Совете Крестьянских Депутатов и партии левых эс-эров..

Этот пробел я и хочу хотя-бы отчасти восполнить, как бывший председатель Губ. Совета Крест. Деп. и бывш. левый эс-эр..

Совет Крест. Деп. в Казани с первого-же дня своего возникновения—в мае 1917 г.—т. е. в дни расцвета Врем. Правительства—встал на путь борьбы с ним, в то время, как Советы Рабочих и Солдатских (вернее офицерских) Депутатов в Казани, были опорой Врем. Правительства, и стали на путь классовой борьбы лишь в последние дни перед Октябрем, после перевыборов, давших большинство большевикам.

Поэтому партия большевиков и шедшие за нею массы рабочих и солдат нашли на другой же день после Октябрьской Революции в Казани, в лице Совета Крест. Деп. и сочуствие, и отчасти сформировавшуюся силу, для которой переход власти в руки Советов был как-бы увенчанием борьбы с Вр. Правительством.

Партия большевиков, являвшаяся идейной руководительницей Октябрьской Революции во Всероссийском масштабе,—в Казанской губ., в отличие от большинства губерний России, в которых Советы Крест. Деп. возглавлялись право-эс-эровскими, (стоявшими за Врем. Пр-во), элементами,—не пришлось коммунизировать Совет Крест. Деп., а оставалось только дружно, совместно укреплять добытые революционные завоевания.

Это было одной из местных особенностей.

И, действительно, несколько месяцев после перехода власти к Советам, работа в Казани протекала при единодушии между тремя секциями Совета—Рабочей, Крестьянской и Солдатской и двумя правящими пиртиями—большевиков и левых эс-эров.

Трения наших центров в Москве долго до нас не доходили и лишь в июне—июле 1918 г. наша совместная работа быстро была нарушена гибельной, ошибочной, самоубийственной для партии линией поведения лево-эс-эровского Ц. К.

Отрыжки центра мы изживали безболезненно, находя безконечно более точек соприкосновения с большевиками в практической, кипучей работе, чем со своим Ц. К. в части его увлечений «высокой политикой». Однако, отсутствие твердой выдержанной линии поведения нашего Ц. К., колебавшегося даже в дни вооруженной борьбы за Советы (достаточно вспомнить сбивчивые, противоречивые передовицы руководящего органа «Знамя Труда»),—при ясном, прямом руководстве своей периферией со стороны Ц. К. большевиков—крайне затрудняло нас, левых эс-эров, и влекло за собой ряд ошибок с нашей стороны, ошибок, которые особенно ясны сейчас, когда все это ушло в прошлое.

Сначала отсутствие твердой линии у самого Ц. К. П. левых с-р., а затем вколачиваемый им клин в тесную работу левых с-р. с большевиками на местах, плюс наши собственные, местные ошибки,—все это привело к тому, что приход чехов в Казань не застал и тени той дружной работы, которая была у левых с-р. с большевиками в первый момент Советского строительства.

Поскольку-же Совет Крестьянских Депутатов шел за левыми эс-эрами, то вышесказанное в одинаковой степени относится и к Совету Крест. Деп.

С первых-же дней после Октябрьского переворота в Казани большевики и левые с-р. как-бы поделили между собою работу: первые взяли город, вторые—деревню. Совет Солдатских и Рабочих Депутатов состоял наполовину из большевиков, наполовину из левых эс-эр.; беспартийных или членов других партий там было мало. Совет же Крестьянских Депутатов состоял в массе из беспартийных крестьян, шедших целиком за левыми эс-эр.

Правые эс-эры хотя и проникали на Губернские Крестьянские С'езды и выступали там, но никаким влиянием не пользовались.

Так например, 4-й Губернский Крестьянский С'езд, в составе 700 человек крестьян, заслушивал доклады своих депутатов, прошедших по списку № 11 в Учредительное Собрание, о его разгоне. Майоров, Суханов, Мохов и др. высказывались за санкцию разгона. Правый с-р. Мартюшин, прекрасный оратор, великолепно умеющий влиять на крестьян, будучи сам из крестьян Чистопольского кантона,—выступил с горячей речью в защиту Учредительного Собрания. И несмотря на то, что самый разгон Учр. Собр. для крестьянской массы был неожиданным и до этого никакой агитации против него не велось, а, напротив, сами большевики выставляли свой список,—так что, идея Учр. Собр. была весьма популярна,—несмотря, на-

конец, на полнейший демократизм в ведении с'езда исключающий всякую возможность какого-бы то ни было давления на делегатов—они, 700 крестьн, единодушно высказались за разгон Учр. Собр., признав и в дальнейшем его ненужным. В принятой по этому поводу резолюции, С'езд, между прочим говорит: «в виду того, что переживаемая сейчас Россией стадия революции (март 1918 г.) является высшей по отношению к той, при которой идея всенародного внеклассового Учредит. Собрания была-бы жизненной—новые выборы в Учр. Собр., как и созыв старого уже умершего, считать ненужными, а самые домогательства созыва Учред. Собр., с чей-бы стороны они теперь не исходили,—считать актом контр-революционным».

На общих собраниях Совета в период до июля 18 г. я не помню случаев, чтобы по каким-либо крупным вопросам бывали разногласия между фракциями большевиков и левых с.-р., между рабочей, солдатской и крестьянской секциями.

Я даже определенно помню случаи, когда в пленарных заседаниях всех секций Совета резолюции по текущему моменту фракции левых эс-эров поддерживались фракцией большевиков, и наоборот.

При выборах на те или иные ответственные посты, вплоть до председателя Совета, было в тот период полное единодушие и не было никакой фракционной борьбы. При выдвигании кандидатур на ответственные посты мы руководились прежде всего деловыми соображениями: пригодностью данного кандидата занять тот или иной пост, а не тем, большевик он или левый эс-эр. Так, несмотря на то, что фракция левых эс-эров имела большинство в общем собрании Совета (всех 3-х его секций), председателем Совета голосами левых эс-эров был избран коммунист т. Я. Шейнкман, как наиболее крупный работник в нашей среде.

Одно время в Казани существовал Совнарком, а губерния была об'явлена Казанской Советской Республикой. Часть Наркомов были коммунисты, часть левые эс-эры.

И вот в заседаниях Совнаркома,—я это помню хорошо и тогда еще обратил внимание,—мы совершенно забывали, что мы члены разных партий, и вопросы решались большинством коммунистов и левых эс-эров против меньшинства, состоявшего тоже из коммунистов и левых эс-эров.

Это не говорит, конечно, об отсутствии партийной и фракционной дисциплины,—а лишь указывает на полное единство тактики.

Для решения важных вопросов момента (подписание Брестского мира, попытки восстания Гарнизонного Комитета, восстание в Казани татарской буржуазии или так назыв. «Забулачная республика», убийство Мирбаха и т. д.).—собирались совместные заседания обоих партийных комитетов—коммунистов и левых эс-эров, где и вырабатывалась общая линия поведения.

Существовало взаимное доверие, при котором вышеупомянутое размежевание работы (город и деревня) становится вполне понятным при всей его грубой схематичности.

Таким образом, на долю Совета Крестьянских Деп. выпала громадная работа по конструированию советского аппарата в губернском масштабе.

Достаточно сказать, что 4 Губернским С'ездом Советов Крест. Деп. был сформирован Губпродком (т. е. избран руководящий аппарат), избран Губерн. Комиссар Земледелия, Губ. Комиссар Внутр. Дел и составлен Губисполком Сов. Крест. Депутатов, члены которого участвовали в составе руководящих коллегий всех почти Комиссариатов, через которые, гл. обр., выражалась связь с деревней.

При распространении советского аппарата в деревне Совету Крест. Деп. пришлось столкнуться с вопросом о двоевластии.

Дело в том, что еще при Вр. Правительстве были введены Волостные Земства, окончательно сформировавшиеся лишь к Октябрю.

Предполагалось, что земства эти будут лишь хозяйственными органами деревни.

Но на деле оказалось иное.

Выборный закон о земствах, учрежденных Вр. Правительством скоропалительно, на основании почти неизмененного думского октябристского законопроекта,—дал доступ в члены земских управ элемантам более состоятельным.

Волостные и уездные земства явились как-бы осколком Учредительного Собрания, как бы Учр. Собр. в миниатюре; там преобладали право-эсэровские и просто либеральные элементы, при одновременном накоплении действительно революционных сил деревни в сельских Советах Крест. Деп.

Вполне понятно, что весь право-«социалистический» элемент, после разгона Учр. Собр., отступил в глубокий тыл и окопался, сделав земства одной из своих цитаделей.

Поэтому разграничить круг работ волостных земств и Сов. Крест. Деп., поручив первым хозяйственную жизнь деревни, а вторым административно-политическое руководство—оказалось невозможным: волостные и еще более уездные земства стали присваивать себе функции власти и противопоставлять себя советам. Получалось двоевластие. Центр никаких указаний по этому поводу не давал.

Тогда Губ. Совет Крест. Деп. по собственной инициативе решил ликвидировать земства, передав их функции Советам Крест. Деп.

4-ый Губернский С'езд Сов. Крест. Деп. постановил:

1. Земство, как обособленная отрасль управления и органы местного самоуправления, более не должны существовать.

2. Вся деятельность и все хозяйство бывших земств сосредотачивается в Исполнительном органе Совета Крест. Деп., каковой должен состоять из коллективных комиссариатов единственных исполнительных ор-

ганов высшей власти в губернии, так как существования какой-либо иной власти не должно быть, ибо влечет за собою лишь осложнение дел и излишние затраты.....

3. Желательно, чтобы Центральное Правительство скорее разрешило вопрос о местном самоуправлении для всего государства.

Но еще до этого постановления с'езда было закрыто Губернское Земское Собрание по распоряжению Губ. Исп. К-та Сов. Крест. Деп. и начата ликвидация земства, на местах.

Все земское хозяйство губернии перешло, таким образом, в руки Крестьянских Советов.

Советы Крест. Деп. на местах вели активную борьбу с кулаками, налагая на них контрибуции для покрытия местных нужд.

Передел земли по едокам вышиб главный фундамент из-под ног многоземельных кулаков, оставив им одинаковую со всеми норму земли и лишив их возможности эксплоатировать малоземельных и безземельных путем батрачества и издольной аренды.

Когда окрепли уездные Советы Крест. Депутатов, то работа Губ. Совета пошла более нормально, т. к. он был разгружен от ряда мелких дел, жалоб на контрибуции и т. п.

События в самой Казани тем временем требовали к себе самого напряженного внимания, ибо Советская Власть еще не настолько окрепла, чтобы быть гарантированной от неожиданностей.

Если мы были спокойны за деревню, что она без особого труда сама справится со своими кулаками, то того-же нельзя было сказать про Казань, где было слишком много мечтающих о свержении Советов: масса офицерства, частью охваченного контр-революционными подпольными организациями, масса торговцев, мечтающих о кровавой расправе с революцией по примеру 1905 года, тысячи саботирующих служащих и просто обывателей и т. д.

Национальные особенности нашего края тоже дали пищу контр-революционным элементам для разжигания национальной вражды. Делались определенные и упорные попытки восстановить татарскую часть населения против Советской власти, чуть не вылившиеся в кровавое столкновение. Либеральные верхи татарской интеллигенции, имея влияние в так называемом «Военно-Мусульманском Шуро», пытались противопоставить идею национального самоопределения власти Советов. Но эти попытки разбились о твердость молодой еще, но уже достаточно крепкой Советской Власти. Верхушка «Шуро» была арестована.

Тогда вдохновители мусульманского контр-революционного движения развили бешеную агитацию против Советской Власти в татарских частях города, среди мелких торговцев,—к ним примкнули и русские агенты свергнутого Врем. Правительства—правые эс-эров и либералы.

Стали формироваться военные части исключительно из татар и даже начинали вооружать гражданское население татарских частей города. Чтобы не быть обвиненным в голословности, я укажу, что быв. помощник Казанского Губернского Комиссара Временного Правительства правый эс-эр Бартолад играл активную роль в формировании воинских частей «Забулачной республики», состоя в качестве офицера - инструктора при перешедшем на полулегальное существование Шуро.

Первым открытым выступлением Забулачной контр-революции было убийство Сардара Ваисова—главы так называемых «божьих воинов» (религиозной мусульманской секты, выступавшей против Врем. Прав. и поддерживавшей власть Советов).. Ваисовцы после Октябрьской Революции получили из Совета оружие.—Фанатически настроенная толпа, разожженная агитацией Шуристов, разгромила штаб Ваисовцев, убила Сардара Ваисова и разобрала оружие.

Советской власти в Забулачной части города не стало.

Так образовалась «Забулачная республика».

На требование Советской власти обезоружиться—Шуристы ответили тем, что расставили по левый стороне Булака свои патрули.

Нужно отметить, что еще до этого открытого выступления татарской буржуазии, она делала попытки парализовать Советскую работу. Татарским Шуристским командованием был поставлен на вокзал свой комендант с отрядом, который препятствовал погрузке и отправке из Казани артиллерии и оружия против Дутова.

Дело на вокзале доходило до перестрелки между русскими и татарскими частями, но все-же оружие было отправлено на Дутовский фронт.

Когда был убит Сардар Ваисов и Забулачная контр-революция выступила открыто против Советской Власти, то перед Казанским Советом и правящими партиями вопрос о защите Советской власти встал ребром.

Был образован Военно-Революционный Штаб, помещавшийся в быв. дворце Главнокомандующего на Грузинской ул. В составе штаба помню т. Шейнкмана, Ефремова (лев. эс-эра), Милха и других.

Образованию Штаба предшествовало совещание партийных Комитетов обоих партий, причем были приглашены представители мусульманского Социалистического Комитета (т.т. Саид-Галеев и, помнится, Султан-Галеев).

Штаб получил тревожные сведения, что в татарских частях города ведется агитация за наступление на Совет и вооруженное свержение власти.

Штаб командировал Ефремова в артиллерийские части (1-й, 2-й дивизион и, кажется, 48-й мортирный дивизион).

Выяснилось, что артиллерия безусловно надежна и готова выступить по первому требованию Штаба.

Но у Штаба почти не было пехотных частей и потому артиллерия была без всякого прикрытия.

Пришлось наскоро воспользоваться отрядом воннo-пленных интернационалистов, которые в числе 200—300 человек и были направлены для прикрытия артиллерии.

Совет Крестьянских Депутатов, в то время помещался в б. Дворянском Собрании на театральной площади.

«Стратетическая» позиция его была довольно удобна, в случае наступления по Грузинской улице, как оно предполагалось.

Поэтому внутри здания у окон было установлено 7 пулеметов и учреждено дежурство членов Крестьянского Губисполкома, .

В числе членов Крестьян. Губисполкома было около половины татар. Они были настроены против авантюры татарской буржуазии.

Эти члены Губисполкома служили нам и Штабу для информации о действиях противника, безпрепятственно проникая в «Забулачную республику».

Штаб решил приложить все силы к тому, чтобы не допустить кровопролития.

Регулярные части противника были, очевидно, слишком слабы, чтобы выдержать открытую борьбу с Советскими силами, поэтому было ясно, что движение расчитано на вовлечение темных, обманутых вожаками и раз'яренных татарских масс.

С этой целью татарская буржуазия совместно с агентами свергнутого Врем. Правительства, натравила массы на штаб Ваисовцев, где толпа завладела и разобрала по рукам оружие.

Штаб об'явил жестокое, но оказавшееся спасательным решение, а именно, что в случае выступления против Совета, Забулачные части города будут разрушены артиллерийским огнем советских батарей причем вина падет на вожаков восстания, поднявших татарское население против Советов. Угроза подействовала отвезвляюще: и выступление не сосостоялось.

Вскоре прибыл в Казань секретно вызванный отряд матросов, занял татарские кварталы города, об'явил, чтобы все немедленно сдали оруже и те, у кого окажется несданным оружие, будут расстреляны на месте.

Так была ликвидирована «Забулачная республика», просуществовавшая все-же около месяца.

Но вскоре в Казани назрела новая опасность Советскому строю—со стороны воинских частей.

Красная армия в то время состояла из добровольцев, пожелавших продолжать службу после демобилизации или вступивших вновь.

Систематической работы в армии в то время еще не велось, и она жила в значительной степени настроениями.

Но различные нехватки в снабжении уже давали себя чувствовать, а так как доступ в казармы был совершенно свободен, то туда контр-революция устремила свои силы, дабы разложить ряды, ослабить военную опору Советской Власти.

Впоследствии было точно установлено, что захват Красной Армии контр-революция вела организованно, стараясь проводить на командные, выборные тогда, должности своих людей, и через них проводилась систематическая агитация против Советской Власти.

Наряду с Советом Солдатских Депутатов, являвшимся руководящим, политическим органом армии, были созданы Комитеты при каждой отдельной части, как органы чисто технические, ведающие повседневным распорядком части, довольствием, обмундированием и т. д. Эти Комитеты (ротные, батарейные, дивизионные и т. д.) впоследствии об'единились в Гарнизонный Комитет.

Гарнизонный Комитет и Комитеты отдельных частей и были сочтены контр-революцией наиболее удобным местом для работы.

Легче всего было настраивать армию против Советов, спекулируя на разных искусно раздуваемых нехватках.

Так велась кротовая, подлая работа, которая сначала привела к попыткам разгромов и расхищения цейхгаузов, а когда Советская Власть твердой рукой стала бороться с этим, то контр-революция и это использовала, как орудие против ненавистных ей Советов.

Пускались в ход и другие приемы: клевета и травля отдельных советских работников с целью подорвать доверие к Советам вообще.

Все это волновало солдат и создавало все более и более тревожное настроение в гарнизоне.

Наконец, в средине июня 1918 г. наступил момент, когда руководившие антисоветским движением среди солдат силы решили выступить активно.

В это время был в одном доме обнаружен громадный склад спиртных напитков—вин и различных водочных изделий.

Склад этот попал каким-то образом в руки Гарнизонного Комитета, который не только не пожелал сдать его в Ревтрибунал, как ему было предложено, но роздал спиртные напитки по Комитетам отдельных воинских частей.

В результате, там началось пьянство, сопровождавшееся открытой агитацией против Советской Власти и призывами к ее свержению.

15-го или 16-го июня состоялось совещание обоих партийных комитетов, посвященное происходящим событиям. Из обмена мнениями выяснилось, что брожение охватило весь гарнизон и трудно расчитывать на поддержку определенных частей.

Было решено сделать попытку путем устройства митингов в воинских частях добиться перелома настроения в солдатских массах, после чего уже приступить к ликвидации Гарнизонного Комитета и руководивших там групп.

Совет Крестьянских Депутатов принимал участие в ликвидации этой очередной авантюры.

16-го июня состоялось экстренное заседание Губисполкома Сов. Крест. Деп., который заслушав мой доклад о событиях в гарнизоне, постановил

послать своего представителя на собрание Гарнизонного Комитета для информации и принятия своевременных мер, в случае, если движение будет развиваться. Этим представителем был избран т. П. Мартынов (сейчас коммунист).

На следующий день пьянство в комитетах продолжалось и брожение в частях усилилось.

Нам стало ясно, что стихийным брожением гарнизона руководит какая-то закулисная сила.

Так, нам с телеграфа и телефона было сообщено, что туда прибыли комиссары с мандатами от Гарнизонного Комитета и взяли под контроль всю работу сети, удалив советских комиссаров.

Благодаря находчивости и энергии нашего комиссара почт и телеграфов т. Л. Мельникова (тогда левый эс-эр, теперь коммунист), нам удалось установить на моей квартире (в быв. дворянском собр.) контрольный телефонный аппарат, который свои люди на центральной станции (работал лично Л. Мельников), включали в цепь при каждом разговоре Гарнизонного Комитета. Таким образом, посадив у этого аппарата т. Дмитриеву (тогда левая эс-эрка), мы от нее несколько раз в день получали сводки разговоров наших противников и могли ориентироваться в событиях.

Положение было настолько тревожно и неопределенно, что не было ни одной надежной воинской части, на которую бы можно было вполне положиться и поэтому партийные комитеты вынуждены были временно перейти на нелегальное положение и перешли в квартиру Вл. И. Вегера на Малой Красной ул., где и оставались до утра следующаго дня, поддерживая всю ночь телефонную связь с Советом Крест. Деп. и другими пунктами.

В ту-же ночь был образован Военно-Революционный Штаб и своим местопребыванием избрал батальон имени Карла Маркса, помещавшийся на Георгиевской ул.

В состав Штаба, помню, вошел т. Грасис, лев. эс-эр Ефремов, Милх, кажется, Межлаук,—остальных не помню.

Но и батальон Карла Маркса оказался ненадежным, ибо в ту-же ночь было заседание Гарнизонного Комитета, на которое ушли все взводные командиры батальона.

Я был в Штабе поздно ночью и как раз при мне обсуждался вопрос о создавшемся положении: ввиду посылки делегатов от батальона на гарнизонное собрание, помещение батальона оказалось ненадежным местопребыванием для Штаба. Но так как не было в тот день более надежной части, то решено было ограничиться лишь некоторыми мерами предосторожности и продолжать работу.

На следующее утро положение изменилось в лучшую для нас сторону. С одной стороны чувствовалась некоторая неуверенность вожаков гарнизонного восстания в своих силах, а с другой стороны одна часть, а именно Мусульманский социалистический полк, категорически заявил, что

с оружием в руках будет защищать Совет от всяких посягательств. Политкомом полка был мусульманин-коммунист, пожилой уже человек крестьянин тов. Ахтямов, который и сообщил решение полка.

Рано утром 17 июня я собрал экстренное заседание Губисполкома Совета Крест. Деп. и сделал доклад о положении дел.

Перед докладом я звонил по телефону во все крупные войсковые части и оффициально спрашивал о положении дел и настроении солдат и отовсюду получал заверения, что все спокойно.—Однако это явно несоответствовало совершенно точным сведениям, полученным мною от специально посылаемых на разведку в части товарищей и перехваченным телефонным разговором, поэтому у меня явилось предположение что части сознательно усыпляют нашу бдительность.

Губисполком, заслушав мой доклад, решил, опираясь на тот авторитет, который Сов. Крест. Деп. имеет у солдат, послать во все крупные части членов Губисполкома для осведомления о положении дел в частях и для борьбы с контр-революционной агитацией.

Таким образом в Добровольческий баталион были посланы т.т. Алексеев, Нугуманов и Загудаевский, в I Артиллерийский дивизион—т.т. Варламов, Иванов, Анисимов и Денисов (бывший впоследствии председателем Татчека). Во II Артил. дивизион—т.т. Ситдиков, Горячев, Бороухин и Денисов. В I Мусульманский полк—т.т. Давлетшин, Гизятуллин и Абдиев.

В отряд моряков—(самая ненадежная часть)—т.т. Слюбкин, Кривушкин и Петров (все бывшие моряки).

На заседание Гарнизонного Комитета были делегированы т.т. Подгорский и Кузнечиков (впоследствии стал коммунистом, был секретарем одного из райкомов в Казани).

Командированные товарищи раз'ехались по частям, и я безпрерывно получал от них донесения по телефону и передавал вкратце в Штаб, который к тому времени перешел уже на Ново-Горшечную улицу против пожарной части). Штаб охранялся отрядом крестьянской красной гвардии с пулеметами.

В этот-же день, 17 июня или накануне ночью обоими партийными комитетами была выработана резолюция, которую решено было проводить на солдатских митингах.

Я и т. Грасис поехали во 2-ой Артиллерийский дивизион, помещавшийся в Каргопольских казармах, предупредив по телефону дивизионный комитет, чтобы к часу дня был собран митинг.

Но когда мы приехали, то оказалось, что дивизионный комитет не только не созвал митинга, но отпустил солдат в город на созываемое Гарнизонным Комитетом Общее Собрание гарнизона.

Однако, мы с т. Грасисом, встретив по дороге идущих в город солдат, просили их вернуться обратно в казармы на митинг. Дивизионный комитет долго под всякими предлогами уклонялся от созыва митинга, но под давлением преданной нам группы солдат, вынужден был это сделать.

Митинг открыл председатель дивизионного комитета, который заявил, что не допустит не только голосования каких-бы то ни было наших резолюций, но не разрешает нам даже их огласить.

Этим он себе испортил все дело и потерял симпатии в глазах солдат, возмутившихся его демагогией. А когда мы внесли предложение проголосовать вопрос о том, желает-ли митинг заслушивать нашу резолюцию и председатель отказался поставить это предложение на голосование вопреки требованию собравшихся, то мы уже прямо спросили солдат: что делать с председателем собрания, не желающим выполнять волю собравшихся?

И митинг ответил: «Долой его,—переизбрать»,

Я взял руководство выборами нового председателя на себя. Был избран один солдат из имевшейся в дивизионе ячейки сочувствующих левым эс-эрам.

Мы с т. Грасисом сделали доклады, причем я выступал первым и старался осветить события со стороны их контр-революционной сущности, но учитывая в общем явно враждебное к нам настроение большинства, старался быть возможно спокойнее и не горячиться. Выступивший затем т. Грасис со свойственной ему резкостью заклеймил поведение гарнизонного комитета и идущих с ним солдат и не щадя самолюбия солдат и не считаясь с их настроением, высказался столь категорично за разгон Гарнизонного Комитета, что после его речи наступила мертвая тишина: нас ждала или полная победа или нас разорвут тут-же на куски. И мы победили, разбив настроение солдат. Часть стала определенно и твердо за нас, а главная масса, заколебалась, но в результате большинством голосов была принята наша резолюция.

В этот же день вечером я делал доклад Губисполкому Сов. Крест. Деп., который в протоколе его № 44 от 17 июня 1918 г. записан следующим образом;

«Доклад т. Шнуровского о митинге во 2-м дивизионе. Незначительным большинством была проведена резолюция такого характера: Гарнизонные Комитеты должны быть упразднены и все дела должны быть переданы в солдатскую секцию, т. к. двоевластия не может быть допущено. Все приказы должны проходить через Советы, а не гарнизонные организации».

В ряде других частей гарнизона проводилась аналогичная резолюция.

Вечером 17-го было собрание Гарнизонного Комитета, где присутствовали члены Крестьянского Губисполкома т.т. Подгорский и Кузнечиков. Их доклад Губисполкому Сов. Кр. Деп. в протоколе № 45 от 18 июня записан следующим образом:

«Доклад тов. Подгорского и Кузнечикова о собрании Гарнизонного Комитета. Собрание велось беспорядочно. Большинство очевидно склоняется к уничтожению Гарнизонного Комитета. Сегодня 18 июня, в 3 часа дня будет собрание и все части вынесут ту или иную резолюцию».

Итак, к 18 числу настроение в частях, под влиянием митингов стало изменяться в нашу пользу.

Губисполком Сов. Крест. Деп. избрал на гарнизонное собрание 18 июня т.т. Гвоздарева, Давлетшина и Штабнова, которым была вручена резолюция:

1. «Все части обязаны исполнять распоряжения только Совета.

2. Гарнизонный Комитет, как организация, работающая параллельно с Красноармейской Секцией и внесшая разложение в красноармейские ряды, должна быть немедленно упразднена и дела комитета переходят к красноармейской секции.

3. Пьянствующие члены гарнизонного комитета должны быть преданы суду после строгого расследования дела о раздаче спиртных напитков.

4. Часть, дезертировавшая с фронта, должна сдать оружие своему полковому комиссару и подлежит переформированию, при чем могут быть оставлены в рядах Красной армии только те, кто готов по первому приказу Совета итти на борьбу с контр-революцией в защиту Советской власти.

Сделавши это заявление, делегаты Крестьянского Губисполкома обязаны покинуть гарнизонный комитет, ибо единственно правомочной красноармейской организацией является красноармейская секция Совета. Совет Крестьянских Депутатов предлагает представителям всех частей, присутствующих на настоящем собрании и признающих Советскую власть, также покинуть заседание, не исполнять впредь ни одного распоряжения гарнизонного комитета и подчиняться только Совету».

В этот-же день вечером было второе заседание Крест. Губисполкома, где один из его членов—т. Давлетшин, делегированный с цитированным выше заявлением в Гарнизонный Комитет, сделал доклад, сводившийся к к тому, что авантюра ликвидирована.

Еще раньше «гарнизонного восстания» в Казани, в России произошли события, облегчившие работу инициаторов этой авантюры.

В Пензе восстали чехо-словаки, свергли там власть Советов, а затем заняли Сызрань, Челябинск и др. города.

Об этом событии (происшедшем во время моей командировки в Елабугу на уездный с'езд Советов и для расследования деятельности бывшего там отряда матросов во главе с офицером Замятиным)—оффициально сообщил Губисполкому т. А. Калегаев в заседании 31 мая 1918 г., при этом он добавил, что нет возможности послать помощь, в виду отказа некоторых частей гарнизона итти на фронт.

Нежелание итти на фронт было одной из причин, происшедших впоследствии волнений гарнизона. Один полк, не доехав по назначению, вернулся самовольно обратно. Боясь наказания, полк этот старался внести разложение и в другие части.

В вышеупомянутом заседании Крестьянского Губисполкома, было постановлено:

«Ввести в Казани и губернии военное положение. Образовать Военно-Революционный Штаб. От крестьянской секции избирается т. Спиридонов (26 голосов»). (Протокол № 34 от 31 мая 18 г.).

По возвращении моем из Елабуги, мы получили некоторые подробности о чехо-словацком движении, бывшем для нас прежде полной неожиданностью.

В заседании Крест. Губисп. 11 июня 1918 г. (протокол № 40) я сделал по этому поводу информационный доклад, где, между прочим, говорил, что «документально установлено участие правых эс-эров и меньшевиков в заговоре против Советской Власти. Руководители восстания находятся в сношениях с Сибирским новым «правительством». Все восстания—украинское, чехо-словацкое и др. питаются капиталами западных государств.

— Чехо-словаки восстали и свергли Советскую власть в Пензе, затем Самаре, Челябинске. В занятых местностях устанавливается власть правых с.-р. и меньшевиков, производятся массовые расстрелы представителей Советской Власти и деятельных ее работников».

Уже через 3 дня после этого перед Крест. Исполкомом встал вопрос о беженцах из занятых чехо-словаками местностей.

В заседании 14 июня 18 г. член Губисполкома т. Абдиев Закир внес вопрос о выборе комиссии для приема и оказания помощи беженцам из Самары и других занятых чехо-словаками городов.

Исполком постановил: «отвести комнаты в Крестьянском Доме и принять в коммуну*). Вопрос о средствах внести в общий Исполком».

Впоследствии дело помощи, конечно, развернулось широко, и комиссия располагала значительными средствами.

Казанская организация партии левых эс-эров дольше других противостояла разлагающему влиянию своего центра и хотя и были разногласия с большевиками (напр. по вопросу о низких твердых ценах на хлеб и о продовольственной диктатуре, по вопросу о комитетах бедноты), но эти разногласия не лишали возможности совместной работы и исчезали всякий раз, когда дело касалось защиты завоеваний октябрьской революции.

В дни «забулачной республики», в дни гарнизонных волнений и в дни подготовки к борьбе с чехословаками (за исключением сепаратных и безответственных переговоров с Муравьевым отдельных членов комитета, без ведома комитета вцелом).

Казанская организация партии левых эс-эров шла рука об руку с Р. К. П., блокируясь с ней и при выборах в город. думу и совместно поддерживая друг друга при выборах в учред. собрание.

---

*) Коммуна эта была организована при Исполкоме Совета Крестьянских Де- (К. Ш.).

И лишь в период чехов, когда революционная часть партии левых эс-эров от нее откололась, когда партия запуталась в своих ошибках,—она перестала быть движущей революцию силой и об'ективно поставила себя в ряды врагов Советской власти.

Когда в Казани было получено известие об убийстве по приговору ЦК левых эс-эров германского посла Мирбаха, то вопрос об отношении к этому событию был мною поставлен на обсуждение Крестьянского Губисполкома.

В первом известии об убийстве Мирбаха не было категорического утверждения, что акт этот совершен левыми эс-эр-ами и нам в Казани, в частности мне, не верилось, что это так. Поступок этот мне показался настолько диким и провокационным, что при всей моей осведомленности о настроениях в ЦК левых эс-эров,—он не вязался с моим представлением о партийных вопросах. Не только я, но и те члены комитета казанской организации П. Л. эс-эров., которые через два дня решительно поддерживали поведение цека,—в первый момент просто не поверили оффициальному сообщению, что убийство совершено левыми эс-эр., да еще, что они подняли восстание против правящей Р. К. П.

Мы готовы были это известие приписать «большевистским измышлениям» против левых эс-эров, считали это клеветой на них, пущенной с целью поколебать авторитет противника и т. д.

Только этим я об'ясняю некоторые места резолюции, которую я провел 10 июля 1918 г. в заседании Крест. Губисполкома.

В ней выражалось «глубокое негодование по поводу той недостойной травли, которую подняли руководящие круги партии большевиков против верной и единственной защитницы интересов трудового крестьянства—партии лев. соц. рев.», ибо, говорится дальше в резолюции, это «в корне подрывает питающие русскую революцию силы и искусственно противопоставляет трудовое крестьянство бывшей до сих пор в авангарде партии коммунистов, окончательно распыляет революционные силы и расчищает почву для контр-революци».

«Мы требуем строгого, безпристрастного расследования факта убийства Мирбаха, расследования, произведенного при участии представителей трудового крестьянства и партии левых соц. рев.

«Мы требуем от партии коммунистов серьезного, честного и спокойного отношения к моменту, мобилизации всех сил для защиты революции и Советской власти, которая получила новый удар в связи с убийством Мирбаха и которой угрожает юнкерская Германия, смертью Мирбаха развязавшая себе руки.

Долой травлю и клевету! Да здравствует единство революционных сил! Да здравствует Советская власть!»

Если отбросить из этой резолюции слова о травле и клевете,—то в ней останется основное, а именно отрицательное отношение к убийству

Мирбаха, могущему иметь единственное последствие, как тогда казалось, это оккупацию России германскими войсками.

Должен заметить, что это не было лишь мое личное мнение, а решение комитета партии левых эс-эров. вцелом, вынесенное тотчас по получении известия из Москвы.

Видя, какая глубокая трещина, вследствие этого убийства и тогда еще слухов о восстании левых соц. рев., может получиться в наших отношениях с большевиками, и находя это гибельным для нашего общего дела—защиты Советской Власти от надвигавшихся чехов,—я настоял на созыве совместного заседания двух комитетов—большевиков и левых соц.-рев.

На этом совместном заседании комитетов было подтверждено наше общее отрицательное отношение к убийству Мирбаха, и было решено, в целях дальнейшей дружной работы партий, взаимно осведомлять друг друга о предполагаемых шагах того или другого комитета. Это было 9-го июля, а 10-го комитет левых соц.-рев. переменил свое решение и высказался за поддержку линии поведения своего ЦК.

Тем не менее я остался при прежнем своем отношении к вопросу и в этом духе сделал доклад Губисполкому. Содокладчиком выступил Пономарев, поддерживавший ЦК партии левых соц.-рев.

Однако, Губисполком подавляющим большинством голосов принял мою резолюцию, приведенную мною выше, тем самым сказав, что трудовое крестьянство не желает поддерживать авантюру и отныне отмежевывается от партии левых соц.-рев.

На другой день после этого, 11 июля, в заседании комитета я заявил о своем выходе из партии левых соц. рев.

Так как Губисполком пошел за мной, то мой уход из партии символизировал уход из под ее влияния и руководства трудовым крестьянством Казанской губернии.

Так оно в действительности и оказалось.

И лишь в день начала обстрела Казани чехами левые соц. рев. еще раз перед лицом общей опасности были приглашены коммунистами к работе по защите Казани и сражались с ними рука об руку. В «Знамени Рев.» от 7 авг. 18 г. № 161 было опубликовано, что президиум совета пополнен, причем туда введен левый соц. рев. Ефремов. Он же был назначен начальником рабочего ополчения.

Левый соц. рев. Н. Подгорский был назначен сокретарем президиума Совета.

На другой-же день началась агония Казани, а когда она вновь стала Советской, то лев. соц. рев. уже сошли со сцены навсегда.

Совет Крестьянских Депутатов ни на минуту не ослаблял своей работы по подготовке отпора чехо-словакам *).

*) Была ли это «подготовка отпора чехо-словакам» см. в этом сборнике ст. т. Ладиса и протокол вечера воспоминаний. Многое, что творилось в тот период в рядах п. л. эс-эров еще не выявлено и не проверено. Редакции необходим еще и еще материал для восстановления подлинной картины. (Ред.).

Из членов Губисполкома был сформирован отряд, получивший через военного комиссариата тов. Межлаука в свое распоряжение винтовки и пулеметы. Тогда Губисполком Сов. Крест. Деп. помещался уже не в быв. Дворянском Собрании, а на углу Н.-Комиссариатской и Н.-Горшечной, в здании бывшего Крестьянского Банка. Здесь-же было сложено и полученное оружие.

Уже впоследствии, незадолго до чехов, когда произошло левоэсеровское восстание в Москве и отношения левых соц. револ. с коммунистами и в Казани испортились,—как-то в мое отсутствие Чрезвычайная Комиссия сделала обыск в помещении Совета Крест. Деп. и все это оффициально полученное оружие отобрала (об этом было опубликовано в «Знамени Рев.» от 28 июля № 153), причем оружие это агентами Чека было принято, очевидно, за тайный склад левых соц. рев., с которыми тогда уже Сов. Крест. Деп. не имел ничего общего.

В конце газетной заметки стояла фраза: «Уж не к новому-ли восстанию готовились бывшие друзья л. эс-эры?» А заметка была озаглавлена «Раскрытие склада оружия в Крестьянском Поземельном Банке».

Этот мелкий эпизод характерен для пояснения того, насколько запутаны и ненормальны были взаимоотношения даже между секциями Совета: Чека «раскрывает» склад оружия и конфискует его, обезоруживая Совет, члены которого организовали оффициально дружину для борьбы с чехами.

Обезоруживается Совет Крест. Деп., который только что перед этим от своего имени об'явил мобилизацию 1895 г. для борьбы с чехами, выпустив соответствующее воззвание.

А в то время, когда шла эта борьба своих со своими-же, Казань была наводнена белогвардейскими офицерами, опутана сетью их организаций, обладающих тут-же в городе складами оружия.

Казань еще не была взята чехами, а чешская контр-разведка уже была в городе, устанавливала адреса учреждений и ответственных партийных работников.

В Казани обезоруживался Совет Крест. Деп., а в Спасском уезде это же крестьянство формировало партизанские отряды для борьбы с чехословаками, требовало от Губ. Совета инструкторов и оружия.

А пришли через несколько дней чехи и расстреливали левых соц. рев. с не меньшим наслаждением, чем большевиков, и крестьянских депутатов наравне с рабочими.

К. Шнуровский

5/XI 1923 г.

ПРОТОКОЛ

Вечера воспоминаний 6-го мая 1924 г. об учредиловщине в Казани (1918 года).

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. 1) *Войтов А. М.*, 2) *Лацис И. М.*, 3) *Шляпников Д. Д.*, 4) *Ионов П. Н.*, 5) *Брауде С. М.*, 6) *Покровский Вяч. А.*, 7) *Соловьева Н. А.*, 8) *Зарницин Е. И.*, 9) *Брауде В. П.*, 10) *Вегер О.* 11) *Шейнкман С. А.*, 12) *Пионтковский С.*, 13) *Догадов А. И.*, 14) *Гордеев Г. С.*, 15) *Жаков А. П.*, 16) *Лившиц С.*

Жаков: Материалов о времени, предшествующем пребыванию чехов в Казани почти не сохранилось. Партийный материал утрачен полностью. Необходимо восстановить многие моменты путем перекрестных воспоминаний. Здесь присутствуют т.т., работавшие в разных отраслях, и то время знают хорошо. Наши воспоминания послужат материалом для дальнейших работ Истпартотдела ОК Татреспублики и стимулом для исторических работ (очерков, статей и проч.), т.т. участников событий того времени. Для введения, приблизительно, в курс дела и для освежения в памяти событий разрешите зачитать статью воспоминаний т. Г. Соколова, помещенную в «Известиях Т. Ц. И. К.». (Зачитывается статья).

Шляпников и Гордеев: предлагают разбить материал на три периода: 1-й предшествующий приходу в Казань чехов, 2) чехи в Казани и организация взятия города от чехов, 3) первые моменты восстановления Совласти по взятии города.

Жаков: Кроме того, следует придерживаться следующего порядка. В первую очередь необходимо осветить и вспомнить факты, характеризующие состояние парторганизаций и взаимоотношения их между собою, а затем последовательно: 1) взаимоотношения парткома коммунистов с Соваппаратом и состояние последнего, 2) взаимоотношения Штаба Востфронта с Соваппаратом и парткомом, 3) состояние нашей Красной армии, гарнизона и фронтовых частей, командование и наконец дача характеристик (литературных) на наших активистов того времени.

Покровский: В июне 1918 года, когда я стал работать, большевиков в Казани было небольше 300 товарищей. По районам работа велась главным образом: в Пороховском и Суконно-Слободском. Слабым был район Крестовниковский. В Алафузовском районе было сильно влияние левых социал-революционеров. Организация была невелика количественно и довольно низка качественно.

Активными работниками, помню были: Шейнкман, Израилович, Стельмах, Покровский, Жаков А., Карпов, три брата Межлаук, Вегер Е., Милх, Фролов, Скачков, Бочков, Ежов Назарий, Рудов, Догадов А. Слабость организации выразилась, главным образом, в том, что у нас было «засилье» левых эс-эров в Соваппарате: Председателем Губисполкома был Калегаев, военный комиссариат также был в их руках. Партработа велась исключительно в городском масштабе, с уездами связи почти не было, за исключением случаев личных наездов того или иного товарища. Я не помню ни одного случая поступления протоколов из уездов в губком, не знает их и тов. Соловьева. В самой работе был застой, например: в горрайоне товарищи слабо собирались на собрания; были мало дисциплинированы; в других же районах работа была оживленнее. Мирная работа была нарушена беженцами-членами партии из мест занятых чехо-словаками; многие из них готовы были внести панику в партийную среду. Нервность в организации стала чувствоваться довольно ощутительно. Следует отметить гарнизонное восстание, как один из моментов, взбудораживших нашу организацию. Еще при жизни тов. Олькеницкого произошло восстание Казанского гарнизона (по почину «Социалистического баталиона»), надумавшего организовать свое «правительство». Ликвидацией восстания был занят, главным образом, т. Межлаук. Помню, была созвана гарнизонная конференция и что один из большевиков, кажется т. Яковлев, заявил на конференции, что Пороховой завод на посту и что все пушки завода направлены на город и в любой момент Казань может быть сметена. Это подействовало, очевидно, на присутствующих, восставшие пошли на переговоры и восстание было ликвидировано. Здесь нашей опорой был батальон Карла Маркса.

26-го июня мы хоронили т. Олькеницкого. В этот же день приехала в Казань тов. Коллонтай, выступавшая на митингах по заводам.

5-й Губернский С'езд Крестьянских Депутатов: В конце июля состоялся этот знаменитый с'езд. Помню из него только то, что им руководили эсеры (Шнуровский председательствовал) и что на этом с'езде выступал с речью по национальному вопросу—Султан-Галеев.

В июне к нам приехали Муравьев и Благонравов; позже приехал тов. Мехоношин.

В одном из заседаний Губкома ставился вопрос о Трофимовском, готовившем выступление, он же хотел устроить массовые обыски и что-то такое было связано с броневым дивизионом. Приезд Муравьева наделал немало хлопот; в общем он в Казани пробыл недолго. После выступления его из Казани мы отправили на моторных лодках 5 коммунистов (во главе с Донецким шахтером членом партии Антоновым) в Симбирск с целью убить Муравьева, но тот уже был убит.

В эти дни приехал тов. Лацис (*Лацис*: «я приехал 27-го июля»).

Перед его приездом прибыли Вацетис и Данишевский.

Первые выстрелы с чехословацких пароходов были об'яснены Штабом Востфронта, как пробные, как учебная стрельба. Мы в Губкоме были в полной неизвестности. Когда-же до очевидности ясно стало, какая эта «пробная стрельба», пред нами встал вопрос о вооружении рабочих масс. Тогда я, тов. Израилович и Милх отправились за инструкторами в Штаб Востфронта; однако нам Данишевский сказал, что это преждевременно и военных инструкторов нам не дали. Самооборона из рабочих началась по нашей инициативе и, конечно, она не могла быть строго плановой. Вооружением руководил тов. Ежов. В ночь на 7-ое августа в Комклуб были мною привезены винтовки (до 3000 и до 100,000 патронов). Шла беспрерывная организация отрядов и отправка их под командой коммунистов.

Бои с чехами шли на Волге у пристаней. 6-го, часов в 11-12, я устроил собрание на Крестовниковском заводе. Из 3000 рабочих явились менее 100; особого рвения к защите Казани у них не было. Этот завод обслуживался в значительной мере меньшевиками, которые имели здесь влияние. В район проникнуть было невозможно. По городу уже ходили офицеры (без белых повязок еще), от пары вооруженных офицеров мне с тов. Антиповым пришлось бежать: вслед они нам стреляли, но мы завернули за угол винного склада и скрылись. *У комитета не было связи с районами* и со сколоченными отрядами, трудно было вообще ориентироваться в городе, так как явно было организовано офицерское восстание изнутри города: была стрельба с колоколен, стреляли и по «Черному Озеру» и из центральных номеров, стреляли из отдельных домов. Попытка орентироваться в обстановке не увенчалось успехом и будучи вместе с тов. Милхом посланными вторично для связи, мы могли констатировать общую картину неразберихи и сумятицы. Здесь как раз надвинулась гроза. На Арском поле была тишина. Видели там одного коммуниста инвалида у пулемета. В Губкоме осталось еще человек 10 с тов. Бочковым во главе. Восстание изнутри офицеров подтверждено было многими товарищами. В комендатуре в городе и Штабе Востфронта была спешная эвакуация. По дороге нас собрались: я, Милх, вскоре мы настигли Кина, тут-же были бежавшие несколько сот красноармейцев и штатских. Был соорганизован под командой тов. Ефимова отряд в 75 человек к которому примкнули и мы. Направились с отрядом на Свияжск. Тут к нам присоединились т.т. Рейснер Лариса, Михайлов, Смирнов Владимир, Розенгольц (последние двое приехали позже). По дороге нам сообщили, что мост через Волгу взят белыми; мы думали было напасть на них в тыл, но случайно происшедшие ночью выстрелы произвели среди нас большой переполох, было ясно, что наш «отряд» не боеспособен. В таком виде мы прибыли в Козловку, а потом в Тюрлему и Свияжск.

Соловьева Н. А. О партийной работе того периода добавить что-либо я не в состоянии. Это было время ряда восстаний и забастовок (за гарнизонным восстанием последовала забастовка печатников). Помню, что мы неделями не выходили из парткома; был разговор о переводе всех ком-

мунистов на казарменное положение. В городской организации рабочего элемента было мало, работа почти не велась. В губкоме рабочих кроме Рудова не было, весь состав губкома был интеллигентский. Было начато издание газеты «Рабочий».

Жаков: Структура губкома была несколько отличной от теперешней—1924 года. Представителем от Порохового района в губком был рабочий Рудов.

Покровский: — (Газета «Рабочий» выходила в начале июня 1918 г. я был редактором. Одновременно я входил в редакцию «Знамя Революции», где работал Ионов—левый с.-р.).

Преобладание левых эс-эров чувствовалось всюду, мы были слабы в Соваппарате. Они-же вели «работу» и в губернии.

Гордеев Г. С.—20-го мая 1918 г. я был командирован Губкомом в Спасск. Там большевики были очень слабы. Сильнее были левые социалисты революционеры. В самом Спасске коммунистов было человек 8, из них 2 татарина. (Из этих спасских коммунистов Саттаров—убит на Дутовском фронте и Денисов—убит чехо-словаками). В середине июня 18 г. в затоне возникла ячейка при участии Ивана Межлаука; приезжал - же тов. Межлаук с отрядом для проведения мобилизации. Всех мобилизованных он забрал на пароход и увез в Казань; с собой он увез также двоих контр-революционеров — Жукова и Цибульского Герасима. Оба были расстреляны. Связь с губкомом была живая и довольно частая через организованный тогда же уездный партийный комитет. Несмотря на лево-эсеровское преобладание в уезде, с их стороны не было противодействия к избранию меня председателем Совета. Принятые резолюции считались декретом и выполнялись на местах.

Жаков:—В этот промежуток времени происходили две конференции; следовало бы их осветить. Казанская городская организация была распущена; необходимо вскрыть подлинную причину роспуска.

Соловьева Н. А.: Конференции действительно были. В повестке дня стояли выборы секретаря комитета, (после смерти Олькеницкого); было об'явлено военное положение для коммунистов; ставились вопросы о народном образовании и о кампании по перевыборам учителей. Подробности сейчас не припомню.

Гордеев:—В Чистополе была партийная ор-ция в 15—18 человек, там работал тов. Густков, (из эс-эров—Строганов).

Лацис:—В Казани было засилье левых эс-эров.

Шляпников: — Секретарем лево-эс-эровского комитета был Зубарев; был организован президиум комитета, куда вошли Попов, Пономарев, Калегаев, Майоров; Шнуровский в комитет не входил — был редактором газеты «За Землю и Волю» и вел подготовительную работу по крестьянскому С'езду. На С'езде он занял особую позицию и вышел из партии левых эс-эров. *Крестьянский С'езд пошел за Шнуровским, а не за эс-эрами, как партию.* Одной из первых из организации левых эс - эров вышла т. Слесарева. С этого-же времени я отошел от работы, не выходя оффи-

циально из партии. Все это было вскоре после убийства Мирбаха. Ефремов вел какие то переговоры с Трофимовским и Муравьевым. Благодаря своеобразной позиции Шнуровского произошел раскол на Крестьянском С'езде. Числа 24—25 июля меня арестовали в помещении крестьянской секции Совета, где были запасы пулеметов, винтовок и патронов. Вскоре освободили по требованию рабочей большевистской секции Совета. Здесь мне припоминается какая-то история со спиртом.

Брауде В. П. Эс-эрами Моховым и Коршуновым была организована продажа спирта.

Лацис:—Я придрался к этому, чтобы при обыске отобрать пулеметы.

Шляпников:—Интересен разгон С'езда и полуконспиративные заседания эс-эров на квартире у Ионова. Поднимался вопрос о Дмитриеве; поднят был Майоровым вопрос об уходе в подполье. Шнуровский ушел «в народ», в деревню. Ефремов стоял на непримиримой точке зрения по отношению к большевикам; я высказываюсь за сотрудничество, вместе со мной кто-то из левых эс-эров предлагали Шейнкману совместные действия и уже вечером 5-го наши эс-эровские агитаторы выступили против белых.

Левыми эс-эрами ставился теоретический вопрос о смертной казни по поводу провокации Владимирова и в связи с расстрелом 2-х белогвардейских офицеров. Меньшевики и часть большевиков возражали против смертной казни.

Лацис.—(Владимиров был расстрелян как провокатор в Москве четами—левыми эс-эрами).

Шляпников Д. Д.—Первыми расстреляны были два белогвардейских офицера Богданов и Нефедов.

Ионов П. Н. — В Казань я приехал из Сызрани в июне 1917 года, где был председателем комитета большевиков. Среди левых эс-эров были товарищи, называвшие себя марксистами, имевшие связи среди рабочих. Среди большевиков было много неустойчивых. Антогонизма между левыми социал-революционерами и большевиками не было. Я, будучи л. с.-р. редактировал «Знамя Революции», орган Советский и большевистский, чему были удивлены вновь назначенные в редакцию Покровский и Введенский. Однако, работать в газете я остался. Заседания губкомов часто устраивались совместные. Так сказать, была диффузия (взаимное сотрудничество). Комитеты установили до известной степени деловой и товарищеский порядок во взаимоотношениях. Помню такой факт: я был командирован в уезд и вместе с большевиком Кузнецовым, каждый из нас соорганизовал по ячейке (он большевиков, я эс-эровскую) после этого я выступал на большевистской ячейке с докладом, кажется по текущему моменту. Подавая заявление в комитет эс-эров о вступлении, я оговорился, что не согласен с Мирбаховской эс-эровской затеей и в отношении теории придерживаюсь марксистских взглядов; несмотря на это я был принят в партию социал-революционеров. Мятеж левых эс-эров в Москве для нас был полной неожиданностью. Я и Бадаев были делегированы в Москву, узнать в

чем дело. Отношение к Муравьеву у эс-эров точно не было выявлено; этот вопрос был для нас темен и мы не считали его за эс-эра. В газете «За Землю и Волю» была написана статья Ефремова после выступления Муравьева. Статья хотя была написана против Муравьева, но мы не доверяли уже в это время и самому Ефремову.

Припоминаю заседание Совета, на котором Муравьев заявлял: «Моя армия будет с вами». На заседании Совета, происходившем в бывшем Дворянском Собрании, нам пришлось отстаивать Муравьева перед меньшевиками. Это было еще перед лево-эс-эровским восстанием. Уже после восстания левых эс-эров, мы открыто организовали лево-эс-эровскую дружину *). На заседании крестьянского С'езда, во время ареста последнего, Пономарев закатил истерику: «Мы не уйдем отсюда», но члены с'езда разошлись быстро один за другим.

На заседание комитета, которое происходило у меня на квартире, явился от комитета большевиков т. Карпов и потребовал от нас совместной работы.

Шляпников.—Моя статья «Осиновый кол в могилу Мирбаха» появилась сейчас-же после восстания левых социал-революционеров.

Зарицын Е. И. — Я работал в Суконно-Слободском районе; работа велась, главным образом, на фабрике «Поляр», обмундировальных мастерских Байталова и Петухова (на Армянской улице). Главным центром была фабрика «Победа» (быв. Шабанова). Обслуживали два корпуса Алафузовского завода на Сенной; газовый завод почти не обслуживался. Помню выступление на «Победе» тов. Межлаука (о положении на фронте) и тов. Шейнкмана (о красном терроре). Бывал в районе и тов. Грасис. В районе коммунистов было человек 25; там работали Бисярин (умер в 20 году), Некрасов, Стельмах, Покровский (позже он работал как завполитотделом войск Азейберджана), Зубков (из Самары). *Во время наступления чехо-словаков рабочие «Победы» выступали активно и охотно, но не было организованности.*

Ионов. — Бисярин был арестован чехами, я с ним вместе сидел в тюрьме, его чехи освободили по чьей-то рекомендации.

Шляпников. — В Суконной слободе и Пороховском районе у левых социал-революционеров не было ячеек.

Брауде С. М. — Организация с.-д. интернационалистов образовалась весной в марте 1918 г.; мы разошлись с большевиками по вопросу «О Забулачной республике; мы стояли за соглашение с татарами и были против кровопролития. В организацию входили: я, Конст. Машкин, Гинзбург, Вегер В., Вегер О., Матвеев, Константинов, Никифоров, Понер; всего по горрайону человек 8 интеллигенции и человек 5—рабочих. Из районов крепче был Алафузовский; всего-же по городу организация насчитывала «без запроса» 20—25 человек во всех районах. С комитетом большевиков

*) Сравните с данными в статье К. Шнуровского. (Ред.).

мы жили дружно; устраивали совместные совещания и заседания; многие из нас занимали ответственные посты; был, так сказать, деловой блок. Я был Комиссаром Труда; Гинзбург, а потом Вегер О. — Комиссаром Социального Обеспечения, Машкин на профработе. После чехов мы снова слились с коммунистами, предупредив постановление группы Лозовского, к которой мы примыкали.

Брауде В. П. Отмечаю вражду между крестьянской и рабочей секциями Горсовета.

Войтов. — Приволжский Военный Округ, об'единял Самару, Пензу, Уфу и Казань, из которых ни в Пензе, ни в Уфе наших представителей не было; фактически мы были и в Казани и в Самаре, куда штаб прибыл перед самым занятием ее чехами. Я приехал с Окружным Военкоматом в Казань из Самары 21-го июля 1918 г. (перед самым почти занятием Казани чехами). Округ не располагал силой, она была на местах. Правда, мы послали для связи до этого в Казань своего Военспеца, а в Симбирск Военспеца и Политпредставителя; в Уфу и Пензу, повторяю, никто нами послан не был. Во взаимоотношениях между ОКРвоенкоматом и Губвоенкоматом была известная степень неразбирихи. После ряда слабых попыток с нашей стороны подчинить себе Губвоенкомат *мы оказались сами как бы в подчинении последнего, мы были в округе слабы настолько, что самого простого перечня комсостава и частей мы не знали.* В конце-же июля приехал в Казань и Штаб Востфронта (Мехоношин, Вацетис). Межлаук и Авров имели связь со своими частями, они-же и отражали первое нападение на Волге. Работники Окружн. Военкомата покинули Казань вместе с Вацетисом, через Арск и Сарапул. Вацетис поручил мне с'ездить через Вятку в Москву по вопросу о месте организации штаба. Я направился, таким образом, к тов. Склянскому, который предоставил право нам действовать самим на месте. Работа подразделялась так. Округ перенесли в Нижний. Задачи Межлаука и мои заключались в снабжении и снаряжении Армии на фронте. В Нижнем были десятки тысяч снарядов, но Коган, местный Губвоенком, препятствовал к передаче их нам, исходя из соображений возможной обороны от чехов самого Нижнего, в случае прорывов на фронте.

Несмотря на это мы сумели кое—что сделать, мы же были заняты заготовкой продовольствия для фронта: наши агенты по заготовке своевольничали. По взятии Казани мы отправились в нее, и Округ снова был перенесен в Казань.

Шейнкман С. А. В дни, когда начались бои на устье, Милх и Яков Семенович Шейнкман были командированы к Вацетису по вопросу о вооружении рабочих и вывозе золота из Казани. Вацетис отказал в резкой форме и в том и в другом, говоря что защита города дело не гражданское и что город сам вне опасности. Вторичная такая-же попытка привела к тому же отказу в той же резкой форме. (Лучше всего об этом

спросить живого свидетеля-самого Милха). *Дни и числа я путаю и их* необходимо установить точно. Условлюсь считать вторник за шестое августа. Числа не верны, но название дней помню как сейчас., Десант чехами был высажен в понедельник (5-го), но был отбит. Передохнув, ночью мы с Яковом Семеновичем болтались в Совете. В Парткоме собрались товарищи, там шло вооружение и наспех сколачивали рабочие отряды. Помню, с артиллерией был Межлаук. Он и Милх держали связь Совета и Комитета с отрядами и войсками. Около трех часов мне дали ящик керенок (1.000,000 р.—касса Совета). В тоже время, приблизительно, я узнала, что А. Бочков нагрузил уже три автомобиля золота и отправил их на устье; деньги мне были даны для передачи в Штаб Востфронта (с рядом документов). Переговоры и просьбы о даче военрука для рабочих отрядов по телефону ни к чему не привели и ответы получались грубые и резкие Я. С. настроен был так, что готов был пристрелить виновного. После трех часов мы все были в штабе Востфронта, там был Сокольский, Данилевская, Я. С., Милх, и я. Прошмыгнул где-то—в штабе же Грасис с чемоданчиком. Штаб в это время никем не защищался. На счастье какой-то товарищ матрос начал по своей инициативе палить из единственной пушки, стоявшей на углу штаба (Проломная и Гостиннодворская). В это время в штабе оставались 2—3 штабных, Данишевская, Розенгольц, Вацетис и еще кто-то помимо нас. Припоминается наш разговор о комиссии из Москвы. Вечером по—позже пришли с разведки Розенгольц и Смирнов, заявили, что положение безнадежно, надо бежать. Перед этим Вацетис поручил Шейнкману Я. С. передать конверт Межлауку. Я. С.—решил выполнить поручение; мы протестовали, (т. к. его весь город знал); в это время истеричка Данишевская сказала: «я удивляюсь Я. С., что вы колеблетесь». Я С. заявил, что он выполнит поручение. Он оставался один. Вацетис сел в автомобиль и уехал, Лацис пробивался на поезд. Чехи вступили уже на Воскресенскую. Мы отступили через «толчек» и спустились вниз к Крепости. Из под моста вылез Кин и присоединился к нам. В страшнейший ливень мы пошли на «Сухую Реку». В деревне я одела лапти. Спали в снопах под дождем около деревни. Так с плохо сколоченным отрядом человек в 50 мы добрались до Козловки и переправились у нее через Волгу; связались со Штабом 5-ой Армии и начали работать в нем, причем я в качестве комиссара. Деньги (миллион) я сдала в штаб и на них то мы начали работать и закупать: Казанский Совет поместился в маленькой избушке. Мы выпускали там прокламации. Вскоре приехал Славин, посылались разведки в Казань, их было несколько, все более или менее удачные, так на Пороховом бывал Гонченко, там даже по мастерским наспех устраивались митинги. Я была командирована в Москву за санитарным отрядом. В Москве я разсказала все о Казани Я. М. Свердлову, тот заставил меня дважды повторить одно и тоже и сказал: «Ничего не понимаю. Донесения из Штаба Востфронта говорят совершенно иное».

Воспоминания о взятии Казани *).

Приехал я в Казань с фронта империалистической войны *в 1918 г. в конце февраля*. По приезде стал искать Казанскую организацию коммунистов. Из старых товарищей я в первую очередь встретился с Зарницыным, которого знал по 1905—6 году. Из других товарищей встретил Борисова, но он был меньшевиком, и А. Комлева, растреленного потом чехами. Начал я работу в Суконно-Слободском районе и одновременно работать инструктором Совета Проф. Союзов. В дальнейшем я от района отошел и стал почти 80% времени уделять работе в Совете Проф. Союз.. В Совете тогда работали: я—в качестве инструктора, Эдельштейн меньшевик—в качестве председателя Совета и Константин Машкин-интернационалист—в качестве секретаря. В об'яснение тому, что председаселем был меньшевик, нужно сказать, что Казанская организация коммунистов мало интересовалась работой в Профсоюзах. Работа Совета Профсоюзов тогда характеризовалась, главным образом, нажимом на предпринимателей за повышение заработной платы и за улучшение положения рабочих и, в связи с этим, разбора всякого рода конфликтов. В момент моего приезда в Казань Октябрьская революция в области экономических отношений не чувствовалась,—старые отношения между трудом и капиталом остались целиком из эпохи Керенщины; так, все конфликты разбирались путем третейских судов, а отношения между рабочими и предпринимателями регулировались коллективными договорами. Единственный декрет, которым регулировались тогда условия труда и зарплаты, был применен по отношению к металлической промышленности. Остальные же регулировались коллективными договорами. Поэтому деятельность Совета Профсоюзов ограничивалась тем, что все работники его участвовали как председатели в примирительной камере, как арбитры в третейскрх судах. Я лично участвовал в 7 третейских судах. Помню было большое дело Алафузова, причем с одной стороны был я и Вахитов, с другой Бать и Ушаков; супер-арбитром был Агарков. Кроме того из положения о деятельности Совета нужно отметить, что в это время был сильный экономический кризис и в связи с ним безработица. Количество безработных и их организация начали принимать весьма угрожающие размеры; между прочим в Совете безработных стоял во главе некий Александров, которого подозревали, что он был провокатором. Что сделалось с этим Александровым мне неизвестно, но потом он исчез.

В мае произошло изменение в составе Совета профсоюзов. Эдельштейн, как меньшевик, был провален на выборах, и председателем вместо него стал Шляпников (тогда левый с.-р.), причем Шляпников продержался около месяца, был переизбран и заменен мной.

*) Речь тов. А. Догадова на вечере воспоминаний от 10/V 24 г. в Москве.

Относительно налета чехо словаков я помню, что дня за 4—5, город зажил тревожной жизнью и стали появляться слухи о том, что Казани может угрожать опасность в смысле взятия ее, т. к. в это время пал уже Симбирск и были слухи, что чехо-словаки приближаются к Казани. Каких-либо приготовлений, однако, со стороны организации не чувствовалось. 5 августа была стрельба на устье, которую об'ясняли учебной стрельбой. Только с 4—5 числа организации как партийная, так и профсоюзов немного зашевелились. 5-го я был в Совете Раб. Деп., там публика суетилась: устанавливались дежурства, раздавались патроны. В день взятия чехо-словаками Казани—6 августа, я дежурил в Совете часов до 2-х дня. Там создалось настроение, что опасности больше нет. Помню, как мы с Ендаковым, К. Машкиным отправились домой обедать. Однако еще за столом я услышал выстрелы. Выглянул в окно. Смотрю, как будто бы красноармейцы, отстреливаясь бегут по направлению к городу, и следом за ними, наступая, чехо словаки, с белыми перевязками. Напротив моего дома был забор и я видел, как красноармейцы бегут, перебрасывая к ним через забор винтовки. Таким образом я оставался, не выходя из квартиры, в Суконно-Слободском районе. Это было вечером, когда был сильный ливень. На другой день, часов в 11—12 я вышел из квартиры и направился к городу, но успел дойти только до дома Софронова около церкви—в Суконной Слоб. районе. Там я увидел валяющиеся трупы расстрелянных рабочих фабрики Победа (числом 6—7). Дальше я не пошел, так-как слышал, что в городе продолжается расстрел рабочих и коммунистов. На третий день я опять вылез из квартиры и пошел по направлению к Дому Труда, причем трупов я уже не видел: они были убраны. Добрался я до Рыбнорядской ул. и встретился с Эдельсоном (меньшевиком). Он энергично выругал меня, и прогнал домой, сказав, что сейчас не только коммуниста, но и всякого подозреваемого в сочувствии коммунистам вытаскивают на улицу и расстреливают. Вернувшись домой, я вечером, чтобы не попасть в руки к чехо-словакам, ушел в колонию малолетних преступников к сапожному мастеру Арсеньеву, где и просидел дней 10. Недели через 2 я выбрался и пошел работать в Совет Проф. Союзов, чехо-словаки за это время уже расстреляли Гассара, председателя союза строительных рабочих и Комлева, работавшего тогда у пищевиков. До моего прихода Совет Профсоюзов почти не работал. Без меня было произведено со стороны чехо-словаков маленькое нападение на Дом Труда: увезли машинки новые и кое-какую мебель. Тут же они приступили к изменению и персонального состава. Это, собственно, проделывали не чехо-словаки, а меньшевики и соц.-рев-ры. Еще раньше своих людей они поставили в комиссариат Труда, назначив заведующим—Комарова—металлиста, который выдавал себя за интернационалиста, но у которого оказался меньшевистский партийный билет.

Нужно заметить также, что чехо-словаки дня через 3—4 выпустили об'явление или приказ, которым они предлагали всем стать на места, в том числе и комиссарам всех Отделов, и дожидаться заместителей, ко-

торым они могли бы сдать дела под самой строгой ответственностью. Этот Комаров был назначен временно заменяющим заведующего Отделом Труда. Назначен он был Уполномоченным членом комуча Алкиным. Одновременно с моим прибытием на работу, меньшевики и с.-р. подняли кампанию за переизбрание Президиума Совета профсоюзов, причем у нас тогда было нечто вроде Пленума из представителей Губотделов. Собрали этих представителей Губотделов, агитировали в течение 5—6 дней, но ввиду того, что состав Правлений Союзов в большинстве остался коммунистическим, им не удалось внести какие, нибудь коренные изменения. Если не ошибаюсь, от меньшевиков только Нелидов был введен в Президиум Совета. От правых с.-р. был какой-то мрачного вида парень типа военного. Держал он себя весьма нахально, побывал на двух собраниях и перестал туда ходить. Я остался председателем, Машкин секретарем и только не было Шляпникова. На другой день после выборов меньшевики подняли кампанию и, за подписью меньшевика Брука, была помещена провокационная статья в меньшевистской газете «Рабочее Дело» *), в которой указывалось, что коммунисты, не имея мужества называть себя коммунистами, прячутся под маской беспартийных, что эта маска весьма прозрачная и видно, что под этой маской скрываются «враги революции». Другими словами сделали донос, который даже среди меньшевиков произвел самое неблагоприятное впечатление. Эта статья дала большой материал для контр-разведки. Одновременно же началась и подготовка к беспартийной рабочей конференции, причем центром этой организации они избрали Дом Труда в том смысле, что председателем организационной комиссии был интернационалист Матвеев, комендант Дома Труда; в состав комиссии входили, кроме Матвеева, меньшевик Борисов, меньшевичка Поплавская (она потом была сестрой милосердия и умерла на фронте гражд. войны). Мы отказались участвовать в комиссии. Тут нужно отметить, что Алкин тогда заигрывал с Советом Профсоюзов. Об'ясняется это тем, что они пробовали связаться с массой рабочих. В частности, он не меньше 2 раз был с визитом у меня, чтобы потолковать о вопросах труда и один раз мы ездили к нему, когда пробовали отобрать взятые у нас машинки и имущество. Он нам обещал оказать всякое содействие, но из этого «содействия» ничего не вышло. Работа Совета Профсоюзов в то время совершенно замерла. Предприниматели обнаглели, не хотели признавать никаких коллективных договоров, не хотели иметь никаких примирительных инстанций и вообще отказывались иметь дело с Профсоюзами, а производили всякого рода экономические нажимы: и снижение зарплаты и удлинение работы и т. д. и т. п.

Теперь, относительно рабочей конференции. Она собралась дней за 10 до падения Казани. Когда я вылез из колонии малолетних преступни-

*) Здесь маленькая неточность: эта статья была напечатана в самые последние дни пребывания чехов в Казани. (Ред.).

ков, организационная комиссия уже приступила к выборам, причем выборы происходили по фабрикам и заводам. На беспартийной конференции коммунистическая группа была очень небольшая. Настроение конференции с самого начала вылилось в форму очень оппозиционную и к чехо-словакам и к меньшевикам. Нужно определенно сказать, что и меньшевики и правые эс-эры, которые организовали конференцию, не ожидали таких результатов от созыва и были очень разочарованы, т. к. они встретили оппозиционное большинство, которое враждебно относилось к ним на конференции. Повестки дня я точно не помню. Она была больше с уклоном в сторону экономических вопросов, но был там и такой вопрос, как выборы в Совет Раб. Деп. и о Совете Раб. Деп., причем они высказались за Совет. Что, главным образом, побуждало и подогревало такое враждебное отношение к чехо-словакам, меньшевикам и эс-эрам—это непрекращающиеся аресты и расстрелы. Не было ни одного заседания конференции, на котором бы не брались прямо из массы внеочередные заявления и не сообщалось бы, что такой-то и такой-то арестован или расстрелян. Между прочим были арестованы делегаты с порохового завода и артиллер. складов, где больше всего будировал Иванов—рабочий артсклада (вспоследствии он сам был арестован после пороховского восстания). Причем эти запросы носили весьма бурный характер, напоминая характер наших заседаний и даже митингов в 1905—06 г.г.; первое время на эти заявления отзывались члены так называемого «правительства»—Алкин и один раз кто-то из военного командования, наговоривший на конференции массу слов о вреде большевиков, с которыми они борятся, призывал и конференцию бороться с ними и заявил, что они принимают меры, чтобы не арестовывали не большевиков. С самого начала было дано обещание, что членов конференции арестовывать не будут, однако это так и осталось обещанием, т. к. конференция тянулась дней 10 и каждый день число арестованных увеличивалось и в том числе прибавлялось число арестованных членов конференции. В качестве показателя настроения конференции могу указать, что на одном заседании к концу конференции решили избрать комиссию по делу об арестованных; «правительство» дало на это согласие. В эту комиссию прошел такой состав: я, второе место получил Новиков-интернационалист и едва прошел Исакович (меньшевик). Преднамеренной организованности тут со стороны коммунистов не было никакой. Я лично попал совершенно случайно: когда стали выбирать, тов. Акулов (коммунист) крикнул «Догадов», и я был выбран. Это служит довольно ярким показателем настроения конференции. На этой конференции мы начали немного организовываться.

Коммунистическая часть конференции: Ендаков, я, Акулов, Кокошин, Федоров, Птицын и другие товарищи, стали поговаривать об организации и о том, чтобы связаться с районами Пороховским и другими. Но более реальных шагов мы не могли сделать и связи ни с кем не завели, потому что в этот момент подоспело Пороховское восстание. И у рабочих и у

нас коммунистов была уверенность, что чехо-словаки долго не удержатся. Это было всеобщее глубочайшее убеждение; в городе были слухи, что чехо-словаков только 300 человек. Ходили слухи, что придут японцы. К тому же из разговоров с меньшевиками и эс-эрами мы знали, что буржуазия тоже смотрит на них, как на авантюристов *и они никакого участия в чехо-словацком правительстве не принимали.* Все это вместе взятое создавало убеждение, что они падут в ближайший срок. К тому же недели через 2 был издан приказ, который был очень показательным для положения чехо-словаков о том, что они, в случае малейших безпорядков будут палить по рабочим районам и дальше о том, что под страхом самой тяжелой ответственности, все граждане призываются ловить и выдавать коммунистов, что лица, виновные в укрывательстве коммунистов, будут подвергаться строгой ответственности и т. д. Конца беспартийной конференции я не помню.

Перед взятием города нашими шли серьезные разговоры о том, что «правительство» собирается, беспартийную конференцию разгонять, а меньшевиков арестовать. Рясинцев (меньшевик) последние дни, говорят, не жил дома, боясь, что его арестуют. Насколько это было основательно, трудно сказать. О Пороховском восстании могу только сказать, что меньшевики и эсэры на беспартийной конференции провели резолюцию, клеймящую восстание, как «нож в спину революции», как провокацию, которая может подорвать революцию. Соответственно этому они выпустили прокламацию. Слухи о падении Казани пошли дня за три. Особенно они усилились, когда начали бомбардировать Дворянское Собрание. Там шла мобилизация и призыв. Пара слов об этой мобилизации. Дня за 2—4 погибло двое наших коммунистов из союза народного питания, которые явились на площадь и между собой говорили: «вот сволочи чехо-словаки, хотят сами уйти, а дураков поставить под обстрел». Тут все время шныряла контр-разведка. Агенты ее подслушали и через $^1/_2$ часа этих рабочих на Казанке расстреляли. Чтобы избежать мобилизации я записался на фабрику «Победа» рабочим-слесарем *) У меня там была своя братва-коммунисты. Курьезно я там работал: один раз послали меня чинить машинку швейную. Стою и не знаю, как к ней подступиться, а баба меня ругает: «что мол, не чинишь, мне работать надо, а ты ничего не делаешь». Я сказал, что нужен инструмент, и под этим предлогом ушел.

Узнал я о падении Казани следующим образом. Ночью сижу дома и чувствую движение народа на улице и вижу целыми массами идет народ с мешками, со скарбом, старики, старухи. Я остановил одну старуху и спросил: «ты куда бежишь?» Она говорит: вот идут большевики, они, говорят, грабят и насилуют»... Днем 9 сентября я вышел в Совет Профсоюзов, посмотрел в окно и вижу Эдельштейн, Брук, Нелидов в походной

*) Фабрика «Победа», как производящая предметы военного обмундирования, от мобилизации была свободна. (Примеч. ред.).

форме, с винтовками идут за повозками. Напротив Дома Труда был госпиталь. Я выскочил на улицу и спросил: «куда вы собрались?» Они говорят: дело дрянь—завтра придут большевики, поэтому мы уходим. Тогда ушло больше половины города. В эту ночь я совершенно не спал и часов в 8—9 утра пошел в центр города. На улицах мертво, за исключением лиц и групп явно пролетарского происхождения. Дошел я до Рыбнорядской улицы и здесь встретил кавалерийские красноармейские части. На этом я могу кончить свои воспоминания.

II. „Борьба за Казань“:

Мне пришлось в то время работать в Информационном под‘отделе Полит‘отдела Восточного фронта, а потому быть в курсе почти всех сведений, информационных донесений и проч.

Ничто не предвещало катастрофы до самого последнего дня. Наоборот, по всем оперативным сводкам, которые изо-дня в день получались в Инф. п/о, можно было судить только об успехах наших войск. Как нарочно,—накануне подхода чешской флотилии к городу, в оперсводке отмечалось несколько решительных побед на Тетюшском и Сенгилеевском участках фронта. Это дало мне повод поместить в нашем военном органе «Гражданская война» очередную заметку в виде краткого обзора военных действий. Я и не предполагал тогда, что этот номер газеты почти целиком попадет в руки чехо-словаков, которые впоследствии непреминули поиздеваться над этими строками в своем «Новом Казанском Слове».

Взятие Казани, а тем более в каких-либо два дня, казалось невозможным, т. к. город обладал, помимо многочисленнного гарнизона, достаточным количеством орудий, броневиков, снарядов и прочего вооружения.

Но эта самоуверенность, отчасти беспечность всех военных работников, начиная с Главкома и кончая рядовыми сотрудниками и погубила все дело.

Как это ни странно, но многие ответственные партийные работники и сотрудники Штаба спокойно говорили, что гул орудий со стороны Волги, это ни что иное, как пробная стрельба.

Слабо действовал и чекистский аппарат. В городе и в самом Штабе работала прекрасно с‘организованная контр - революционная группа офицерства, имевшая связи с различными городами Советской Республики и Москвой. В эту организацию были вовлечены чуть-ли не все офицеры Казанского гарнизона и Штаба Востфронта. (Из всех офицеров Штаба остались нам верными только 25—30 чел.). Мне думается, что в исходе боя в самом городе Казани организованное офицерство и сыграло решающую роль. Не мешает здесь отметить и то обстоятельство, что город планомерно наводнялся мешочниками*) с низовьев Волги, под видом которых и пробралась часть белогвардейцев.

---

*) Слово это может быть позабыто: оно означает людей, ездивших из голодных местностей в хлебные—за мукой—для собственного ли пропитания или—спекуляции. (Р е д.).

Орудийный гул со стороны Волги начался днем 6-го августа. Около трех часов дня чешские суда подошли уже к самому Устью (в 3—4 верстах от города), постепенно отгоняя нашу немногочисленную флотилию под командой известного авантюриста, именующего себя с.-р., Трофимовского, кстати сказать, позорно бежавшего со своим пароходом «Миссури» в г. Чебоксары, и после расстрелянного нами за невероятные бесчинства, кутежи, грабежи и расстрелы крестьян направо и налево. (По сообщению близко знавших Трофимовского товарищей, это был человек определенно ненормальный).

Часам к пяти вечера противник начал обстрел города. Первые снаряды стали ложиться на Проломной и смежной с ней улицам, а также и у самого Штаба Востфронта, находившегося в б. №№ Щетинкина.

Приблизительно, часов в девять стрельба прекратилась. Были получены сведения, что десант, высаженный противником, сбит в Волгу, а успешным огнем нашей береговой батареи повреждены два чешских судна.

Флотилия чехов ушла вверх по реке, и, как после выяснилось, высадила десант в г. Свияжске и у Красного моста через Волгу. (В 25—30-ти верстах выше гор. Казани).

К чести Штаба Востфронта нужно было отнести умение быстро с'организовать отряды*) и заполнить ими весь город. Но этим все и ограничилось. Отряды были повсюду, на всех перекрестках, но в большинстве случаев не там, где нужно, в добавок ко всему, при полном отсутствии связи между собой. Главные силы были брошены в Адмиралтейскую слободу и на устье реки Казанки, т. к. вернее всего следовало ожидать нападения, именно отсюда, а дальше подступы со стороны дер. Б.-Отары, Кокушкино, Поповка и «Архиерейской» дачи остались совершенно открытыми. С этого места противник и прорвался в город.

Только на другое утро кто-то догадался посмотреть, не высаживается-ли противник десанта у дер. Большие Отары.

Так, собственно говоря, и сформировали задачу нашему добровольческому отряду коммунистов, работников Политотдела Востфронта, т.т. Межлаук и Карл Грасис.

Мы с'организовались и вооружились в течении 10 минут и поехали на грузовике к деревне Поповке. Никто из нас, тридцати человек, не предполагал, что этот небольшой разведочный отряд вынужден будет стать через короткое время, почти единственным заслоном против наступавшего стройными рядами, в числе трехсот человек, чехов и сербов.

Часам к девяти мы были в деревне Поповке (в 2-х верстах от города). Оставив грузовик с ящиками патронов и ручными гранатами, отряд наш направился к дер. Кокушкино, намереваясь пройти к деревням Малые и Большие Отары и к Волге.

---

*) Редакция сильно сомневается, возможно - ли это отнести к чести Штаба. Скорее, в этом отношении большую роль сыграли добровольческие рабочие дружины, имевшие свой штаб (т.т. Луковский, Антипов, Ежов, Ефремов и Карпов). (Ред.).

Пройдя около 4-х верст, мы попали прямо в пекло—у деревни Кокушкино уже шел бой. Через пару минут к нам присоединился отряд из рабочих авио-парка, числом около 50-ти человек. С их слов выяснилось, что чехи, численностью около трехсот человек, заняли Большие Отары (в 2-х верстах от Кокушкина), выбив оттуда их отряд еще вчера вечером.

В Штабе об этом ночном бое никто не слышал и не знал. В действительности, цифра противника, вступившего в город с этой стороны, достигала 500 челов.

После двух часов перестрелки с засевшим в дер. Кокушкино передовым отрядом чехов, на помощь к нам откуда-то пришла батарея, тотчас же открывшая огонь по указанным выше деревням. Тем не менее, держаться из-за нехватки патрон, хотя и с двумя пулеметами, против прекрасно-вооруженного противника, не представлялось возможности. Наш командир т. Яковлев (сейчас работает в Ц. К. Р. К. П.), оставил отряд и поехал в Штаб с просьбой ускорить присылку Мусульманского им. Карла Маркса полка, расквартированного в близь лежащей части города.

Мне было поручено подвезти патроны из дер. Поповки. У меня испортилась винтовка и я перестал быть боевой единицей.

В это време противник повел по всем правилам боевой техники наступление на нашу цепь. С левого фланга он одним отрядом направился к архиерейской даче и оз. Кабану (с этой стороны наших сил совершенно не было), а с правой стороны, высадив десант, стройной цепью, двинулся вдоль Волги. С подоспевших судов и установленной батареи на Нижнем Услоне, он открыл огонь по нашей цепи и отрядам, которые после нескольких выстрелов, были сбиты. Отряд очутился в критическом положении.

Добравшись, частью ползком, частью во ржи, под пулеметным огнем, до дер. Поповки, я перегрузил с грузовика патроны на быстро предоставленную рабочими фабрики, лошадь и стал звонить по телефону в Штаб, с просьбой ускорить посылку Мусульманского полка. Мне обещали передать приказ полку, чтобы он выступил.

А через несколько минут, когда я подвез патроны и роздал их по цепи, мы уже были окружены. Противник наступал стройными рядами со стороны Волги, имея впереди кавалерию, которая карьером неслась к вокзалу (в самом городе). С левого фланга противник прорвался в Плетени; далеко сзади трещал его пулемет. Наш отряд разделился на две части и отступил к дер. Поповке; одна половина расположилась с правой стороны деревни, другая—с левой. Тем временем чехи другим отрядом подошли к Кабану и вошли в Суконную слободу. Со стороны архиерейской дачи они прошли к Третьей Горе.

В последнюю минуту я позвонил еще раз в Штаб. Телефонистка соединила меня с тов. Вацетисом, который в это время говорил с тов. Межлауком. Я перебил их и передал, что отряд наш окружен, что кавалерия противника с частью пехоты пробирается к вокзалу, чтобы отре-

зать путь отступления Штабу Востфронта и что держаться больше не представляется возможным.

Неожиданно разговор был прерван третьим лицом, который злорадно крикнул в трубку: «Это, ведь, очень хорошо! Да!?» Тут мне лишний раз пришлось убедиться, что в Штабе орудовали контр-революционеры.

Я до сих пор не могу понять, как мне удалось спастись. Помню только, что белые ворвались в деревню с тылу и что со мной выскочил из-под пуль еще тов. Нудельман (быв. сотрудник Политотдела).

Об остальных я узнал только после—через неделю: почти все они были захвачены чехами и расстреляны. Фамилии отдельных товарищей я помню. Это: Гуревич с женой, Шрайт, совсем еще мальчик—16-ти летний гимназист,—Марус и Хатаевич (энергичная работница Политотдела, которая пошла еще в начале боя в разведку вместе с т. Штрайтом и Авксентьевым *), захвачена белыми и после допросов, расстреляна уже в городе, под Крепостью.

Наш отряд был единственным, пожалуй, по своей энергии и упорству: несмотря на отчаянный пулеметный и шрапнельный огонь, он выдержал натиск в десять раз сильнейшего противника, задержал его с 9 ч. утра до 5-ти часов вечера, значительно облегчив тем самым возможность спастись Штабу Востфронта.

Через некоторое время в Плетенях меня с Нудельманом задержал патруль Мусульманского полка. Татары ни слова не могли читать по-русски и, вдобавок ко́ всему, сочли нас за чехов, за что и собирались нас расстрелять. Я совал им под нос документы Политотдела Востфронта и говорил, что мы из Штаба. На это последовал совершенно авторитетный, не терпящий никаких возражений, ответ: «В Штабе все белогвардейцы!» Тогда я настоял, чтобы нас отвели к командиру полка. Полк сгрудился всей массой у электрической станции около озера Кабана. Нас подвели под вооруженным конвоем к Султан-Галееву (впоследствии, в 23 г. перешел в лагерь контрреволюции); который ни о каком приказе о выступлении полка на помощь нашему отряду даже не слыхал. (И тут, повидимому, приказ был перехвачен белыми). Конечно, он нас тотчас же отпустил, поблагодарив за сообщенные ему сведения о противнике.

Мы с Нудельманом прошли в Штаб. Здесь все было готово к отступлению. О гибели нашего отряда, (в том числе и меня), они уже знали. Рабочие с фабрики **), в дер. Поповке, помогавшие мне перегрузить патроны с грузовика на лошадь и тщетно пытавшиеся исправить мою винтовку, чтоб «пострелять в мерзавцев»—сообщили по телефону в Штаб о судьбе наших товарищей. Нам всем, оставшимся сотрудникам Политотдела предложили пешком пробираться, кто как сумеет, на ст. Свияжск.

---

*) Есть сведнния, что Авксентьев, называвший себя анархистом, остался жив. Его видели спокойно разгуливающим по Казани, после занятия ее чехами. (Г. Т.).

**) Речь идет в фабрике-заводе бывш. бр. Крестовниковых (теперь имени М.-Н. Вахитова. (Ред.)

Я решил, все-таки, предупредить своих родных, живущих через четыре квартала от №№ Щетинкина. Городская телефонная станция, несмотря на пулеметную трескотню, орудийный обстрел города, работала вполне исправно. Я бы сказал, даже лучше, чем когда бы то ни было.

Я, кажется, был единственным, знавшим более или менее хорошо, ближайшую дорогу на ст. Свияжск. Со мной пошли, кажется, Чугунов, Морозов, Лидин-Мохов. Остальные сотрудники что-то замешкались. Мы успели сделать только несколько шагов, как очутились под обстрелом. Штабные офицеры, жившие в №№ «Москва», открыли огонь по отступавшим, своим бывшим сослуживцам. Мы пробежали к Казанке. Оставшиеся в штабе передают, что только благодаря помощи одного матроса-артиллериста, который неизвестно откуда взялся и неизвестно куда после делся, нам удалось избежать ловушки. Этот герой-матрос, под обстрелом навел орудие, стоявшее вместе с броневиком без прислуги, на перекрестке Проломной и Гостиннодворской улиц и выстрелил в упор шрапнелью. Офицеры бросились бежать по Проломной улице.

Мы пробирались вдоль дамбы, соединяющей Адмиралтейскую слободу с Казанью. В это время над городом разразилась гроза, какой не было за все лето. Буквально не представлялось возможности различить разрывы снарядов от грохота грозы. Только свист и жужжание их над головой, говорил, что чехи продолжают обстрел кремля. Через каких-нибудь две-три минуты мы промокли до костей, местами приходилось пробираться по колено в воде. Навстречу по дамбе в город неслись в панике отдельные красноармейцы, мчались броневики и переполненные красноармейцами трамваи. Какой-то командир, кляня все на свете пытался остановить бегущих. Как-то больно было видеть эти группы бегущих кр-цев, которые так или иначе должны были попасть в руки чехов, уже на—половину занявших город. Нам удалось предупредить об этом некоторых из них. Из отдельных слов и ругательств, я понял, что чехи высадили десант на Устье, разбили наши отряды и вошли в Адмиралтейскую слободу. Тем не менее, мы решили итти дальше и постараться переправиться через р. Казанку по ж.-д. мосту у Порохового завода. Мост уже находился под обстрелом. Троим из нас, частью на корточках, частью ползком, удалось пробежать, хотя шальная пуля попала мне в фуражку. Только т. Морозов, старик, не решился подставить свою спину пулям и остался по ту сторону Казанки, был через несколько минут арестован и отправлен в город к чехам. Однако по пути, конвоировавший его рабочий, не потерявший, повидимому, свою пролетарскую честь, отпустил его, указав путь на Краснококшайск.

Мы прошли в Аракчинский лес, мимо пороховых погребов, благополучно миновав вооруженные патрули охраны (как нам пришлось убедиться, настроенных далеко не в нашу пользу) и, приблизительно, через час вошли на полустанок Аракчино. По дороге, у ст. Лагерной, к нам присоединился т. Жестянников, впоследствии член Ревтрибунала 5-ой армии.

К Аракчино в это время подошел последний поезд штаба Востфронта. В нем находились тов. Лацис, Межлаук, Бакинский, Нудельман, отряд латышей и офицеры штаба. Вагоны были повреждены ручными гранатами. Поезд был буквально вытащен из под обстрела на станции Казань одним из машинистов. В вагоне, на скорую руку был организован Реввоенсовет. По предложению тов. Межлаука, решено было попытаться под его командованием с'организовать ударную группу из прибывших из Москвы эшелонов, задержать бегущих и в тот-же вечер выбить чехов из Казани.

Но этому решению так и не суждено было осуществиться.

На ст. Юдино *), куда мы под'ехали через некоторое время, я лег месте с Нудельманом спать, предварительно выжав мокрое белье и натянув его снова на себя. Сколько я проспал не помню, но проснулся, когда стало темно. У самого поезда трещал пулемет, а вдалеке слышались отдельные выстрелы. Я разбудил Нудельмана. В эту минуту машинист пустил поезд полным ходом. Не успели мы одеться, как нас бросило в разные стороны, послышался страшный грохот; я совершил сальто-мортале и упал, потеряв на несколько минут сознание. Очнувшись, я выскочил из вагона. Вокруг грудой валялись разбитые вагоны, винтовки, ящики с патронами, пулеметы. Слышались стоны и крики. В довершение ко всему, поднялась паника. Красноармейцы бежали массами в разные стороны.

В действительности же никаких «белых» не было. Прибывшие эшелоны Владимирского полка останавливали бегущих из Казани кр-цев 1-го Советского полка. Кто-то выстрелил в воздух, и кр-цы, находящиеся в вагонах, решили, что на станцию напали чехи, выкатили пулеметы и открыли пулеметный огонь. Машинист вообразил, что поезд обстреливают, стал выводить его со станции постепенно ускоряя движение. На полном ходу поезд врезался в хвост прибывшего из Москвы эшелона кр-цев. Каким-то образом, только один наш вагон оказался не разбитым, все остальные были разнесены вдребезги. Убитых и раненых насчитывалось, должно быть не менее 100 человек **).

Этим печальным событием и завершился первый этап борьбы за Казань.

Пришлось разбирать путь, разгружать разбитые вагоны и окапываться на ст. Юдино, которая в течение целого месяца, за исключением двух-трех дней, до взятия гор. Казани обратно, находилась в наших руках.

Дальнейший путь мы совершили частью по лесу, а частью по жел. дороге. На полустанке Обсеватория, рано утром, мы погрузились в теплушки и добрались до ст. Свияжск. Здесь все говорило о недавнем бое с чехами: частью разрушенная водокачка, выбитые шрапнелью и осколками снарядов стекла в домах и избушках, свежие окопы. Прибывше из Мо-

---

*) Тогда еще Красная Горка. Станция переименована в память тов. Юдина, геройски погибшего в один из упорных боев с чехами, потерявшими в этот день Благодича, командующего чехо-словаокими войсками. (Г. Т.).

**) Сравни со статьей т. Лациса в этом же сборнике. (Ред).

сквы эшелоны, если не ошибаюсь, Латышского полка, еще вчера вечером, не успев полностью выгрузиться из вагонов прямо «с места в карьер»— вступили в бой с чехо-словаками, выбили их из гор. Свияжска и заняли Верхний и Нижний Услон. Успешно начатая операция, к сожалению, благодаря отсутствию связи и беспечности наших красноармейцев, сорвалась с самого начала. Через несколько дней, чехи, прорвавшись клином между Верхн. и Нижн. Услоном, оттеснили наши части к Морквашам. После этого бои под Казанью затянулись почти на целый месяц, без существенных результатов.

Подробностей этих боев с белыми наших частей левобережной группы у ст. Юдино и у села Моркваши (правобережной группы)—я не знаю. На военно-оперативном языке это время, до конца августа 18 года, можно охарактеризовать так: упорные бои с переменным успехом. Я вкратце отмечу наиболее интересные дни и постараюсь более подробно осветить «исторический бой у станции Тюрлема и Свияжск».

К сожалению, не имея под рукой целый ряд документов, придется ограничиться только воспоминаниями.....

Приблизительно через пять дней после падения г. Казани, на ст. Свияжск подошли оставшиеся в живых сотрудники Полит'отдела Вост-фронта. Им пришлось, вместе с другими партийными работниками, совершить окружной путь через Краснококшайск и Козловку. С этого дня был с'организован Полит'отдел 5-ой армии, в котором я и остался работать на прежней должности пом. зав. Информационным Под'отделом.

Еще через несколько дней пришел сотрудник Полит'отдела т. Портнов (сейчас работает в Москве, Ц. К. текстильщиков). Он был в том же отряде, в котором находился и я, захвачен белыми у дер. Поповки и «расстрелян» вместе с товарищем Гуревичем. Каким-то чудом ни одна пуля его не задела; он притворился мертвым, пролежал почти весь вечер в одном нижнем белье, после, получив одежду от рабочих, измученный и голодный, бежал через Тетюши на Шихраны, а оттуда на поезде приехал на ст. Свияжск.

Вскоре (числа не помню) приехал тов. Троцкий, в руках которого сосредоточилось все командование нашими частями и руководство операциями под Казанью.

В Полит'отделе 5, в это время работали т.т. Машкевич, (завполит'-отделом) его жена, тов. Лукомский, Яковлев (уехавший через несколько дней в Москву). Портнов, Матрон (умерла в Сибири), я и ещё два-три товарища, фамилии которых не помню. К концу месяца из Москвы приехали т.т. Иткинд, Приворотская, Тартаковская и еще несколько товарищей.

Со дня прихода на ст. Свияжск, жизнь Полит'отдела проходила «однообразно»: распространялась литература, посылались агитаторы, назначались комиссары частей, подготовлялись в большом количестве листовки, которые наши аэропланы ежедневно, вместе с бомбами, сбрасывали над Казанью.

Чешские аэропланы пытались два раза сделать налет на ст. Свияжск к поезду т. Троцкого, но каждый раз, неудачно. Ими были также сброшен огромный тюк прокламаций, в которых они призывали красноармейцев убивать комиссаров и коммунистов и переходить на сторону белых, ссылаясь, между прочим, на Латышский полк который остался в Казани и, якобы, дрался теперь с ними против нас. Весь тюк красноармейцы пустили на растопку, так что нам удалось с трудом достать только два-три экземпляра для архива.

К середине августа были получены сведения, что со стороны г. Арска, к Казани подошли части 2-ой армии, во главе с героем гражданской войны т. Азиным (впоследствии погиб под Перекопом). Его дивизия заняла район Больших и Малых Дербышек и село Высокая Гора.

Тем не менее, борьба затянулась. Это чувствовали все работники Штаба. Товарищем Троцким был издан приказ, призывающий к энергичному наступлению на Казань. На фронт—на передовые линии были двинуты почти все силы.

В эти дни противник попытался подойти со своим флотом к городу Свияжску и обстрелять Красный мост, предварительно оттеснив наши части левобережной группы к селу Васильево. Огнем одной только нашей забронированной баржи «Сережа» флотилия чехов была отогнана: один пароход взорван, а другой потоплен.

Накануне, или после этого, точно не помню, небольшая группа белых прошла глубоко в тыл нашим частям левобережной группы и вышла у Паратского Затона, но рабочими этого завода была разбита.

29-го августа, когда мы лихорадочно подготовлялись перейти в наступление, около 4-х часов вечера, неожиданно, далеко в тылу, раздался сильный взрыв. Через короткое время выяснилось, что противник, совершив длубокий обход частей правобережной группы, ворвался на ст. Тюрлема и взорвал два поезда со снарядами.

Таким образом, мы были отрезаны от Москвы.

Как мы узнали после, белые, в числе 1000 человек, под командой Лебедева, Фортунатова и Савинкова,*) имея в своем составе Каппелевский офицерский батальон и артиллерию, высадились в селе Тетюшах, прошли незамеченными десятки верст к Тюрлеме,**) Ибреси и гор. Свияжску. От-

*) Борис Савинков в показаниях на суде 27—VIII—24 г. говорит лишь о своем личном участии в этом налете, не упоминая о других. («Правда» № 195 от 30 авг. 24 г. стр. 5).

Тов. Л. Райснер в своем рассказе «Свияжеск» говорит об участии Савинкова, Каппеля и Фортунатова («Пролетарская Революция» № 6—7 (18—19) стр. 183). Налет был произведен отрядом Каппеля, в котором приняли личное участие и Савинков и Фортунатов и Лебедев. (Ред.).

**) В той же статье т. Рейснер гововит о налете на Шихраны, на самом же деле налет белые произвели на ст. Тюрлема. (Ред.).

дельная разведка пробралась даже до гор. Алатыря и пыталась взорвать жел.-дор. мост, но огнем нашего охранного поста разогнана.

На станции Свияжск не было в то время ни одной воинской части. Расквартированный по близости, 2-ой номерной Петроградский полк, после нескольких выстрелов бежал в полном составе к селу Козловке и реке Волге, обнажив, тем самым, подступы к ст. Свияжск и самому Штабу 5-ой армии. Неудачно закончил операцию и бронированный поезд, под командой завед. Полит'отделом т. Машкевича. После нескольких снарядов поезд был белыми сбит с ж.-д. пути и, будучи неспособным к передвижению, взорван и брошен нашей командой.

В довершение всего, к вечеру отряд противника занял гор. Свияжск.

Штаб и вся пятая армия очутились в чрезвычайно тяжелом положении.

Со стороны Тюрлемы белые подошли совсем близко к станции Свияжск. Ближайшие наши части находились за 10 верст, на другой стороне Волги, а правобережная группа отрезана налетом белых на г. Свияжск.

Грубо выражаясь—все было перемешано, начиная с Верхнего Услона и кончая Тюрлемой. (Сначала позиции белых, после красных, дальше опять белые и опять красные).

Поздно вечером выяснилось, что бой придется вести чуть-ли не на самой станции. Нужно было мобилизовать все силы; для этого «призвали под ружье» всех сотрудников Штаба, кашеваров, санитаров и прочих нестроевиков.

Мне, по предложению тов. Судынина, пришлось обежать половину домов на станции, снимать всех дежурных сотрудников, будить спящих, вооружать их, сводить в небольшие отряды и группировать у Полит'отдела.

Наступила жуткая, темная, осенняя, дождливая ночь.

Я, с двумя товарищами, был выставлен пикетом, (если можно так выразиться) на перекрестке двух дорог: на Красный мост и Свияжск.

Признаться—никогда, ни я, ни мои товарищи, не чувствовали себя в таком глупом положении: у нас было всего только 45 патрон, мы знали, что белые совсем близко от нас, но в десяти шагах, буквально, ничего не было видно, а между тем налево, немного впереди нас, слышалась стрельба. Вместе с тем, далеко сзади нас, совершенно в противоположной стороне станции, трещал пулемет. Как выяснилось после, наши группки были разбросаны вокруг всей станции, на всех тропинках и дорогах и, видимо больше для острастки, стреляли в темное пространство.

К рассвету нас сменили. Я пришел в Полит'отдел и, пользуясь минутным отдыхом, задремал на связках литературы. Проснулся я от пулеметной стрельбы. Бой шел не более, как в полуверсте от станции, у близь-лежащей деревни, название которой, к сожалению, не помню.

Все руководство боем сосредоточилось в руках тов. Троцкого, который, нужно прямо это сказать, спас тогда все положение. Я видел его быстро и решительно отдающим приказы то на одном, то на другом конце станции «Свияжск» в то время, как над ней рвались снаряды.

В самый жаркий момент боя, чуть ли не под пулеметный огонь, была подведена батарея.

Разрывы наших снарядов следовали тотчас же за выстрелами—настолько близко находились цепи белых. Кроме того, на платформы поезда были втащены орудия. Поезд прошел чуть ли не в расположение противника и открыл по нему боковой артиллерийский огонь. В довершение всего, несмотря на сильный ветер и низкие осенние тучи, поднялись аэропланы, которые обстреляли, белых из пулеметов сверху.

Белогвардейцы, когда казалось, что наш малочисленный отряд, (кажется, не более 200 челов.) больше не выдержит, неожиданно бросили позиции и пустились в паническое бегство. По сообщению товарищей, учавствовавших в бою,—еще минута и мы погибли бы со всем штабом, 25-ю аэропланами и проч. военным имуществом.

В тяжелую минуту, по примеру 2-го номерного полка, часть оставшихся на станции сотрудников и кашеваров дрогнула и бросилась бежать в панике на пристань к красному мосту и, вместе с эвакуированными госпиталями, села на санитарный пароход «Одесса».

По приказу Реввоенсовета были расстреляны (бывш. комиссаром штаба т. Михайловым) 41 человек из полка, вместе со всеми коммунистами и командным составом.

Совершенно случайно, розыскивая с тов. Лукомским (впоследствии зав. полит'отделом пятой армии) своих товарищей из полит'отдела, которые, забрав все секретные документы, ушли на пристань, я, вместе с двенадцатью товарищами, был обвинен в бегстве и «приговорен к расстрелу», хотя, в действительности, мы тотчас же вернулись на ст. Свияжск. Политический момент был такой, что почти мы все, коммунисты, отнеслись к этому, как к должному. Конечно, на другой день, допросом специальной следственной комиссии от Реввоенсовета в лице т.т. Михайлова, Тартаковской и Чугунова, выяснилась неосновательность этих обвинений. А в ту минуту все «приговоренные» всем отрядом тотчас же были затребованы на левый участок фронта (если его можно так назвать) у дер. Ново-Попово, где в это время наши товарищи дрогнули и нужно было восстановить положение.

Лариса Рейснер, принимавшая участие в боях против белых у Тюрлемы, с кавалерийским отрядом мадьяр, в своих воспоминаниях, о расстреле кр-цев и комиссаров 2-го номерного Петроградского полка, заканчивает словами, что Свияжск—это трагедия.

Мне кажется, что этот бой был ничем иным, как беспощадным экзаменом для нашей Красной Армии. Только благодаря железной выдержке тов. Троцкого и коммунистов, мы спасли положение не только пятой армии, но и Советской России.

Не нужно забывать, что путь на Москву для белых оставался совершенно открытым. Под Казань были брошены почти все силы, пожалуй, последние резервы!..

Не случайно и то, что в эти дни в Москве был тяжело ранен эсэрской Фани Каплан, Владимир Ильич.

Сорок один человек—это та жертва, которую мы вынуждены были дать, чтобы укрепить ряды нашей молодой Красной Армии с тем, чтобы через несколько дней разбить белых и войти в Казань.

Из отдельных характерных моментов боев в эти исторические дни, необходимо указать следующие:

Вечером, накануне подхода к ст. Свияжск белых, мы получили известие, что город Свияжск взят. Первый, кто сообщил, был бежавший оттуда в панике, в одном нижнем белье, кашевар. После позвонил нам по телефону сам комендант города. Его постарались уверить, что раз он говорит по телефону из Свияжска, то город не взят. В действительности-же отряд белых занял половину города, и наша комендантская команда, кажется не более 11 человек, вынуждена была выдержать на своих плечах, до прихода подкрепления, неравный бой с сравнительно многочисленным противником. Есть сведения, за достоверность которых не ручаюсь, что один отряд белых зашел с другого конца Свияжска и, не разобрав в темноте своих, выбил их сам из города...

В одной деревне встретились наши кр-цы с белыми. Наши уверили их, что они добровольческий отряд из Казани, воспользовались беспечностью, неожиданно ударили им в тыл и разогнали во все стороны. Часть, в большинстве случаев, мобилизованные Самарские студенты, гимназисты и реалисты, была захвачена в плен. Нужно было видеть эти перепуганные, бледные лица буржуазных сынков, ждавших со дня на день своего расстрела, пока не убедились, что им, кроме работы по исправлению мостов и дорог ничего не сделают.

В этот день к Красному мосту на Волге подошли миноноски, которые сыграли в дальнейшем основную роль по ликвидации чехо-словацкого бандитизма на Волге и Каме.

Тотчас же после боя на ст. Свияжск, когда выяснилось, что противник разбит, тов. Троцкий и Раскольников сели на одну из миноносок и направились к самой Казани. У Верхнего Услона миноноска благополучно проскользнула под обстрелом береговой батареи противника. Тогда чехи решили захватить ее с берега, выслав цепь с пулеметами. Наш пулеметчик-матрос, с одного прицела снял чуть-ли не всех 200 человек, и миноноска спокойно прошла к Устью.

Конечно, белые не ожидали такого дерзкого налета! Артиллеристы на береговой батарее приняли миноноску за свое судно. Несколькими выстрелами из орудий, батарея была приведена в негодность, а белые разбежались.

В ту же минуту у миноноски попортился руль и она вынуждена была битых два часа стоять, пришвартовавшись к берегу, на самом виду у бе-

лых, в их же расположении, пока, спокойно закончив починку руля, не ушла обратно к ст. Свияжск.

После боев у Тюрлемы и ст. Свияжск, определенно наступил перелом. Наши части, в каких-либо девять дней прошли до Верхнего Услона и, после решительного боя, сбили белых в Волгу. Взятие Услона, этой господствующей горы над окрестностью Казани, решило судьбу города.

В боях на Волге мы потеряли два парохода: «Андижан» и «Дельфин». Нужно было раскрыть, прекрасно замаскированную в орешнике, среди оврагов Верхнего Услона, береговую батарею противника, которая держала целый месяц под обстрелом село Красную Горку и ст. Юдино, и не позволяла пройти нашей флотилии к Казани. После нескольких выстрелов, наши миноноски, следовавшие за «Андижаном» и «Дельфином», сняли батарею; в то же время, части лево-бережной и право-бережной групп, перешли в энергичное наступление.

Город Казань был подвергнут обстрелу с наших миноносок, при чем так точно и удачно, что «наивные» белогвардейцы решили, что у нас во флотилии работают германские офицеры. (Снаряды попали во многие здания, где были расположены различные учреждения Учредилки и штаба белых).

На другой день, 11-го сентября, рано утром, наши части вошли в город.

Так завершился второй этап борьбы за Казань.

В тот же день мы получили телеграмму, от т. Гая, что Симбирская дивизия подошла к Симбирску и город должен на завтра пасть.

Т. Гай просчитался только на один день, но все-таки свое слово сдержал.

Железные бойцы его дивизии не пожелали отставать от героев—кр-цев 5-ой армии.

Т. Герман (Тихомирнов).

10-го июня 24 г.
г. Москва.

III. Материалы о пребывании чехов и учредиловцев в Казани.

Казанская организация П. С. Р. (правых) и власть Ком-Уча в Казани*).

1) Многочисленна ли была право-эс-эровская организация до чехов?

Отв. Точного учета влияния партии не было и не могло быть. Число зарегистрированных членов составляло не более 30. Недели за 2—3 организация пополнилась несколькими работниками (5—6), прибывшими из других губерний и впоследствии использованных, как агитаторы.

2) Из кого она состояла: по социальному признаку, возрастному, партстажу?

Отв. Организация образовалась в итоге распадения на 2 группы: 1) левых эс.-эров. (интернационалистов) и 2) небольшой группы правых эс-эров (после октября 1917 г.). Обе группы расходились с Ц. К. партии: одна влево (участие во власти и принятие Октябрьской Революции), другая вправо (выставление параллельного списка на выборах в У. С.). Я как раз был командирован, в ноябре 1917 г. чтобы навести «порядки». В итоге левые эс.-эров. образовали свою партию, а правый Комитет был распущен. Большая часть этого Комитета и 2—3 человека из вернувшихся обратно от левых вошли в состав нового Комитета. В большинстве, это были старые (до 1917 г., а некоторые с 1905 г.) казанские работники, с некоторым дополнением приезжих. Насколько помню, зеленой молодежи и очень старых эс-эров почти не было. Впрочем, состав был текучий. По социальному составу—несколько старых партийцев, несколько студентов, несколько интеллигентов, служащих и 6—7 рабочих.

3) Как себя проявляла и в каком виде организация существовала до чехов?

Оффициально организация стояла на платформе Ц. К. и IV с'езда (ноябрь 1917 г.), эволюционируя влево **). В январе она имела еще острые

*) Настоящая статья С. Н. Каллистова представляет собою ответы на предложенную ему Истпартотделом анкету. Сам С. Н. Каллистов был в 1918 г. представителем Ц. К. П. С. Р. и председателем Каз. Ком. П. С. Р., редактором газеты «Народное Дело» и, как таковой, весьма близко стоял к власти Комуча.

**) В. П. Брауде: «Не верно. Правда, Каллистов тащил их влево, т. е. к ЦКПСР, но они упирались».

конфликты с властью (закрытие газеты). Не было почти совершенно массовой работы (связи остались у левых эс-эров). Положение изменилось, после того, как Комитет (конец января) занял определенную позицию по отношению к Совету, введя в него, с согласия Президиума Совета, своих оффициальных представителей (я и Рудко). Стали восстанавливаться связи с рабочими (Крестовниковский завод, позднее Пороховой завод, союз служащих, некоторые мелкие предприятия) и крестьянством (Чистопольский уезд). К военным, повстанческим авантюрам мы *) заняли, несколько расходясь с другими организациями, отрицательное отношение, поставив задачей восстановить и укрепить влияние в массах. Издавалась легальная газета («Народное Дело») и легально же издавались воззвания. В Совете и в печати и на митингах и рефератах, устраивавшихся Комитетом, точно также, как на обоих партийных собраниях (1 раз в 2—3 недели)—проводился курс борьбы за Учред. Собрание путем укрепления влияния в массах и открытой оппозиции РКП. Некоторые из членов организации заняли ответственные должности в Советских комиссиях (наприм. Ревизионная Комиссия—Каллистов). *Один из членов был фактическим заместителем Наркома Промышленности (до организации Совета Нар. Хоз.)—Чернышев.* Отношения с РКП и левыми эс-эрами становились все более удовлетворительными, напоминая период 1904—5 г.г. (партийная борьба, но при наличии некоторых об'единяющих моментов).

К апрелю—маю в организации обнаружилась активистская, постепенно возраставшая оппозиция, Бартольд, Якобсоны в пользу выступлений вооруженного типа (вооруженное восстание). На конференции перед VIII Советом Партии оппозиция была еще в меньшинстве, хотя и смогла уже провести поправку о необходимости *подготовки к вооруженному восстанию.* На VIII Совете в мае 1918 г. представитель организации (Каллистов) занял левую (оппозиционную) позицию (против выступления, против всякой связи с «союзниками», за массовую работу и участие в работе Советов). Такую же, в общем, позицию занимал и представитель организации на проходившем, кажется, в Саратове, областном Совещании. Во всяком случае, партия была поставлена в известность, что на Казанскую организацию, в смысле активного выступления, расчитывать нельзя, но левые представители вроде Каллистова промахнулись, т. к. в организации оказалось большинство крайне правых.

Итоги VIII Совета и восстание в Самаре сломили принятый организацией курс. В организации начинается разброд. Отдельные члены **)—ищут связи с непартийными организациями ***), не считаясь с Комитетом.

---

*) В. Брауде: мы—т. е. Каллистов, Чернышев и Рудко, остальные же (Якобсон и др.) стояли на правой позиции.

**) В. Брауде: «вроде Бартольда, Ильинского».

***) В. Брауде—«даже с Союзом Возрождения и Савинковскими организациями в лице Калинина и Спрингловича (агентов и руководителей этого «Союза» в Казани.

Скоро Комитет скатывается на нелегальное положение: лишение представительства в Совете, опечатание помещения («Земля и Воля» на б. Воскресенской ул.). Сам Комитет не имеет твердой линии и не знает, должен ли он ориентироваться вправо или пытаться удержать прежнюю линию. Работа фактически прекращается, ограничиваясь несколькими заседаниями Комитета и приемом на явках приезжающих членов партии. Члены организации действуют уже по индивидуальному почину. В последнюю неделю, Комитет не собирался и, посколько помню, большая часть его членов была вне Казани (по деревням и дачам). Восстановление организационных связей началось лишь через2—3 дня после захвата города извне. Роль организации, как таковой, в«восстании» свелась к нулю.

4) Какое место в системе государственного аппарата заняла организация ПСР и ее комитет: а) формально и б) неоффициально?

Отв. В связи с этим Комитет лишь с большим опозданием установил связи с новой властью. (Я как представитель Комитета, присутствовал не высказываясь, лишь на последнем заседании группы членов Учредительного Собрания, происходившем в штабе, с участием Архангельского, Зензинова, Былинкина, Фортунатова и, кажется, Алкина и Алюнова), Формально его роль свелась к признанию уже свершившегося факта. Были попытки выдвигать свои кандидатуры на *пост Инспектора Милиции* (неудачно), на пост Управделами при Особоуполномоченном (Рудко) и, позднее Завед. Агитац. Отделом (я), так и не сформировавшимся до последних дней. Впрочем, организация вообще была слишком слаба, чтобы участвовать во власти.

5) Каков был удельный вес (авторитет) ПСР у представителей власти?

Отв. Фактически власть осуществлялась штабом «Народной Армии» (полк. Степанов). При нем, как особо-уполномоченные Комитета Ком-Уча находились Фортунатов и Лебедев. Гражданский аппарат воплощался в Особоуполномоченном—Архангельском и его помощниках—Калинине, Алкине и Алюнове. Персонально все эти лица, хотя и занявшие свои места без соглашения с Комитетом партии—в порядке назначения из Самары—сносились с организацией в тех случаях, когда нужно было ее содействие (агитационная кампания на митингах или в печати, вступление членов партии в армию, участие в Совещаниях по организации «дней» и т. п.). На курс политики организация не влияла. Были случаи, когда *организация* **) пыталась воздействовать в смысле изменения курса (протест против массовых расстрелов, указания на рост монархических сил): нас охотно вы-

---

Во время чехов оба аякса были самыми жестокими душителями «большевизма»; оба—работники контр-разведки. (Ред.).

**) В. Брауде: не организация, а лично Каллистов и еще какой-то Гудок.

слушивали, но положение не менялось. Причина ясна: *сила была не у представителей Комитета, а у все более организовавшихся офицерских кругов и у чехов,* которые заявляли себя демократами, но которым, в конце концов, очень мало было дела до внутренних отношений антибольшевистских «сил». Показательно, что по одному из настойчивых представлений Комитета, В. Г. Архангельский, разведя руками, ответил: «если вам завтра скажут, что я расстрелян, не удивляйтесь: таково положение вещей» А В. Г. Архангельский занимал тогда одно из самых правых положений в партии, и как человек, безусловно «нескомпрометированный» (подобно большей части эс.-эров. Казанской организации), «участием в Совете», «знакомством с большевиками» и т. п. Что касается остальных агентов власти, назначавшихся военными русскими и проч. инстанциями, и в первую очередь, существовавших тогда не то 4, не то 5 контрразведок, то они совершенно не считались с партией. Ряд эс-эров был даже арестован (хотя, обычно, их выпускали). Приехавший с мандатом Комитета Муреев, эс.-эр. для организации Агитотдела был арестован; когда я, отрекомендовавшись представителем Комитета и редактором партийной газеты, потребовал выдачи его мне на поруки, мне ответили, (в контрразведке «штаба Округа») что они не считают моих доводов достаточными. Степанов, которому я поехал по этому делу, развел руками, сказал, что ему «ничего неизвестно», обещал выяснить... Муреева освободили только большевики. Словом, у Казанской организации была обязанность поддерживать Комитет Учред. Собр. своей агитацией (что она и делала) и никакой *реальной силой*, а следовательно и *правами* она не располагала.

6) Была-ли власть едина по духу или ее раздирали внутренние разногласия?

7) В чем эти разногласия выражались (в каких формах) и каковы причины этих разногласий?

Отв. 6 и 7) Трудно сказать, поскольку не было определенного единого органа власти и ясного курса политики. Разногласия должны были назреть по линии конфликта между «гражданскими» и «военными» властями—но взятие Казани последовало раньше, чем они успели оформиться и чем вообще успел с'организоваться «гражданский аппарат».

8) Каковы социальные группы составлявшие власть и аппарат власти?

Отв. Штаб составляло офицерство—с сильным и все возрастающим влиянием монархического крыла, повидимому, тогда уже помышлявшего о «военной диктатуре». Гражданский аппарат воплощался в маленькой (2—3 человека) канцелярии Уполномоченного. Развернул свой аппарат только Калинин, имевший «административное управление», но и то почти исключительно по части охраны *).

---

*) Калинин—помесь эс-эра с офицером, причем офицерский кастовый закал был в нем сильнее, чем эс-эрский. Однако, оба эти «родовые» признака вполне гармонично создали тип начальника политического отдела Комуча по Каз. губ-ии.—(Одна из контр-разведок Ком-Уча)—из беседы с В. Н. Ивановым. Ред.

9) В каких отношениях была власть *с буржуазией* (факты).

10) Сильна ли она была по мнению С.Н.К-ва и если да, то как проявляла свою силу (факты)?

Отв. 9 и 10) Буржуазные круги, конечно, приветствовали падение большевиков и, *поскольку* эс-эры могли драться с большевиками за «государственность», готовы были их поддерживать. Но уже с места в карьер обнаружилось, что буржуазия смотрит на эс-эров, лишь как на временную, переходную, ступень и не верит им. Буржуазия охотно приветствовала чехов, и «народную армию». Но, когда дело дошло до «нерва войны»— кошелька, дело пошло туго. Напрасно Лебедев на митингах убеждал в необходимости оказывать поддержку власти; деньги не шли. Более успешно шла поддержка по линии «Думы» (кадетской): пожертвования, лошади и т. п. Значительная часть буржуазии, не веря в прочность положения, уезжала в Сибирь, в Уфу и т. д.

11) В какой мере проявляла буржуазия давление на власть (факты).

Отв. Трудно говорить о прямом воздействии: внешне буржуазия «признавала» власть и «подчинялась» ей. Давление шло по иной линии— по линии *штаба*.

12) Какова была ее роль в деле активной борьбы на фронте? (конкретно-помощь Народной Армии).

Отв. Помощь Народной Армии ограничивалась посылкой отрядов (санитарных, питательных и т. п.); лишь в последнее время пошло массовое, частью добровольное, частью принудительное формирование «дружин». Но и та и другая помощь, главным образом, исходила от мелкой буржуазии.

13) Есть ли у Вас факты, характеризующие отношение буржуазии к рабочим и какие?

Отв. Наблюдалось стремление ликвидировать 8-ми часовой рабочий день, организации рабочих и т. п. Судя по заявлениям на рабочей конференции, нажим в этом отношении был очень силен.

14) Какие отношения существовали у власти с армией и у армии (у командования) с властью? (факты).

Отв. См. выше.

15) Какие отношения существовали внутри армии между нисшим составом и командным?

Отв. В период Казанских событий лишь назревал антагонизм верхов и низов, в связи с ростом «дисциплины». Но в общем, самые «низы», до последней, неудачной мобилизации, состояли из офицеров, юнкеров, студентов, обывателей, небольших групп и одиночек рабочих и крестьян: в *армии* был сильный *штаб*, но самой армии почти не было (если не считать чехов и сербов).

16) Какие отношения были внутри армии между нисшим составом: были ли влияния классового антагонизма одних групп против других?

Отв. См. *п. 15.*

17) Каковы взаимоотношения между чехами и «Народной Армией»?

Отв. Чехи диктовали в военной области. Командный состав довольно презрительно относился к «русскому офицерству». Между рядовыми чехами и рядовыми «народоармейцами», поскольку я слышал, антагонизма не наблюдалось.

18) То же между чехами и властью, чехами и крупной буржуазией (факты)?

Отв. За короткий «казанский период» трудно сделать обобщения.

19) Была ли спаянность в собственных рядах чехов или же и там наблюдалось классовое расслоение?

Отв. За короткий «казанский период» трудно сделать обобщения.

20) Что представляла собою «Народная Армия» по своей численности, дисциплине, составу, оборудованию?

Отв. Кажется, считали 3 баталиона, дисциплина была слаба, состав см. выше, обмундирования и вооружения в Казани было более, чем достаточно.

21) Как относилась п. с. р. и власть к *явно монархическом*, белогвардейским кружкам, существовавшим в Казани до чехов и во время их пребывания? *).

22) Сильны ли были эти кружки и кто в них входил кроме офицерства?

Отв. на 21 и 22. В положении охотника, который «поймал медведя», но «тот его не пущает». Надеялись принять против них меры (какие именно, было неясно); но и только. До чехов п. эс.-эров.—относилась к монархическим организациям отрицательно; при чехах—они, как будто, не заявляли о себе оффициально, но существовали и, вероятно, руководили «монархической оккупацией штаба». Насколько они были сильны (по численности) и кто в них входил, точно не знаю. По отношению к ним, мы знали только слухи.

23) В чем состояла аграрная программа власти и как практически стоял этот вопрос у комитета и Казанских представителей его? (Просьба указать конкретно факты—«приказы и проч.»).

Отв. Социализация земли, по формуле Учредительного Собрания (5 января). Практически ничего не делалось, не столько по невозможности, сколько по отсутствию сил. Был приказ «ком-уча», где п. 1 подтверждалась социализация земли.

24) Видела ли власть происходившее в деревне классовое расслоение и как воздействовала?

Отв. За это время лишь начали восстанавливаться связи. В Чистополе успели сформировать земство; на выборах прошли: пополам купеческо-кулацкие и крестьянские элементы. Ни власть, ни партия сколько нибудь заметной роли в отношении этих групп не сыграли.

---

*) В. П. Брауде: Их организация в лице Бартольда, Якобсона, Ильинского, была связана с Савинковским «Союзом возрождения и защиты родины и Учр. Собр.».

25) Были ли у представителей власти сомнения в правоте начатого ими дела или же они находили возвращение капитализма вполне естественным и, если да, то в чем эти колебания выражались?

Отв. Трудно сказать; но у членов организации, в том числе и самых ответственных (напр., у В. Якобсона) уже тогда начало назревать сознание, что фактически дело идет на руку реакции, и, что повернуть его на демократические рельсы вряд ли удастся.

26) Были ли внутренние разногласия между представителями власти по поводу распускавшихся инсинуаций против большевиков, по поводу провокаций, искажавших действительный смысл всего советского строительства (искажение приказов т. Троцкого, провокации о «предательстве» тов. Ленина и Ц. К. больш.) германскому правительству и проч?

Отв. Инсинуации, о которых вы говорите, входили вплоть и кровь движения; им, пожалуй, верили сами «инициаторы» и те, кто эти инсинуации повторял. Таков был общий тон настроений того времени. Трудно сказать, как это получалось: возможно, что, если революция имеет свои «психозы», заставляющие забывать все, кроме нее самой, то такие же, только другого характера, психозы имеет и контр-революция—и они выражаются в бурном потоке сначала сознательной (кто нибудь первый начал), а затем уже бессознательной и, что всего хуже, «искренней» клеветы.

27) Как реагировала власть и п. с.-р. на эти провокации?

Отв. Они захватывали, хотя и в меньшей мере, чем буржуазные и мелко-буржуазные слои, и сами партийные круги. О борьбе с ними не шло и речи, за исключением отдельных высказываний, по отношению, в особенности, к изданиям Штаба, с чем в Штабе не особенно считались. В частности, версия о предательстве Ленина (понимая под этим не аллегорическое «предательство» «демократии», «родины», «свободы», «революции» и т. п.; а *буквальное предательство*) не поддерживалось партией; но насколько помню, многие считали, что, несомненно у большевиков и немцев есть «дипломатическое соглашение». Таков был уровень представлений о Москве, чем и обусловливалась отчасти непонятная без этого иллюзия, что Москву можно взять очень легко. Некоторым об'яснением этого могло служить то, что сама-то власть была в состоянии «соглашения», хотя и очень непрочного с «союзниками».

28) Как думала власть и п. с.-р. разрешить национальную проблему?

29) В каких национальных слоях она находила поддержку?

Отв. 28 и 29. Вопрос не был разрешен; считалось, что будет проведена автономия национальностей в духе программы. Выделить какую-либо национальность, как особо поддерживающую Ком. Уч., трудно. Всюду была та картина, которая отмечена выше (слабая поддержка, главным образом, мелко-буржуазных слоев).

30) Какое впечатление производило на власть и п. с.-р. отрицательное, враждебное настроение к ним рабочих и крестьянской бедноты—восстание на заводе № 40, нежелание итти в народную армию?

31) Предполагала-ли власть бороться с этим настроением какими либо другими средствами, кроме расстрелов и арестов и если да, то какими именно?

Отв. 30 и 31. Назревавшее недовольство об'ясняли: 1) недостаточной сознательностью массы, 2) подпольной агитацией большевиков, 3) неупорядоченностью аппарата власти, 4) произволом военных отрядов и реакционных кругов. Не помню, чтобы где-нибудь были формулированы методы борьбы. С «несознательностью» старались бороться агитацией (митинги, рабочие конференции, печать). Подпольную агитацию «искореняли» контр-разведкой. А по прочим п.п. надеялись, что это «преходящие» явление и что, несколько укрепив свои позиции, власть с'умеет справиться и с правыми, и с собственной неорганизованностью.

Подавление восстания рабочих завода № 40 и арт. склада прошло целиком по военной линии без всякого согласования ни с «Особоуполномоченными», ни тем менее с партийной организацией. Организация узнала о нем уже тогда, когда загремели пулеметы: знали лишь, что на пороховом был «интернационалистский митинг». Но ликвидацию «мятежа» санкционировала и эту санкцию провели через пленум «Рабочей конференции» (осуждение «мятежа»). *Эта линия была согласована с общим курсом Самарской политики.*

32) Какова была роль Зензинова и Савинкова в Казани и в чем состояла их «работа». (Просьба указать конкретно состав Савинковской организации, ее цель, средства, методы, практическое применение сил этой организации)?

33) «Работал» ли Савинков самостоятельно, независимо от местного комитета п. с.-р., и власти или же с ведома и санкции их?

Отв. *) 32 и 33. Зензинов был в Казани несколько дней (в дни взятия Казани чехами). Связь его с уполномоченными, насколько помню, ограничилась участием в их назначении, а с организацией—одним посещением комитета и переговорами о постановке газеты. Савинков пробыл в штабе около недели. С партийными организациями дела не имел. Поместил две статьи в «Волжско-Камской Речи» (к.-д.). Прим. по 32, ч. 2-я, у меня нет точных данных. В Казани была организация Калинина, Савинковской ориентации: Но сам Калинин не называл себя савинковцем, наоборот, подчеркивал, что он эс.-эр., хотя и действовал совершенно самостоятельно. Его организация считалась не партийной (оффициальное отношение к Калининской организации было отрицательное, но—таков был характер эпохи—неоффициально, в порядке «личного знакомства», Калинин несомненно имел связь с рядом членов партии) **).

---

*) Сравни ответ Каллистова с показаниями на суде самого Б. Савинкова; во многом их данные сходятся. (Ред.).

**) В. Брауде: (Якобсон Моисей, Бартольд (правая рука Калинина), Ильинский-Брук (не надо смешивать с меньшевиком Бруком), Юдицкие и ряд других.

Общее дополнение т. В. Брауде.

Казанская организация правых соц.-революционеров была до октября 1917 г. правее оффициально партии эс.-эров. В ноябре-декабре 1917 г. от Ц. К. п. с.-р. к ним был послан Каллистов, который тащил организацию влево, но весьма неудачно, так как она была правее цекистской ориентации. Перед Октябрем организации удалось отколоть от правых несколько десятков человек, а именно—пороховских служащих и еще каких-то интеллигентов—Авакумова-Косолапова, остальных не помню. После Октября большинство из этих перетянутых ушло обратно к правым.

Время Чехов *).

I. К экономике Советской Казани (до чехов).
а) в городе, б) в деревне.

II. О состоянии Красной Армии, подпольных контр-революц. организациях и о рабочих настроениях перед чехами.

III. Первые дни. a) Первые приказы; b) Декларация власти в Гор. Театре.

IV. Власть и деревня. a) Законы о земле и урожае; b) Бесчинства агентов власти на местах.

V. Позиция власти в отношениях между трудом и капиталом. a) Критика первого закона; b) Кровавый заряд обывательского настроения, данный властью.

VI. Кадетский и меньшевистский взгляды на вопросы текущего политического момента. a) Взгляды на существо и задачи власти; b) Взгляд на интеллигенцию и ее отношение к пролетариату.

VII. Дела мелкой и крупной буржуазии в отношении помощи «Народной Армии». a) Помощь и приветственные резолюции интеллигенции и мелкобуржуазных организаций; b) Нежелание итти на фронт; c) Нежелание буржуазии жертвовать деньги; d) Настроение обывательской массы. e) «К.-В. Речь», «Народное Дело» и «Рабочее Дело»—как воспитатели общественного настроения.

---

*) Материалом для написания настоящей статьи послужил газетный архив—комплекты «Рабочего Дела» (орган меньшевиков), «Камско-Волжской Речи»—(не все номера)—кадетский орган и «Народного Дела»—(эс.-эр.; тоже не все номера). Далее, был использован ряд дел из архива Каз. Областн. Сор. Нар. Хоз—ва, Книга протоколов заседаний Заводского Комитета завода № 40, а также до ста статей—воспоминаний ответственных Сов. парт. работников, рабочих и крестьян—участников и живых свидетелей событий чешских дней; кроме письменных воспоминаний имелись ввиду и беседы с участниками событий. Наконец, была использована имеющаяся в печати литература по предмету: статьи А. Кузнецова и Ларисы Рейснер в «Пролет. Революции» (№ 7 и № 12—1922 г.), «Коммунистич. Путь»—журнал Обл. Ком. Татреспублики июль 1922 г. Сборник «Как вооружалась революция», брошюра А. Бочкова—«Три года Сов. власти в Казани» и газетные статьи, разновременно помещавшиеся в Советской центральной («Известия ВЦИК» и «Правда») и местной прессе («Знамя Революции» и «Известия ТЦИК»).

Автор сознает недостаточность этого материала; и тем не менее, работа им была сделана в целях использования ее другими товарищами для дополнений. Наша истпартовская работа—коллективна и настоящая статья—лишь один из небольших моментов этого большого дела.

VIII. Экономические и политические организации буржуазии—крупной и мелкой. a) «Профсоюз» торг.-пром. служащих и другие «союзы» мелкой буржуазии; b) «Общества» и «Союзы» крупной буржуазии; c) Квартальные комитеты—политическая организация мелкой буржуазии, их роль при арестах и при разрешении вопроса о составе мировых судов; d) Городская Дума,—как политический центр крупной буржуазии.

IX. План государственного строительства, выдвигаемый казанской буржуазией.

X. Практика буржуазного хозяйствования. a) Прорывы в плане гражданского мира со стороны капиталистов; b) Столкновения на этой почве с рабочими организациями; c) Их положение во время чехов.

XI. Быт и настроения рабочих. a) Рост их классового сознания; b) Рабочая конференция.

XII. Последние дни. a) Нервность, проявляемая властью; b) Дождь мобилизаций; c) Восстание на заводе № 40 и Арт. складе, как проявление концентрированного недовольства рабочих демократическим режимом; d) Ликвидация восстания и позиция меньшевиков.

XIII. Заключение.

Время чехов.

I. К экономике Советской Казани (до чехов).

В деревне.

При разрешении поставленной нами задачи—освещение периода налета на Казань чехо-учредиловцев, нельзя не иметь ввиду той общей экономической разрухи, которая сжала Советскую страну с своих мертвых об'ятьях. Казань—один из пунктов Советской территории, должна была разделять общую участь всего государственного целого.

Пред приходом чехов от Советской России были оторваны Дон, Украина, Урал, Сибирь, Кавказ, не говоря уже об Архангельске и западных окраинах (Литвы, Латвии, и Эстонии). Бассейн Волги, и при том в самом хлебном месте, был поражен учредиловской язвой (Самара) и таким образом Волга не могла быть использована ни в транспортном, ни в питательном отношении.

Промышленное сырье находилось в тех же местностях, захваченных белыми. Казань, поэтому, столь же бедная сырьем, как и остальная Россия, представляла собою одно из немногих хлебных местечек, при чем надежды на нее поднимались вследствие ожидавшегося хорошего урожая *) и не использованных ранее запасов. Однако, хлеб находился в руках отдельных собственников—кулаков.

Поэтому основной задачей Советской власти являлась—добыча хлеба путем отбирания хлебных излишков по твердым ценам.

Насколько, однако, остро обстоял уже вопрос с хлебом в бывш. Казанской губернии, свидетельствуют например такие сообщения: «В Чебоксарском уезде население в полном смысле слова голодает» **). Другие уезды бывш. Казанской губернии были поражены голодом частично и в таких случаях между крестьянами кулаками и бедняками разыгрывались настоящие бои, с кистенями и берданками в руках, причем в этих боях участвовало по несколько деревень сразу, как например, у деревни Киндери, Казанского уезда ***). Вот блестящий пример того, на сколько остро борьба

---

*) («Рабочий» № 50 3/VII 1918 г.).

**) «За Землю и Волю» № 10 (Орган левых соц.-революц.).

***) «Раб. Воля» (Орган меньшевиков) № 13 11/VI—18 г.

за хлеб разгоралась между беднотой и кулаками внутри деревни, описанный в одной из современных цитированных нами газет.

Восстание кулаков.

«К числу фактов, говорящих о начавшемся ярком расслоении деревни и на почве этого—гражданской войне, несомненно должен быть отнесен факт недавнего столкновения представителей деревенской бедноты с местным кулачеством, имевший место в Черемышевской волости Лаишевского уезда. Сущность и причины этого столкновения сводятся к следующему: Среди крестьян дер. Бутырки названной (Черемышевской) волости, Лаишевского уезда есть много бедноты, не имеющей никаких запасов хлеба. Свои односельчане—кулаки, а также и жители соседних деревень отказывались продавать нуждающимся хлеб по ценам установленным продовольственной управой, а брали по 110 руб. за пуд. Не имея возможности платить такие цены, бедняки обращались неоднократно в Лаишевский Совет с просьбой оказать им содействие.

Совет на это предложил отобрать излишки хлеба.

Волостной Совет в этом направлении не ударил палец о палец и к просьбам относился безучастно. Тогда, не видя ни откуда помощи, крестьяне дер. Бутырки решили продовольственное дело взять в свои руки и самим попытаться добыть себе хлеба.

Через дер. Бутырки ведет дорога в Казань, по которой в город часто возят хлеб. Завидя транспорт с хлебом, достигавший нередко до 15 подвод, Бутырцы,—человек от 5 до 10, подходили к транспорту и просили продать им хлеб по установленной цене (12—15 р. за пуд), а не везти в Казань. При отказе со стороны проезжих продать добровольно, хлеб отбирался по указанной цене (факт удостоверенный на волостном Черемышевском сходе самими проезжавшими мусульманами дер. Метиски и подтвержденный предварительным дознанием председателя Черемышевского Волостного Совета, гражд. Боровым). Так продолжалось некоторое время. Местные спекулянты, не желая отдавать хлеб по столь «дешевой цене», стали об'езжать дер. Бутырки. Но «голод не тетка», говорит русская пословица, и Бутырцы не успокоились, и стали задерживать хлеб и на других дорогах.

Соседнее село Черемышево, состоящее в большой своей части из кулаков, у которых всего вдоволь, особенно возмущалось действиями бутырцев и устроило кровавую расправу над ними.

14-го июля бутырцы в числе 12 человек в возрасте от 12 до 65 лет вышли по обыкновению на дорогу встречать проезжих с хлебом и в ожидании подвод сидели на рубеже и мирно разговаривали. Вдали показалась подвода с мукой, за ней другая, третья—всего числом около 15-ти. Бутырцы обратились к владельцам хлеба со своей обычной просьбой—о продаже муки, и к своему ужасу получили в ответ револьверные вы-

стрелы и, испуганные, моментально разбежались. Это было ночью, а днем состоялся сход села Черемышева, на котором и обсуждали происшедшее, причем было постановлено обратиться к бутырцам с просьбой прекратить реквизицию хлеба. Следующую ночь в деревне Бутырки устроили побоище. Это черемышевцы явились и устроили расправу над бутырцами; к ним примкнули и местные кулаки. Для характеристики этой расправы приведены подлинные показания пострадавших бутырцев.

Вот показания гражд. дер. Бутырки Якова Гурьянова, 20 лет. Услышав что в деревне идет побоище, я притаился в амбаре в соломе испугавшись побоев, хотя лично не принимал участия в реквизиции хлеба. Во двор вошли односельчане и открыли стрельбу из винтовок по всем направлениям. Одна из пуль просвистела мимо меня, я не выдержал и закричал: «братцы, я не виноват». В ответ на это один из вошедших ударил меня винтовкой по голове и проломил голову; второй палкой стукнул по лицу, третий бил по бокам винтовкой. Потом меня схватили, связали, повалили на землю, велели лечь на один бок, били чем попало,— перевернули на другой бок, опять били, потом велели итти в караулку; я итти не мог. Тогда они взяли веревку, привязали за ноги и поволокли в караулку. А вот второе показание Анисима Поликарпова 13 лет и его матери. «К нам ночью ворвалась толпа и стала спрашивать у матери: «отвечай старая.... где твой сын и брат?» Она отвечала, что их нет дома, Тогда схватили меня, привязали к столбу, начали бить по лицу, и направили на меня три винтовки, выстрелили из них. Больше я ничего не помню».

Главными палачами расправлявшимися с Бутырцами были комиссар села Черемышевка Степан Адашкин, который скрылся неизвестно куда и крестьянин дер. Бутырки Павел Ерманов».

Кулачество само собою разумеется реагировало на закон о хлебной разверстке, скрыванием излишков и продажей из под полы (напр. крестьяне одной из деревень Казанск. уезда дер. Киндери провозили не раз хлеб партиями до 60—70 подвод*). Спекуляция хлебом цвела пышным цветом.

Примером того, как производилась спекуляция служит рассказ в № 50 «Рабочего», органе Каз. Комитета РКП(б).

Почти весь уезд (Свияжский) голодает, т. к. хлеб вывезен спекулянтами. Станция Шихраны—центр бешенной спекуляции. Из деревень спекулянты привозят в Шихраны и сдают хлеб скупщикам, а те уже перепродают его наезжающим спекулянтам по 120—150 р.**). Когда в Шихранах был открыт магазин с предметами первой необходимости для обмена их на хлеб, то началась спекуляция товаром. Выменивающие на хлеб товар—этот же товар продают по спекулятивным ценам. Малочисленная

*) «Раб. Воля» № 13).

**) В городе Казани хлеб стоил maximum 1,5 р. фунт.

охрана совершенно бессильна что-либо сделать с бесчисленной бандой спекулянтов. Не лучше положение и в Цивильском уезде.

Так же старались кулаки обижать бедноту и в распределении земли, на почве чего во многих местах разгоралась ожесточенная борьба. Бедняки выставляют требование раздела по количеству едоков обоего пола, (согласно Советского закона о социализации земли), богачи-же только на мужчин *). Так обстояло дело в деревне. Голод вывел деревню из состояния гражданского мира, внутри нее началась жестокая борьба из-за хлеба.

В городе.

Однако, борьба эта не могла оставаться в границах внутри крестьянских отношений, т. к. хлеб был нужен не только Бутырской или какой-нибудь Киндерской бедноте, а нужен был всему государству.

Городское население в Казани, состоявшее из рабочих, мелкой и крупной буржуазии, жило тем же кулацким хлебом.

Только что закончившаяся война принесла с собой большой наплыв фронтовиков, теперь, за отсутствием производства, ставших безработными.

Фабрики и мастерские с каждым днем грозили закрыться из-за недостатка сырья.

Рабочие (профессиональные) Союзы заняты вопросом, как сохранить, спасти от голода своих членов. В этом отношении характерным является постановление конференции Проф. Союза грузчиков, нещадящее ничьих интересов, кроме своей группы. Постановление гласит: а) «Оповестить широко деревню посредством печати о настоящей на Волге безработице и призвать крестьян воздержаться от попытки итти на заработки в грузчики; б) обратиться к правительству с просьбой о введении принудительных водных перевозок по Волге, с) обратиться к правительству с просьбой о воспрещении на Волге труда арестантов, военнопленных и контрактованных желтых рабочих «китайцев и т. п. и т. п.» **) Из одного Алафузовского завода было сокращено до 2500 рабочих (в 1917—1918 г.),— а с Порохового зав. в этот же период—свыше 1.500 рабочих ***). Безработица настолько сильна, что Городская Дума просит Центр (хотя и безрезультатно) отпустить средства на производство общественных работ...

Семьям солдат бывш. царской армии прекращена выдача пайка. Положение служащих тоже не слишком отрадное. Нервно настроенные учителя, не получая жалованья устраивают собрание и демонстративно посылают делегата, „своего“ человека в бухгалтерию Уездного Совета для контроля за выдачей жалованья.

---

*) Рабоч. № 50 и «За Землю и Волю» № 112 от 9/VII 18 г.)

**) «За Землю и Волю» № 110.

***) Справки заводоуправлений: Алафузовского № 5096 и зав. № 40 — № 1427— 1924 г.

Бывшим служащим и их семьям прекращена выдача пенсий.

Родственники расчитываются из одного и того же учреждения... (по известному декрету Совнаркома).

Положение промышленности Казанской того времени охарактеризовано следующим образом т. А. И. Карповым (зам. Пред. Обл. Совнархоза).

«В начале июля месяца текущего года, когда явилась возможность приступить к деятельности, Казанская промышленность была лишена двух главнейших центров: Урала и Самары, откуда получалось сырье и топливо. Благодаря этому промышленность понижалась; ряду заводов угрожало закрытие, преграждение пути в Туркестан парализовало деятельность масленой и мыловаренной промышленности; производство кожи сократилось до минимума; сборы сырья по Казанской губ. шли не успешно; все усилия главного Комитета по кожевенным делам не приводили ни к чему. Комитет просил содействия Совета, но последний был безсилен благодаря политическому положению Казанского края.

Транспорт находится в подавленном состоянии. Благодаря гражданской войне главное внимание транспорта обращено на нужды фронта, а доставка грузов для мирного населения поставлена в последнюю очередь» *).

Нужно иметь ввиду, что в июне-июле 1918 г. с момента восстания чехо-словаков в Самаре, водный путь по Волге был прерван и Казань (как и все среднее и верхнее Поволжье) осталась предоставленной самой себе.

Буржуазия еще не экспроприирована. Она еще жива и пытается потягаться с рабочими. Она имеет представительство в Обл. Сов. Нар. Хоз-ва (Готлицер, Пекин, бр. Крестовниковы) вот пример, как буржуазия вела себя по отношению к рабочим и к рабочей власти.

Совет Общества фабрикантов и заводчиков об'являет:

«Всеми договорами, заключенными обществом фабрикантов и заводчиков Казанского района с профессиональными союзами предусматривается организация Центр. Расценочной Согласительной Комиссии. Однако, таковая пока лишь функционирует в Союзе рабочих по коже. Ввиду же отсутствия таковых комиссий у других союзов приходится (по фаб. зав. делам) обращаться в Центральную Примирительную камеру, заседания коей происходят очень нерегулярно... Для устранения этого неудобства Совет общества фабр. и заводчиков признал наилучшим от участия в Центральной Примирительной камере отказаться, образовав в помещении общества Центральную Согласительно-Расценочную Комиссию, в каковой должны участвовать представители всех Профессиональных Союзов **).

Фабриканты нашли выход: учреждение с государственными функциями образовали в помещении Общества фабрикантов и заводчиков! Кроме того интересен самый тон, каким написали заводчики это сообщение: категорическая форма, не мыслящая даже какого бы то ни было возражения со стороны рабочих.—«Так, де, мы, заводчики, постановили,—а вы, рабочие—извольте исполнять».

Позиция, какую занимала буржуазия в отношении рабочих была довольно выгодная. Предприятия в большинстве случаев не были национализированы. (В октябре мес. было всего лишь одно такое предприятие—

---

*) Из протокола Общего Собрания Каз. Обл. Сов. Нар. Хозяйства 22—24/X 1918 г. Дело К. О. С. Н. Х. с протоколами заседаний Президиума К. О. С. Н. Х.— № 19. Речь тов. А. И. Карпова

**) Знамя Револ. № 150 от 25/VII 1918 г.).

химический завод Ушкова *). Остальные предприятия были подвергнуты рабочему контролю. В случаях, когда рабочие пред'являли те или иные требования предпринимателям, фабриканты ссылались на Советскую Власть и требования рабочих передавали органу власти. Каждый случай, когда невозможно было удовлетворить ходатайство рабочих, предприниматели могли использовать с целями контр-революционной агитации.

Случай такого пред'явления требования о повышении заработной платы на 100% мы имеем со стороны рабочих всех вытягательных мастерских г. Казани. Казанский Отдел Союза кожевенных заводчиков немедленно направил это требование в районный комитет по кожевенным делам с просьбой увеличить на 100% же цены на товары **). Так, умывая руки за последствия своего хозяйствования, фабриканты и заводчики не давали маху по части наживы в свой собственный карман за счет монополизированного государством товара. Случаи покупки заводчиками в обход закона монопольных кож помимо Районного Комитета участились настолько, что комитет Казанского Отдела общества кожев. заводчиков должен был поставить вопрос об этом на своем заседании и для приличия указать некоторым членам отдела,—что уличенные в этих действиях будут лишены защиты Всерос. Об-ва Кожев. Заводч. вообще и Казанского Отдела его (в частности) ***).

Помогло ли это постановление или нет—мы не имеем сведений, но что дело со спекуляцией на кожев. товары приобрело весьма внушительный размах, свидетельствует весьма пикантный случай, обнаружившийся уже во времена владычества чехо-учредиловцев.

26-го августа состоялось заседание Казанск. район. комитета по кож. делам. На предложение представителя военного ведомства (учредиловского) произвести предварительный фактический учет запасов кожев. товаров, представитель районного комитета по кожев. делам — действит. статский советник С. А. Бекетов и представитель заводчиков Наумов—первый отказался высказаться за, а второй—голосовал против учета. Очевидно, они награбили столько, что боялись признаться в этом даже своей же учредиловской власти.

За такое поведение превосходительных спекулянтов власть Ком. Уча ликвидировала самостоятельность райкома по кожделам, передав его в ведение В. С. Н. Х. — но при Советской власти Наумовы, Готлицеры и проч. «работали» безнаказанно.

Летом же 1918 г. казанское купечество и промышленники стали чувствовать некоторую твердую почву под ногами в связи с отменой права наложения контрибуций на отдельных граждан. Таких контрибуций и конфискаций в отношении представителей буржуазии было не мало как

*) Из того же протокола, речь А. И. Карпова.
**) Отношение Каз. Отд. Всер. Общ. Кож. заводчиков от 23/VII 1918 г. № 626—Дело Управы Каз. Районного Комитета по кож. делам № 76.
***) Выписка из протокола засед. Комитета Каз. отдела Всер. Об-ва Кож. зав.. от 25/VII 1918 г.

в Казани, так и по губернии. Во всех этих случаях буржуазия действует при помощи адвокатов, основываясь на Советских же законах, (ст. 81—86 конституции РСФСР, настаивая на отмене контрибуций во всех инстанциях Советского госуд. аппарата. А нужно сказать, что местные власти с большой охотой применяли к буржуазии метод единовременных налогов и тоже упорно стояли на своих постановлениях. Так например, Спасский Совдеп реквизировал у местного оптово-торгово-промышленного кооперативного товарищества товаров на сумму 315.000 руб. Чтобы воздействовать на Спасский Совдеп в смысле отмены его постановления потерпевшие Спасские буржуа добились шести телефонограмм:—трех от губкомиссара Мохова, председателя Каз. Совета Милха, председателя Каз. Сов. Нар. Ком. Шейнкмана, тов. комиссара торг. и промышл. Грачева и кроме того—отдельных писем—«отношений»—по почте в обычном порядке*).

Если припомнить случай с крупнейшей национализацией, из имевших место в уездах быв. Казанской губернии — национализацией предприятий, торг. дома И. Г. Стахеев и Н-ки в быв. Елабужском уезде, то станет очевидным, что предприниматели своих позиций в 1918 г. отдавали не без крупных боев; борьба за обладание предприятиями Стахеевых велась рабочими и служащими, начиная с декабря 1917 г.**).

Стахеев, учуяв приближение грозы, решил принять возможные меры к спасению своего миллионного имущества. С этой целью он перечисляет слишком два миллиона рублей со счета торг. дома на свои личные счета в русск. торг. пром. банке и Елаб. казначействе; забирает из кассы государств. процентные бумаги на сумму 900.000 руб., переводит деньги своему агенту в Благовещенск на Амуре; спекулирует на вывозе плиточного золота и пушнины, делает попытки продать всю мануфактурную торговлю с целью получить за нее чистоганом в Англии.

При содействии и фактической инициативе председателя Елабужского Исполкома, т. Гассара, вводится рабочий контроль; Стахеевы арестуются, а один из них, согласившийся было стать директором всех предприятий, посаботировав некоторое время на этой должности, вскоре же скрылся, неизвестно куда.

В связи с этим 19 мая 1918 года было вынесено постановление о ходатайстве пред Высш. С. Н. Х. о проведении национализации предприятий Стахеева в жизнь.

*) Дело об отмене реквизиции товаров, принадлежащих Спасскому оптово-торг.-пром. коопер. тов-ву К. О. С. Н. Х.—№ 41; дело об отмене контрибуции, наложен. Чист. воен. Штабом на гражд. гор. Чистополя—К. О. С. Н. Х.—№ 44 и др.

**) Торг. Дом И. Г. Стахеев и Н-ки имел свои отделения, конторы и торг. предприятия в 46-ти населенных пунктах, расположенных в 14-ти губерниях бывш. Российской империи. Одних хлебных ссыпных пунктов он имел 26; семь мукомольных мельниц, две крупянки, два винокуренных и один пивоваренный завод; один мыловаренный завод, две лесопилки; три нефтяных бака; пять керосиновых баков; одиннадцать с.-х. имений и две лесных дачи, восемь буксирных пароходов; 44 судна сухогрузного и двадцать одно судно наливного каравана; при этом не указано громадное количество домов и пр. строений, рассыпанных по стране.

Однако, твердое решение Президиума ВСНХ по этому вопросу (о частичной национализации) было вынесено лишь 3-го октября 1918 г.

Пока же велось дело, буржуазия подняла на ноги все силы, которыми располагала еще, чтобы дискредитировать тех, кто активно проводил национализацию и тем самым—сорвать начатое ими дело *).

Вот как описывает один из Елабужских работников того времени—т. Мансуров Гасым борьбу вокруг национализации Стахеевских предприятий.

....«В Елабужском Совете рабочих, Крест. и Солдатских Депутатов большевики составляли меньшинство, поэтому большевики во главе с тов. Гассар вопрос о полной экспроприации буржуазии, в первую очередь миллионеров Стахеевых, в совете не смогли провести **). Часть депутатов с мелкобуржуазной психологией начинает мягкотельничать. Совет арест их оттягивает. Так. образом крупные тузы буржуазии Стахеевы сбежали, с собой увезли и сплавили за границу громадную сумму ценностей. С этих же дней между большевиками и соглашательскими элементами в Совете учащаются столкновения. Буржуазия этим замешательством воспользовалась. Все маменькины сынки—прапорщики, солдаты, так называемые «фронтовики», реалисты—вооружаются и свергают Советскую власть. Мы уходим в подполье. Сергей Николаевич (Гассар) недалеко от Елабуги организует штаб Красной гвардии, входит в связь со штабом Ижевской гвардии. Наконец, ему удается скоро сорганизовать маленький отряд красноармейцев. Ижевская гвардия восстанавливает в Елабуге Советскую власть.

...В течение короткого времени экспроприируется вся буржуазная свора. Не имея под руками ни программы, ни каких либо распоряжений Центра, лишь по указанию Сергея Николаевича елабужские большевики проводят национализацию торг.-промышл. учреждений местных богачей, конструируют Советский аппарат. Кругом кипит работа. Сергей Николаевич оказывает громадное влияние на отдельных членов лево-эсеровской организации и последние работают с большевиками.

...К этому времени уже определился полный антагонизм между нами и левыми эс-эрами. Эти элементы опять начинают плакать, что мы через чур обидели буржуа.

Нас во главе с. тов. Гассар и некоторых левых эс-эров, работавших с большевиками, обвиняют в том, что мы допустили Красной гвардии провести безобразный террор. Под давлением в то время председательствующего в Казанском Совете ***) левого эс-эра Колегаева, Совет постановляет послать отряд для ликвидации штаба нашей Елабужской Красной гвардии. В Елабугу выезжает целая комиссия для разбора дела. Тов. Гассар арестовывается и его отправляют в Казань».

— «Конечно, все это было недоразумение»—заключает Гасым Мансуров ****), однако, скажем мы, очень характерный случай борьбы с буржуазией. Мы нарочно так подробно остановились на сообщении Г. Мансурова именно потому, что оно дает картину того, как крепко буржуазия держалась за свои позиции, как мобилизовала она в свою пользу общественное мнение всех неустойчивых элементов, не остановившись перед устройством «переворота». Так было в Елабуге. Неизвестно, как развивалась бы борьба в самой Казани, если казанские власти вздумали бы национализи-

---

*) Дело К. О. С. Н. Х. № 53 1918 г. о национализации предприятий т. д. И. Г. Стахеева и Н-ки.

**) Решение о национализации было вынесено не Исполкомом Совета, а с'ездом служащих и рабочих предприятий Стахеева (Н. З.).

***) Не в Совете, а в Губисполкоме Сов. Крест. и Раб. Деп.

****) Смотр. его статью в «Коммунистич. пути» № 9—август 1922 г. (ежемесячн. журнал Областкома РКП(б) Татреспублики).

т. ГАССАР.
Расстрелян белогвардейцами.
(См. ст. Н. Знаменского—«Время чехов»). Редкая фотография.

т. ПЕТРОВСКАЯ.
Зам. Председателя Бугульминского Исполн. Комитета Советов.
Расстреляна белогвардейцами. (См. статью Подольского).

ровать крупнейшие предприятия—заводы Крестовникова и Алафузова, если бы буржуазии грозила опасность потерять *все*. Пока же что, в Казани дело ограничивалось, как мы видели, отменой всяких явочных, самочинных действий представителей местной власти; борьба с буржуазией в Казани носила другой характер и шла по линии профессиональной *).

Однако, в самые последние дни власть начинает оказывать давление на буржуазию резко и внушительно, вопреки принятой прежде линии по части контрибуций и налогов. 31-го июля президиумом Казанского Совета Раб. Красноарм. и Крест. Деп. постановлено наложить на имущие классы г. Казани единовременный налог в сумме 10.000.000 руб. (десяти миллионов); а 4 августа в газете «Знамя Револ.» сообщается о том, что ввиду ужасающей жилищной нужды и плотности заселения в квартирах бедноты, жилищный совет приступил к реквизиции помещений в домах и квартирах буржуазии.

Но это делалось в самые последние дни перед приходом чехов и вряд ли удалось провести эти постановления в жизнь.

Так обстояло дело с буржуазией.

Наконец, если мы обратимся к интеллигенции и мелкой буржуазии, то и они представляли собою враждебные для пролетариата группы.

Интеллигенция чуждается рабочего класса, обособляется от него, где может. В Чистополе, например, образуется профессиональный союз интеллигентных тружеников **)—своя классовая организация под видом пролетарского профессионального об'единения. Там же, где она чувствует силу—старается овладеть командными высотами. Так, например, в Совет по народному образованию набились представители буржуазных элементов, выступающих определенными противниками реформ, выдвинутых революцией ***).

Точно также далеко не видоизменилась еще подлинная ремесленная мелкая буржуазия. Так, на собрании ремесленников, бывшем в мае месяце 1918 г. было переизбрано старое правление (еще времен царского режима) и в продолжении дальнейших месяцев оно осталось хозяйничать и не думает созывать нового собрания для перевыборов, очевидно выжидает момента, когда вернется вновь старый строй ****).

Очевидно, что эта часть интеллигенции и мелкой ремесленной буржуазии, держалась той же тактики, что и крупная буржуазия: принимает невинный вид, чтобы втереться в рабочую среду и проводить в жизнь организационные формы и дух старого режима.

II. О Кр. армии, подпольных контр-рев. организациях и о рабочих настроениях перед чехами.

В беседе с сотрудником «Знамя Рев.»—тов. Лацис, бывший чрезвычайным уполномоченным по борьбе с контр-революцией на чехо-словац-

*) Смотр. об этом статью А. И. Догадова в этом же сборнике.
**) «Зн. Рев.» № 152.
***) «Зн. Рев.» № 161.
****) «Зн. Рев.» № 156.

ком фронте, заметил, что чехо-словаки сильны не столько сами по себе, сколько поддержкой контр-революционных слоёв и классов прифронтовой полосы; если борьба затягивается и не идет тем темпом, на который мы вправе расчитывать, то это об'ясняется в значительной мере тем, что до сих пор в прифронтовой полосе чехо-словацкого района не наблюдалось должного единства в действиях Сов. органов по борьбе с контр-революцией *).

Особенно плохо обстояло дело с армией. Между тем, опасность была очень большая. Еще с июня месяца набирались в армию охотники из офицеров—на должности командиров рот, батальонов, полков, бригад, дивизионов, пехотных бригад, нач. дивизий. Бывшие офицеры генерального штаба приглашались на должности начальников штабов, бригад и дивизий. **) Но штаб, очевидно, долго не замечал опасности белогвардейского засилья. Лишь 28 июля издается приказ главнокомандующего восточным фронтом (№ 3-й) в котором говорится, что

„За последнее время у некоторых начальников, замечается стремление (!!) несвоевременно исполнять отдаваемые боевые распоряжения или приказания. Это указывает на отсутствие необходимой энергии и на желание затянуть боевые распоряжения"

прямую измену—главком квалифицирует лишь как... «отсутствие энергии»!! Политический состав в армии еще не вошел в курс дела не занял подобающей ему контролирующей роли. Об этом свидетельствует приказ Военно-Окружн. Комиссара от 27/VII 1918 г., в котором указывается как на ненормальное явление, что военная переписка ведется без подписей политических комиссаров ***).

Да и был ли особенно политически грамотен полит. состав того времени? Судя по такому, наприм., об'явлению Полит. Отдела Рев. Воен. Совета—вряд-ли.

«К Сведению».

«Нужны для нашей газеты постоянные сотрудники на местах, главным образом, корреспонденты. Пришлите нам свой партийный билет или удостоверение Советской партии (!?) и мы Вас зачислим в свои сотрудники» ****). Самая масса,—армия,—тоже представляла собою мало утешительную картину.

31/VIII Главком Вацетис издает приказ № 22, который устанавливает, что в последних боях потеряно много артиллерии, снарядов и др. военных материамов... Артиллеристы обвиняют пехоту в том, что она рано очистила окопы, отступила и потому не прекращавшие до последнего момента огонь, они не успели вывести орудий. Пехота же говорит,

*) «Зн. Рев.» № 150.
**) „За землю и волю" № 114 от 12/VI—18 г.
***) „Зн. Рев". № 159 от 4/VIII—18 г.
****) См. „Зн. Рев." № 151.

что артиллерия рано закончила и не оказала необходимой своевременной поддержки лехоте *).

Еще раньше, именно 13/VII на заседании Солд. Секции выяснилось, что красноармейцы бегут с фронтов, а больные и раненые солдаты распространяют провокационные слухи. Чем же об'ясняется такое состояние Красной Армии? Об'яснение мы находим в словах тов. Федорова (рабочий завода № 40). Он говорит, что армия была набрана из окрестных голодных крестьян, служивших из-за хлеба насущного **). Это именно подтверждает и постановление Солд. Секции по поводу дезертирства о том, чтобы солдат, распространяющих провокационные слухи, исключить из списков частей и лишить всех видов довольствия ***).

Даты приказов Вацетиса и постановления Солд. Секции говорят не в пользу аппарата Штаба. Гражданское учреждение было осведомлено о состоянии воинских частей раньше чем высшее командование. Вопиющей неосведомленностью по части военных действий страдал не только Штаб, но и Губвоенкомат, получавший сведения, несомненно, из штаба. Характерно в этом смысле сообщение Губвоенкома Межлаука по поводу стрельбы на устье с четырех пароходов, *как об артиллерийской подготовке* ****). Другие товарищи передают, что эта стрельба называлась «пробной».

Товарищ, Пучковский, пишет о том, как Свияжские ответственные работники намереваясь принять меры к эвакуации получили на свой запрос успокоительный ответ от Полевого Штаба «у Брундук оперируют наши красные отряды; положение устойчивое». Это было вечером 6-го, а 7-го августа чехи, как известно, ворвались в город. Об этом успокаивании пишут все бывшие казанские работники.

Наконец, следует указать на один весьма характерный случай. 17—18 июня Гарнизонный Комитет, об'единявший все воинские части, бывшие в Казани, возомнил себя верховной армейской организацией с функциями власти *****).

Этот пример еще раз подтверждает, что Красная Армия на Восточном чехо-словацком фронте перед падением Казани была в состоянии хаотического разброда.

Проявления конто-революции.

Пользуясь скверным состоянием государственного аппарата, на почве экономической разрухи и разгоравшейся партийной полемики со стороны меньшевиков и левых соц.-революционеров, самая дикая черная сотня находила неоднократно случаи выявлять свое отвратительное хайло; от монархистов не отставали даже левые соц.-революционеры.

---

*) „Зн. Рев." № 158.
**) Рукопись тов. Федорова—в Истпарт отдела О. К.
***) „Зн. Рев." № 145.
****) Рассказ т. Федорова—архив Истпартотдела.
*****) См. статью Милха в этом же сборнике.

Вот приблизительный перечень контр-революционных попыток свергнуть власть в это время.

В конце мая..... было произведено, злодейское убийство Секретаря Губ. Ком. партии тов. Олькеницкого и покушение на председателя Совнаркома так назыв. «Казанской Республики» тов. Шейнкмана и члена Совета т. Коршунова (лев. эс-эсер.).

В Тетюшах 16-го июня произошло восстание; разогнан Совет; согласно резолюции тетюшских рабочих, собравшихся впоследствии (4-го июля) восстание было затеяно «контр-революционными буржуазными соглашателями», которые, играя на сознании темной массы, а также созданной самими же буржуазными приспешниками продразрухой, воспользовались хитро проведенной агитацией против Советской власти и двинули эту массу для разгона Совета.

В это же время 17—18 июня в Казани происходила контр-революционное движение Гарнизонного Комитета, пытающегося об'явить себя властью.

Комитет этот представлял собою организацию, питавшуюся из каких то неизвестных темных источников жизненными благами, весьма дорогой цены (напр. хорошие вина и проч.). Местным своим ячейкам в отдельных воинских частях этот «Комитет» разрешал грабеж казанских складов.

Губисполком и Губвоенкомат этим действиям Комитета противились. Возник конфликт. Темные питательные источники и злонамеренное хищение казенного военного имущества наводят на определенную мысль о провокаторском руководстве со стороны какой-нибудь белогвардейской организации.

Губ. Исполнительный Комитет выделяет своих членов для агитациии в воинских частях и вскоре брожение солдат унимается.

Насколько серьезно было в тот момент дело, указывает тот факт, что Губисполком в эти дни заседал почти конспиративно на частной квартире (Влад. Вегера) *).

Кишит Казань настоящими, 96-ой пробы, белогвардейцами. Они группируются (насколько удалось выяснить до сего времени) в четырех организациях. Первая из них—под фирмой некоего якобы «профессионального» союза безработных офицеров, занимавшегося будто-бы организацией кустарей и огородной артели и собиравшегося открыть ресторан. Этой ли организацией или уже какой-нибудь другой из них, которой в данном случае—в сущности не важно, была открыта, если не ресторан, то лавочка с холодным молоком, мороженым и фруктами в очень удобном для них месте: в доме Александрова, на Грузинской ул., т. е. в том самом доме, в котором помещался и парт. Комитет РКП.

Членов Союза можно было разделить на две группы, первая из них—это бесцветный элемент, записавшийся в организацию для того, чтобы

*) Если верить словам Шнуровского—из статьи его в этом же сборнике.

быть участниками огорода, столовой и получать пособие; имеющие заработок записывались, стремясь своими взносами облегчить положение Коллектива. Вторая группа—это руководители союза и немногие из рядовых членов, пользующиеся доверием; они имели политические контр-революционные цели для борьбы с Сов. властью.

Вторая организация—руководившаяся б. генералом П. придерживаясь вполне союзнической ориентации, была глубоко монархической; членов ее было среди офицерства довольно много. Эта организация, имела связь с другой ярко выраженной монархической организацией, штаб которой помещался в кафэ «Москва»—на ул. Чернышевского (быв. Воскресенской). Вот эта последняя организация была наиболее значима по своему политическому весу и влиянию. Немедленно, по занятии Казани чехами стало известно, что в кафэ «Москва» находятся руководители подпольной антибольшевисткой организации и что власть в городе фактически принадлежит им. Эта организация ставила своей целью восстановление монархии и вокруг нее группировались преимущественно офицерство из дворян и помещиков и крупной буржуазии.

Руководители этой организации играли затем большую роль в Сибири, где проводили обалдело-монархическую линию, замышляя заговоры против Колчака с целью его замещения князем Крапоткиным *), устраивая пьяные дебоши и т. п.

Кроме этих организаций существовали еще другие. Одна из них, повидимому, имела связь с Савинковым с одной стороны и еще с одной, монархической организацией—с другой **). Руководитель ее, некий полковник, был перед приходом чехов комадиром одной из частей Красной Армии, подобрав себе контр-революц. комадный состав он предал Сов артиллерию наступавшим чехо-словакам.

Наконец, последней известной организацией была чрезвычайно консперативная и в этом отношении лучше поставленная, чем другие организации, т. к. до прямого вооруженного ее выступления, имевшего место в момент наступления на Казань чехов, о ее существовании ничего не было известно в офицерских кругах. Окраска этой организации была приблизительно эс-эровская.

По занятии Казани чехами большинство членов указанных организаций заняли в армии Учредительного Собрания высшие комадные должности, чем определили сразу ее монархический характер, чем дальше, тем все ярче выраженный.

Мало того, организации эти имели своих агентов на местах и в известные моменты, когда считали для себя удобным, делали выступления. Так было в Чистополе, Буинске, Ядрине, Курмышах и многих других пунктах ***).

---

*) Кн. Крапоткина эта группа намечала царем «будущей Российской империи».

**) Тов. Г. Мороз устанавливает связь казанских белогвардейцев с «Союзом родины и свободы»—смотр. Журн. Коммун. Интернационал № 16.

***) Истпартотдел просит сообщить сведения об остальных кантонах.

В Казани они со своим востанием несколько запоздали) выступили в момент оставления ее Сов. властью), чем были впоследствии весьма недовольны чехо-словаки.

Особенно нервничают все антибольшевистские элементы при приближении чехов к Казани. После того, как лопнули мыльные пузыри муравьевской измены, один за другим стали открываться белогвардейские антибольшивитские) заговоры.

В середине июля раскрыта контр-революц. организация, связавшая себе гнездо . . . . в почтовом ведомстве. В связи с этим случаем уволено со службы 28 человек. Как выяснено было впоследствии отдельные почтовики устанавливали почтово-телеграфную связь из частной квартиры со штабом белых *). 31-го июля сообщается о том, что Ч. К-ей разоружена боевая дружина лев. соц. Рев. расположенная по Н.-Горшечной ул. отобрано 7 пулеметов, 50 бомб и 90 винтовок. Все дружинники заблаговременно скрылись оставив дом без всякой охраны. Когда приехал отряд Чрезвыч. Комисии, там уже не было ни души. Был ли это заговор левых **) эс-эров по газете установить нельзя. Однако одно несомненно, что в среде комитета л-с-ров была группа, настроенная совершенно котр-революционно (Ефремов, Пономарев, Дмитриев), ведшая сепаратные от остальных л-с-ров и тайные от большевиков переговоры с Муравьевым; другие из них принимали участие в организации убйства Мирбаха (Калегаев, Майоров).

В конце июля обнаружен заговор одной из офицерских организаций, имевшей связь с генер. Алексеевым; расстрелено в связи с этим заговором человек 13 (со слов т. Лациса; судя же по газете—десять ***).

Настроение рабочих и крестьянских масс перед чехами.

На почве экономической разрухи всем контр-революционерам, антибольшевистским элементам, легко было будоражить массы. Рядовой рабочий, окуриваемый обывательским чадом домашнего быта, легко склонялся на меньшевистское хныканье, воспитавшее его в духе пассивности, «Если не хочешь диктатуры буржуазии, откажись прежде всего от диктатуры своей» рекомендовали рабочим казанские меньшевики. А истерические выкрики левых соц-рев-ров утверждали такого рабочего в отрицательном отношении к большивикам и к революции. А между тем—органы этой контрреволюционной прессы свободно ходили по рукам до 4/VII—т. е. до самых последних дней перед налетом чехов,—когда Ч. К. запретила их распространение. О пассивном отношении рабочего большинства свидетельствуют, кроме непосредственных свидетелей—Заречных рабочих т.т. Зеленина, Ванюшина, Константинова и др. также многочисленные газет-

*) Разговор с т. Мусаткиным.
**) (Зн. Рев. № 155).
***) «Зм. Рев.» № 155.

ные сообщения о проводившихся митингах. Все они отдают неимоверно казенным духом оффициально радужного настроения, определенно говорящим, что . . . . «на шипке»—не все спокойно. С виду, как будто бы, Советская агитация велась удовлетворительно.

В самом деле: за один месяц с начала июля до начала августа зафиксировано в газете 33 митинга, на различные темы текущего момента. Однако, обычно выступают только докладчики и члены РКП. В этих случаях неизбежно принимаются большевистские резолюции, по выражению газеты: «единогласно». В некоторых случаях, когда меньшевики или другие какие нибудь анти-большевики чувствуют достаточно расхлябанное настроение масс (как напр. на Алафузовском заводе или на электрической станции) они встают в резкую оппозицию к Совет. власти и масса... принимает их резолюци. Так например, умыла руки в деле защиты Советской Казани электрическая станция...

«Заслушав доклад председателя Центр. Штаба Всеобщего рабочего Ополчения, мы рабочие электрич. станции, постановили согласиться на вооружение рабочих, но только для защиты интересов рабочих и крестьян, но никак не на защиту каких-либо политических партий. Обучение должно быть самостоятельным, а не казарменным, оружие выдать в наш комитет и никаких расходов на свою организацию не берем».

Подобные резолюции рабочими выносились после меньшевистских и эс-эровских выступлений, когда случайно им не противопоставлялась агитация со стороны большевиков *).

Такие случаи—принятия меньшевистских резолюций—провертывались даже на заводе № 40 и именно тогда, когда по тем или иным причинам большевистское ядро не имело возможности мобилизовать свои силы в противовес меньшевикам и эс-эрам. Зато тотчас же после таких меньшевистских «побед» работавшие на заводе большевики (в завкоме) созывали новые собрания и рабочие принимали совершенно обратные резолюции.

Вот конкретный случай.

26-го июля на митинге рабочие принимают резолюцию об отказе от участия во всеобщем вооружении; а в конце того же июля (число не проставлено) в следующем протоколе заседания заводского комитета завода № 40 читаем: . . . «Протокол рабочих электро-технической части пироксилинового производства утверждается с поправками. По 1-му пункту постановлено приветствовать рабочих и мастеровых, пожелавших защищать революцию», и т. д.

Когда еще непосредственной опасности Казани не грозило, (о чехах «вспомнили» лишь под громом пушечных ударов) рабочие выносили подчас весьма резкие резолюции. Когда же опасность была ясно осязаема, они выдвинули из своей среды бойцев-дружинников **), энергия их поднялась. Но конечно, это не относится ко всем рабочим поголовно: и среди них было много серой обывательщины.

*) Из беседы с т.т. Максимовым и Беркутовым.

**) Истпартотдел просит т.т. рабочих других предприятий указать еще на известные им боевые рабочие отряды, действовавшие против чехов.

Добровольное рабочее ополчение мы видим и на заводе № 40 и на Алафузовском, и на «Победе». До чехов мы наблюдаем, как факт—пассивность большинства; позднее к моменту ухода чехов из Казани—мы имеем возросшую активность большинства. Но об этом—разговоры еще впереди. Чтобы достичь такого повышения классовой сознательности и активности, рабочим надо было пережить прелести учредиловской «демократии».

Чрезвычайно ярко вылилось настроение рабочих Арт. склада в след. резолюции от 31 июля. Собрание постановило принять резолюцию завода № 40, которая гласит....

«всеми мерами способствовать немедленному проведению в жизнь всеобщего рабочего ополчения... Требовать от Совета Раб., Сол. и Крест. Деп. немедленно приступить к мобилизации всей Казанской буржуазии и праздношатающихся; эти элементы разбить на команды для обслуживания черных работ в местных войсковых частях и на местном фронте, а также немедленно приступить к очистке нечистот г. Казани.... Советская власть должна наложить на эксплоататоров свою стальную руку»... и т. д.

Если мы находим в рабочей среде различные степени политической сознательности и активности, то в отношении крестьянства намечается еще большее различие, соответствовавшее их классовому состоянию. Беднота—за Советы, кулачье—против. В деревне эта разница заостряется до настоящей классовой войны между беднотой и кулачьем. Мы уже приводили примеры столкновений на экономической почве в деревнях Бутырки и Киндери. А вот примеры политического проявления этой борьбы: . . . .

«В связи с об'явлением мобилизации пулеметчиков и артиллеристов, Чебоксарский волостной сход совершил бешено-дикий самосуд над агитатором за мобилизацию, т. Кадыковым, которого на улице г. Чебоксар раз'яренная толпа побила камнями на смерть и после этого вынесла резолюцию: «не давать ни солдат, ни лошадей, пока не будет твердой разумной крестьянской власти в стране, хотя бы организованной даже Учред. Собранием»... В уездах происходит ожесточенная борьба за организацию Комбедов, за изгнание кулацких элементов из вол. и сельсоветов. Эта борьба с переменным успехом очень ярко отразилась на газетных сообщениях о жизни уездов. Так например на протяжении полуторых-двух недель о Козмодемьянском уезде имеются такие сведения:

«В Козмодемьянске население Ахмыловской, Кулаковской и проч. волостей отказывается от мобилизации. Принимаются решительные меры против этого».... Меры, очевидно, приняты и... следующее сообщение гласит:... «В Козмодемьянске издан приказ о всеобщем обучении военному делу. Общее настроение отличное»...

А еще через несколько дней сообщается: «В Козмодемьянске состав крестьянского уездного с'езда исключительно из кулаков и спекулянтов»...

Конечно, эта разнохарактерность газетных сообщений больше всего говорит о том, что положение на самом деле было неустойчивое, газета же напрасно пыталась его приукрасить.

В своих воспоминаниях наши уездные товарищи дают описание той политической борьбы, которую под щитом и забралом эс-эров так энергично вели деревенские кулаки. В этом месте мы не можем не остановить

внимания читателя на воспоминаниях тов. А. Есипова (Чистопольский кантон), тов. Пучковского и Тычкина (Свияжский кант.), которые, правда, двумя-тремя словами, но совершенно определенно показывают, что «набег чехо-учредиловцев застал партийный аппарат в разгаре борьбы с лево-эсэровскими течениями». Этой же борьбой была занята Елабуга, в которой обнаглевшие эс-эры пытались «свергнуть» Сов. власть еще до прихода учредиловцев—в связи с национализацией предприятий Стахеева о которой пишут тов. Иванов*) и тов. Мансуров Гасым**).

Наконец, об этой же упорной борьбе, кончавшейся далеко не всегда нашими успехами—нам сообщает тов. Давыдов.—(См. его статью в наст. сборнике).

В таком состоянии брожения, неустойчивости и классовой борьбы застали чехи город Казань и ее уезды. Налет чехов—капля мощного политического реактива, отцедившая черные и желтые элементы в одну грязно-белую массу и выкристаллизовавшая революционное ядро большинства трудящихся.

III.

Первые же дни захвата белыми Казани ознаменовались потоком «законодательного» творчества учредиловских «демократов».

7/VIII издается ряд приказов нового «правительства».

Приказом № 1 население города уведомляется, что.....

«Город Казань и Казанская губ-ня об'является под властью Ком-та членов Учр. Собр., имеющего временное пребывание в г. Самаре. Городское и Земское самоуправление последнего состава восстанавливаются и им предписывается немедленно приступить к текущей работе. Все правительственные и общественные учреждения подчиняются Особоуполномоченным Комитета членов Всерос. Учред. Собр. Б. К. Фортунатову и В. М. Лебедеву».

Далее, другим приказом, об'является всем начальникам Госуд. учреждений, работавших до Октябрьской революции о явке для переговоров к членам Учр. Собрания.

Все советские учреждения и предприятия обязываются сдать все свои дела в 3-х дневный срок вновь установленным органам или назначенным Комитетом Учред. Собрания лицам. Все служащие неупраздненных учреждений оставлялись продолжать работу.

В этот же день Казань «осчастливлена» обещаниями всех демократических свобод—причем, конечно, «свободы», эти предназначены не для большевиков, не для пролетариата: Живая действительность с первых же дней господства чехов показала на практике, кому именно принесли они свободу. Впрочем об этом же говорят и следующие приказы, об'явленные в тот же день.

Все церковные движимые и недвижимые имущества возвращены церкви (о земле—скромно умолчали:—нельзя же сразу, без обиняков, выявлять

*) Рукописи в Истпартотделе.

**) «Коммунист. Путь» журнал Обл. Ком. РКП—август 1922 г.

свое лицо—гораздо политичнее обобщить одним термином «имущество»!). Тут же об'явлено невмешательство власти и людей посторонних в церковные дела; что же касается представителей церкви, то в приказе вовсе нет оговорки, запрещающей им вмешиваться в дела политические. Ниже мы покажем, что вмешательство духовенства было достаточно велико. Таковы первые распоряжения пришедших в Казань демократов—Учредиловцев, передающие управление в руки господствовавших до революции слоев населения.

Прежде всего, надо было новому «Правительству» показать себя городу. С этой целью созывается в Городском театре—на второй же день после взятия чехами Казани общее собрание граждан на котором представители власти, Лебедев и Фортунатов декларируют о задачах, стоящих перед Ком. Учр. Собрания.

Театр был переполнен буржуазией и городской обывательщиной и только одиночки—рабочие из любопытства проникли в театр.

— «Какова же цель, которую мы себе поставили в этой тяжкой и кровавой борьбе»? Эта цель—есть возрождение России, восстановление нашей национальной чести..... Мы не делали различия между партиями, течениями и организациями, а всякий, кто дело возрождения России ставит выше интересов своего класса и сословия—пусть идет с нами, тот наш друг, товарищ и соратник *), а для кого свои классовые или сословные интересы выше великого дела возрождения России, тот наш враг..... Правительство должно быть едино, одушевлено единой волей к возрождению России, каких бы жертв это ни стоило и какие бы тяжелые жертвы ни пришлось наложить на отдельные сословия и классы России. «Благоденственного и мирного жития мы вам не обещаем»; в погибели России виноваты все. Вы сами погубили Россию, умейте страдать чтобы ее возродить»...

Мы не делали разницы между партиями и организациями, лишь бы они стояли за возрождение России и в наших рядах об'единяются представители от социализма до монархизма **), но в наших рядах не может быть места так называемой «германской ориентации». Я заявляю, что, когда в наши руки попадут лица, предавшие Россию внешнему врагу, будут ли это Ленин и Троцкий, или Чхенкели и Жордания, предавшие Кавказ Турецкой власти, будет ли это Скоропадский на Украине или Краснов, они будут расстрелены так же, как красноармейцы и комиссары ***).

Так, захлебываясь в идеалистическом пафосе громкой фразы члены Учредительного Собрания, представители партии социалистов-революционеров говорили, политически-наивные и глубоко реакционные речи.

Критиковать их нет особого смысла, так как реакционный, буржуазный смысл такого рода речей изобличен достаточно в продолжение семи лет революции.

Однако, мы не должны проходить мимо них вовсе, т. к. эти речи, этот политический бред—все-же исторический факт, как историческим фактом является и то, что этим бредом пытались одурачить массы проле-

*) Подчеркнуто редакцией.
**) Подчеркнуто редакцией.
***) Речь Б. Фортунатова цитируется по «Рабочее Дело» № 156—8.

тариев и крестьян. И одурачение это стоило трудящимся—очень дорого. Присутствовавшая на собрании буржуазия бешено аплодировала «героям—спасителям России». А бывшие там же рабочие, видя ее торжество, констатировали его в своем сознании, как свое *поражение*, как победу врагов. Именно под этим углом зрения вспоминают рабочие это собрание *).

Для нас важны эти речи еще и потому, что за фразами их скрывался определенный классовый смысл.

Особенно же ярко обнаружилось классовое лицо буржуазии и..... помещика (!) в тех законах и приказах, которые издавала власть Комитета членов Учред. Собрания.

IV.

Показав себя городской буржуазии, власть решила сделать тоже и в отношени деревни. И вот, об'является приказ Комитета членов Вс. Учр. Собрания, за подписями Вольского, Шмелева, Климушкина, Прушвита и др.— по вопросам *о земле* и о «рабочем вопросе».

Комитет Учр. Собр. чувствует, что «его рыльце в пуху, слышит угрожающее возбуждение в народных низах и стремится демократическими фразами убаюкать сознание их и свое собственное.

Вот, что буквально пишет по этим вопросам Ком. Уч. **).

Советская власть свергнута и большевизм потерпел полное поражение на всей территории, подчиненной ныне Комитету членов Всерос. Учр. Собр., но несмотря на это, есть еще не мало лиц, мечтающих о возвращении советской власти. Лица эти вместе с отбросами населения, усиленно возбуждают рабочих и крестьян против новой власти, пользуясь их недостаточной сознательностью и организованностью. Они внушают им, что рабочие вновь будут во власти капитала, а крестьяне будут лишены земли и подчинены помещикам.

Комитет, считая такую агитацию явно провокационной, заявляет, что для нее нет решительно никаких оснований и дабы положить конец подобным злостным измышлениям, об'являет во всеобщее сведение:

1) Земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков комитет не допустит. Сделки, купли, продажи и залоги на землю сельско-хозяйственного значения и лесные угодия запрещаются, а тайные и фиктивные сделки об'являются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности.

2) Действующие законы и постановления об охране труда сохраняют свою силу впредь до пересмотра их в законодательном порядке.

3) Ведомству труда, ныне заменившему комиссариат труда, вменяется в строгую ответственность иметь неослабное наблюдение за исполнением этих законов и постановлений, а властям судебным и следственным предлагается беззамедлительно расследовать и разрешать дела по нарушениям законов о труде.

4) Рабочие и крестьяне приглашаются защищать свои интересы только законным путем во избежании анархии и развала.

---

*) Воспоминания тов. Филиппова.

**) «Раб. Дело» № 157.

5) Всякий расчет рабочих и приостановка работ предприятий, не оправдаемые условиями производства или совершаемые по соглашению предпринимателей в целях борьбы с рабочими или правительством, воспрещается под угрозой строжайшей ответственности.

6) Закрытие предприятий может иметь место не иначе, как с разрешения ведающих хозяйства государств. органов (быв. Сов. Нар. Хоз-ва или Экономич. Советы.)

7) Ведомству труда поручается создание соответствующих органов по охране труда в губернских и через них--в уездных городах.

8) Определенные законом права професс. союзов полностью сохраняют свою силу впредь до пересмотра законоположений о них; к участию в подготовке пересмотра законов будут безусловно привлекаться представители трудящихся и предприниматели.

9) Коллективные договоры должны сохранять свою силу впредь до их отмены соглашением сторон или пересмотра законов, касающихся этих договоров.

Имея в то же время в виду интересы промышленности и хозяйственной жизни страны, доведенной большевиками до полного развала, желая оказать содействие тем лучшим представителям торг-пром-класса, которые искренно стремятся к возрождению родины и, проникнутые желанием всемерно содействовать восстановлению нормальной хозяйственной жизни, Комитет членов Учр. Собр. уже считает своим долгом об'явить во всеобщее сведение:

1) Предпринимателям предоставляется право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определенного законом и договором и увольнять не подчиняющихся этим требованиям, соблюдая соответствующие законные нормы.

2) Предпринимателям предоставляется право увольнять лишних рабочих с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений.

Председатель Комитета Вольский.
Члены Комитета: Н. Шмелев, И. Нестерев, *)
П. Белозеров, И. Брушвит, И. Климушкин, В. Абрамов.

Прежде всего обратим внимание на пункт первый. Сам по себе он, как будто ничего нового и необещает дать по сравнению с тем, что было закреплено в дни октябрьской революции. Приказ так и гласит дословно: ...«Земля бесповоротно перешла в народное достояние... Однако, конец той же фразы указывает на возможность попыток к возврату земли в руки помещиков. Ком. Уч. клянется, что он не допустит помещика к земле и таким образом, если этот приказ вполне точно выражал суб'-ективно-искреннее желание бороться с вожделениями помещиков, то этим самым он говорил: открывается борьба, а кто победит—вопрос решается в зависимости от того, уцелеет-ли сам Ком. Уч.

Однако, в искренности намерения Ком Уч вести решительную классовую борьбу, усомниться был вправе каждый политически мыслящий человек. Ведь Ком Уч—олицетворение демократии, *мирного* сотрудничества всех классов, всех социальных групп и слоев! Очевидно, что классовая.

*) Местами приказ подчеркнут автором. (Ред.)

борьба, с помещиками которую обещает приказ о земле, противоречит политической сущности Учредительного демократического правительства.

Между тем, помещики воспряли духом. Мы видим их стоящими очень близко к верховодам новой власти. Помещики Боратынский, Крапоткин, Юшков, Смирнов *) и др. организуют собрания, говорят речи, призывают к патриотизму. Их поддерживает буржуазия. Кадетская «Камско-Волжская Речь» робко, но все же вполне определенно указывает на то, что вопрос о земле еще вовсе не решен окончательно, что он еще должен быть пересмотрен. «В первую очередь, конечно ждет разрешения в государственном масштабе земельный вопрос, и в этом вопросе отчуждение частной собственности неизбежно, *и разговоры могут быть лишь о способах отчуждения*»—пишет Газета в № 9-м. И несомненно, их ожидания не были беспочвенны. В Самаре был уже заготовлен другой приказ—о снятии урожая—который политичные учредиловские демократы постеснялись сразу об'явить публично. Только 30-го августа, за 10—11 дней до своего изгнания из Казани, они публикуют приказ Ком. Учр. Собр. хотя последним он был издан 22-го июля.

Приказ этот гласит:

Об'являю к неуклонному исполнению приказ № 124 от 22/VII 1918 г. Ком-та чл. Учр. Собр.

Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 г. за 1918 г. как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах принадлежит тому, кто их произвел.

Крупные посевщики, частные экономии производят уборку хлебов под контролем органов местных самоуправлений, причем государство оставляет за собой преимущественное право приобретать этот хлеб. Всякого рода договоры об использовании земли под озимой посев на 1918 г. сохраняют свою силу.

Живой рабочий и мертвый инвентарь частных владельцев распределенный между гражданами-земледельцами, остается в пользовании последних, если к тому не встретится препятствий со стороны Зем. Ком-та в ведении которого должно находиться снабжение населения инвентарем.

Всем земельным органам предписывается в срочном порядке произвести самый строгий переучет всего живого рабочего и мертвого с.-х. инвентаря.

Предписывается всем местным земельным органам и органам самоуправлений в срочном порядке приступить к сбору в рассадники всего ранее учтенного и вновь разведенного племенного скота и взять его снова на учет.

Председ. комитета В. Вольский.

Член ком-та и за упр. вед. земл. П. Климушкин.

Упр. делами ком-та Я. Дворжец.

За особоуполномоч. Г. Алюнов.

30/VIII 1918 г.

«Камско-Волжская Речь» отнеслась к этому приказу с полным удовлетворением **).

---

*) Крапоткин, бывш. князь избирается в президиум собрания 15-го августа в гор. Театре—представителями тор.-пром. класса. Юшков—назначается председателем Казанской Уездной Земской Управы; Смирнов—член Каз. Губ. Земской Управы и т. д.

**) «К.-В. Р.» № 9.

Да и как не быть буржуазии довольной!

Приказ мирится с фактом наличия нетрудовых хозяйств, крупных помещичьих экономий (крупных посевщиков, частных экономий). Как согласовать это положение с утверждением первого приказа о «бесповоротном переходе земли в народное достояние» и о недопущении возврата ее в руки помещиков—про то, очевидно, знают кудесники из комитета Учр. Собрания. Для нас же совершенно очевидным становится, что приказ Ком. Уча—о «бесповоротном переходе земли в народное достояние»—в устах учредиловцев был сплошным обманом.

То обстоятельство, что посевщики производят уборку хлеба под контролем органов местных самоуправлений, а также необходимость учета живого и мертвого инвентаря частных владельцев, хотя принципиально и неприемлемы для них, но по обстоятельствам момента необходимы и неизбежны, а потому мало беспокоит помещика. Ведь, закон этот относится специально и *исключительно только к 1918 году,* когда и владельцев то всех нет на местах, да и гусей крестьянских дразнить пока зря нет смысла. Другое дело, когда все уляжется и успокоится, когда черно-желтое знамя Ком. Уча будет развеваться не над далекой Казанью только, а над Московским кремлем—тогда придет «хозяин земли русской»—пресловутое учредительное собрание и навсегда установит права помещика и крестьян. А быть может, с помощью божьей, (то есть черносотенных генеральско-офицерских банд) удастся обойтись и без учредилки. Такими соображениями мог успокаиваться помещик.

Учет инвентаря—никогда не мешает владельцам имений: наоборот, цельнее будет имущество.

Такова идеология помещика, которую политически выявили Учредиловцы и которой в данном случае поддакивают кадеты. Кстати, они имеют несомненное основание быть довольными приказом еще по одному соображению «государственного» характера. Преимущественное право государства закупки всего хлеба: 1) дает гарантии частным собственникам сбыть весь продукт и 2) обеспечивает питание армии, столь иеобходимое для «спасения» России. А ссориться с помещиком кадетам было не с руки: не даром же армия возглавляется генералитетом, сиречь—тем же дворянством. Так принуждены были эс-эры из Ком. уча отказаться по существу от своего символа веры—народного владения землей. В этом отрицании своих основных положений и выявилась связь первого со вторым приказами.

Однако, второй приказ до крестьян, очевидно, не дошел, т. к. опубликован он был всего за десять дней до изгнания из Казани учредиловцев; первый же приказ, не отменявший на словах земли, закрепленной крестьянами за собой в Октябрьскую революцию и ничего нового не дававший, не произвел на деревню особого впечатления; по крайней мере ни один из писавших свои вспоминания товарищей-крестьян ни словом не обмолвился о том, как приказ этот был принят в деревне.

Новые порядки в деревне выразились совсем в иной плоскости. Власть учредиловцев крестьянам не давала ничего, кроме свободы спекуляции, выгодной кулакам. Зато брала у крестьян власть много, а еще больше обещала взять—в случае своего успеха и войны с Германией.

«Кулацкое право» политически выливалось сразу же по приходе учредиловцев в соседний город—в смену местной власти. В редких случаях избирали средняков, но и в этом случае они должны были выполнять волю экономически сильных кулаков.

Волостные исполкомы и сельские советы заменялись земскими волостными управами. В каждой деревне и волости, где происходил свой местный «государственный переворот» правящая группа кулачья производила прежде всего расправу с насолившими всей местной буржуазии советскими людьми.

Как производилась расправа, дают образцы в своих рассказах ряд товарищей. Вспоминающие крестьяне пишут нам о различных способах насилий, в которых выражалась классовая враждебность к рядовому труженику-крестьянину, не осложненная даже мотивами сознательного мщения.

Происходило дело в Старо-Альметьевской волости, Чистопольского кантона (тогда—уезда)... «Белогвардейцы сильно пьянствовали, избивали граждан, особенно бедняков и средняков, якобы за несвоевременную подачу подвод и по всяким другим поводам, которые они всегда находили, лишь бы только нанести оскорбление гражданину. Бывали и такие случаи: при переездах на подводах в дороге сбрасывали хозяина лошади и уезжали одни, причем загоняли лошадей, пока те совсем не встанут; тогда их бросали и брали других и так продолжали путь свой дальше».*)

Такое озорство создавало в деревне общий фон недовольства новыми порядками. Особенно же сильно недовольство возбудили новые тяготы, которые ложились на крестьян.

Тяготы эти, конечно, были связаны прежде всего с военными действиями. Армии нужен был хлеб. Власть шлет приказы—прокламации к «гражданам-крестьянам». Она обещает в этих воззваниях войну с Германией, созыв Учредит. Собрания, которое «окончательно решит вопрос о земле и установит твердую власть и порядок, в которых они (т. е. крестьяне) так нуждаются и просит крестьян везти для «народной армии» хлеб, картофель, овощи и другие припасы.

Армии нужны лошади, люди. Об'является мобилизация людей, а в самые последние дни—и лошадей.

Результаты этой мобилизации были несомненно весьма бледны.

Деревенская молодежь в солдаты итти не хотела.

Какое впечатление производили на деревенскую гущу эти мобилизации свидетельствует картинка, списанная «на лету»—газетным сотрудником «К.-В. Речи».

---

*) Рукопись в архиве Истпартотдела.

Необходимо иметь ввиду, что это описание дает сотрудник буржуазной газеты, следовательно подлинные размеры недовольства крестьян не передает. Наоборот, в следующих номерах той же газеты мы находим слащавые изображения мобилизации в ура—патриотическом духе.

О том же недовольстве мобилизацией свидетельствуют и рассказы товарищей крестьян, приславших нам свои воспоминания. Так, напр., тов. Ганеев пишет об одной из волостей Чистопольского кантона.

«Вслед за этим приказом (об организации земских вол. управ. о выборе сельских комиссаров и об упразднении Советов) был прислан второй приказ о мобилизации, родившихся в 1895—98 годах:

Приказу этому все-таки мало подчинялись и на сборный пункт не являлись; некоторые же хотя и являлись в Чистополь, но на сборном пункте не были» *).

В Буинском кантоне (тогда уезде Симбирской губернии) дело обстояло еще определеннее.

Мобилизация проходила с большим трудом, местами даже крестьяне выступали против белых.... Некоторые совсем не поступали в белую армию, а поступали добровольцами в Красную»—пишет тов. Корчагин.

Тов. Есипов сообщает, что в Ново-Шешминской вол. мобилизация проходила под давлением вооруженного отряда Народной Армии. Различные другие требования властей удовлетворялись лишь под страхом той же силы. (Рассказ его см. в этом же сборнике).

Так же неохотно отзывалась деревня и к другим требованиям местных властей—требованиям лошадей, хлеба и проч. предметов питания.

Тов. Кашурин сообщает, что «из всей «доблестной» Народной Армии отличались в особенности русские офицеры и молодежь, вступившая добровольно в ряды армии; производили неимоверные бесчинства, как в отношении молодых девушек так и в отношении крестьян. Брали и драли с крестьянства все, что только им было нужно, отчего население приходило в ужас; мужики стали скрываться по нескольку дней в близлежащем лесу, бросая на произвол судьбы свое хозяйство и даже были случаи, что в дому оставались по нескольку дней одни лишь малые дети».

Приглядимся пристальнее к тому, что происходило в Бугульминском кантоне **). Со стороны учредиловцев—полнейшее допущение помещику распоряжатся «своим» имением, организация кулацкой власти, поборы с крестьян. С другой—крестьянской—стороны организованный, хитро задуманный и упорно проводимый м а с с о й план отпора, причем на этот раз мы имеем пример хорошей дисциплины в ее среде. Крестьяне строго выдерживают свою «линию» и не дают учредиловцам ни хлеба, ни людей, подчиняясь только вооруженной силе.

---

*) На самом деле по этим уездам приказ относится лишь к 97—98; 1895 и 1896 г.г. были мобилизованы по г. Казани и уезду.

**) Воспоминания тов. В. Трифонова (в этом же сборнике).

В Спасском уезде*) агенты власти (Комендант Яхонтов) открыто заявляет о передаче помещичьей земии прежним владельцам, а в Воткине—того же Спасского уезда (теперь «кантона»)—«неизвестно, откуда, явился местный помещик, не бывавший уже десятки лет и требовал отвести ему 200—300 дес. земли, которую он несколько лет тому назад продал тем же крестьянам»—пишет тов. Козлов.

Все это наводило на массу крестьян уныние, пугало ее, и она с сожалением вспоминала об ушедшей Сов. власти.

Нужно иметь ввиду, что планомерной, организованной конской мобилизации учредиловцы не успели провести по всем уездом, т. к. приказ ими был отдан только 5-го сентября и лишь по Казанскому уезду—раньше. Не успели они и отобрать крестьянский хлеб, что, как мы видели было предложено согласно приказа о снятии урожая. (Право государства преимущественной скупки хлеба).

Совершенно очевидно, что, начни учредиловцы эти две кампании, им не избежать бы повсеместного крестьянского восстания.

Эти восстания уже и начались отдельными вспышками в тех именно местах, где становилось от новой демократической власти невмоготу. Такие вспышки мы имеем в селе Пролейкаши Тетюшского кантона, где дело вылилось в настоящее кровавое вооруженное восстание; массовый уход в ряды Красной Армии трех волостей Буинского кантона **) мы тоже не можем квалифицировать иначе, как разновидность вооруженного восстания.

V.

Так обстояло дело с взаимоотношениями между учредиловцами и крестьянами, не лучше они были и между трудом и капиталом.

В самом деле, какова реальная сила закона, если заранее об'является, что он будет отменен?—Между тем, именно такой смысл имеет п. 2 этого первого приказа, о земельной и рабочей политике власти Комуча.

Как возможно рабочим и крестьянам защищать свои интересы законным путем (пункт 4-й), если таким же «законным» путем, на основании пункта 9-го того же приказа... «предпринимателям предоставляется право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда... и увольнять не подчиняющихся этим требованиям, просто... лишних рабочих»?—(пункт 9-ый 2-ой параграф).

А судьи кто? Кто определяет степень интенсивности и доброкачественности труда рабочего? Кто определяет «лишний» ли рабочий, который вступил в пререкания с хозяином?—Все тот же капиталист, предприниматель. Здесь предоставлен вполне «*законный*» путь для насилий со стороны

*) Воспоминания тов. Анисимова (в этом же сборнике).

**) Шамкинской, Помаевской и Архангельской—см. воспом. тов. Корчагина—в этом же сборнике.

предпринимателя, а рабочему классу обещан пересмотр — (другими словами—отмена) существующего рабочего законодательства.

И такой же пересмотр и такая же отмена прав его профессиональных союзов—(смотр. пункт 8-й).

Таков смысл первого закона, которым учредиловцы решили осчастливить рабочих и крестьян всей республики в частности—Казанских.

Смысл рабочей политики власти Учред. Собрания выразил достаточно полно представитель и член его—И. Алкин. На заседании беспартийной рабоч. Конференции им была произнесена следующая речь.

Приводим ее в выдержках по стенографич. отчету.

«Я остановлюсь на политике новой власти в рабочем вопросе. Я с большим вниманием следил за рабочей конференцией. Из речей ораторов я заметил следующее, очень важное явление: товарищи как бы боялись, что в период переворота, когда в Казани пала Советская Власть, рабочий класс может быть потеряет свои завоевания и может быть классовые организации будут уничтожены. И эта боязнь, товарищи, совершенно правильна. Безусловно, в период большевистской власти организации рабочего класса были расшатаны, их фундамент был испорчен...

Класс капиталистов воспользовался этим моментом и, видя, что рабочий класс пока еще не сплотился, стал пред'являть власти некоторые пожелания и даже требования. И ваша боязнь, что вы утратите свои завоевания перешла и на власть. Вы ждали, что власть должна принять немедленно меры к ограждению ваших интересов. А напор справа продолжался все сильнее*). В данном случае новая власть Ком. Учр. Собр. говорит определенно, что она никаких золотых гор рабочему классу не даст. Она определенно говорит, что осуществить свои завоевания и продолжать свое развитие рабочий класс сможет только при существовании сильных организаций в самом рабочем классе. Новая власть ставит своей задачей оградить рабочий класс при развитии капитализма от напора справа и даст ему возможность своими силами продолжать свою великую работу освобождения труда. Власть Комитета членов Учред. Собр. ставит своей задачей ограждение и укрепление тех реальных завоеваний, которые рабочий класс уже имеет в период этой революции эти реальные завоевания следующие: 8-ми час. рабочий день, минимум заработной платы, коллективные договоры и все рабочие организации—классовые, профессиональные, которые должны быть неприкосновенны. Должно быть также и социальное страхование.

Но рабочий класс со своей стороны должен принести жертвы для того, чтобы промышленность в России продолжала существовать, как можно лучше. Новая власть требует от рабочего класса увеличения производительности труда и в лице своих органов будет стремиться к тому, чтобы рабочий класс обставить так, чтобы за 8-ми часовой рабочий день рабочий мог приложить все силы и увеличить наилучшим образом производительность труда. В защите интересов рабочего класса, в защите труда от натиска капитала власть будет придерживаться той программы, которой придерживалось министерство Труда Врем. Прав-ва»...

Расшифровав речь разоткровенничавшегося представителя власти Ком. Учр. Собр., мы читаем: 1) что опасения рабочих за завоевания резолюции справедливы, так как буржуазия напирает не только на той или иной фабрике, но напор идет в общеклассовом масштабе; 2) что рабочему классу нечего ожидать от новой власти, нужно надеяться только на себя;

*) Места в речи Алкина подчеркнута автором статьи. (Ред.).

самих; 3) что ему, рабочему классу, этой самой новой демократической властью рекомендуется «принести известные жертвы капиталистам», предать, иначе говоря, свои завоевания. В свете этих выводов приходится рассматривать приведенный выше приказ Ком. Учр. Собр., причем ярко выявляются внутренние противоречия этого приказа.

Теперь уже становится совершенно очевидным, что те иллюзии, которыми жил Фортунатов или пытался заставить жить слушавших его в Городском театре, изживались властью до основания. Вместо мечтаний о над и внеклассовой власти—трезвый и холодный анализ совершающегося на глазах разгрома революции; мало того, учредиловцы своими собственными руками толкают рабочих в об'ятия предпринимателю, но при этом целуют рабочего иудиным поцелуем «законности» и циничным жестом зовут его проливать кровь в благодарном порыве за облагодетельствовавшее его Учредительное Собрание.

Однако власть хочет во что бы то ни стало быть сильной, она хочет настоять на своей серединной позиции—удовлетворить и предпринимателя и не очень уж обидеть рабочий класс. Такова суб'ективная психология власти Ком. Уча, судя по словам С. Н. Каллистова (см. его статью в этом же сборнике). Конечно—из этого ничего не выходит, а если и получается, то не больше, чем ублюдочные приказы, вроде приведенных выше или циркуляры, вроде следующего:

Циркуляр Ведомства Труда о фаб.-зав. комитетах.

1) Фабр. Зав. Ком-ты продолжают действовать на основании постановления Вр. Прав-ва о раб. ком-тах в Пром. Предпр. от 23/IV 1917 г.

2) Согласно ст. 9 Постановления, в круг ведения раб. ком-тов входит: а) представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими как-то: о зараб. плате, рабоч. времени, правилах внутр. распорядка и т. п., в) Разрешение вопросов, касающихся внутр. взаимоотношений между рабочими, с) Представительство рабочих в их сношениях с правительств. и обществ. учреждениями, д) Заботы о культурно-просветит. деятельности среди рабочих и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта, е) Условия и порядок освобождения выборных от работ на время исполнения ими их обязанностей предварительно обсуждаются в совместном заседании комитета и представителей администрации заведения и устанавливаются взаимным соглашением обеих сторон *).

Сущность этого циркуляра сводится к тому, что фаб.-зав. комитет совершенно лишается всяких политических функций, его роль сводится к обслуживанию лишь культурно-просветит. и проч. нужд рабочих, а сам фаб.-зав. ком. встает в подчиненное положение по отношению предпринимателя «представительствуя» лишь перед ним. Однако, если власть своими приказами и циркулярами, громкими декларациями и митинговыми речами пытались помирить рабочих с предпринимателями, то на практике совместная жизнь тех и других никак не могла установиться на мирных началах.

*) «Камско-Волжск. Речь»—№ 5.

Но было бы однако очень большой ошибкой думать *), что Ком. Уч.—эс-эры и меньшевики сами по себе—суб'ективно—хотели во что бы ни стало наладить социальный мир между всеми слоями от монархистов до социалистов, что все дело напортила не *власть*, а ее агенты—офицеры в армии, предприниматели на заводах и др. предприятиях (хотя в этом случае—агенты неоффициальные) и все чиновники—по всем ведомствам, лишь только они соприкасались с пролетариатом, с подлинными низами народа. На самом деле *они же сами*, эти благодушествующие *эс-эры и меньшевики* фактически *начали* травлю революционных рабочих и крестьян.

Кто как не они—персонально Лебедев и Фортунатов—клялись перед буржуазной толпой в Городском театре, что изничтожат представителей партий большевиков и шедших за ними левых эс-эров? Кто, как не они об'явили эти партии вне закона, кто наконец, как не Лебедев—Особоуполномоченный Комитета гл. Учр. Собр. и член Учр. Собр. Фортунатов подписывали прокламации, заканчивавшиеся такими, например, призывами:

...«Всем, насильно зачисленным в ряды Красной Армии приказываем немедленно восстать против комиссаров, инструкторов, ведущих их на бесполезную бойню. Бейте, истребляйте своих комиссаров и переходите к нам!» **) (Воззвание от 11/VIII 1918) или в другом воззвании Лебедев писал («к войскам Сов. власти»):

...«Бейте ваших комиссаров, уничтожайте их и переходите на сторону Учредит. Собрания»» и т. д. Воззвания эти, хотя и обращенные к войскам Советской власти, вывешивались в огромном количестве на улицах города.

«Начальство», словом, выкинуло лозунг. «Смерть комиссарам!—«Бейте большевиков!», а от них кровавый энтузиазм перешел и на всю массу исполнителей. Мы не даром привели слово «энтузиазм». Это, действительно, был порыв, сладострастное устремление, охватившее всю буржуазную и мелко-буржуазную массу вплоть до студентов и гимназистов—стремление уязвить, добить пораженного врага.

Все рвались послужить «святому делу возрождения России»—и с необыкновенной «доблестью» и «самоотвержением» расстреливали и арестовывали на право и на лево ***).

Зарядив таким настроением буржуазную и мещанскую гущу, сама начав кровавую страницу своей бесславной истории, власть Ком. Уча только тогда опомнилась, когда получила несколько подзатыльников ввиде

*) Так думали эс-эры и меньшевики сами о себе, ценность же их собственной оценки, очевидно, не больше, чем оправдания Бориса Савинкова на суде Верх. Трибунала.

**) Подлинные слова Лебедева: (по стенограмме) «Если приходится вести (народной армии и власти) политическую борьбу, то только против тех двух партий, которые об'явлены партиями государственной измены,—партии большевиков и левых с-р-ов, которые продали Россию... Эти две партии.... мы должны смести эту дрянь, служащую самым гнусным орудием Германской шайки».... (Нар. Дело № 6).

***) Смотр—статью А. Кузнецова. (Пролет. Рев. № 7, 1928) и статья Л. Рейснер (Пролет. Револ. № 12).

протеста местных Казанских эс-эров, (не был ли это С. Н. Каллистов?) и с-д-ов, лично знавших расстрелянных большевиков и работавших вместе с ними в органах Советской власти *). Было издано об'явление Командующего северной группой войск капитана Степанова о запрещении самочинных расстрелов. Но было уже поздно. Практика расстрелов не прекращалась, но все усиливалась в продолжение времени господства учредиловцев; изменилась лишь форма, приемы расстреливаний. Теперь стали уже *искать* большевиков (или как они называли «комиссаров») везде и всюду, и отыскавши, *передавать по начальству*, которое и расстреливало.

Как они производили эту операцию, любопытно рассказать со слов очевидцев.

Дело происходит в тюрьме. То и дело входят офицеры и ругаясь, толкая, а то и плюя в лицо своим жертвам, выводили их на двор. Там они ставились перед окнами тех комнат, где сидели остальные. Раздавалась «предварительная» команда: «по красным собакам взвод»—и в ожидании исполнительной команды солдаты стояли, нацеливши ружья минут 10—15-ть, после чего подавалась исполнительная «отставить; — такие развлечения белогвардейцы доставляли иногда себе раза по 3—4, прежде чем покончить с «Комиссаром») **).

Отличались и чехи. В литературе, между прочим, приходилось встречать (например, у т. Майского в его статье «Демократическая контр-революция»—«Кр. Новь» № 1 1923 г.—стр. 215) характеристику чешских войск, согласно которой «социалистичнее» армии не водится на белом свете.

Тов. Трифонов (см. его рассказ в этом же сборнике) указывает тоже, что... «обращение с нами было человеческое, чехи называли друг друга «брат» и охрана была слабая».

Тов. Виноградов расказывает о чехах такой эпизод.

Вели его накануне ухода чехов из Казани арестованного на пароход «Грибоедов», в котором помещалась контр-разведка чехов. После долгих споров между командным русским и чешским составами, Виноградова все же на пароход не пустили и вернули обратно к коменданту города. Отказались ли чехи расстреливать Виноградова или просто поленились в данном случае, но как бы то ни было этот факт несомненно показывает, что *удовольствия* в расстрелах чехи в тот момент не испытывали.

Однако, не следует забывать, что во всех этих случаях нравы чешской армии рисуются в таком духе относительно времени, когда они уже разочаровались в целесообразности поддержки учредиловцев и не хотели проливать крови, как своей, так, возможно, и чужой. Однако, совсем другое дело в первый период борьбы. Под Казанью они составляли основную

---

*) См. Раб. Дело № 156—ст. Б. Нелидова: «У членов Учред. Собр.».
**) Рассказ тов. Сеген (рукопись в архиве Истп. отдела).

силу, которая создавала и укрепляла власть Ком. Уча. Борьба в тылу, с внутренним врагом—подпольным большевиком, поэтому тоже бывала уделом и их отрядов.

Тов. Ибрагимов Мирза рассказывает, как в той камере, где он сидел, чехи избивали, а под конец и растреляли одного коммуниста, советского работника, по национальности—тоже чеха—«за измену якобы, своей родине» *). На самом деле, классовая борьба была конечно, единственным мотивом убийства, *тем более сильным*, что враг был из своих же соотечественников. Большевик—русский или татарин—не так страшен для демократических чехов. Настоящий враг для них—свой собственный же чех-большевик.

Из двадцати шести воспоминаний рабочих о разбираемом нами времени до 75% говорят о зверствах учредиловцев, именно русских, «Народно-армейских» офицеров, главным образом.

К воспоминаниям вообще нужно подходить с осторожностью, но в данном случае мы имеем несомненно массовое настроение; каждый из рабочих рассказывает или случай личного переживания страха смерти или же—о тех грудах трупов, которые сжимали болью его сердце и заставляли ненавидеть демократов-учредиловцев. Эта то однородность сообщений, их массовый характер и побуждает нас расказываемым фактам придавать много веры, не придавая особого значения индивидуальным разновидностям кровавых расправ.

Однако, точных данных о количестве арестованных и расстрелянных наши дома заключения не могли доставить. По сведениям старых тюремных служащих в одной из тюрем сидело до 500 челов., а в другой—до 1000 (тысячи). О количестве растрелянных даны сведения минимальные—до 60 челов. Не получены сведения еще по двум тюрьмам.

VI.

Буржуазия еще за долго до нашествия чехо-словаков вела, «удушливую» агитацию, если не непосредственно, то устами и пером услужливых меньшевиков.

С момента вступления в Казань чехов, «Рабочая Воля» **), закрытая было незадолго до этого времени, воспряла духом вновь и тут же принялась за теоретическую трактовку политических вопросов момента. Задача газеты состояла в том, чтобы обработить сознание рабочих масс и заставить их примириться с положением политических пленников буржуазии. Как ни двусмысленна такая роль «Рабочего Дела», тем не менее газета справлялась с задачей настолько, что буржуазия не очень торопилась обзаводиться собственным органом. Первый номер «Камско-Волжской Речи»,—оффициоза к.-д., вышел лишь 21 августа, т. е. через две недели

*) Рукопись т. Ибрагимова в архиве Истп. отд.

**) «Раб. Воля» орган Казанского Губ. Ком-та Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков) после прихода белогвардейцев в Казань—газета стала вновь называться «Раб. Дело».

после вступления «освободителей»—и странно было бы думать, что эта задержка могла произойти лишь по причинам техническим.

Мы берем эти два органа не случайно. Оба они были выразителями идеологии наиболее действенных социальных групп того времени: буржуазии крупной и мелкой.

Несомненной злобой дня для буржуазии в то время стоял вопрос о власти. Партийна она должна быть или беспартийна, «пристрастна» или «беспристрастна», единая или коалиционная,—а в связи с этими вопросами остро и твердо вставали словно черствая корка в горле—вопросы о том, что же должен делать и как должен относиться к власти этой пролетариат?

«Камско-Волжская Речь» устами Ю. Фармаковского заявляет:

Теперь государственная власть в лице ком. членов Учр. Собр. сменившая в целом ряде городов тиранию партии большевиков, провозгласила на своем знамени те лозунги, за которые мы раньше боролись—воссоздание единой России, власть твердая, национальная, внепартийная, с широким государственным горизонтом (и т. д. в том же духе). Неуместно разжигать классовую или партийную ненависть, когда дело идет о существовании всей страны»*).

Совершенно очевидно, что весь смысл внепартийности, национальности и проч. подобных качеств заключается в последних словах: *неуместно* разжигать классовую ненависть *сейчас*, покуда идет борьба с большевиками, с Советской властью; а там, когда победим—мы им покажем, как затевать классовую борьбу и ненависть против буржуазии!»—Дальше мы еще будем иметь случай встретиться с этой мотивировкой: «Неуместно до поры до времени»—но уже на страницах «Раб. Дела».

Буржуазия не мечтает о твердой сильной власти для себя и потому с точки зрения *единства, силы* и твердости власти, К.-В. Речь» приветствует идею организации центральной власти—(по поводу Челябинского Совещания); основной задачей газета считает.... «не слова и убеждения, а путь принуждения, твердых государственных мер» **). Несколько иначе трактует вопрос о власти «Рабочее дело»:

.....«Не может быть более горшего, более пагубного заблуждения для власти, чем мнение, утверждающее, что она довлеет сама себе, что она стоит вне сил, действующих в государственном общежитии людей.... Об'единяясь в государстве, они (т. е. классы) не лишаются разницы в своем социальном положении; противоречия их интересов не сглаживаются, а наоборот «обостряются»....

И тем не менее, «Раб. Дело» находит наличность так называемых общенациональных заданий, продиктованных интересами всех классов—это буржуазное «возрождение» и об'единение государства.

В связи с основной предпосылкой политического момента—признанием и принятием новой власти как власти буржуазии ***)—очевидной ста-

---

*) „К.-В. Речь„ № 1.

**) „К.-В. Речь“ № 4.

***) „Раб. Дело“ № 171. Из речи А. Рясенцева по «текущему моменту» на беспарт. рабоч. конференции.

новится фальшь и противоречивость того, что меньшевики так будто-бы «по Марксу» излагали вопрос о классовой природе государства.

В самом деле: если возрождение и об'единение буржуазного государства есть основная задача пролетариата, то значит *буржуазию надо поддерживать во что бы ни стало* и ни о какой классовой борьбе и защите классовых инсересов разговора быть не может.

В статье «Твердая власть» *) Марк Брук пишет:

«Задача ее (т. е. власти)—установление порядка, который бы обеспечивал соблюдение интересов большинства,—рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию от чрезмерной эксплуатации (с точки зрения буржуазии—всякая эксплуатация не чрезмерна Н. З.).... И только тогда, когда у власти будет большинство населения, интересы последнего будут соблюдены.... Власть же твердая, взявшаяся за установление и сохранение демократического строя, встретит полную поддержку в рядах демократии».

После определения новой власти, как власти буржуазии—меньшевистский «теоретик» плетет языком о власти большинства населения, власти рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции! Мало того: соглашаясь, что власть в данном случае переходит к буржуазии, меньшевики мечтают и о том, чтобы эта власть была тверда, сильна. Совершенно очевидно, что разница между меньшевиками и к.-д.—только словесная.

Наконец, вопрос о национальном характере власти разрешается меньшевистской газетой с таким же противоречием и с практическим уклоном в пользу той же буржуазии.

«Странно было бы говорить рабочему о воссоздании национальной мощи страны, когда сам он является гражданином не отдельного уголка земли, а целого мира.... Все материальные блага закрыты для него, и отечество, которого никто не сможет отнять у него, находится на 6 футов под землею.

Но пусть не усмехаются злобно те, кто пожелал бы остановиться на этом выводе. Пусть не думают они, что между призывом «пролетарии всех стран соединяйтесь» и возрождением страны существует непроходимая пропасть, которую смертному не суждено перейти. Но рабочий класс перейдет ее.... Рабочий класс знает, что путь к светлому будущему идет через тернии и он смело пройдет через них **).

То есть сойдет с классовой пролетарской теории и поплетется в хвосте буржуазных националов, восприняв сам их идеологию откажется от интернационализма и станет патриотом.

Так, и в этом вопросе меньшевики предали рабочую классовую позицию.

Вопрос о том, должен ли рабочий класс иметь свои классовые органы, решается меньшевиками на первый взгляд как будто-бы определенно и решительно в смысле признания необходимости таких учреждений:...

Без создания таковых организаций пролетариат погребет себя заживо, он целиком отдаст себя на с'едение буржуазии, на с'едение и власти, которая, повторяем, должна быть и будет, властью буржуазной»—

пишет А. Войдинова в № 166 «Раб. Дела». Однако, когда вопрос идет о характере и политическом весе этих органов, то меньшевики ре-

*) „Раб. Дело“ № 161 статья М. Брука.

**) „Раб. Дело“ № 161. Статья А. Визгалина.

шительно сдаются буржуазии. Основные формы рабочих массовых организаций, о которых говорят меньшевики—две—советы и профсоюзы.

И вот, советы *)

должны быть политическими организаторами, руководителями и выразителями задач рабочих масс и ни в коем случае не должны стать или пытаться стать органами власти».

Власть—для буржуазии, рабочий же класс до нее еще не дорос—стародавний припев меньшевиков, начатый еще госпожей Кусковой в конце девяностых годов прошлого века.

Далее меньшевики говорят:

«Признать необходимым восстановление профессиональных союзов... как классовых органов экономической борьбы, независимых от какой-либо власти, и авторитетных в руководстве экономической борьбой рабоч. класса.

Признать, что сфера компетенции этих органов в руководстве рабочим классом определяется их функциями, т. е. советы раб. депутатов органы политического характера, профессиональные союзы—экономического характера» **).

Это схоластическое (искусственное) разграничение политических функций от экономических—характернейший признак буржуазной теории разделения властей. Для рабочего класса такое разделение вредно особенно потому, что экономическая борьба сама по себе—довольно безобидное предприятие, которого буржуазия вовсе не боится. Только освещенная сознательным политическим направлением и устремленная к определенным политическим целям—экономическая борьба принимает грозный для буржуазии характер.

Для иллюстрации интересно привести пример того, как сама буржуазия теоретически ставила вопрос о проф. союзах.

„Камско-Волжская Речь“ пишет:

«Необходимо резкое разграничение экономических интересов от политики, внесение которой в профессиональную организацию, особенно в начале ее деятельности, недопустимо; место политики в политической партии, в парламенте...

При современном хозяйственном строе проф. рабочие союзы являются необходимыми организациями, так как они ставят своей целью оказание помощи своим членам при разного рода несчастиях и защиту рабочих интересов борясь за улучшение материального положения.

Выгода рабочих профессион. союзов распространяется не только на рабочих, но и на предпринимателей и промышленность. Предприниматели на западе и в Америке не стремятся уже к уничтожению рабочих организаций, напротив, ценят их, как необходимое представительство рабочих, без которого немыслимо сношение с рабочей массой; предприниматель затем обеспечивается лучшей рабочей силой, получает гарантию точного соблюдения договора и надлежащего отношения к работе. Промышленность приобретает более устойчивый характер, т. к. союзы теснее связывают рабочих с предприятиями, побуждают внимательнее относится

*) Из резолюций Рабочей Конференции, предложенных Комитетом Р. С. Д. Р. П.
**) Оттуда же.

к характеру работ, к их успешности, т. к. результаты предприятия так или иначе сказываются на положении рабочего»*).

Конечно, таковы теоретические воззрения наиболее просвещенных, культурных буржуа. Практика местных предпринимателей, несомненно, отставала—что мы и увидим несколько дальше.

Нам здесь важно лишь подчеркнуть, откуда идут нити меньшевистских взглядов.

Та же двусмысленность—соединение утопии народовластия вместе с предательством всего дела в руки буржуазии—проявляется и в отношении к Челябинско-Уфимскому Госуд. Совещанию. Меньшевики приветствуют его, поставившего себе «историческую задачу, решение которой определяет ближайший ход процесса возрождения страны» **).

Однако, тут же они увидели, что на Совещание с'ехались из Сибири люди «не слов и убеждений, а принуждения и твердых государственных мер»—и испугались тени буржуазной олигархии, которую сами же вызывали. В последующих статьях меньшевики говорят уже о „грозном предстережении, которое раздается из-за лесистых хребтов Урала русскому пролетариату». И на этом участке политики меньшевистская демократическая утопия спасовала перед живой реальной силой буржуазии, которую меньшевики сами же прокламировали, как «спасителей" России.

Наконец, чтобы покончить с Казанскими меньшевиками, как „теоретиками» буржуазной контр-революции, любопытно остановиться еще на одном вопросе, на обсуждении которого истерли перья как они, так и господа из «К.-В. Речи». Вопрос этот—о «нашей» интеллигенции и рабочем классе.

А. Рясенцев, несомненный выразитель мнения большинства м-ков, скорбит о том, что интеллигенция пышет злобой на социализм, представляя его себе, как «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй».

Интеллигенты, говорит он,—строители новой жизни... Интеллигенция должна будет итти впереди и вести за собою выходящие на новую, тернистую дорогу народные массы... Злобе не должно быть места» ***).

Рясенцев ставит своей задачей и задачей РСДРП... дать обывательским массам (речь в статье идет именно об обывательской массе и интелигенции).

...«Правильное понимание научных основ социализма и его практических задач в области жизненного строительства на различных ступенях общественного развития».

Безусловно, нелегкая и достойная для «государственно-мыслящей парсии» задача: быть педагогом масс не только относительно настоящего, текущего момента, но и на далекое—далекое будущее—на всех ступенях общественного развития! И каких при этом масс! Другой благодетель из

---

*) Камско-Волжская Речь № 6; разрядка наша.
**) Раб. Дело № 169.
***) Раб. Дело № 156 и 157. Статья А. Рясенцева «Строители жизни».

«государственно-мыслящей рабочей партии» Макар Кузнец, обещает поделиться своими мозгами уже не с интеллигенцией, а с рабочим классом.

«И понятно, говорит он, пока длительная сознательная жизнь не разовьет собственного мозга в пролетариате, ему придется пользоваться умственными силами соседей,—примыкающих к нему слоев интеллигенции».

Бедный рабочий класс, которому меньшевики хотят дать на прокат умственные способности той интеллигенции, которая по словам цитированного выше Рясенцева—«право же недалеко ушла от озлобленного и перепуганного обывателя»!

Обращаясь к истории пролетарской революции М. Кузнец клевещет на рабочий класс самым беззастенчивым образом.

«Совершенно ясно, что движение его (т. е. пролетариата) руководилось, питалось идейно нашей интеллигенцией» *). Кузнец перепутал: не «нашей» интеллигенцией вообще, а пролетарской, марксистской, профессионально-коммунистической.

...Интеллигенция**) соприкасаясь с ними, по ним (рабочими подпольщиками. Н. З.) определяла свое отношение ко всем рабочим и их оценку.

Когда же цепи, опутывающие рабочий класс спали, когда разрушена была китайская стена, отделяющая массовый пролетариат от интеллигенции, последняя увидала не то, что она встречала в сумраке подполья.

Ее надежды на силу и значение пролетариата шатались и разум омрачался разочарованием.

Темнота, невежество, непонимание своих задач трудящимися приводят в отчаяние интеллигента (т. е. меньшевика?—Н. З.).

Тут-то он и должен призвать на помощь главную силу свою—ум, который все осветив и все об'яснив, укажет закономерность всего совершающегося и в этой закономерности поможет найти пути спасения».

Приблизительно так же подходит к вопросу *Пессимист* из «К.-В. Речи» ***).

«Пессимист» почти в тех же словах оценивает роль интеллигенции...

Теперь интеллигенция снова восстановлена в правах, она призвана к творческой государственной работе, она должна быть нервами и мозгом освободительного движения».

«Пессимист» копается в прошлом интеллигенции и пытается исторически об'яснить свое место в общей социальной структуре; автор находит, что интеллигенция всегда была народнической и

...«будучи народниками, мы интеллигенты, в сущности говоря, жили в самообольщении, принимая свое понимание народной воли за подлинную народную волю. С этой же волей мы не считались, к ней мы не прислушивались, пред ней мы не преклонялись, ее мы не знали; можно даже сказать, что ее мы и не хотели знать, если она не отвечала нашему интеллигентному представлению о ней, если она была не такова, какою мы ее грезили.....

Будучи народниками на словах и, считая себя таковыми в действительности, мы в сущности никогда ими не были, ибо на

*) Раб. Дело № 179. Статья «Рабочий и интеллигент».

**) В дни царизма. (Ред).

***) «К. В. Речь» № 5. Думы интеллигента.

деле не знали и не уважали воли народа, не считали ее для себя: обязательной».

Из всего этого вытекает, по мнению Пессимиста, задача интеллигенции, сгруппированной в партии, не навязывать народу свою интеллигентскую волю.

«Да будет воля его, а не наша». «Мы же должны лишь просветить его ум, открыть ему глаза на действительное положение государства—и только.

«Иначе мы рискуем снова услышать из низов грозный и оскорбительный для себя окрик «не суйся, барин!».

Ибо надо ведь сознаться прямо, что по скольку мы стремимся навязать свое понимание народных нужд массам, не считаясь опять таки с их культурным уровнем, мы претендуем на «барство», на господство над народом»....

Так, в припадке сентиментальной болтливости, направленной полемически против эс-эров и меньшевиков, носившихся в тот момент с организацией всероссийской власти на Уфимско-Челябинском Совещании, буржуа попал не в бровь, а в глаз всем этим «государственно-мыслящим социалистам». Поистине не «государственно мыслящий Пессимист!»—сказал бы уважающий себя кадет, под шумок навязывавший волю твердой власти; статья эта все же очень характерна в сравнении с меньшевистской постановкой вопроса: она много искреннее; в ней нет того отвратительного чванства высокоинтеллигентных Макара Кузнеца и А. Рясенцева. Скорее, здесь мы имеем «покаяние» барина, которого ударила революция. И в этом вопросе идеология меньшевиков та же, что и у кадетов; только постановка его у к—д. гораздо определеннее и яснее. Мы приводили вполне сознательно длинные выдержки из газет того времени: они дают представление и о тех речах, какие раздавались в тот месяц буржуазного пленения революции.

VII.

Перейдем сейчас от слов буржуазии—к ее делам, как они представляются нам в свете имеющихся под руками у нас данных.

В литературе уже достаточно освещена радость торжествующей буржуазии,—после овладения чехами Казани *) Для нас важно подчеркнуть этот факт, лишь со стороны того впечатления, какое веселье буржуазии производило на рабочий класс. В сознании рабочих до сих пор память о расстрелах, арестах и проч. «прелестях», связывается по ассоциации контраста с гуляющими разряженными парочками (офицеры в этих случаях навешивали на себя все царские ордена, а некоторые—надевали и погоны), с музыкой, раздающейся из раскрытых окон богатых квартир, и звоном, оглушительным церковным звоном по целым дням **).

---

*) Смотр. наприм. воспоминания А. Кузнецова (Пролет. Револ. № 7—1922 г.), или Ларисы Рейснер—(Прол. Ред. №).

**) Смотр. воспоминания рабочих М... Зеленина, Карпова — (рукописи — в Истпартотделе).

Эти воспоминания не совсем точны: радость всей буржуазии была видна только в первые дни. Вскоре же для известной части ее она омрачилась и сменилась грустью, тревогой участья, страхом за провал авантюры и нервной мобилизацией всех «лучших» ее сил на организацию помощи «Нар. Армии».

Все, какие только были в то время организации, об'единявшие собою мелкую буржуазию, интеллигенцию, стремились одна впереди другой раскланяться перед властью, напоминая собою незабвенную пару Бобчин.—и Добчинского.

16-го августа «Совет Казанского Университета единогласно приветствует новое правительство и заявляет, что он готов принести все средства, силы и самую жизнь своих членов на пользу строительства нашей истерзанной родины» *).

Исполнительное Бюро Союза учащихся средней школы дал профессорам два очка вперед. Оно организует бюро учащихся помощи Народн. Армии **).

...«Союз врачей гор. Казани и Казанск. губ., собравшись в первый раз после свержения Советской власти в Казани, единодушно приветствует доблестных освободителей и в полном сознании всей важности переживаемого момента предлагает все свои силы и знания в распоряжение Ком. Член. Учр. Собр. на борьбу за светлое будущее нашей дорогой родины, за ее свободу и возрождение» ***).

Профессиональный союз студентов медиков просит всех проживающих в настоящее время в Казани зарегистрироваться в союзе для работы в Народной Армии.

Союз помощников врачей вынес резолюцию о том, чтобы «поддержать Ком. Чл. Учр. Соб. всеми имеющимися в распоряжении союза средствами, как-то: 1) принять горячее участие в организации добровольческих отрядов и питательных пунктов, 2) немедленно произвести подписку пожертвований в фонд Нар. Армии, 3) в случае призыва медицинского персонала на военную службу, итти всем, не ушедшим еще добровольно в Нар. Армию» ****).

Наконец, весьма широко развернуло помощь Нар. Армии учительство, об'единенное Всер. Учит. Союзом. С подробностями можно ознакомиться по прилагаемому в конце статьи протоколу общего собр. Каз. Учит. Союза 14 августа 1918 г. *****) Здесь же коротко нужно указать, что Союзом организован санит. отряд, питательный пункт, добровольч. отряд (40 штыков),

---

*) «К.-В. Речь» № 2.
**) «Р. Д.» № 161.
***) «К.-В. Речь» № 10.
****) Р. Д. № 169.
*****) См. приложение.

издательский отдел для снабжения «Нар. Армии» литературой, и наконец—отчислен полдневный заработок, из скромного учительского содержания.

На Высших Женских Курсах образовалась дружина по оказанию помощи Нар. Армии *).

Все это перечисление организаций создает б. м. впечатление, что помощь Нар. Армии была велика, что под'ем добровольческий был силен.

Однако, эта сочувствующая, сознательная и активная белогвардейская интеллигенция—только капля в море городской обывательщины, тупой, чваной, жадной, косной и ленивой, совершенно аполитичной. Ее участие в переживавшихся в то время событиях сводилось в первый момент—к животной радости, а в последующее время—сменилось апатией, нытьем и трусостью.

Командующий войсками Сев. группы—Капитан Степанов в беседе своей с Казанскими журналистами высказал сожаление по поводу этой беспечности... «Командный состав Народной Армии не расчитывал, что около Казани армии придется вести упорные бои, а между тем, бои идут уже две недели подряд. Различные организации Казани известили Народную Армию, что достаточно будет показаться отрядам ее, как ,Казань сама падет. Между тем, и Казань взята с бою»... **). Очевидно, только самая немногочисленная прослойка буржуазии (и мелкой) была втянута в подготовительную работу белогвардейских организаций. Сами организации представляли собою, заговорщицкие замкнутые кружки. Вот почему приход чехов—был подарком для всей массы Казанской буржуазии, «спасением» из рук «извергов»—большевиков.

Власти учредиловцев пришлось положить колоссальное количество энергии, чтобы убедить буржуазию и мелкую и крупную итти на помощь Нар. Армии. Однако, как увидим ниже, когда дело коснулось главного—денег и людского пушечного мяса—охотников находилось мало, чтобы жертвовать такими дорогими вещами.

И напрасно Уполномоченный Ком. У. С. Лебедев сыпал в Самару телеграммы и писал в прокламациях о патриотическом настроении населения. Общий тон и отдельные места этого сообщения (например, о рабочих)—несомненно, агитационного характера. Недаром же эта телеграмма подлежала опубликованию в газетах и в прокламациях. Однако, есть и зерно истины. К ней относится характеристика белогвардейского порыва, как «самого высокого, самого чистого».—Только напрасно хвалился им Лебедев: в этом была не гордость и не честь, *а слабость* их патриотизма. Лучше для Народной Армии, гораздо больше пользы было бы от хорошо организованного денежного и натурального самообложения буржуазии, чем от молитв и воззваний митрополита, непрерывных мо-

*) См. статью А. Кузнецова, указанную выше.
**) «Раб. Дело» № 167.

литв старушек, да от роты профессоров и генералов (отставных, конечно, т. к. те, что помоложе—были в действ. армии).

Однако Лебедевская характеристика (как только случилось, что он забыл упомянуть гимназистов и белоподкладочных и мещанских студентов?) дает прекрасную иллюстрацию тех слоев, которые по-своему, действительно, работали. Это были те, которые по мере сил своих (кто заподозрит, например, митрополита и старушек в недостаточном молитвенном усердии?) могли быть полезны личным *трудом в тылу*, причем трудом, конечно, «чистым»: интеллигентским (—«все партии работают не покладая рук») посредством воззваний, агитации или «дамским»—(«дамские общества помощи Нар. Армии») *).

Как бы то ни было, но из всей массы населения «дамы» оказали м. б. наибольшую поддержку «Нар. Армии». Но хотя сил своих положили они достаточно, вряд ли их «работа» была об'ективно достаточно значима. По крайней мере, командование Нар. Армии сочло возможным принести благодарность Медико-Санитарному «Бюро Каз. Гор. Думы и Думскому Комитету по оказанию помощи Нар. Армии» (там работали «дамы») лишь «за неутомимую и энергичную работу», а не за ту об'ективную помощь, которую они принесли.

Как самые названия и характер работы, которую несли указанные Лебедевым группы, так и идеализация «чистого, высоко» порыва их свидетельствуют достаточно точно о классовой их принадлежности. Мелкая буржуазия, городское мещанство—вот те группы, на которые непосредственно опиралась учредиловка в Казани, которые составили ее «живую» силу (живую-ли?).

Но «чистые и высокие» порывы мелкого буржуа так были рассчитаны чтобы самому не остаться в слишком большом накладе. Пожертвовать немного от своего избытка—дело вполне «подходящее», тем более, если еще через газету преподнесут «благодарность»; и вначале, ...«в первые дни, когда был открыт сбор пожертвований, и когда враг был близок, пожертвования текли в большом количестве. С удалением же грохота пушек пожертвования стали уменьшаться».... пишет Правление Квартальных Комитетов в своем циркуляре к председателям местных Квартальных ком-в **).

Дать материальных ценностей много мелкая буржуазная не могла, суб'ективно чтобы в конец не разориться самой и обективно—по собственной эконом. слабости. Да и не ее подачками могла питаться «Народная Армия», какова бы она ни была по своей численности.

---

*) Название «дамское общество пом. Нар. Армии»—не случайное: оно тоже показывает классовую характеристику этих «обществ», собранных из жен бывших царских чиновников, попов, адвокатов, врачей и проч. публики. На одном собрании жителей квартала было предложено назвать общество не «дамским», а «женским», чтобы этим замаскировать классовую его физиономию. Предложение было принято.

**) «К.-В. Речь» № 4.

Но и не в этом—темные пятна «чистых» порывов. Самым больным для учредиловцев было то, что молодежь *в армию не шла.* Несмотря на черносотенные, сверх-чувствительные (по существу—безграмотные и глупые) воззвания «агитационного отделения формирования Нар. Армии» (смотр. приложение), добровольцев в армию кроме сравнительно небольшой кучки белоподкладочной и мещанского студенчества заманить им почти вовсе не удавалось. Сначала хотели было построить армию на добровольческом принципе. «В том то и честь, что армия Народная лишь добровольческим призывом комплектуется».... писалось в одном воззвании *)—после демобилизации старой царской армии они не смели, видно, втягивать крестьянство вновь в войну, да и средств не было. Только в силу полного провала добровольческого принципа решились пойти ва-банк—об'явили наборы.

Пока же надеялись на «чистые порывы», Командующему войсками пришлось созвать представителей печати с целью «воздействовать печатно и устно на население, ...призвать его демократические слои вступать в ряды Нар. Армии—так как... в войска идут сравнительно мало» **).

Настроение населения публицист кадетской газеты характеризует аллегорическим рассказом о том, как они садятся на отходящий на фронт «поезд», иначе—как откликаются на призывы к мобилизации ***).

Так пишет газета в тот же день, когда другая—Раб. Дело—сообщает о беседе журналистов у командующего войсками; интереснее же всего, что это пишется после мобилизации, об'явленной на 17—19-ое августа ****). Недаром же понадобилась в скором времени еще вторая мобилизация по городу и Казанскому уезду. Во многих газетных сообщениях отмечается, что «молодые люди» ходят по городским панелям, ничего не делая, между тем—их дело, дескать, быть на фронте».

---

*) «Раб. Дело» №167.

**) «К.-В. Речь» № 4.

***) К.-В. Речь, № 4. Речь в рассказе идет о том, с каким трудом производилась посадка на поездах.

„Граждане, спешите в вагоны: поезд отойдет!"—Торопят на перроне, но на этот звонок отозвалось лишь небольшая группа.

Прозвонил и второй звонок.

Но пассажиры далеко не все пошли в вагоны. Множество их сидят и ждут.—«Это не нам, это гражданам».

Между тем, поезд должен отойти; отойти, переполненный пассажирами. И он отойдет... После третьего звонка.

Два звонка уже были. Они приглашали:

—Граждане, спешите в ожидающий поезд.

—Это не нам!—отвечали многие из тех, кого называли столь почетным именем. Третий звонок еще не прозвонил... Но он скоро, скоро прозвонит... И тогда с оставшимся после третьего звонка на платформе «гражданами» будет уже иное обращение;—«Жалкие рабы! Приказываю вам: марш, без разговоров»!

—А вот это теперь нам!—скажут запоздавшие пассажиры и, как напуганное стадо, бросятся...

****) „Нар. Дело" № 8.

Тов. Габидуллин.

До нашествия чехов на Казань, только что приехав из Тюмени, работал в качестве Комиссара связи и информации мусульм. Военной Коллегии.

Во время нашествия чехов руководил Мусульм. Коммунистическ. отрядом, бившимся вместе с красноармейцами против чехов—на улицах города.

Бежать тов. Габидуллину не удалось, и он был захвачен белогвардейцами и посажен под арест; в тюрьме просидел до самого изгнания чехов из Казани.

Тов. Касимов.

До нашествия на Казань чехов—Член и Завед. Агит.-проп. Отделом Мусульманск. Комиссариата. Формировал добровольческие красноармейские татарские отряды. Председатель фракции большевиков солдатской секции Губсовдепа.

В момент прихода чехов командовал отрядом типографских рабочих-татар.

Не успев бежать, попал в руки крестьян-кулаков, которые его избили до потери сознания и доставили «по начальству»,—а оттуда попал непосредственно в ту же тюрьму—куда привели и тов. Габидуллина.

Но если мелкая буржуазия и мещанская интеллигенция не была вся целиком охвачена жертвенным порывом, то и крупная далеко не шла в авангарде. С нее, конечно, требовались деньги.

Лебедев довольно откровенно ставил перед буржуазией вопрос. Она была собрана 15/VIII в городской театр, где ей пришлось выслушать неприятные речи:

«В то время, как лучшие люди отдают свою жизнь, среди торгово-промышлен. класса есть не мало людей, которые нажили за весь этот тяжелый период громадные капиталы. Обязанность каждого из вас, как знающих, указать их. Ибо это нажито на крови лучших сынов России»....

Говорили на этом собрании кроме Лебедева,—Степанов (командующ. войсками), Крапоткин, Архангельский и Алюнов (члены комитета), и иногие др.

Тут же была организована подписка на нужды Нар. Армии.... А в результате:

....«Ярцев (председатель собрания) обратил внимание на печальный и позорный результат добровольной подписки. После него говорил ряд ораторов, во время речей которых зал пустел все больше и больше, так что под конец собрание не сочло (себя) полномочным вынести какое-нибудь постановление» *).

По другому сообщению **) об этом же собрании....

.....«Представители Торг.-Промышл. Союза высказались за полную готовность итти навстречу нуждам Нар. Армии, указав при этом, что способ и порядок самообложения, которое они признали желательным, вырабатывается у них особым Комитетом, стоящим в контакте с Комитетом Народной Армии. (Комитетом помощи Нар. Армии—при Думск. Ком-те). Поэтому они высказались за то, чтобы все другие организации, не решавшие еще этого вопроса, вошли в этот об'единенный орган через посредство своих представителей».

Если Лебедев говорил о необходимости специального самообложения буржуазии, то сама она решила (не собрание все в целом, а присутствовавшие на нем представители *Союза* промышленников, т. е. буржуазия в чистом виде, организованная, буржуазия как таковая — *обложить себя в общем порядке*. Выработку же этого порядка она задерживала со дня на день недостаточно регулярным посещением заседаний членами Финансового Комитета помощи Нар. Армии, огромное большинство которого состояло из представителей буржуазии.

Это обстоятельство значительно тормозит, сообщает далее «Рабочее Дело» ***), дело раскладки обложения граждан; ввиду этого Финанс. Комитет постановил на заседании 30/VIII бороться с неявкой путем денежных штрафов и на ряду с этим предложил организациям отозвать своих неработоспособных представителей».

Однако, вряд ли мера эта была проведена в жизнь и оказалась действительной, т. к. спохватились слишком поздно. Через десять дней Казань была занята уже красными войсками.

---

*) «Нар. Дело» № 8.
**) «Раб. Дело» № 161.
***) «Р. Д.» № 174 от 4/IX—18 г.

За все время пребывания в Казани учредиловцев мы имеем один лишь случай, когда буржуазия быстро и энергично оказала поддержку Нар. Армии. Дело было вскоре же по занятии города белыми—11 августа. К красным войскам, по словам Лебедева и Фортунатова, подошли подкрепления. Учредиловцам нужны были для артиллерии лошади и подкрепление людьми. Гор. Дума, решает экстренно помочь: взять через милицию и квартальные комитеты всех лошадей». Действительно, на следующий день лошади были представлены в распоряжение военных властей в достаточном количестве.

Совершенно очевидно, что лошади были представлены именно потому, что действовали не призывами к доброй воле буржуа, а через милицию и квартальные комитеты взяли их за шиворот. Со стороны владельцев не было, конечно, оказано сопротивления, но не следует забывать, что это было всего лишь четыре дня после «избавления» их животишек от большевистской диктатуры.

Некоторому порыву благодарности и патриотизма на этот момент поддалась, видно, и мусульманская буржуазия.... «13-го августа на Юнусовской площади состоялся митинг мусульман *) и в телеграмме Самарскому правительству Лебедев сообщает: «Вчера я попросил мусульман дать мне эскадрон кавалерии, и сегодня он уже есть» **). Однако, если в первый момент и был такой случай, то в последующее время оценка отношения буржуазии к моменту дается печатью совершенно иная.

Чтобы рассеять хоть какую бы то ни было робкую мысль о пресловутом «самом высоком, самом чистом порыве» мелкой и крупной буржуазии «Камско-Волжская Речь» приводит еще характеристику настроений Казанского населения:

> У нас, в Казани, попробуйте сказать: положение города серьезное, необходимо напряжение всего населения. И, боже ты мой, какая начнется паника!—«Слышали? Положение серьезное.... Бежим скорее.
>
> И у под'езда Комендантского Управления громадные, более длинные, чем даже сахарные хвосты. Это все люди, которым вдруг.... понадобилось... выезжать куда-то из Казани ***).

Однако, каков приход, таков и батька—и если население геройски стремилось бежать при малейших слухах об опасности, то эти, да и вообще всякие слухи исходили больше всего от «батьки»—от «руководителей общественного мнения»—от буржуазных же газет.

Мы не будем брать черносотенных или бульварных газет, вроде «Обновленной России» и «Нового Казанского Слова» ****).

---

*) «Раб. Дело» № 161.

**) Там же. Однако тов. Измайлов сообщает, что этот эскадрон был сформирован принудительным порядком; добровольцев было 20—25 буржуа.

***) «К.-В. Речь» № 5.

****) Не мешает остановится на характеристике сотрудников этих газет.

Фактическим редактором «Обновл. России» был артист Императ. театров, он-же Пом. Прис. Повер.—Ю А. Еленев; о[illegible]—редактор «Казанского Слова» и «Казанского телеграфа».

В «Казанском Слове» и «Обновл. России» принимал деятельное участие Дмитрий Денике, офицер, белогвардеец, вызывавший возмущение даже у меньшевист-

Тов. Шафигуллин, Вали.

Один из активных руководителей Казанск. Мусульм. Социал. Комитета.

Перед занятием Казани чехами—редактировал газету «ЭШ» и был Секретарем Мус. Социалистич. (тогда переименованного в «Коммунистич.») Комитета.

5—6 авг. вербовал отряд добровольцев—рабочих татар (210 чел.). Ночью 6-го отступил с т.т. Касимовым и Каспранским.

Попал вместе с ними в руки кулаков, но сумел скрыться, пользуясь ночной темнотой. Во время пребывания чехов в Казани—скрывался в городе.

Тов. Ахмадеев, Шагит.

Один из активнейших работников среди татар.

До чехов—Член Мусульм. Социал. Ком-та; редактировал газеты «ЭШ», а затем впоследствии «Красная Армия» и «Красный Восток».

Тов. Саид-Галеев.

Активнейший и авторитетнейший татарский работник.

В 1918 г.—Комиссар Труда. Руководитель революционного движения татарского пролетариата.

Нам достаточно в данном случае остановиться на так называемых социалистических газетах—«Народном Деле» (с-р) и «Рабочем Деле» (с-д.).

Для характеристики первой из них достаточно указать на факт помещения в этой газете ряда «подлинных» документов, дискредитирующих якобы большевиков, персонально Ленина, Троцкого, Зиновьева и Каменева и друг. как Германских шпионов и наемников.

Это опубликование подложных документов свидетельствовало лишь о том, что те, кто подсунул эти документы, играли в пользу французского и английского капитала; при этом совершенно безразлично, сознательно или бессознательно клевета была опубликована. Во всяком случае, если, судя по сообщению С. Н. Каллистова, власть и редакция газеты «Нар. Дело» не отдали себе отчета, что эти «документы» подложны, то опубликование непроверенных данных—свидетельствуето крайне нездоровой атмосфере, окружавшей редакцию.

Сообщения «Раб. Дела» несколько невиннее, но тем не менее, достаточно глупенькие для «государственно мыслящей социалистической» рабочей «партии».

В № 159 сообщается:

«Лицо, перебравшееся из Москвы сообщает, что на митингах в Москве председатель Сов. Раб. и Красноарм. Деп. призывал к напряжению всех сил и к необходимости взятия Казани, грозя что, если в течение двух недель Казань не будет взята, то большевики откажутся от власти».

№ 158 радует читателей такой новостью:

«Из Гельсингфорса сообщают, что Советское Правительство в ближайшие дни переезжает в Кронштадт. Ленин и Троцкий, будто бы находятся там».

№ 166 передает пять сообщений в отделе «Фронт Народной Армии». из них первое—оффициальная сводка воен. действий, а остальные четыре—с л у х и—на основании «слов одного пленного красноармейца—латыша рассказов лиц, «прибывших из Свияжска», наконец—на основании показаний пленных латышей о событиях в Москве.

В № 168 сообщается:

«В Москве редко можно встретить красноармийца, говорящего по-русски; в большинстве слышна немецкая речь» (каким культурным стал русский мужик! Н. З.).

ского «Рабочего Дела». Также работал в газете «Русская Армия» и в Информ. отделе Штаба Верх. Главнокоманд.—Колчака.

Редактором «Русской Армии»—оффициоза Колчаковского, был Ю. С. Геркен. Помещик; служил в земстве по выборам; родственник богатейших Казанских помещиков Молоствовых. В Казанском телеграфе писал до этого—под псевдонимом Сэр Джордж и Ю. С.; он же был редактором «Земской Недели» активный монархист; друг Залесского (председателя Царско-Народного Об-ва в Казани и Алекс. Титыча Соловьева—Т-ща пред. того-же Об-ва.—Редактором «Камско-Волжской Речи» был Самсонов, оффициально не принадлежал к ка-де. по жандармским отзывам—умеренный либерал. Губернатор представлял его по Татьянинскому Комитету к наградам. (Сведения—по интервью с т. Г. З. и В. Н. Ивановым). Эти биографические штрихи достаточно говорят о литературной работе тех, к кому они относятся.

Впрочем, это, конечно, намек на «предательство советского правительства немецкому командованию.

Известно, какая паника охватила население Казани в момент отхода чехов из Казани. Воспитывало его в духе этого панического страха—все то же «Рабочее Дело».

№ 177—от 10 сентября—последний номер перед изгнанием учредиловцев—убеждает, что.... «красноармейцы идут пьяные.... Гражданам надо подумать, что будет, если такая пьяная банда ворвется в город? Она будет уничтожать все живое, грабить и насиловать и потому со всем мужеством и с чувством самозащиты отдайте все на помощь Народной Армий и защитите город».

Сплетни, ходившие по городу в результате подобных газетных «достоверных» сведений—были настолько липки, что поднялся голос протеста против них... со страниц «Камско-Волжской Речи». Как будто—«не из тучи гром».—На самом же деле—«К. В. Речь»—газета, наиболее реально оценивавшая текущий момент, наиболее классово заинтересованная в успехе учредиловской авантюры. Вот почему лозунг «будьте гражданами»—исходит от публициста кадетской ориентации. Ю Фармаковский пишет:...

«Все эти вымыслы и преувеличения во сто крат находят благодарную почву в истерзанной душе российского гражданина. Нам нужно спокойствие духа.... Спокойствие, хлоднокровие, ясное понимание происходящего, вот качества, которых нам не достает. Надо подтянуться распускаться сейчас нельзя».

И тем не менее, психоз безответственной сплетни подействовал и на «К. В. Речь». Она так же точно сообщала те же, сплетни напр.—о том, что красноармейцы заговорили на немецком языке и, что на железнодорожных станциях в районах, занятых Сов. войсками, разгуливают немецкие и венгерские войска в форме своей армии *) и прочий подобный вздор.

VIII

Представляла ли собою буржуазия распыленную, неорганизованную массу или же нечто концентрированное?

Мелкая буржуазия—мы видели—в части интеллигентской—группировалась в различного рода профессионально-цеховые об'единения; в Казани их было несколько, по кантонным (тогда уездным) городам—они имели тенденцию сливаться под сенью одной организации, как, например в Чистополе—все интеллигентские профессии об'единились в профсоюз «Перо».

Наиболее активные интеллигентские «союзы» мы уже видели в действии; следует указать еще на один из «союзов», стоявший посредине между мелко-буржуазным и интеллигентским об'единением, это профсоюз торгово-промышл. служащих.

Союз этот, прежде называвшийся «Союзом приказчиков» представлял собою несомненный и обильный резерв для буржуазной контр-революции. Внешне приняв вполне Советскую физиономию, до чехов он играл роль ширмы, членский билет который «спасал» не редко политических вра-

*) «К. В. Речь» № 5.

гов Сов. власти *). В период же господства чехо-учредиловцев членство в этом союзе служило признаком политической благонадежности и, хорошего тона.

Каково было политическое настроение этого так сказать «профессионального союза» иллюстрирует хотя бы такой случай: 23-го августа в союзе происходили выборы на рабочую конференцию. Автор газетного отчета пишет:

«Да, действительно, здесь всколыхнулась жизнь—еще как! Комки грязи полетели во все стороны! Но только душно и тяжело от этого движения. Так же душно, как если бы в здоровом свежем воздухе всколыхнули стоячее болото... Люди совершенно забыли, что они говорят—им важно отстоять личные свои интересы—и больше ничего! И прав был, глубоко прав товарищ, который сказал: «Я не знаю, где я нахожусь—среди товарищей или среди предпринимателей. Этим уже много сказано» **)—заключает автор—меньшевик.

Конечно, из того, что сказано им, ясно одно: меньшевики недовольны ни большевистским настроением, а реакционно-буржуазным. Реакционным настолько, что заставили сбежать с собрания меньшевистского оратора Поповицкого, а председателя принудили оставить свои полномочия—(тоже меньшевичку—Войдинову).

Предпринимательская мелкая буржуазия тоже ожила с приходом «избавителей»—и подала заявление властям с просьбой восстановить мещанскую управу. Из не профессиональных об'единений отметим: кооперативы, «союз духовенства и мирян», «женский союз».

Крупная буржуазия имела следующие сильные организации: Общество фабрикантов и заводчиков, Биржевой комитет, Губернский торгово-промышл. союз, Казанское строительно-промышл. о-во, союз домовладельцев, Казанский отдел Всерос. об-ва кожев. заводчиков.

Судя по норме представительства этих об'единений в «Финансовом комитете при Гор. Думе по обложению населения налогом в пользу «Народ. Армии»—Комитете по своей задаче весьма большой значимости,—наиболее мощными организациями были—Губ. торг.-пром. союз (9 представителей), общество фабрикантов и заводчиков (4 представ.) и Биржевой комитет (2 представ.). Остальные об'единения имели по одному представителю, за исключением Городской Думы; о ней разговор будет особый. Эти же указанные три организации имели абсолютное решающее большинство голосов в Комитете.

Большинство этих «союзов» и «обществ» существовало и при Советской еще власти, но влачило существование день ото дня, ожидая лучшей поры для себя. Мы помним, что об-во фабр. и заводчиков имело свое представительство в Совете нар. хоз-ва; Губ. торг.-пром. союз тоже принимал участие в организации О. С. Н. Х-ва, ***) Казанский отдел об-ва кожев. за-

---

*) Из бесед с тов. Н. Соловьевой.

**) Из «Рабочего Дела».

***) Дело Каз. Обл. С. Н. Х. № 19 с протоколами засед. президиума К. О. Н. С. Х.

водчиков был одним из самых частых деловых корреспондентов Советского «Районного комитета по кожев. делам».

Равным образом, и организации мелкой буржуазии тоже существовали при Сов. власти—до налета чехов. Последний лишь окрылил дух буржуазии.

Таковы экономические организации мелкой и крупной буржуазии. Кроме этих организаций, как мелкая, так и крупная обладали могучими политическими аппаратами, *помогавшими* власти в ее борьбе против Советского государства.

Мелкая буржуазия—сама по себе—широкий слой населения. В Казани она составляла по численности наибольшую социальную группу. Ее левое крыло, как мы видели, политически было представлено соц.-дем-ой партией, которая составляла и оппозицию и опору для власти одновременно.

Центр набирался из людей политически еще не осознавших себя, в любой момент могших перекинуться либо на левый, либо на правый фланг.

Наконец, правое крыло—главным образом набиралось из фанатических отрепышей старого режима, на весь уклад жизни которых октябрьская революция положила свое каленое железное клеймо.

Неутешные офицерские и чиновничьи вдовы, выброшенные за борт чинуши и их семьи, попы и их паства,—словом все поскребыши и общественно ненужные, непроизводящие люди—все они сгруппировались под одной крайне удобной крышей—квартальной организацией. Особенно удобной для этой публики такая организация была потому, что она сама по себе, как таковая, являла собою практическую формулу полнейшей политической без'идейности.

Квартальная организация—несомненнейшая *политическая* организация, но внешний принцип ее об'единения — территориальная общность—совершенно политически без'идеен, а это то обстоятельство более всего и соответствовало уровню политической безграмотности членов организации, их социальной разношерстности и мелко-буржуазной классовой промежуточности.

Именно под этой беспартийной и неполитической маркой могла об'единиться пылающая ненавистью к разрушителям старых «устоев»—вся масса «бывших» людей. Об'единение их было тем более возможно, что враг их был обезоружен и они получили возможность излить свою злобу на всем, что напоминало хотя бы и отдаленно Советский режим. Кровь и жажда мести сплотили эту «милую» публику *).

*) Нужно иметь ввиду, что, поскольку кварт. ком-ты носили марку демократического учреждения, постольку они принципиально поддерживались и левым флангом мелкой буржуазии,—а центр—аполитичная обывательская масса,—входила в квартальную организацию по всеобщему принципу территориальности и таким образом, тоже усиливала ее.

Вот в каких словах говорит о них «Рабочее Дело»:

....«Вообще многие квартальные комитеты в настоящее время больше занимаются искоренением «крамолы», чем своими прямыми обязанностями—(Наивный автор) заметки поверил демократической фразеологии о «прямых обязанностях» их Н. З.)—организацией охраны своего квартала и помощи армии... И это понятно, если иметь ввиду нынешний состав квартальных комитетов в рабочих кварталах. Комитеты эти избраны еще при большевиках, но тогда рабочие относились отрицательно к комитетам самоохраны и в выборах участия не принимали. Выбранными в большинстве случаев оказались лавочники, спекулянты, домохозяева, а нередко и просто всякие темные дельцы»... *).

Как эти «дельцы» «работали» — говорят многочисленные заявления на рабочей конференции. Из всех этих сообщений характерно, сделанное Рыбальским, о том, что его товарищ по профсоюзу получил постановление кварт. ком-та об аресте и, не удовлетворившись им, пошел с жалобой к представителю власти, а тот прибавил ему еще десять суток **).

Свою политическую физиономию квартальные комитеты выявили также в решении вопроса о судьбе мировых судей. Последние, как и весь прежний судебный состав пользовался заслуженной славой самых ярых саботантов пролетарской революции. Когда поднялся вопрос о том, какой состав судей должен работать при власти учредиловцев—царских ли временных или избранный гор. думой в декабре 1917 г.—

....«Общее собрание граждан г. Казани в лице представителей всех квартальных комитетов постановило: 1) просить члена Учред. Собрания Архангельского незамедлительно восстановить в Казани институт мировых судей, действовавший до Октябрьской революции в прежнем его составе.

2) Выразить чувство восхищения, уважения и глубочайшей благодарности лицам судебного персонала гор. Казани, проявившим высокую стойкость своим ревностным отказом работать в большевистских судах, в период самых тяжелых для себя материальных условий и чрезвычайных лишений ***).

При оценке этого постановления необходимо иметь ввиду, что оно было принято в отмену и противовес решению Городской Управы, согласованному с Алюновым. (См. воспоминания Иванова В. Н.). Последнему, т. е. Архангельскому пришлось т. о. после заседания кварт. комитетов брать назад мнение своего же собрата по Учр. Собранию. Таково было политическое значение кварт. комитетов. Постановление это покажется нам еще более характерным, если иметь ввиду, что последний перед чехами состав судей был избран думой без участия большевиков и левых эс-эров—голосами одних ка-де, меньшевиков и правых эс-эров ****).

Таковы были политические настроения Квартальных комитетов.

Помимо полицейских обязанностей в функции кварт. комитетов входила всесторонняя помощь Нар. Армии. При комитетах создавались изве-

---

*) «Раб. Дело» № 168—27/VIII—18 г.
**) «Раб. Дело» № 173.
***) «Раб. Дело» № 162.
****) «Раб. Дело» № 160.

стные уже нам «дамские» или «женские» комитеты помощи Нар. Армии, собирались пожертвования и проч.

Кварт. комитеты же организовали и самооборону города и производили мобилизации граждан — на окопные работы, а также и на фронт (в самые последние дни).

В организационном отношении они представляли собою при чехах крепко сколоченный централизованный аппарат, руководившийся единым центральным *правлением*, получавшим дерективы от власти.

Политическим аппаратом *крупной* буржуазии была, несомненно, городская дума. О ней рассказывает В. Н. Иванов, сам бывший первое время ее председателем, а затем—членом.

«Казанская городская дума*), избранная в конце сентября 1917 года имела очень сильные крылья—большевики, левые эс-эры, татары социалисты с одной стороны и кадеты—с другой, и, кроме того, крайне слабый центр — меньшевики, правые эс-эры, татарский демократический список. Несмотря на это, как городская управа, так и президиум городской думы был избран, главным образом, из кандидатов центра.

С занятием города чехо-словаками соотношение партий резко изменилось. По «независящим обстоятельствам» все левое крыло отсутствовало и в Думу явилось правое крыло (свыше 30-ти чел.) и центр (около 20 челов.).

Заседание Городской Думы было назначено на 3-й день после занятия города. На фракционном заседании меньшевиков было решено добиваться немедленного роспуска Думы и назначения новых выборов; а для текущей работы предполагалось составить комиссию из представителей партий. Фракция с.-д. считала невозможным существование Думы без левого крыла, т. к. из состава Думы выбыло 54 человека из 110-ти общего количества членов.

Интересен инцидент при открытии Думы. Один из меньшевиков**) предложил почтить вставанием расстрелянных чехами большевиков; голосами кадетов и эс-эров предложение было провалено. Предложение с.-д. о роспуске Думы было отвергнуто опять таки блоком эс-эров с кадетами и прошло постановление о пополнении Думы кандидатами из списков партий, оставшихся в Думе. После этого голосования я сложил с себя звание председателя Думы и передал председательство тов. председателя—Алкину.

В этот момент в Думу прибыл уполномоченный комитета членов Учр. Собрания Фортунатов, который обратился к Думе, а гл. обр. к соц.-дем. с просьбой не вносить розни в работу, указывая, что большевики еще сильны и борьба возможна только общими силами.

Заседание закончилось выбором членов от Думы в следственную комиссию, образованную Фортунатовым для рассмотрения дел об арестованных. Как кадеты, так и эс-эеры от участия в комиссии уклонились, избрав членами меня и Исаковича (после отказа Исаковича вступил Де-

*) Первая часть о Думе—материал из воспоминаний В. Н. Иванова.

**) Остров, К. М.

нике, В. П.). Заседания Думы были почти ежедневно, т. к. положение все время было очень тревожное. Президиум Думы составился из председателя—кадета А. А. Симолина (ныне умершего), эс-эра Винокурова К. П. и представителя татар—Алкина.

Городская управа занялась восстановлением аппарата городского управления, т. к. аппарат этот был Советом Городского Хозяйства изменен, (школы отошли в отд. Образования, врачебный отдел в отд. Здравоохранения и т. д.).

Городская Дума занялась выслушиванием докладов о положении дел на фронте и текущей работой. Я помню только 3 постановления, имевших более важный характер. Это—воззвание к населению о предоставлении обоза для армии, реорганизация квартальных комитетов и восстановление старых мировых судов.

Управа вместе с членом Учр. Собр. Алюновым, не согласилась с постановлением общего собрания представителей квартальн. ком-ов и постановила допустить к работе избранных в декабре 1917 г., но Дума стала на точку зрения старых судей и восстановила до новых выборов старый институт. За новых судей голосовали эс-эры, с. д. и один кадет (Председатель Думы—Симолин).

Заседания Думы происходили публично, причем публика явно была настроена против социализма, часто прерывая ораторов разными замечаниями. Публично Дума никогда не выступала против безчинств, творимых контр-разведками и особенно сербами, рассматривая эти вопросы в Сеньорен Конвенте (собрание представителей партий) и посылая делегатов к властям. Доклад мой о деятельности следственной комиссии был заслушан при закрытых дверях и никакого постановления вынесено на было, несмотря на то, что я указывал на невозможные условия работы, когда контр-разведки *) вновь арестовывали и даже *растреливали* освобожденных следственной комиссией».

То обстоятельство, что В. Н. Иванов припоминает только три важных решения, принятых Думою, нам станет понятным, если мы свяжем его с другим сообщением. «Рабочее Дело» пишет:

«Заседания Гор. Думы в наст. момент представляют весьма своеобразный интерес,

Внимание наблюдателя здесь останавливают главным образом не те вопросы, которые стоят на повестке дня (кстати сказать, зачастую откладываются «до следующего раза») а возникающие по ним прения.

В обсуждениях выплывают на поверхность проблемы принципиального, общего характера, вполне соответствующее настоящему моменту и определенно характеризующие отдельные стороны общественной жизни» **)

Встают вопросы о власти, о жилищной политике, о национализации и праве собственности на предприятия.

---

*) Их было несколько: чешская, сербская, фронтовая—Нар. Армии и Полит Отдел Учред. Собрания. (Н. З.).

**) «Рабочее дело» № 170.

Деятельность Думы в области городского строительства не могла двигаться без предварительной принципиальной выработки мнения об общих началах экономической политики. Вот почему Городская Дума и занимается прениями по вопросам текущего политического момента; в этом отношении она является трибуной и политическим руководящим центром местной крупной буржуазии.

В какой плоскости разрешались буржуазией вопросы государственного строительства, видно из дальнейшего.

К сожалению, мы не располагаем большим материалом, по которому можно было бы шире осветить деятельность политических органов буржуазии, в частности, у нас не имеется сведений об их партийной к-д-ой организации.

IX.

С момента захвата Казани, буржуазия начинает задумываться о перспективах своего господства. Она, будущая правительница огромного государства, должна была наметить себе точный план действий в экономической области.

На протяжении трех недель «К. В. Речь» шесть раз обращается к экономическим проблемам и рассматривает их в перспективном аспекте; в этом отношении она резко отличается от «Рабочего Дела», которое тоже занимается вопросами экономики, но в плоскости лишь злобной и ехидной критики, сладострастного ущемления и укалывания экономической политики «поверженной во прах» Советской власти.

Пред кадетской «К. В. Речью»—заманчиво вставали широкие перспективы. Необходимо приступить к усиленной добыче топлива и сырья, к поднятию металлургической промышленности, поднятию текстильного производства, техники и интенсификации труда. В связи с этим—привлечение профорганизаций для улучшения условий труда, профессиональное образование. Обеспечение сбыта посредством государства и местного самоуправления. Усиление внешнего экспорта—в связи с этим—усиление лесного и горного дела. Меры к поднятию транспорта, налажение учреждений почтово-телеграфной связи.

Таков общий план, выдвигаемый Economist'ом, *) приведенный нами в конспективных выжимках.

В области финансовой «Свой» рекомендует широкое применение кредитных операций, причем большое внимание уделяется деревне—посредством распространения мелких сберегательных касс.

В связи с восстановлением государственной задолженности иностранным государствам—мыслится внешний заем; имеется в виду и внутренний. О девальвации еще разговоров не может быть, пока не будет достигнута устойчивость рубля.

---

*) «К. В. Р.» № 4. Экономические заметки. Перспективы.

«Особенно серьезен вопрос о государственном бюджете. Государств. расходы должны быть сокращены. Необходима государств. бережливость и максимальное использование наличных служебных сил.... В области налоговой народная власть не только может, но и должна быть беспощадной. Прогрессивный подоходный налог, все виды прямого обложения, в том числе и на землю, расширение косвенного обложения, увеличение доходов от государственных регалий и имуществ. Союзы торгово-промышленников сейчас, когда решается вопрос быть или не быть России свободной, должны внутри себя провести ряд мер для обеспечения налоговой справедливости и для борьбы с скрыванием доходов».....*).

Мы особо подчеркиваем последние строки, т. к. они указывают нам, какие требования пред'являла буржуазия к самой себе.

В статье «Ценность рубля» Economist останавливается на возможных способах повышения ее и понижения дороговизны продуктов (в особенности с-х-ых).—Основной мерой по его мнению, так же, как и предыдущего автора—является распространение кредитных операций, свободный обмен между городом и деревней, прекращение выпуска бумажных денег **).

Крайне любопытен взгляд Sconomist'а на значение профессиональных союзов и на взаимоотношения с ними в связи с установлением «демократии». В выдержках мы познакомились с этими взглядами уже раньше, только в другой связи. В данном случае мы подчеркиваем, что буржуазия учла опыт прежних революций и приспособила пролетарские организации на службу своему классу. Профессиональные союзы она рассматривала исключительно с точки зрения их возможной помощи предпринимателю.

Так представляла себе буржуазия дело восстановления «Народного» хозяйства.

Сознательно или бессознательно делалось это буржуазией, но мы имеем несколько фактов, говорящих о том, что общая линия экономической политики начала проводиться по тому плану, который был ею намечен.

Во всяком случае его первый этап—развитие кредитных операций ***) и жестокое сокращение служебного аппарата—коснулось завода Ярцева, где, по словам «Раб. Дела», было до 1000 рабочих; был поднят вопрос о сокращении аппарата предприятий Гор. Управы. То же самое мы видим на заводе Алафузова. В этом отношении любопытно заявление Н. Н. Алафузова, владельца завода, не обещавшего рабочим никакой надежды на близкое восстановление деятельности завода.

«Ни сырья, ни топлива при настоящем положении достать невозможно, говорил он; желающие могут переходить на работу в обмундировальные мастерские; нежелающие могут брать за месяц вперед окончательный расчет. А когда производство может быть пущено вход—он сказать не может ****).

М. М. Борисов, сообщивший в газете об этом собрании рабочих, об'ясняет слова Алафузова, как «последнюю моду саботажа». На самом

*) «К В. Речь» № 5.—Статья «Своего».

**) «К. В. Речь» № 14.

***) Уже через 7 дней после своего прихода власть Ком-Уча приказало—открыть все банковые операции—приказ опубликов. в № 159—15 V III «Раб. Дела».—

****) «Раб. Дело» № 164 от 22/VIII 1918 г.

же деле, мы имем здесь дело не с личным только произволом, а с явлением массового экономического порядка и экономиической неизбежности.

X.

Разрыв рабочих с буржуазией и ее аппаратом власти был к этому моменту сильнее чем всякие соглашательские тенденции установления гражданского мира, исходившие от буржуазии и развивавшиеся широко меньшевиками. Вот почему план, набросанный публицистами из кадетского лагеря, несмотря на его большую продуманность и осторожность, не мог быть проведен в жизнь. Тем более, что отдельные буржуа были заражены сильнейшей предпринимательской чесоткой и своими «нетактичными» и невыдержанными поступками вносили диссонанс и срывали план организации демократического гражданского мира. Так, наприм., бывш. владелец Казанского водопровода—барон Типольт—подал в Гор. Управу заявление о возвращении предприятия его прежним владельцам—концессионерам *). «Камско-Волжская Речь» немедленно же отозвалась на это заявление.

...И едва-ли своевременно барон А. А. Типольт возбудил вопрос о возвращении Казанского водопровода его прежним владельцам—концессионерам.

В данном случае... вопрос надлежит рассматривать не только с точки зрения интересов личных, а общественных. Водопровод нужен городу.

— «Тогда выкупить его у акционеров!»—возразит г. Типольд. И на это городская дума должна ответить:—«Подождите, не торопитесь! «Ваши концессионеры не умрут с голоду без девидента, пока вопрос об отношении к концессиям на общественные предприятия не будет разрешен в общегосударственном масштабе» **).

Такие же случаи мы имеем с заявлением о демуниципализации аптек, на который «К.-В.-Речь» отозвалась совершенно аналогичным образом ***) и с попыткой возврата прежнему собственнику Кузнецову его ресторана, ставшего при советской власти большим многолюдным предприятием. Городск. Управа, насколько можно судить по газете ****), отказала ему в этом.

Судя, наконец, по словам С. Н. Каллистова *****) и, как видно из цитированной нами выше характеристики казанской буржуазии, целый ряд ее представителей уезжал из Казани, избегая, таким образом, *выполнения основного, чего требовали* (смотр. выше—план эконом. политики) *от них интересы всего класса в целом — максимального пожертвования денег.* А такие уклонения были, на них неоднократно жаловался президиум Казанск. Гор. Комитета Финансов. помощи Нар. Армии ******).

Буржуазия в целом, как класс, стояла на страже своих интересов, понимаемых в обще-групповом, классовом значении. Поэтому она и одер-

---

*) Водопровод был муниципализирован и находился в пользовании города.
**) «К.-В. Речь» № 9.
***) «К.-В. Речь» № 9.
****) «Раб. Дело» № 170.
*****) См. статью в этом сборнике.
******) «К.-В. Речь» № 8 от 31/VIII—18 г.

гивала увлекавшихся отдельных своих членов. В этой роли руководящей, одергивающей силы мы встречаем буржуазию и в отношениях ее к мелкой буржуазии—в лице меньшевистского—«Рабочего Дела».

Пока, что—нельзя было слишком круто выявлять свои собственнические, хозяйские замашки, т. к. они слишком больно отражались на рабочем классе. Буржуазия же всячески хотела сохранить видимость гражданского мира.

Зато, где можно было нажиться, буржуазия, конечно, не упускала случая. Так, «Раб. Дело» констатирует факт колоссально растущей спекуляции—самым дорогим в то время товаром хлебом *). Другой случай—нами уже отмечен—с «учетом» кожевенного товара производившимся Действит. Статским Советником Бекетовым и заводчиком Наумовым.

Бешеная спекуляция действовала конечно на сознание рабочих заостряюще их классовую ненависть по адресу буржуазии.

Последняя, росла неудержимо и взаимно, так, что капиталисты и не заметили как они вросли в гражданскую войну. Каждый факт, каждый шаг воспринимался противной стороной чрезвычайно болезненно. Алафузов предполагает частью распустить рабочих, а частью—«сократиться».—Рабочие об'ясняют это, как саботаж, как срыв «революции».

Мало того, отдельные «невыдержанные» предприниматели не считаются вовсе с профсоюзами и их органами. Об этом мы имеем многочисленные заявления рабочих, имеем и ряд сообщений «Рабочего Дела».

«Предприниматели все время льют масло на огонь классовой борьбы говорят, что им не нужно состоящих в профсоюзах и требующих страховки в больничных кассах от безработицы. Владельцы портновских мастерских снова переходят к штучной работе, раздаваемой на дома и распускают мастерские».—сообщает «Раб. Дело» **).

...«Предприниматели не хотят считаться с коллективными договорами, считая их большевистской выдумкой» ***).

Другие сообщения говорят:—«Была сделана попытка урезать время отпусков рабочих и даже их совершенно отменить. Отпущенным на основании коллективного договора в отпуск было приказано встать немедленно на работу» ****).

Бывало на том или ином заводе, рабочие за разрешением своих дел шли не в заводской комитет, а к администрации. Несомненно—случилось это в первый момент после прихода чехов, под влиянием известного малодушия; так произошло с рабочими Делового двора завода № 40, передавшими протокол своего собрания (11 августа) начальнику завода.

---

*) «Раб. Дело» № 162.

**) Раб. Д. № 166 24/VIII—18 г.

***) Заявление делегата Союза Торг. Пром. служащих—Маринченко на рабочей Конференции.

****) «Раб. Д.» № 157.

Последний не преминул послать постановление общего собрания рабочих в заводской комитет *для исполнения* *).

Во многих случаях администрация заводов не признает власти иной кроме своей. Заводской к-т не сдает своих позиций.

Из приложенной в конце настоящего сборника выписки из протокола заседания заводского комитета завода № 40 от 17 августа видно, как возникали и как проходили конфликты между рабочим комитетом и администрацией.

Завком завода № 40 несмотря на то даже, что председателем его в тот момент был подхалимствовавший новой власти—Алексеев, сумел достойным образом удержаться на своей пролетарской позиции.

Начальство старается мелкими уколами—отказом в лошадях, игнорированием завкома и проч. досадить и дискредитировать рабочую организацию. Завком чутко реагирует на всякий малейший укол, раз'ясняя и поучая рабочие массы, предостерегая их от ошибок. Просьбы, обращенные в протоколе к Начальнику завода и вообще к администрации—следует понимать, несомненно, как дипломатический прием.

На самом же деле, совместная работа с администрацией была невозможна. Об этом говорит красноречиво то обстоятельство, что заседание, о протокольных выписках которого мы ведем речь,—было последним.

Завком бросил всякие демократические иллюзии уже 17 августа. Ниже мы увидим, какой род отношений с администрацией был избран рабочими завода № 40 и артсклада.

Отношения с администрацией на других заводах были не так заострены. Однако мы позволяем себе останавливать внимание читателя на столкновениях завкома завода № 40 потому, что поведение рабочих этого завода приветствовалось рабочими и других предприятий Казани, хотя демонстрировать открыто свое отношение к их товарищам с зав. № 40 и Арт. Склада они не могли. Об этом свидетельствуют лишь воспоминания рабочих различных заводов (М.-Н.-Вахитова, (бывш. Крестовникова), Трампарка, «Победа», и др.). Впрочем, косвенно подтверждает это и дальнейшее изложение.

На Алафузовском заводе самое существование заводского комитета понималось властями, как временное, до «особых распоряжений», по авторитетному раз'яснению, сделанному рабочим полковником Григорьевым—комендантом города.

XI.

Состав заводских комитетов—еще не всегда показатель настроения рабочих.

На заводе № 40 председателем комитета стал правый эс-эр Алексеев, секретарем—беспартийный Стась, между тем этот завод был давнишней

*) Аналогичный случай отмечается протоколом № 162 от 17 августа общ. собр. завкома завода № 40.

признанной цитаделью большевизма, как его не раз характеризовали меньшевики и кадеты, как любили о себе говорить многие рабочие этого завода, и что они вскоре же—3-го сентября—и доказали своим вооруженным восстанием.

В зав. ком—ты меньшевики старались всеми силами протащить своих людей, а ввиду бронированного кулака демократических властей—спорить бывало опасно; опасно было и выставлять на ответственные места и большевиков. Последние действовали осторожно, оставаясь в тени, чтобы быть заметными не начальству, а скорее—рядовой рабочей массе. В заводском комитете Алафуз. завода не осталось твердого большевистского ядра. Большевики—рабочие принуждены были жить в подполье. Наиболее активными членами фабзавкома были в то время—Курбатов (меньш.) и Скоринов (беспарт.). И однако, если Алафузовцам не удалось противостоять властям открыто и твердо, то симпатии части их все же были не на стороне белых. Меньшевистская и эс-эровская агитационная литература, поступавшая в завком для распространения среди рабочих—сжигалась рабочими или выбрасывалась в Казанку *).

Если предприниматели и власть относились враждебно к рабочим классовым органам, то быт и остальной массы рабочих, был не легок. На страницах «Рабочего Дела» мы находим такие сообщения, которые не смотря на меньшевистское толкование дают хороший фактический материал.

Тотчас же после прихода белых «Раб. Дело» сообщает:

На Алафузовских фабриках настроение рабочих растеренное, неопределенное.

На Крестовниковском заводе—плач и стенанье. Жены разыскивают своих мужей,—мобилизованных большевиками» **).

К концу недели после прихода белых «Рабочее Дело»—опять пишет:

«настроение пролетария—казанца еще не определилось.... Друзья-ли это? спрашивает себя пролетариат в своей широкой массе и зачастую не находит положительного ответа».

На Алафузовском и на заводе № 40 были при Советской власти свои кооперативы. Хлеб продавался по дешевке—почти даром, по 6—7 коп. Вступившие в город «спасители России» ограбили тот и другой кооператив, при чем делали это не сразу, а систематически.

Ожидавшееся частью рабочих понижение цен, как результат прихода чехов и обилие продуктов не оправдались, если не считать первых двух дней. После разорения кооперативов рабочим пришлось покупать хлеб по рыночной—очень дорогой цене—(до 2 руб. фунт).

Вот несколько картин из быта рабочих, в первые две недели после прихода белых.

»В Воскресенье был митинг на Крестовниковском заводе; в помещении школы из общего количества 600 человек—собралось человек 300 рабочих. Тема—«текущий момент». Первого оратора слушают внимательно, второго не особенно, при третьем

*) Беседа с тов. Констатиновым, Скориновым, Катуровым, Кузьминым, Галеевым, Сагеевым, Протодьяконовым.

**) «Раб. Дело» № 159.

начинают расходится и к моменту голосования резолюции по текущему моменту и о созыве рабочей конференции остается не более половины слушателей... А когда председатель оглашает предлагаемую резолюцию, с мест раздаются предложения: выбрать комиссию, чтобы узнать на других заводах мнение товарищей»....

Поднимаются десятка два рук.

— Кто против?—Таковых не имеется.

— Кто воздержался?—воздержавшихся не было, а всего сидело здесь до 400 рабочих *).

Так же точно прошел митинг на Алафузовском заводе.

«16-го августа, в Алафузовском театре состоялся митинг, устроенный женской группой Комитета помощи Народной Армии. В начале на митинге рабочих было много, но к концу театр опустел, остались только часть в партере» **).

Меньшевики об'ясняют эту пассивность рабочих несознательностью их, называют их «больным человеком», которого надо беречь и врачевать. И они, действительно принялись за «врачеванье». Организовывали митинги, навязывали аудитории свои резолюции, ***) которые принимались двадцатью поднятыми руками, стращали рабочих вкупе с эс-эрами всеми ужасами, которые их ожидают в случае победы красных войск. Этим стращанием ****) меньшевики добились того, что рабочие решают узнать точно всю правду.

«Алафузовцы посылают двоих делегатов в Сызрань для того, чтобы узнать на местах положение рабочих организаций, отношение к ним власти Комитета членов Учр. Собр., и узнать о поведении большевиков по отношению к населению и рабочим в моменты перехода Сызрани из рук в руки» *****).

Это, как говорит В. Н. Иванов, была провокация со стороны, главным образом, представителей власти—полковника Степанова и Лебедева.

«Психоз контр-революции», видно, действовал настолько сильно, что несмотря на вполне сознательное отношение к Степановскому предложению и правильную его оценку, меньшевики все же не отказались его поддержать, а поплелись в хвосте худших обывательских сплетников. На самом деле «Раб. Дело» зря подхватило это сообщение. Алафузовские рабочие в Сызрань *не поехали*.

Да и нужно ли им было ездить в Сызрань, когда окружающая действительность дарила такие блестящие примеры человеческого озверения проявляемого со стороны демократической власти, что «дальше—(в Сызрань) итти (или ехать) было некуда».

Вот сообщение о более позднем времени; краски еще мрачнее:...

«В рабочих кварталах настроение подавленное—ловля большевистских деятелей и комиссаров продолжается, усиливается. И самое главное—страдают не те, кого ловят, а просто сознательные рабочие—члены социалистических партий, профессиональных союзов, кооперативов. Шпионаж, предательство цветет пышным цветом.

---

*) «Раб. Дело» № 162 18/VIII—18 г.
**) В роде резолюции рабочих завода № 40 —
***) См. выше—протокол заседан. завод. ком. зав. № 40.
****) См. выше—стр. . . .
*****) «Раб. Дело» № 162.

Всякий, так или иначе пострадавший при большевиках, считает долгом своим донести, наклеветать, ловить. Лишь бы излить свою месть. Сводят личные счета. Своих личных врагов выдают за важных преступников. А там—оправдывайся! Жажда крови омрачает ум. В особенности стараются отдельные члены квартальных комитетов».

Тот факт, что почти каждый рабочий-казанец говорит в своих воспоминаниях о крови расстрелянных мирных горожан, по нашему мнению, служит достаточным основанием считать эту кровь сильным мотивом недовольства *властью*. Зрелища трупов своих товарищей рабочих, личная перспектива попасть в такую же переделку—создавало настроение, перпендикулярно направленное на правительство, проясняло их классовое самосознание.

Эту связь вражды рабочих к власти и предпринимателю с картинами крови и непрерывных арестов подтверждают и сами товарищи рабочие. Тов. Сеген пишет:

«После того, как рабочие выходили из тюрем их толпой окружали товарищи, расспрашивая о порядках в тюрьме и о режиме у коменданта и отсюда постепенно началась организация групп содействия Красной Армии. Устраивали живую связь с передовыми частями Красной Армии, передавали, где находятся главные учреждения чехо-учредиловцев. Впоследствии организовано было пускание змеек мальчишками, эти змейки служили для красной артиллерии сигналом, указывавшим цель стрельбы. Сигнализирование было настолько развито, что чехи заметили и издан был приказ запрещающий пускание змеек. Непослушных ребят арестовывали *).

С другой стороны, в воспоминаниях рабочих обагренные кровью улицы связываются с представлением ликующей буржуазии, празднующей свое возрождение. Создается впечатление, что масса рабочих тоже физически почувствовала «возрождение» проклятого прошлого.

Вскоре после прихода чехов мы имеем уже отдельные яркие свидетельства прояснения классового самосознания в самых широких рабочих массах. О тяжести учредиловского режима поговаривают уже *женщины*. Тов. Галеев, рабочий Алафузовского завода, рассказывает, что неоднократно случалось ему встречать работниц и жен рабочих, жаловавшихся: ....«а что, тов. Галеев, ведь плохо теперь рабочим живется»! Другие товарищи—рабочие тоже передают, что мало по малу рабочие стали друг с другом переговариваться, нельзя ли что-либо сделать, что-либо предпринять. Ведь не даром же пишет Константинов **), как к нему ходили рабочие и советовались, как быть, что делать.

А, ведь таких, как Константинов был не он один только. Тов. Скоринов пишет, что многие указания получали они (завком Алафузовский) от большевика тов. Евдокимова. Наконец, мы имеем массу случаев, когда рабочие берут на себя поручительство перед властью, хлопочут, выделяют

*) Можно было удивляться меткости красной артиллерии. Снаряды попадали действительно в важнейшие места, как наприм. в Дворянское Собрание; бомбы разрывались с аэроплана у самого Городского Театра, где происходило собрание буржуазии и т. д. Н. З.

**) См. статью Константинова в этом же сборнике.

делегации к властям—и таким образом рискуют собственной безопасностью—лишь бы спасти попавших в цепкие руки демократических учредиловце—своих товарищей. Так, рабочие хлопотали на Алафузовском заводе—за Константинова, Протодьяконова и Баранова; о заводе № 40 и Артскладе—поднимал вопрос на рабочей конференции Иванов и Григорьев; специально рабочие хлопотали за Дерунова; на станции железной дороге рабочие хлопотали за комиссара Осипова и Тяпина; в трамвайном парке рабочие хлопочут за своего товарища Жукова—тоже комиссара парка. Ярким свидетельством пробуждения классовой ненависти служит и донесение Председ. Каз. Район. Упр. Водн. Трансп. *)—о том, что систематически исчезают с мест наклейки приказы Учредиловских властей.

В такой атмосфере открыла свои занятия беспартийная рабочая конференция.

Конференция **) собрала 384 делегата, представлявших 32256 рабочих и служащих г. Казани ***). Называлась она беспартийной, но членами ее были и члены партий—меньшевиков, правых с.-р., а также и нелегальных в то время—большевистской и левых с.-р. Были также меньшевики-интернационилисты (Рудельсон, напр.). В президиум были избраны: председателем—С. М. Ефимов (менш.); тов. председателя—Матвеев (меньшев.) и (прав. соц.-рев.); секретарями—М. И. Борисов (меньшев.) и Чурбанов. Избрание представителей правительственных партий имело место не потому, однако, что они пользовались популярностью и доверием, а лишь из тактических соображений, чтобы не подставлять под аресты, а может быть и расстрелы—товарищей большевиков. Об этом со всей решительностью заявляют такие компетентные в этом отношении лица, как М. И. Борисов и В. Н. Иванов. Последний рассказывает, что конференция проходила вяло, доклады зачитывались и заслушивались по-казенному—лишь бы отбыть. Действительно, протоколы конференции свидетельствуют о несомненной пассивности аудитории. По докладам (по большинству их) не высказывались вовсе или по-одному, максимум по два человека. К моменту голосований часто не бывало кворума. Резолюции принимались меньшевистские

В продолжение всей конференции выделялись следующие моменты.

Прежде всего, обращают внимание прения по докладу о текущем моменте. Докладчики, само собою разумеется,—правый эс-эр (Каллистов) и меньшевик (Рясенцев).

Позиция не-учредиловцев сводилась к предложению прекратить бойню между белыми и красными. Тов. Чистяковым было высказано предложение избрать делегацию для отправки в Москву—с целью найти способы прекращения гражданской войны. Это предложение покрывается громом аплодисментов. Приблизительно в таком же духе высказывается тов. Ру-

*) См. приложение к статье №
**) Все сведения о конференции—из отчетов «Раб. Дела».
***) Протоколы конфер. «Р. Д.» № 169.

дельсон (интернацион.). Его речь также прерывалась несколько раз аплодисментами.

Чтобы оценить, насколько метко били в цель подобные речи, стоит только просмотреть погромные отклики на них в «К.-В. Речи» *).

...Увы, теперь, в момент роковой борьбы, в дни отчаянных схваток восставшего народа против поработителей свободы и права, против врагов, стоящих у нашего города, мы слышим призывы к прекращению борьбы, которую или по недомыслию или умышленно преступно называют братоубийственной. Кто наши братья во вражеском стане?

....Опять появились ораторы, играющие на руку врагам России. «Заслуги» подобных миротворцев так очевидны, что они ни в каком случае не должны быть оставлены без соответствующей «награды».

Подобными же статьями обрушились на рабочую конференцию и другие газеты.

Между прениями и зачитыванием резолюций возник внеочередной вопрос по заявлению культурно-просветит. отдела Совета Рабочих Депутатов. Последний с приходом белых в город—бездействовал, просто—не существовал. Власть решила расправиться с Советом совершенно по-свойски, а для этого назначила сперва ревизию одного из его отделов—именно культурно-просвет., причем ревизоры были людьми, никакого отношения к Совету не имевшими.

В это время на заседании присутствовали «высокие» гости:—член Учр. Собр. Архангельский и команд. армией Степанов. На сделанный представителям власти запрос по этому делу, Архангельский ответил уклончиво, что ревизия, де, в интересах самой конференции. Однако, рабочим ответ этот не понравился, и голосованием они признали ревизию незакономерною.

Зато полнейшим негодованием встретила рабочая конференция выступление некоего правого эс-эра Брусиловского, бросившего по адресу большевиков измызганное уже за весь 1917 г. обвинение—клевету в измене немецкому командованию. В ответ на его слова послышались из рядов грозные окрики: «Факты, дайте факты!»...

Тут-то и сыграли иудину роль «документики», опубликованные правыми эс-эрами в «Народном деле», которые оратор тут-же и процитировал

Большевики и левые соц.-рев-ры попытались было сорвать резолюции предлагавшиеся от имени меньшевиков, правых эс-эров и беспартийных и противопоставить им свою. Однако, это вышло у них неорганизованно, своей резолюции они еще не успели выработать, а намеревались предложить ее на следующем (завтрашнем) заседании, притом часть группы, от которой они выступили (артиллер. склад, завод № 40, Алафузовский завод и профсоюз строительных рабочих) отказались от соглашения. Таким образом, резолюция была принята меньшевистская.

Здесь мы имеем ввиду доклад о создании на «новых» началах Совета Рабочих Депутатов. Против резолюции голосовало 7 человек, воздер-

*) «К.-В. Речь» № 7. Статья «Миротворцы».

жались двадцать. Но одно место в резолюции встретило отпор большинства присутствующих. Предложение РСДРП формулировало свою мысль так, что Советы при большевиках «подпали в зависимость вооруженных банд». 123 голосами при 102-х против и 8-ми воздержавшихся слово «банд» решено заменить. Вносится шесть различных предложений, из которых одно, гласящее, что ...«советы попали в зависимость вооруженных сил грабителей, хулиганов, казнокрадов и обманутых рабочих и крестьян»—вызывает крики—«черносотенец!» и исключение из состава конференции автора этого предложения—Кузьминского, председателя и делегата от комитета партии народных социалистов, кстати оказавшегося проворовавшимся в Самаре и исключенным прежде из Казанского Совета и других организаций за грехи своего прошлого.

Интересно отметить далее из работ конференции декларацию власти о своем отношении к рабочему классу, с которой в главной ее части мы уже познакомились *). Интерес в данном случае вызывает в нас не самая декларация, а то отношение рабочих, которое было оказано ей. Никаких прений: «народ безмолствовал» — и молчаливо перешел к следующему вопросу.

Зато чрезвычайно бурно рабочие реагировали на всякое известие об арестах; по требованию рабочих чуть ли не на каждом заседании конференции выдвигался этот вопрос, рабочие требовали доклада представителя власти о судьбе арестованных, выделяли своих членов в следственную комиссию, заслушивали доклад своего представителя в этой комиссии и, наконец, громом бурных апплодисментов встречали каждое сообщение, что тот или иной товарищ их выпущен на свободу.

В один из дней, когда заседала конференция, там была распространена листовка-прокламация, составленная нашим товарищем Жестянниковым; это сильно возмутило тогда меньшевиков.

Весьма характерна для настроения конференции манера и тон газетных отчетов о ней. Составлены они полуоффициально—их дает М. И. Борисов не как секретарь конференции, а как сотрудник газеты,—вследствие чего им допускаются некоторые лирические замечания. Вот эти то лирические замечания и отражают «дух времени».

В заключение отчета о том заседании, на котором большевики и левые эс-эры попытались дать бой—по резолюции о текущем моменте—Борисов восклицает: «Бедная, бедная Россия!. Несчастный рабочий класс!» А в другом отчете, повествующем о ряде заявлений об арестах, Борисов пишет: ...«Несколько демонстративный характер заявлений грозил опять устроить тормаз в работах конференции, но к счастью прения были прекращены и вопрос о комиссии—об арестах—отложен на следующий день и приступлено к текущей работе»...

---

*) См. доклад И. Алкина в главе V.

Меньшевик Борисов *) видно, почувствовал, всю случайность «счастья», которое удалось сорвать буржуазии, а в частности его партии—в памятный месяц—август 1918 года!

XII.

Рабочая конференция все еще заседала, а на фронте успех переходил все больше и больше на сторону красных.

Все тревожнее, все призывнее звучат голоса, зовущие молодежь вступать в армию. Все глупее становятся чваные прокламации-афишки «командующего войсками Северной группы капитана (произведенного Ком-Учем в полковники) Степанова.

Большинство этих приказов начиналось словами: «Я, командующий и т. д.—обращаюсь к вам со следующими словами;»—или же делались такие обращения: «Молодые войска Народной Армии!... В неравном бою—вам трудно. Я это знаю лучше вас и *скорблю* за вас душой. Но верьте мне. Помощь близка»... Такие же нелепые, отчаянно нервные и надрывные как крик утопающего, к тому же—черносотенные по содержанию—сыпались афиши-воззвания агитационного отдела Народной Армии **).

Об'явленные мобилизации давали мало народу. Требовались—и были об'явлены новые.

17-го августа об'явлена первая мобилизация 1897 и 98 г.г.—по гор. Казани и Казан. уезду.

18 августа об'явлена запись в добровольческие рабочие дружины по рытью окопов и постановке проволочных заграждений.

22 августа назначается новая мобилизация по Лаишевскому, Спасскому и Чистопольскому уездам тех же годов рождения.

30-го августа назначается призыв на военную службу, родившихся в 1895 и 1896 г.г.—по Казани и уезду.

30-го августа, опубликовывается приказ командующего Степанова об образовании вооруженного и хорошо подготовленного отряда для самообороны на случай выступления «разбитых и рассеянных банд красноармейцев»—численностью в 1500 человек, для чего введено обучение военному строю всех мужчин в возрасте от 18-ти до 50-ти лет включительно.

Наконец, 7-го сентября об'является приказ этого же Степанова на имя председателей квартальных комитетов немедленно собрать всех проживающих в квартале граждан, способных носить оружие и согласных в настоящую тяжелую для гор. Казани минуту встать в ряды защитников г. Казани и спешно направить их в Управление районной милиции, где они поступят в распоряжение нач-ка районной милиции ***).

На самом же деле—эти дружины предназначались на фронт, для охранения тыла отступающих войск чехов и «Нар. Армии».

---

*) В настоящее время М. И. Борисов не считает себя меньшевиком.

**) См. приложение.

***) «Нар. Дело» № 8 и «Камско-Волж. Речь» №№ 2, 7, 8, 14.

Вся «деятельность» чехо-учредиловской власти и буржуазии сильнейшим образом раздражала рабочих.

В первые же дни сентября атмосфера накалилась, и рабочее терпение не выдержало. Разразилось восстание на арт. складе и заводе № 40. Непосредственным поводом к восстанию послужили два факта.

Продолжающиеся аресты рабочих, в частности—представителей арт. склада и завода № 40,—притом совершенно безответственные,—возмущали рабочих до глубины их пролетарского сознания.

Да и трудно было не возмущаться: отношение власти было таково, что добиться от нее чего-либо хорошего для рабочих было не возможно. Об этом красноречиво говорит отношение «начальства» (Лебедева и Фортунатова) на имя председателя рабочей конференции, о том, что власть Ком-Уча не будет считаться с требованиями частных групп населения—т. е. рабочего класса—а наоборот впредь за всякие требования будет принимать нещадные меры строгости *)....

Вторым поводом к выступлению 3-го сентября послужило поголовное обучение военному делу, которому подлежали также рабочие и завода № 40 и арт. склада.

Самое восстание достаточно описано т.т. Константиновым и рабочим арт. склада, а также прилагаемой статьей из меньшевистской газеты.

После поражения рабочих началась кровавая расправа.

Тотчас же был издан приказ Начальника гарнизона генерал-лейтенанта Рычкова и Командующего войсками Степанова о том, что 1) «в случае малейшей попытки какой либо группы населения и в частности рабочих вызвать в городе беспорядки, вроде имевших место 3-го сентября, по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь; 2) лица, укрывающие большевистских агитаторов или знающин их местонахождение и не сообщившие об этом коменданту города,—будут предаваться военно-полевому суду, как соучастники».

Тотчас же весь город был об'явлен на военном положении, и воспрещены всякие митинги и сборища на фабриках и заводах, на площадях, улицах, а также и в отдельных помещениях. Неисполняющие этого приказа будут принуждаться к тому вооруженной силой без всяких предупреждений. (Приказ по Каз. гарнизону № 175—от 3/IX 1918 г.—за подписью того же ген.-лейт. Рычкова).

Тут же был отдан приказ об обязательной сдаче «рабочими и фабричными г. Казани и слобод: Пороховой, Адмиралтейской, Суконной, Ягодной и друг. имеющегося у них оружия. И в заключении приказа—тот же припев: «Все неисполнившие настоящего распоряжения в указанный срок будут расстреляны». (Приказ ген. Рычкова по Казанск. гарнизону № 174—от имени Каманд. войск. Сев. группы).

*) См. приложение.

Только совершенные идиоты и трусы могли послушаться этого приказа, т. к. его исполнение грозило также, как и неисполнение—сперва арестом, а там—кто знает?—не далеко было и до расстрела.

Расправа была устроена отменная—в течение нескольких дней водили рабочих по тюрьмам. Какой бы то нибыло организованый протест был невозможен.

Однако, стихию классовой ненависти все эти приказы, аресты, расстрелы и продолжающиеся мобилизации—затушить не могли и она прорывалась в дезертирстве рабочих из рядов мобилизованных. Стихия росла, и власть демократов—чехо-учредиловцев *избегла нового восстания мобилизованных* рабочих лишь вследствие быстроты натиска красных *).

Силы буржуазии иссякли. Занять их у рабочего класса оказалось—безнадежное средство. Буржуазия оказалась изолированной. Призыв рабочего класса к себе на помощь означал ее собственное банкротство.

В заключение—несколько слов о том, как восприняли восстание рабочих завода № 40 и арт. склада меньшевики.

Меньшевистско-эсеровский президиум раб. конференции, как только получил извещение о восстании, решил отправиться туда с целью его потушить.

На заседании рабочей конференции они клеймят восстание рабочих завода № 40 и арт. склада, как подтачивающее авторитет Учредит. Собрания, губящее пролетариат... и навязывают конференции резолюцию соответствующего характера.

Чувствуя, что все вокруг них рушится и восстает, почва из под ног ускользает, меньшевики стараются закрепить свою дешевую «победу»—резолюцию конференции—и от имени президиума пытаются удержать революционные устремления пролетариата изданием специального об'явления о том, что «ни одно политическое выступление не должно иметь места без ведома и без разрешения рабочей конференции и избранного ею Президиума» и т. д.

Подлую роль душителей рабочего класса охотно взяли на себя меньшевистские верховоды по указке монархического офицерского штаба Народной Армии. Даже социалисты-революционеры Ком-Уча постеснялись на этот раз ввяться за такое дело, о чем довольно красноречиво пишет С. Н. Каллистов **).

И это *после* опубликования в одной из местных газет письма Фортунатова и Лебедева на имя Председателя Рабочей Конференции об отношении власти Ком-Уча к рабочему классу, как к частной группе населения и об обещании репрессий по отношению к «частным совещаниям», т. е.—к членам рабочей конференции...

---

*) Это не пустое предположение: оно основано на рассказах рабочих о том настроении, какое они переживали в рядах «Народной Армии» воспом. А. Чекунова.

**) См. вспомин. С. Н. Каллистова.

Власти дают меньшевикам еще одну пощечину: номер «Рабочего Дела» за 4 сентября не вышел в свет, т. к. был *арестован*.

Несмотря на это, Губ. Ком-т Р. С. Д. Р. П. постановляет «отдать все свои силы физические и духовные в распоряжение Комитета членов Учред. Собрания и подчиненной ему военной власти».

Меньшевистский президиум, не закончив конференции, распускает ее и уходит на фронт...

Так изжила последний атом классовой гордости, к которой обязывала ее имя рабочей партии—Казанская меньшевистская организация, ушедшая на безоговорочную и безусловную службу буржуазному идолу. *)

*) Для сохранения исторической правды нужно, однако, указать, что в первые дни прихода чехо-учредиловцев меньшевики вели себя куда «приличнее»—по сравнению с последующими; мы не можем пройти мимо статей и протеста меньшевистского комитета против расстрелов. «Довольно крови»—основной лейт-мотив этих статей; следует отметить также выделение меньшевиками в комиссию по разбору дел арестованных члена своей организации, оказавшегося в процессе работы—активнейшим, много сделавшим для спасения жизни отдельных большевиков,—*В. Н. Иванова*. Необходимо вспомнить здесь, что в самый первый же день меньшевики невольно дискретировали «Народную Армию», называя ее «белогвардейцами», за что власть весьма обиделась и указала особым публичным извещением о недопустимости такого прозвища.—(«Нар. Дело» № 2).

С другой стороны, в интересах той же исторической правды, необходимо об'яснить по мере возможности такую тактику меньшевиков. Нельзя было бы, конечно, считать ее только результатом их благодушия т. к. последнее также нуждается в об'яснении.

На помощь нам приходят другие факты современности. Оказывается, не только против самочинных расстрелов, но даже против простого «привлечения к ответственности» подняла свой голос..., «К.-В. Речь»! Газета пишет:

«Власть может и должна без всякого сожаления привлекать к ответственности как главных руководителей большевистского движения, так и тех, кто фактически осуществляли явно преступные приказания этих руководителей, но было бы и фактически невозможно и несправедливо эти карательные меры обращать на всех тех, кто в той или иной степени служил большевикам или даже значился оффициально в числе членов этой партии.

Это было бы невозможно потому, что таких лиц легион, и не хватит тюрем для того, чтобы этот легион содержать хотя бы временно под стражей» **).

Гуманный кадет предлагает вместо суда казенного—суд «общественного мнения».

Этот же мотив—большевиков и им сочувствующих—легион, а в связи с этим—боязнь раздражать *массы*, сквозит и в меньшевистской мотивации. Б. Нелидов пишет по поводу расстрелов.... «*но сегодня* следутт отнестись с большой осторожностью к распоряжениям, (о расправе с большевиками—Н. З.) иначе, в населении это вызывает нежелательные настроения, дает повод к самочинным выступлениям»....

Меньшевики, таким образом не против расстрелов большевиков вообще, лишь бы эти расстрелы не роняли и не умаляли успеха демократии, лишь бы они производились чин-чином, с соблюдением всех формальностей суда и следствия, как и подобает в приличном демократическом буржуазном государстве. В своей беседе с членами Учр. Собр., командированный для этой беседы меньшевистским Комитетом Б. Нелидов требовал от власти именно суда и следствия над арестуемыми большеви-

**) «К. В. Речь» № 14 от 7/IX 1918 г. статья А. Симолина.

XIII.

Заключение.

В заключение следует остановиться на выводах, к которым приводит нас история учредиловской и чехо-словацкой интервенции.

Тов. Троцкий в своей незабвенной речи для всех, слышавших ее казанцев, красочно характеризовал самый смысл борьбы за Казань:

«Мы, товарищи, любим солнце, которое освещает нас, но если бы богатые и насильники захотели монополизировать солнце, мы, сказали бы: «пусть потухнет солнце и воцарится тьма, вечный мрак!...

Мы дорожим наукой, культурой, искусством и хотим сделать их со всеми их учреждениями, т. е. школами, университетами, театрами и т. д. доступными для народа. Но если бы наши классовые враги захотели нам снова показать, что все это существует только для них, а не для народа, мы бы сказали: «гибель науке, искусству, гибель театру!» *).

Причины падения советской Казани тот же автор сводит к тому, что рабочий класс слишком рано обнаружил свое благодушие, не уничтожив, как следует, белогвардейскую силу непосредственно после Октябрьской победы... «Не было бы чехословацкого мятежа», говорит он, «если бы мы после Октября остались с тем же напряжением мышц, с каким сражались против буржуазии во время Октябрьской революции. Но несчастье рабочего класса в том, что он не дооценивает силу своих врагов».. **).

ками. Каковы же, были учредиловские суд и следствие показывает с достаточной убедительностью состав следственной Комиссии: из 15-ти членов ее только *пять* было представителей демократической общественности (Совета Прис. Поверенных, Городской Думы и от рабочей конференции) остальные же *десять* были *назначены* властью и являлись должностными судейскими чиновниками—самыми реакционным чиновниками—вернейшими слугами царского режима—(лица прокурорского надзора).

Суд же был—«скорый», самый «милостивый» и самый «правый»—полевой. Как бы ни оправдывались теперь бывшие меньшевики, что мотивировать протест против расстрелов соображениями *«сегодняшнего»* момента—означало тогда протестовать вообще и вовсе отклонить всякую расправу, т. к. важно, де, было пережить *первый* момент—именно—«сегодня»,—то это им не удастся.

Во первых—расстрелы продолжались и впредь и, как сам В. Н. Иванов говорит, продолжались *вопреки* даже решениям следственной Комиссии, а во вторых они—меньшевики—включили свой голос в дикий хор самых черносотенных элементов, требовавших более решительной расправы с большевиками *уже значительно позже, не задолго до изгнания из Казани белогвардейцев.*

Вот что писали меньшевики в передовых, без подписи, статьях, своей газеты по поводу большевиков, либо работавших в профсоюзах либо учавствовавших в рабочей конференции:

«Беззастенчивая демогогия, клевета, лесть, поощрение темных инстинктов, глум

---

*) Цитировано по тексту стенограммы из «Как вооружалась революция»—т. I изд. 1924 г.

**) Оттуда-же.

Если мы припомним факты, рассказанные нам тов. Лацисом и Милхом, о тех колоссальных контр-революционных силах внутри Казани, с которыми мы обходились слишком мягко—как говорит т. Милх—и в отношении которых так мало мы имели возможностей что-нибудь предпринять,—если, наконец, мы припомним как мягки мы были в отношении наших злейших врагов, прикидывавшихся друзьями пролетариата—меньшевиков и эс-эров,—развращавших сознание рабочих и идейно подготовлявших их к принятию учредиловской контр-революции,—для нас станет очевидным, что слова Троцкого—не простая фраза, а верный, правдивый анализ. Особенно, если мы будем иметь ввиду не только мягкость нашей местной Казанской власти. Эта мягкость, проявленная нами в отношении других врагов рабочего класса (Краснова, министров Украины и др.) подзадорила мировую буржуазию на вооруженную борьбу с Сов. властью.

Наконец, если мы обратимся к значению падения Казани, борьбы за нее и ее взятия, то для нас одним из самых приятных последствий окажется то, что с этих пор Казань была очищена от паразитов, кипевших в ее стенах до катастрофы. В крови и дыме пороха проясняется и крепнет классовое сознание пролетариата; буржуазия со всеми ее последышами покидает завоеванную красным оружием Казань. Расчищается поле для пролетарского государственного строительства. И действительно—последующий период дает нам необыкновенно живую картину интенсивнейшей созидающей работы во всех областях общественной жизни.

Международным и отечественным разбойникам дан хороший отпор. «В Советскую Россию, как в осиное гнездо, не засунешь более грабительскую руку. Героическое взятие Казани—это предостережение всем империалистам!»—говорит все тот же т. Троцкий.

ление над честностью и разумом (!)—вот практические способы, какими недавние калифы добивались себе власти хоть на час. Теперь эти халифы или попрятались в норы или находятся по ту сторону фронта, пытаясь на потоках братской крови трудящихся восстановить дни своего владычества. Но их наследие осталось, осталось мерзкое оружие, выпавшее из их рук и нашлась свора жадных, ничем не брезгующих охотников, торопящихся воспользоваться им, чтобы попытаться привычной для масс приманкой сделать их лестницей к собственному благополучию» *).

В другой статье—в следующем номере газета провокационно вызывает большевиков на открытую деятельность, указывая на то, что:

«не имея возможности с открытым забралом выступить в предвыборной политической борьбе, они хотят сделать себе прикрытие из проф. движения».

Характерно, что эта статья, по существу гораздо менее сильная, чем в предыдущем номере—ярче врезалась в память тех большевиков, по адресу которых, главным образом, и была направлена—А. И. Догадова и М. Ендакова и К. Машкина. О первой статье они не вспоминают, а говорят только о второй. (См. статью первую в этом сборнике, а М. Е. Ендакова—в «Ком. Пути» за 1922 г.).—Это обстоятельство показывает, насколько сильно доняли меньшевики своей провокацией «жадную свору» большевиков.

*) «Раб. Дело» № 170.

Наконец, из ряда благотворнейших для пролетарской революции выводов история учредиловской авантюры выпятила на показ всему пролетариату—Казанскому, Российскому и Международному с одной стороны и буржуазии—с другой—тот вывод, что единственной честной, революционной до конца защитницей рабочего класса и организатором его силы, его мощи—является Российская Коммунистическая партия большевиков; все же остальные «государственно-мыслящие», партии «социалистов» обнаружили себя пред лицом пролетариата, как союзники буржуазии.

Вот почему для нас вполне понятным становится требование Вл. И. Ленина, выраженное в его телеграмме на имя тов. Троцкого:

«Уверен, что подавление Казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийц, будет образцово беспощадное» *).

После жаркой кровавой бойни, какую устроила буржуазия рабочему классу, необходимо было уничтожить всякую возможность повторения подобных опытов с ее стороны. В этом состоял первый вывод, сделанный после взятия Казани. Этот же вывод, в другой, измененной форме должен быть всегда в нашем сознании: «Нет ничего опаснее для революционного класса, как предаваться успокоению на лаврах и считать, что достигнутые успехи обеспечивают полную победу» **).

Н. Знаменский.

Другие газеты («Нар. Дело», «Новое Каз. Слово») тоже ополчились, само собою разумеется, на большевиков общим криком, требовавшим расправы с ними. И как ни странно это покажется, успокоителем разбушевавшейся вновь стихии мести и крови выступает.... «Камско-Волжская Речь»

в тот момент.... «когда чуть не на каждом шагу приходилось слышать сетования на то, что власти проявляют недостаточно энергии в преследовании большевиков, находящихся в городе» ***).

Так, кадеты еще раз выступили в роли политических учителей и дали меньшевикам несколько очков вперед по части спокойного «государственного мышления»; «их легион»—а потому наказывать большевиков опасно для власти, вот основной мотив лозунга «довольно крови!»--как меньшевиков, так и всех, кто в то время не потерял еще здраваго смысла и в первый момент, и до конца демократической реакции; благодушие», же *партии* меньшевиков, как выразительницы общественного мнения «подшефных» и политически опекаемых ими обывателей просто и обывателей из интеллигенции тут, очевидно не причем.

Трудно думать, что словесные и литературные уроки кадетов пошли меньшевикам и всей мелкой буржуазии в прок: горбатого могла бы исправить могила, которую готовил ей крупный капитал, воинствовавший под «державной» командой «Верховного Правителя» Колчака.

---

*) «Знамя Революции».

**) Из цитированной выше речи Троцкого.

***) «К.-В. Речь» № 14—та же статья Симолина.

Учредиловский застенок.

Перед самым приходом чехо-учредиловцев в рабочие массы был брошен лозунг обороны.

Я в то время работал вместе с тов. А. Измайловым в 6-й Гос. типографии (бывш. типография «Миллят»).—Мы решили сорганизовать отряд рабочих и на нашем предприятии, тем более, что настроение рабочих было боевое.

Устроили собрание и тут-же рабочие поручили нам создать из них добровольную дружину. Оружие мы достали через Мусульм. бюро при Губкоме РКП. Дружина была названа «Первая добровольная боевая мусульманская рабочая дружина».

В момент прихода чехов дружина была направлена на Проломную улицу для связи со Штабом и для охраны Госбанка. Весь отряд наш был разбит на три части. В этом же районе—принялись воевать и рабочие фабрики «Поляр», открыли огонь, но вскоре же были отброшены и принуждены отступать по Собачьему переулку; за рабочими «Поляр» стали отсупать и мы.

При отступлении нас обстреливали из домов. Меня самого чуть было не схватил (и не арестовал) некий пузатый буржуй; к счастью, удалось вырваться.

Зато утром, когда вышел на улицу—не избежал своей участи. По указанию одного буржуа меня схватили и посадили в гауптвахту, где был самым тщательным образом обыскан и посажен в 9-ую камеру. При аресте же толпа бросала реплики, вроде таких: «расстрелять его на месте, сукина сына, большевика»!

Арестовывали, отводили в тюрьму и там обыскивали, студенты. Комендант гауптвахты—тоже студент (из Тифлиса).

Вот несколько моментов из жизни чешско-учредиловской тюрьмы.

Привели в камеру какого-то политического работника одного из наших кораблей, по национальности чеха.

Тут чехи—защитники учредилки—рассвирепели: начиная от нижнего чина и кончая командным составом стали бить и ругать и опять бить—до крови—бедного чеха-коммуниста. Под диктовку избитого пленника палачи написали письмо на родину; расстреливая его, чешский майор сказал, что он счастлив исполнить свой «революционный» долг, который

Тов. Урманов, Хасан.

Один из активнейших революционеров—татар. Борец с буржуазным Шуро (1917—18 г.); один из организаторов Татарских Красных отрядов; В 1918 и 1919 г. боролся против чешской и колчаковской интервенции. После упорной борьбы с буржуазией в пределах Казани и Татарской Республики (тогда еще—Казанской губернии) в 1919 г. тов. Урманов перебрасывается в Крым, где во время белогвардейского пленения Крыма работает подпольно.

Был раскрыт Врангелевцами и приговорен к повешению. Пред смертью Врангелевцы пытались его подкупить и за деньги вызнать его товарищей по революц. работе. В ответ на это предложение тов. Урманов заявляет: «Вы их знаете: то большевики, а за ними--миллионы рабочих и крестьян. Их много везде и всюду, даже в ваших рядах их больше, чем вас. Моя кровь вас не спасет, т. к. вы все погибнете, а на всей земле будет водружено красное знамя Труда».

Так передает о последних минутах тов. Урманова тов. Юмаев (по записи тов. Гумерова).

Врангелевцы с тов. Урмановым покончили, казнив его повешением.

Тов. Ибрагимов, Мирза.

Как и тов. Измайлов—во время наступления чехов—рабочий—печатник той же типографии бр. Каримовых. Тоже—один из организаторов отряда рабочих—печатников.

Сражался на улицах Казани с чехами. Сидел в тюрьме—(смотр. его статью в этом же сборнике).

повелевает ему убить «изменника нации, продававшего свою душу кровавым большевистским хищникам» *).

Через некоторое время—новый случай. Расстреляли семь **) австрийских врачей, обвиненных в том, что они под видом больных отправляли на родину здоровых и тем пополняли германо-австрийскую армию.

И опять-таки, их расстреливал какой-то худощавый студент! Расстрелы производились разрывными пулями.

Еще случай, на этот раз—«гуманности» учредиловцев.—Выпустили из тюрьмы бандитов—известных в уголовном мире—Костю Балабанова, Сундукова и Павлушина. Через трое суток они опять попались и опять их выпустили—за прежние «заслуги»: отпуская, им белогвардейцы заявили, что они их отпускают потому, что хотя они и «работали» при Сов. власти, но больше, однако, вредили ей.

Наконец, в этой же гауптвахте, где сидел я, расстреляли тов. Шейнкмана. Его посадили в так-назыв. «офицерскую» камеру (на верхнем этаже); оказали ему и еще одну «почесть»—при расстреле ничего абсолютно с него не снимали, даже ботинок.

Недели две мы потом просидели в пересыльной тюрьме. Здесь же пришлось пережить дни восстания на заводе № 40 и артскладе, после которого белогвардейцы стали особенно возбуждены, в первую очередь против евреев. В соседней камере сидело 4 (четыре) человека еврея. На них набросилось 15 (пятнадцать) человек белогвардейцев и истязали их до бессознательного состояния.

Мирза Ибрагимов.

---

*) Слова его были переведены одним турецким офицером, владевшим и чешским и немецким языками.

**) По словам В. Н. Иванова—четырех. (Ред.)

Чехи в Казани.

1. Несколько предварительных замечаний.

Как только появились в прессе первые известия относительно выступления чешского отряда, то начала усиливаться среди рабочих агитация со стороны меньшевистских организаций и администрации завода в том смысле, что вот-де чехи установят настоящую власть в России—власть Учредительного Собрания. – А коммунистам, де, не сдобровать.

И чем ближе подходили чехи к Казани, тем сильнее распространялись эта агитация среди рабочих. Когда были заняты Самара, а потом и Симбирск, то уже многие враги нашей партии считали дни существования Советской Власти в Казани последними и еще сильнее вели свою агитацию за Учредиловку.

Особенно активными работниками в тот период на фабрике бывш. Алафузова со стороны меньшевиков были следующие: Рясенцев, д-р Шергов, Денике и один из рабочих завода Крестовникова, фамилии которого не помню; были агитаторы и от партии правых эс-эров, фамилии которых тоже не запомнил. В противовес меньшевистской организации и их агитации со стороны Российской Коммунистической Партии выступали на заводе Алафузова следующие товарищи: Грасис, Межлаук, Вегер, Брауде, Александр Карпов, Шейнкман и местные работники: Протодьяконов, Константинов, Гладилов и др., но мы, как рабочие, тогда были слабо подготовлены и нам было трудно бороться с подобными Рясенцевыми, Шерговыми и др.

В своих выступлениях меньшевики и правые эс-эсеры обещали рабочим от власти Учредиловки и кисельные берега и молочные реки; конечно, несознательные рабочие верили им и питали надежду, что, при Учредиловке будет лучше, но более сознательная часть рабочих туго поддавалась агитации меньшевиков. Что же касается недовольства рабочих на Советскую Власть, то можно сказать, что рабочие еще мало понимали значения Советской Власти. Их пугало, что рабочие несут руководящую работу в учреждениях, т. к. они сомневались в своих силах, что не образованные и темные пролетарии смогут, де, справиться с управлением такой большой страны, как Россия. Там же, с чехами,—идут ученые люди и коммунистам против них не устоять; притом чехам, дескать, помогают иностранные державы—вот каково было тогда мнение рабочих. Но ненависти

к Советской Власти со стороны рабочих не наблюдалось. Правда, был ропот со стороны рабочих на продольственное положение и меньшевики на этом спекулировали.

2. Накануне вступления чехов в Казань.

Я был тогда комиссаром Всеобуча 5-го района, штаб которого был расположен в Ягодной слободе в доме Софронова. Часов околу 2-х дня послышался выстрел на Устье. Я, услышав из штаба эти выстрелы, послал своего заместителя—т. Баранова в разведку на Устье узнать, в чем дело. Спустя полчаса т. Баранов вернулся и доложил мне, что на Устье высадился десант чехов и там произошло столкновение с отрядом моряков. Моряки обстреляли чехов из пулемета, и чехи вынуждены были отступить на правый берег Волги по направлению к Услону. Тогда я поднял сильную тревогу по всем учреждениям города. В первую очередь было сообщено в Центральный Штаб Всеобуча, комиссаром которого был тогда т. Зайцев. Центральный Штаб Всеобуча помещался на Вознесенской ул. в доме Иваванова. Но т. к. за поздним временем занятия по учреждениям были уже кончены, то добиться кого нибудь из ответственных работников в учреждениях было трудно, но я всетаки не переставал бить в набат о происшедшем на Устье. Мне сначала не верили: считали, что это абсурд, что мол, стрельба происходит наверно, на почве продовольственных затруднений, т. к. были случаи, что идущие баржи с хлебом по Волге задерживались в Казани и охрана этих барж отстреливалась.

Но всетаки удалось доказать, что дело гораздо сложнее и не на вочве продовольствия. Часа полтора спустя, когда т. Баранов возвращался с новой разведки, ему попался в Адмиралтейской слободе автомобиль идущий на Устье. В автомобиле были т. Шейнкман и комиссар продовольствия. Когда т. Баранов сообщил им, в чем дело, то они ему сначала не поверили и поехали дальше на Устье, при чем, конечно, убедились сами в правоте Баранова.

В тот же вечер в Алафузовском театре нами было созвано общее собрание рабочих. Аудитория театра была заполнена рабочими. Только что я выступил с речью и начал призывать рабочих к вооружению против чехов и к обороне города, как раздался провокаторский возглас «пожар», и рабочие бросились бежать из театра, но на самом деле никакого пожара не было. Но нам всетаки удалось удержать рабочих и убедить, что это провокация, и рабочие успокоились. Но так как рабочих была такая масса, что театр не мог вместить всех, нам пришлось вынести митинг в сад театра, где он и продолжался под руководством одного из членов фабрично-заводского комитета, (потом руководство митингом было взято т. Барановым). Выступали на данном митинге следующие товарищи: Константинов, Баранов, Протодьяков, Рязанов, Серебр-

ренников. Со стороны меньшевистских организаций ораторов на данном митинге не было. Характерно отметить выступления одного офицера, некоего Александрова, который уверял рабочих, что, мол, в Казани шестьсот офицеров и все они выступят на защиту Советской Власти, но то были только его слова, которым рабочие не верили. Митинг длился часа три или более,—до темна. Настроение рабочих было как будто за Советскую Власть и Коммунистическую Партию. После митинга, когда мы шли домой, этот же офицер Александров со мной сильно спорил и убеждал, что мы напрасно беспокоим рабочих, что чехи в Казань не войдут, их отразят офицерство и имеющиеся военные отряды. Но я ему сказал, что на словах им не верим, пусть они покажут на деле. Конечно, ночь прошла вся в организационной работе. При нашем штабе Всеобуча был назначен сборный пункт рабочих для вооружения; там же помещалась и ячейка РКП. Всю ночь приходили рабочие, получали оружие и направлялись на фронт. Организаторами дела вооружения рабочих были Костантинов и Протодьяконов; последний был председателем ячейки. Партия же левых эс-эров производила вооружение своих членов, а таковых на фабриках было порядочно, точную цифру не помню *). Конечно одновременно с этим шла усиленная подготовка к обороне города и в центре города и утром все отряды рабочих были уже на фронте; какое количество рабочих было вооружено, сказать не могу, ибо все документы при отступлении из города были нами сожжены в квартире Рязанова в печи, но во всяком случае рабочих было порядочно, так что у нас не хватило винтовок и рабочих мы напрявляли на фронт без них; там они им и выдавались. Первый отряд рабочих был направлен под руководством т. И. Баранова.

3. Момент наступления.

6-го августа, часа в три дня, началась сильная кононада. Я в это время дежурил в штабе и держал связь с городом и фронтом. Но спустя часа два, связь с городом была порвана; по каким причинам,—не знаю; на мои знонки по телефону не поступало ни откуда ответа. Тогда мы выступили из штаба и заняли позицию у Ягодного моста, где поставили пулемет и вооружились винтовками. Часов около шести или семи вечера нам донесла разведка, что Устье занято чехами и наши отступают. И, действительно, вскоре за разведкой появился отряд кавалерии, идущий через Ягодинский мост в город. Мы его остановили для выяснения, чей это отряд, и куда он следует; после точного убеждения, что отряд наш, Советский, и направляется в город, он был пропущен. Вслед за ним последовал отряд пулеметной команды, тоже отступающий. Нами и этот от-

*) По заявлению б. председателя комитета лев. эс-эров—тов. Батурова—членов партии л. с. р. было 160 челов. Ред.—

ряд был остановлен, командир отряда пулеметной команды был мой знакомый по прежней военной службе; я его стал просить остановиться и развернуть фронт в Ягодной и Пороховой слоб., чтобы ударить в тыл чехам, но он отказался, мотивируя тем, что получен приказ отступать. Мы же остались на своих местах.

Затем, вскоре ко мне прибежал рабочий нашей фабрики т. Альбинский, совершенно нагой, переплывший Казанку и заявил нам, что чехи уже в Адмиралтейской слободе и занимают Пороховую слободу и мы в опасности; пришлось отступить, забрав с собой пулеметы и документы штаба. Отступали по направлению к Кизицам.

О ливне, способствовавшем чехам взятию Казани, я не останавливаюсь, ибо надеюсь, что это известно *).

4. В пути отступления.

Отступив от Казани до Кизиц, мы встретили отряды, отступающие из города. С ними были Грасис, Милх и многие другие. Отступление продолжалось на село Караваево. Но т. к. был сильный ливень и ночь была страшно темная, то в селе Караваеве скопилась масса лошадей, автомобилей и людей, так что отрядам пришлось направляться по разным проселочным трактам; мы попали на проселочный тракт по направлению к Волге и держали маршрут на станцию Козловка. Дорогой выяснилось, что наш отряд состоял приблизительно из двухсот человек; когда мы отступили до села Лягушкина (в семи верстах от Козловки) нам сообщили, что Козловка занята уже чехами; это оказалось не верно. Но все-таки нам пришлось быть осторожными и в Лягушкине отряд принял боевой порядок. Народ был разбит на взводы, был выбран командир отряда, (таковым был т. Милх) и мы двинулись вперед. Небольшой же группе в числе шести товарищей, пришлось вернуться обратно для подпольной работы в Казани. Вернулись все из рабочих фабрики Алафузова, а именно: Константинов, Баранов, Евдокимов, Рязанов, второй Баранов и рабочий (беспартийный) слесарь Мошин. Дорогой пробирались с большим трудом, потому что крестьяне избивали возвращавшихся обратно, особенно рабочих, как в русских так и в татарских деревнях. Происходило это вот почему. В некоторых татарских деревнях были сделаны баррикады. Были разобраны мосты, а дороги заваливались лесом, чтобы задержать отступление наших отрядов; конечно с отдельными деревнями и жителями деревни не приходилось считаться, когда дело шло о борьбе с общим врагом Рабоче-Крестьянской Республики.

На этой то почве и были случаи избиения возвращавшихся обратно рабочих в Казань. Несмотря на все это, нам всетаки удалось добраться до Казани благополучно.

---

*) См. брошюру А. Бочкова «Три года Сов. власти в Казани» и воспомин. Л. Рейснер (Пролет. Рев.—12—1922 г.). Ред.—

5. В царстве чехов.

На восьмой день после отступления из Казани занятой чехами, мне снова пришлось вернуться в Казань. Пришел я в квартиру часов в шесть вечера. Квартира моя находилась по Краснококшайской ул. в доме Копылова. Жители дома быстро узнали, что вернулся Константинов; нужно сказать, что дом был заселен рабочими заводов Алафузова и Казанского № 40. Рабочие, собравшиеся у двора дома, обсуждали, что ждет Константинова в царстве чехов завтра? Некоторые говорили, что его расстреляют, некоторые же говорили, что его арестуют. Их разговор я слышал из окна дома, но все это меня не удивляло. Пробыв два дня дома, не показываясь никуда, я ждал, действительно, днем и ночью ареста, но случилось это несколько позже. На третий день я решил пойти к рабочим на фабрику Алафузова, где я и работал. В мастерской рабочих было около ста человек и мне сразу стало странно: в мастерской я работал лет восемь, до чехов я был верным другом рабочих не только данной мастерской, но и всей фабрики, имел революционные подарки за активную работу в пользу рабочих, в частности,—красную ленту от «своей» мастерской.—И вдруг на меня такие взгляды со стороны рабочих, как будто меня никто не знает!

Начинаю говорить с рабочими, а мне слышатся такие ответы: «ты молчи, ваша песня спета»; но и это меня не удивляло. Ибо рабочие еще не знали, кто явился к ним в лице власти чехов: друзья ли рабочих или их враги. В первую очередь я постарался узнать, кто остался в Казани из членов партии коммунистов. Этого узнать мне сразу не удалось, т. к. все отвечали, что кто не убежал, того расстреляли или сидят в тюрьме. Ждать, дескать, нужно этой участи и мне; у меня тогда запала мысль, что нужно залезать в подполье; однако я постарался спросить заведывающего мастерской гр. Рылова, можно ли мне работать в мастерской, на что он мне сухо ответил, что можно. Во время разговора с Рыловым ко мне подходит разсыльный главной конторы с приглашением к директору фабрики Пулудису. Я сразу подумал, что мне предстоит арест, но смело пошел в контору. Когда пришел к Пулудису, последний меня спросил, сколько у меня детей.—«Двое ребят и жена»—тогда Пулудис стал говорить, чтобы я не показывался на фабрике, иначе мне угрожает серьезная опасность и даже рекомендовал не находиться в квартире, а где—нибудь скрываться. На заданный ему вопрос, «в чем-же дело?—он мне ответил, что нас ищет власть чехов; видя его откровенность, я попытался расспросить его, что может нас ожидать: — «Могут расстрелять», — «За что-же расстреливать рабочих»? — «Вас предаст наша администрация, в лице инженера Щеголева и Долголенко». Тогда я спросил, кого же они намерены передать в руки «правосудия» чехов. Он мне перечислил список, в котором были следующие лица: Константинов, Протодьяконов, двое братьев Барановых, Евдокимов, Афанасьев, Рязанов.

К Пулудису приезжали представители власти с этим списком и просили дать адреса квартир, но он, якобы ответил им, что этим делом не занимается и дать адреса не может. Тогда Щеголев взял эту миссию на себя. По сведениям от рабочих я узнал, что все эти товарищи были в подполье и найти их ему, т. е. Щеголеву всетаки не удалось. Я поблагодарил Пулудиса за его откровенность и решил скрыться. На прощанье Пулудис выразил уверенность, что власть чехов долго не просуществует. Я ушел домой и стал скрываться. Моя хозяйка дома, где я скрывался, работала в прядильном отделении фабрики Алафузова и информировала меня обо всем, что делается на фабрике; я ее спрашивал, как чувствуют себя рабочие, как относятся к власти чехов, т. к. известно, что вместо булки, которую ожидали получить рабочие от власти чехов, эта последняя стала давать им свинцовые пули и пачками сажать их в тюрьму. Оказывается, среди рабочих начался ропот и стали поговаривать снова о власти советов. Чем сильнее обнаруживала себя реакция чехов, тем сильнее развивался ропот и недовольство рабочих. Спустя четыре дня засады в подполье я решил пойти в среду рабочих на фабрику в свою мастерскую. Снова стал просить заведывающего мастерской разрешения вступить мне на работу; мне опять было разрешено, и я сел за работу. Ко мне уже стали подходить рабочие и спрашивать, что же будет дальше; я им отвечал, что нам всем место—тюрьма и нагайка, если останется власть чехов, в особенности же более сознательным рабочим. Рабочие со мной были солидарны. Скоро узнали товарищи из заводкома, что я работаю в мастерской; ко мне ежедневно подходило по нескольку человек за советами и разрешением вопросов в связи с создавшимся положением; все спрашивали, что будет дальше. Я им отвечал, что нужно организоваться и организованно действовать. Но нужно сказать, что неорганизованная часть рабочих оставалась симпатизирующей власти чехов. Об'яснялось это следующим образом. Действительно, при чехах появилась булка, но только не для рабочих, а для буржуазии, *но рабочие льстили себя надеждой, что будет она и для них; однако, вопреки их ожиданиям получалось обратное.* Вместо булки рабочим наступили на горло и не давали разинуть рта; как только рабочий, что нибудь возражал, то заведывающий ему говорил: «Молчать, ваше дело кончено, ваших товарищей уже нет».

Так что режим действительно стал вводиться по хозяйски в интересах буржуазии. Спустя три дня на четвертый, в 11 час. вечера ко мне явились шакалы по мою душу. Уже имея в руках моего товарища Баранова и сделав обыск в квартире, забрали меня и доставили на пересыльный пункт, находящийся в Адмиралтейск. слободе. Но на счастье наше, мы попали к тому самому Александрову, который был помощником коменданта и обещал, что шестьсот человек офицеров выступят за Советскую власть, (сам же он надел уже золотые погоны). Судьба нам улыбнулась и нас часов в двенадцать ночи освободили. Нам дали снова возможность вернуться в среду рабочих и продолжать свою работу.

6. Момент восстания.

Таким образом, благодаря репрессий чехов с одной стороны, и вследствие давления на рабочих администрации завода—с другой наростало сильное возмущение среди рабочих фабрик и заводов. Конечно, отчасти сыграла известную роль и подпольная агитация членов Р. К. П. (б). Но самое главное возмущение рабочих против чехов было из за того, что пачками арестовывали рабочих и расстреливали. Были слухи, что на Алафузовском заводе должны были подлежать аресту рабочие в числе пятисот человек. До самого дня восстания, валялись трупы изуродованных, расстрелянных рабочих под крепостью; рабочие, проходившие момо этих трупов, все это видели и, приходя на фабрику, разсказывали другим, как расправляются с ними ожидавшиеся благодетели. Это вызывало в рабочих сильные порывы ненависти. В день самого восстания 3-го Сентября утром снова появились слухи, что под крепостью выброшено двенадцать человек изуродованных рабочих, связанных и лежавших прямо, открыто. Много рабочих ходили смотреть, поинтересоваться такой картиной и действительно убеждались на фактах, что это верно; нужно еще упомянуть, что до этого было несколько таких случаев, что разные рабочие организации как-то: фабрично-заводские комитеты и др. на многих фабриках подавали протесты против расстрела рабочих. Им власть ответила, что этого не будет, но на самом деле делали свои делишки, расстреливали направо и налево. И вот 3-го Сентября еще с утра началась подготовка к собранию рабочих фабрично-заводским комитетом. Нужно упомянуть, как на фабрике Алафузова, так и на заводе № 40 партийных сил, особенно коммунистов, почти не было: они все были или в подполье или на фронте или отступали в разных местах. И в момент восстания их было очень мало. Часов в двенадцать дня ко мне в мастерскую приходит некий молодой человек, которого я не знал и говорит мне, что под крепостью лежат убитые наши товарищи,—рабочие, все изуродованные и спрашивает, что мы будем делать дальше, будем ли молчать? Я ему сказал, что молчать не нужно, а нужно протестовать. Тогда он мне говорит, что их рабочие хотят устроить собрание; оказалось, что это рабочий из Артсклада. «Вот и отлично» сказал я ему. К двум часам дня начали собираться на площади имени Петрова товарищи фронтовики и Артскладские, затем рабочие Казанского Порохового завода, рабочих же фабрики Алафузова на собрании почти вовсе не было т. к. там предполагалось свое собрание в театре. Приблизительно часа в три, точно не помню, было открыто собрание; был выбран президиум для ведения данного собрания в составе председателя т. Петрова и секретаря. На повестку дня был поставлен вопрос о протесте против расстрелов рабочих и власти чехов, а также выборы делегации к власти с соответствующей резолюцией. Тов. Петров открывал митинг. На митинге выступали он и другие фамилии которых не помню. Рабочих было приблизительно около пяти тысяч че-

ловек. Тут можно было сразу определить, что рабочие страшно были озлоблены на власть чехов. При напоминании о расстрелах рабочие шумно кричали «долой власть учредиловки»! Да здравствует Власть Советов»! «Да здравствует Российская Коммунистическая Партия! Долой буржуазию»!

В момент сильного волнения рабочих против власти чехов на митинге вдруг являются из Журавлевских казарм две маршевые роты солдат в полном вооружении, предназначенные властью к отправке на фронт, против красных. Солдаты подошли со страшным воодушевлением и криком «ура» и заявили, что они за одно с нами, рабочими. «Довольно разговоров; время действовать!» и вот под лозунгом „долой учредиловку", долой соглашателей, долой кровопийцев! «рабочие и солдаты ринулись вперед». План был намечен такой. В первую очередь взять Журавлевские казармы, вооружиться, затем взять Артсклад и Алафузовские казармы и отрезать слободу от города, развернуться фронтом и гнать банду чехов с тылу. Но наступление вышло неудачно, потому что не было организовано так, как нужно. Не соорганизовали части, не было командиров, вот почему и потерпели неудачу. Но всетаки дали понять чехам и фабрично-заводской администрации, что рабочие умеют защищать свои интересы и умеют различать, кто их враги и кто действительно защищает интересы рабочих.

А. Константинов.

Казанские Профессиональные союзы во время власти Комитета Учредительного Собрания.

После пяти-шести первых, чрезвычайно тяжелых и жутких дней власти Комитета Учредительного Собрания в Казани, которые мне пришлось провести в двух чужих квартирах, я решил пробраться в Губпрофсовет, секретарем которого я в то время состоял.

Жуткая тишина и пустота встретили меня в «Доме Труда». Только швейцар и служители с удивлением смотрели на меня, уже без той хамской угодливости, с которой встречали они меня раньше, и отвыкнуть от которой не могли.

В помещении Губпрофсовета я никого не нашел; обойдя союзы, я встретил только несколько человек сотрудников и небольшое число рабочих, которые группами тихо между собою разговаривали о совершающихся на их глазах событиях.

Не зная общего положения дел, питаясь только слухами, я решил найти знакомых меньшевиков, которых опасаться, безусловно, не приходилось.

От Эдельштейна и Нелидова я получил сведения, что меньшевиками организована специальная Комиссия для перевыборов Правлений Профсоюзов и Губпрофсовета, которая на днях должна начать работу.

В этот же день я встретил тов. Ендакова, от которого узнал о местопребывании Ал. Догадова (Председателя Губпрофсовета) и с которым сговорился на другой день притти на работу в союзах. Тов. Ендаков был, кажется, тогда Председателем Союза Металлистов и членом Президиума Губпрофсовета.

На следующий день я сидел уже за своим обычным столом Секретаря Губпрофсовета и меньшевистской Комиссии по перевыборам пришлось иметь дело со мной.

По выяснении дел в союзах, куда стали стекаться все оставшиеся по разным причинам в городе товарищи, оказалось, что большинства Правлений, действительно, нет. Но группа большевиков, хотя и небольшая, осталась. В этот второй день своего пребывания, кроме жены (Секретаря Союза «Иглы»), я встретил т.т. Вл. Догадова, Федорова (портной), Данилова, Гусева и целый ряд беспартийных профессионалистов, хорошо относившихся к нам—большевикам, работникам Губпрофсовета *).

---

*) Сам тов. Машкин Конст. тогда был интернационалистом, примыкавшим к большевикам. (Ред.).

В этот же день я присутствовал на заседании Комиссии по перевыборам Правлений, где особенно резкую линию по отношению к большевикам вел один эс-эр (фамилию забыл) и Поплавская—Секретарь Союза Химиков, куда ее незадолго до чехов устроил Ал. И. Догадов.

Но как ни хотелось этой Комиссии руководить перевыборами Союзов и Губпрофсовета, ей это не удалось. Вскоре после моего появления появился и Ал. Ив. Догадов, с которым мы, как вполне законные руководители Союзов в Казани, и сосредочили в своих руках всю работу по перевыборам.

С помощью оставшихся в разных союзах членов партии мы блестяще провели кампанию по перевыборам. Правления были составлены так, что в каждом были коммунисты. Состав Губпрофсовета остался по своей партийности почти без изменения.

Весьма показательны были перевыборы Президиума Губпрофсовета. Меньшевики хотели провести во что бы то ни стало Нелидова, Эдельштейна и Брука; однако последний был провален абсолютным большинством голосов. Президиум Губпрофсовета был выбран в большинстве своем из большевиков, а Председателем Президиума оказался снова Ал. Ив. Догадов, а я снова был избран Секретарем.

Мне кажется, что эта кампания с достаточной яркостью показала, каково было настроение организованного в союзы казанского пролетариата.

После этих перевыборов началась обычная работа по сколачиванию разбитых и уже забытых профессиональных союзов. Обстановка для работы была тяжелая. Военные власти покушались на мебель, на единственную пишущую машинку Губпрофсовета,—все это приходилось отвоевывать и с большим трудом, вплоть до хождения к Уполномоченному Комитета Учредительного Собрания, эс-эру Архангельскому. Кроме того, частые аресты рабочих в одиночку, целыми группами, вынужденное проживание в чужих квартирах, не давали возможности вести спокойно работу.

Я помню, как сейчас, один случай, когда весь запыхавшись, вбежал в помещение Союза «Иглы» знакомый товарищ и сообщил об аресте чехами целой мастерской.

Притеснений союзов, предприятий и отдельных рабочих было много и со всеми жалобами рабочие шли в свой союз и Губпрофсовет. Но мы, делая все возможное, сделать многого, конечно, не могли.

Закончив кампанию по перевыборам, укрепив до некоторой степени аппараты, мы начали постепенно вмешиваться в политическую жизнь.

На заседаниях Губпрофсовета мы выносили резолюции с требованием к Правительству принятия мер против безнаказанного хозяйничанья чешской охранки, прекращения арестов и т. д.

Я помню, однажды нам пришлось разбирать вопрос о посылке представителя в какой-то Комитет для помощи Армии или что-то в этом

роде. На Заседании Пленума Губпрофсовета мы это предложение Правительства отклонили *).

Тучи над Губпрофсоветом сгущались, ибо некоторые меньшевики не стеснялись и говорили везде, что в Губпрофсовете сидят большевики.

Один из этих меньшевиков, особенно «правоверный», Брук, не остановился даже перед провокацией, после которой мы ждали серьезных осложнений, и если бы Красная Армия еще два-три дня не вошла в Казань, то эти осложнения, безусловно бы были.

Дело было так. Правительство решило начать кампанию по перевыборам в Городскую Думу. Наша группа решила принять участие в этой кампании путем выставления самостоятельного списка от имени Губпрофсовета и отдельных союзов. Об этом было сказано на Заседании Президиума, на котором присутствовал Брук—редактор меньшевистской газеты. И что же получилось? На другой день Брук поместил в газете статью, в которой говорил, что большевики, боясь выступать открыто на выборах, хотят использовать в своих целях Губпрофсовет, выставляя от его имени список в гласные Думы.

Эта чистейшая провокация могла привести к немедленному аресту нас, как руководителей Губпрофсовета и многих других товарищей, с которыми мы вели работу. Нужно заметить, что эту статью осуждали другие меньшевики, ибо они прекрасно понимали, что большевики с самостоятельным партийным списком выступать при «свободе слова, печати и коалиций и т. п.», существовавшей во времена Учредилки в Казани, не могли.

Но к счастью, казанским властям было не до Губпрофсовета, в тот момент, ибо они уже готовились к отступлению и кровью казанских рабочих уже упились в достаточной степени. Только приход Красной Армии спас Казанский Губпрофсовет от основательного разгрома.

Все изложенные мною факты определенно говорят, что организованный в Союзы Казанский пролетариат и в тяжелые времена чехо-словацкого нашествия, оставался верным завоеваниям Октября. Если бы оставшаяся группа большевиков в Казани была прочно связана и организована, то под ее руководством казанские рабочие могли бы дать значительный отпор всяким поползновениям власти Учредилки. Но этого не было. Даже события на заводе № 40 проходили вне всякой связи с группой бильшевиков—профессионалистов.

Константин Машкин.

Крым. Июль 1923 года.

---

*) Решение этого вопроса было отложено до Рабочей Конференции. (Ред.).

Восстание 3 сентября.

Волнения рабочих артиллерийского склада с 1-го сентября находятся в непосредственной связи с событиями 3-го сентября. Еще с 1-го сентября рабочие арт. склада требовали *освобождения арестованных* неизвестно по чьему распоряжению *делегатов на беспартийную рабочую конференцию;* но наши требования оставались требованиями и рабочие продолжали сидеть в тюрьмах. 2-го сентября было собрание рабочих арт. склада, на котором вновь поднимался вопрос об арестованных. На этом собрании решили требовать категорически их освобождения, в случае же отказа требовать другими мерами, вплоть до забастовки. Требование было подано особоуполномоченному Алкину, который обещал разобраться в этом вопросе, но повидимому ему было «не под силу», так как он заявил в тот же день, что ему неизвестно, кем арестованы указанные рабочие. На это собрание прибыл делегат от рабочих завода № 40, который сообщил, что на заводе 3-го сентября назначен митинг фронтовиков в связи с мобилизацией рабочих. На этот митинг он приглашал наших рабочих для решения вопросов о мобилизованных и арестованных, так как руководителями рабочих артиллерийского склада уже подготовлялось вооруженное возстание, и они решили воспользоваться этим митингом для окончательного свержения гнета «учредиловцев». Было ясно, что если этим митингом не воспользуются, то все равно больше никаких собраний не разрешили бы. 2-го сентября решено было на 3-е сентября работы на складе окончить в 12 час.; к 1 часу дня собраться на дворе артиллерийского склада (завод Локке) и к 2 час. дня итти на митинг на завод № 40. Так было и сделано. Рабочие собрались к указанному времени на складе, где было в несколько минут устроено собрание и выбрали стачечный комитет или руководителей в количестве 7 человек (Семен Григорьев, Никита Ларионов, Алексей Григорьев, служитель Кисляков и другие). Выбранный комитет, не зная настроения рабочих завода № 40, не решился сразу захватить склад с орудиями и пулеметами, боясь остаться гласом вопиющаго в пустыне. Комитет решил, что рабочие пойдут по обе стороны улицы мимо Зилантьевского монастыря. По пути двое из руководителей, рабочие *Григорьевы* Алексей и Семен, ворвались в толпу вновь мобилизованных солдат, помещавшихся в Журавлевских казармах, и повели агитацию. Вновь мобилизованные солдаты под влиянием агитации решили идти на митинг, но не имели на это физической силы, так как в продолжение двух дней пребывания в казармах они получили на день всего по полфунту сырого хлеба и были измучены. Как раз в это время им выдали только что привезенный откуда то картофельный суп, вещь для проголодавшихся измученных солдат весьма соблазнительную, и потому они решили сначала поесть, а потом идти на митинг.

Агитаторам оставаться в толпе было крайне опасно, так как кругом сверкали георгиевские ленточки вооруженных белогвардейских офицеров, и поэтому они незаметно, сторонившись от толпы, направились за рабочими артиллерийского склада, уговаривая небольшие кучки новобранцев идти немедленно; последние и двигались за массой рабочих.

По приходе на место заводской площадки рабочие артиллерийского склада увидели там небольшую кучку по сравнению с количеством всех рабочих порохового завода; однако, к началу митинга народ собрался все же в большом количестве, приблизительно тысяч в восемь*); перед открытием митинга руководителям артиллерийских рабочих, к которым присоединились руководители пороховиков, пришлось зондировать почву; убедившись, что настроение собравшихся было подходящее для восстания, тов. Алексей Григорьев (рабочий артиллер. склада) открыл митинг, распределив сначала весь народ по фабрикам, для того, чтобы было заметно присутствие шпионов. Потом им же было предложено выбрать надежных людей с каждой фабрики, которые могли бы руководить митингом и выступлением. От рабочих порохового завода были избраны руководителями Петров (расстрелян), Рудов, Ржавин и Степанов (секретарь митинга).

Во время выборов руководителей к митингу присоединился полк вооруженных солдат, которые были встречены бурными аплодисментами. Немедленно в президиум были избраны председатель митинга тов. Семен Григорьев, руководитель вооруженными силами тов. Никита Ларионов и докладчик по текущему моменту тов Алексей Григорьев.

Товарищами, руководившими вооруженными силами, была немедленно поставлена охрана митинга с дозорами. Выбранным штабом после горячих речей был намечен следующий план действий:

1) захватить казармы 94-го полка, принадлежащие артиллерийскому складу, и завод Локке (арт. склад), освободить запертых в этих казармах безоружных солдат, потом направить орудия на город и устье Лебяжье и Красную горку, и прорвать товарищам красноармейцам фронт белогвардейцев, освободить из тюрьмы арестованных, которых в то время насчитывалось около 3.000 человек.

Решили направить все вооруженные силы для того, чтобы прежде всего захватить казармы и склады оружия, а затем вооружить остальных рабочих. На заводе № 40 оставалась всего одна рота солдат, охранявших завод и штаб возставших во главе с Григорьевым.

В этом штабе осталось всего 5 человек: два представителя артиллерийского склада, два представителя от завода и один выборный командир роты. Последняя рота солдат была раскинута в цепь и выставлена дозорами. За время ожидания известий от посланных солдат было арестовано несколько разведчиков белогвардейцев.

---

*) Другие товарищи, наприм. Максимов, называют цифру шесть тысяч. (Ред.).

С артиллерийского склада доходили разноречивыя сведения: то сообщали, что казармы заняты, что руководители солдат разстреляны, а остальные арестованы, то сообщали, что захвачен белогвардейский бронированный автомобиль.

Настроение оставшихся было крайне тревожное. Наконец, не дождавшись никаких определенных известий и завидев впереди бронированный автомобиль, начали делать баррикады из березовых дров, валявшихся около площадки.

В это время по нас открыли пулеметный огонь и редкий оружейный. Решено было оставшимися силами отступить и во чтобы то ни стало прорвать фронт. По пути по приказу Ал. Григорьева сбили замок хлебопекарни завода № 40 и забрали с собой хлеба, который проголодавшиеся солдаты дорогой с'ели, поминая добром заводских пекарей.

Впереди была выслана разведка, которая обнаружила белогвардейскую заставу, солдаты были расположены в цепь с приказанием—не стрелять, а ждать открытия огня со стороны белых; но однако, мы остались незамеченными. Решено было незаметно сделать перебежку в лес, что было выполнено блестяще, но к сожалению нас осталось всего 200 человек. Из штаба с нами были всего двое Григорьевых, остальные по пути к лесу оттянулись и попрятались. Растянувшись цепью, мы двинулись к фронту красных, стараясь по возможности миновать фронт белых, который был виден по огонькам, блестевшим, то вправо, то влево.

Но не судьба. Передовые нарвались на дозор, который крикнул: «Стой! Кто?»—Выстрел.—И вся наша цепь ринулась бежать, назад, конечно. Напрасны были крики «Вперед... В цепь... В атаку... Товарищи, за мной... Ура!...» Из цепей никого не осталось, слышны были стоны раненых.

Одному из руководителей, товарищу Семену Григорьеву, удалось перебраться к нашим и вступить в Полтавский полк; другой руководитель ночью с товарищем направился искать раненых, но услышал невдалеке голос белых, которые, побрякивая шпорами, тихонько пробирались, шепча: «Их наверно немного»... Алексею Григорьеву пришлось на животе пролежать часа полтора, а потом выбирать из двух зол меньшее: или быть расстрелянным, как станет светло, или выбираться ползком мимо ног белых в город обратно; было выбрано второе—около часа пробирался он ползком на животе, каких-нибудь десять сажен, потом прошел версты четыре на четвереньках и дальше отправился с товарищем по направлению к слободке, миновал несколько застав, с ложными документами ночевал у знакомых.

По сведениям, полученным от оставшихся в живых—командира вооруженных сил, занимавших казармы, тов. Ларионова, казармы 94-го полка, несмотря на то, что в их окнах были пулеметы, были заняты рабочими голыми руками. Вошедшие рабочие взяли винтовки и патроны и стали

выходить из ворот в то время, как к казармам под'ехал бронированный автомобиль, который обстреливал рабочих.

Около автомобиля рабочими был убит ад'ютант командующего северной группой белогвардейских войск полковника Степанова. Рабочие принуждены были отступить к Зилантьевскому монастырю под огнем бронированных автомобилей, шрапнелей и пулеметов.

Ларионов.

Настроение среди татарского населения.

В 1918 году в связи с чехо-словацким мятежем в Сибири, а впоследствии—в связи с занятием ими г. Уфы, в Казани среди татарского населения носились самые разнообразные и нелепые слухи. Все они фабриковались на сенном базаре татарской буржуазией и спекулянтскими элементами, имевшими тесную связь с русской буржуазией; обе они спелись между собой, как угнетенные большевистской властью, которую считали насильнической, вероломной и думали, что большевики хотят разгромить «Ислам». Этими ложными слухами они отравляли и крестьян, приезжавших на базар, а последние, обманутые буржуазией, разносили их по деревням. Возстание чехо-словацкой банды против Советской власти татарской буржуазией было истолковано своеобразно и использовано для заострения вражды татарского населения к советской власти, провоцируя тем, что чехо-словаки взялись, якобы, за освобождение Российских мусульман от большевистского засилья и от разгрома «Ислама». Темные массы, торгаши и спекулянтские элементы с нетерпением ждали прихода чехо-словацкой банды, видя в ней единственное спасение и национальное освобождение.

Но не то настроение было среди рабочих масс татар. Они целиком и полностью поддерживали Советскую власть.

Буржуазия в своих расчетах все-таки ошиблась. Казань была занята чехо-словацкой бандой, но вместо национального освобождения, власть учредиловцев, поддерживаемая чехо-словацкой бандой, выбросила лозунг «Да здравствует единая неделимая Россия».

Татарская буржуазия, в один момент после этого была расшифрована этими лозунгами; оказалось, что чехо-словаки несут с собой не национальное «освобождение» для мусульман, а все стремления их сводятся к востановлению прежней «Великой России», то есть—монархии. Так поняли этот лозунг татарские рабочие.

Для большей ясности приведу два характерных факта.

До нашествия чехо-словацкой банды на Казань дней за 8—10, нами был устроен митинг для татар на «Юнусовской», ныне «Вахитовской» площади, на котором мы указывали, что чехо-словацкая банда никакого

национального освобождения не даст, а за спиной ее стоят монархисты, желающие возстановить прежнюю «Великую неделимую Россию». Выступавших ораторов было много из числа присутствовавших граждан и рабочих. Большинство из них были мелкие кустари, работавшие на хозяйчиков. Они все поддерживали докладчиков.

Другой митинг был на Арском поле в саду «Русской Швейцарии». Этот митинг был об'единенный для русских и татар. И на этот раз присутствовавших было очень много. Темы докладов были:

1) «Чехо-словацкая банда и что она преследует», и 2) «наши задачи в борьбе с чехо-словацкой бандой». Выступившие ораторы призывали встать против чехов.

Второй момент,—это организация добровольного отряда против чехословаков из рабочих-татар. Отряд был организован почти под шрапнельным огнем чехо-словаков в доме б. Землянова, на Московской улице, при Социалистическом Комитете под руководством большевиков—татар. В отряде были большинство рабочие-татары полиграфического производства. Были также бывшие приказчики и даже кустари-ремесленники. Численностью отряд состоял приблизительно из 70—75 человек. Отряд сперва дрался против чехо-словаков на сенном базаре, а потом был снят для усиления охраны штаба Вост. фронта. Подробности истории этого ототряда, вероятно, придется осветить в отдельной брошюрке.

В общем, настроение рабочей массы и в других районах (не только в татарской части города) было доброжелательное к Сов. власти, но вместе с тем оно было и пассивное.

Буржуазия окрылилась. В день занятия чехо-словаками города, можно было ожидать, что из любого окна она и ее последыши могут пристрелить отступающих. И, действительно, по Проломной улице по нашему отряду стреляли из окон.

Теперь скажу несколько слов о положении татарской Казани в дни господства чехо-словаков. Конечно, это было в порядке вещей, что лакеи татарской буржуазии Илиас Алкин и другие, ему подобные, взялись за организацию татарских военных частей для подкрепления чехо-словацкой банды. Буржуазия и муллы вели усиленную агитацию среди татар о необходимости организации татарских отрядов. Сначала полагали, чтоб удет много желающих добровольно вступить в отряды и открыли запись добровольцев, но успехом она не увенчалась. Народ собрался на Юнусовской площади, где производилась запись добровольцев, но в числе последних записавшихся было очень мало и то исключительно — из буржуазных сынков. Впоследствии власть была принуждена мобилизовать принудительным путем через квартальные комитеты. Но и этот путь к особым успехам не приводил, ибо настроение у массы было враждебное к учредиловцам и чехо-словакам, лозунги учредиловцев расшифровали их самих и вместе с тем провокацию татарской буржуазии. Таким образом, провокационная агитация татарской буржуазии имела кое-какой (но не-

значительный) успех только до прихода чехо-словаков, а после занятия города их песенка была спета. После занятия города чехами буржуазия начала свою организационную работу через мулл, путем агитации в мечетях и созыва совещания мулл. Пока они совещались, красная армия не дремала. Был близок час падения г. Казани. Началась паника среди буржуазии. Чехо-словацкая банда была принуждена отступить под жестоким напором Красной армии.

Потянулись отступающие отряды и шарабаны чехо-словаков, а за этими отрядами—потянулась и татарская и русская буржуазия—на Самару, Урал и Сибирь.

А. Измайлов.

Тов. Измайлов, А.

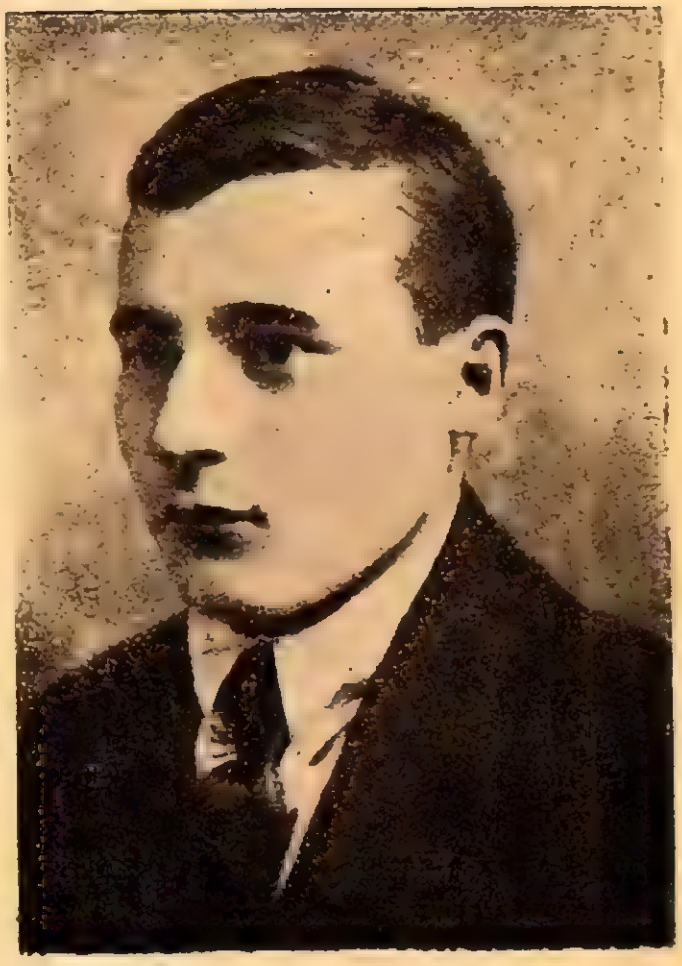
Во время нашествия на Казань чехов—рабочий типографии бр. Каримовых (татарской).

Был организатором отряда из рабочих татар—печатников (совместно с тов. Ибрагимовым).

После занятия Казани чехами—был арестован и посажен в тюрьму—вместе с Касимовым, Габидуллиным и др.

Тов. Галеев.

Действовал против чехов вместе с тов. Касимовым; однако ему удалось бежать от преследований кулаков. Вместе с членами Центр. Мус. Воен. Коллегии отступил до Чебоксар, а оттуда перебрался в Свияжск, где работал по заданиям Политотдела Вост. фронта, выполняя поручения по мобилизации лошадей, людей, борьбе с дезертирством. Составлял два воззвания на тат. языке (шапирографированные) бросавшиеся с красных аэропланов.



IV. Материалы о пребывании чехо-учредиловцев в уездах б. Казанской губернии и кантонах Татреспублики.

Бугульма.

Из воспоминаний.

Когда в Бугульму явились чехо-словаки и учредиловцы во главе с уполномоченным Швецовым, хозяева наши заликовали, явились в завод и устроили собрание рабочих, на котором стали агитировать за Учредительное собрание. С этого дня в заводе началась новая жизнь: заводский комитет они распустили, работать заставляли во-всю, жалования платили мало и то не своевременно, протестующих увольняли с работы, или посылали просить прибавку к уполномоченному Швецову. А какая там прибавка,—известно было всем и каждому. Характерно отметить несколько случаев, относящихся к концу уже царствования чехо-словаков. Под Карабашом был бой чехо-словаков с красными, в котором у белых был убит некий командир (фамилии его не помню). Нашему заводу заказали срочно сделать гроб; рабочие не успели во время работы сделать его и разошлись, не окончив заказа. Тогда уполномоченный Швецов приказал разыскать этих рабочих, прислал 5 человек из карательного отряда во главе с начальником Семенихиным и под угрозой порки плетьми заставил доделывать гроб ночью. Во время похорон этого командира нас рабочих насильно выгнали провожать его тело с плакатами, а неявившихся на проводы штрафовали на 2-х дневный заработок «в пользу раненых и семей убитых». Также несколько раз выгоняли насильно на митинги и собрания. Еще случай: Швецов прислал чинить пролетку—это уже за 4—5 дней до отступления и приказал исправить ее в 24 часа. Я, будучи мастером, отказался; тогда Швецов выслал также отряд в 6 человек, который и находился во все время ремонта; отремонтировать все же неуспели и Швецов удрал на неисправленной.

Либанов.

I.

Дни чехов в Бугульме*).

До чехов.

Г. Бугульма в то время имел до десяти тысяч населения и был похож скорее на большую деревню, нежели на город. Рабочих почти не было: заселяли его больше всего мещане и выходцы из деревень, занимающихся хлебопашеством. Крупной буржуазии я не застал, а, может быть, она хоть и была, но притаилась. Чиновный люд чувствовал себя придавлено. Мой приезд в Бугульму совпал с началом организации Советской власти в Бугульме. Эта миссия была поручена Самарой двум товарищам: Богданову и Коновкину. Если считать за правило, что первое впечатление играет некоторую роль, то впечатление от этих двух товарищей получилось знаменательное: можно смело сказать, что Сов. власть они показали не с той стороны, как следовало бы. Пошли неорганизованные реквизиции, конфискации, пьянство, дебоши. Население (даже низы) отшатнулось от такой Советской власти. Но она все таки была организована. Был образован «Совет Уездных Нар. комиссаров», во главе которого встал преподаватель реального училища Петров М. В., сразу порвавший связь с гнилой, архивной интеллигенцией, ныне видный член РКП, занимающий в Бугульминской организации, ряд ответственных постов. Ему в значительной степени можно приписать перевоспитание консервативного учительства, которое относилось к нему с доверием, как к бывшему в то же время Комиссару Просвещения. Состав Совета Комиссаров был следующий (насколько помню): внутрен. дел Шангареев (ныне председатель Кант.

---

*) Интересны несколько строк, дающих облик автора статьи. Считаем не лишним эти строки. (Редакция).

Я—сын бедного крестьянина, родился на Украине в 1890 г. Из за отсутствия средств мне не удалось закончить среднее образование; я достиг звания народного учителя и в этой должности прослужил 7 лет вплоть до войны. Родился, вырос, учился и жил в деревне, о революционном движении не имел понятия, тем не менее на почве атеизма, который мною овладел с 12 лет, я терпел гонения от попов. За 7 лет я переменил 8 мест и один раз был уволен по доносу попа, как «социалист большой руки, изгоняющий преподавание зак. божьего из школ». За время войны я побывал в крупных городах: Петрограде, Москве, Киеве, Вильно и др. местностях Западного края. Здесь я впервые, так сказать, увидел свет. В старой армии служил рядовым, трижды уклонившись от школы прапорщиков.

Февральская революция застала меня в окопах. В первый же день, по получении приказа № 1 Времен. Правительства, я был избран Председателем ротного комитета, а затем стал участником с'ездов: полкового, дивизионного, армейского и фронтового, а также членом многочисленных комиссий. Революционная борьба тут меня захватила, я ей отдался целиком, не щадя здоровья, вследствие чего к моменту Окт. революции очутился в госпитале. Работая в солдатских организациях, я не примыкал ни к какой партийной группировке, большевиком не был, сочувствовал скорее с.-д. и с.-р., очень долго не понимая разницы между ними. Выступления боль-

ИК, Финан.—Рахманкулов; военный—Ненастьин (убит ч-сл.); Юстиции—Носин (б. Нотариус (умер), Труда—Степаненко, Комиссар земства—Белоклоков, Комиссар Красной Армии—Рахманько (смелый фанатичный революционер, ныне работает где—то на Д. Вост.), Земледелия—Белов; председателем Уисполкома был Исхаков, затем Раевский, потом Петровская; председателем Горсовета был Исаев. Остальные имена в памяти не остались.

В комиссариатах остались прежние служащие, враждебно смотревшие на Совет. власть. Домовладельцы, помещики, попы, купцы, чиновники, а затем и обывательщина довольно откровенно мечтали о перемене ветра... Делегаты,—крестьяне, члены Уездных С'ездов, подозрительно-угрюмо, но с любопытством смотрели на образование новой власти. Безусловно, деревня была далека от местной Сов. власти, революциониизировать ее было некому, дельных пропагандистов не хватало и в городе. Первое представление о Сов. власти и большевиках деревня получила от демобилизованных солдат, которые в общем были проникнуты анархическим духом; парторганизации в то время еще не было.

Профорганизации не успели расцвести до прихода чехов. Самый крупный и сильный союз был учительский, но деревенское учительство, забитое, бесправное, отсталое возводило свои взоры с надеждой на своих вожаков—городских учителей школ высшего типа, а те вели их по заветам явно контр-революционного Всерос. Учит. Союза (ВУС). Поэтому многие учителя пополнили собою кадры «народной армии», а остальные почти целиком примкнули к «Учредилке». Другой Союз—Соз. и торг-промышленных служащих—представлял из себя организацию мелких служащих и людей конторского труда, находился же он лишь в стадии исканий, брожений. О нем сказать нечего.

Красная армия, набранная из демобилизованных солдат на началах добровольчества, предстaвляла из себя не дисциплинированные, распу-

---

шевиков на с'ездах выслушивал всегда с большим интересом: меня поражала в них смелость, ловкость доводов, которыми они разбивали своих противников. Помню случай, когда на фронтовом с'езде выступили делегаты –француз и англичанин. Речи их нам перевели: они сводились к известн. лозунгам: война до победы, братство тройственного согласия и пр. Мы восторженно их приветствовали. Были произнесены соответствующие ответные речи. Но вот получил слово какой то невзрачный солдатик, взобрался на кафедру, неумелым языком с размашистой, грубоватой жестикуляцией так разделал заграничных гостей, что они потупили глаза; но я чувствовал себя хуже их, потому что они русск. язык знали плохо. Мне стало нестерпимо неловко; как я немог додуматься до таких мыслей, какие высказал этот солдатик? Мне стало стыдно за мои недавние апплодисменты и еще восторженнее я приветствовал эти новые для меня слова.

Большевиком меня сделал рабочий—москвич Ямщиков (этой фамилии я не забуду), с которым я лежал в госпитале. Дни и ночи мы проводили в политических спорах, и к моменту Октябрьской революции я уже был на стороне большевиков. В Учредит. собрание я голосовал за партию большевиков. Вскоре после Октября я был демобилизован, но на Украину ехать не мог, т. к. там хозяйничали немцы. Будучи одиноким, я поехал, куда глаза глядят и таким образом очутился в Бугульме.

щеннные, раздетые отряды, которые не редко вызывали у жителей негодование, так что без всякого военного положения, не задолго до прихода чехов, городское население с наступлением вечера пряталось, запирало ворота.

Волна беженцев из западных губерний продолжала расти, началась безработица, цены поднялись, хлеб уплывал спекулятивными путями в потребляющие губернии, где из-за расстроенного транспорта его катастрофически не хватало. Чтобы улучшить положение, местный Совет образовал «контрибуционную комиссию», цель которой была ударить по карману буржуазии, что и было сделано. Были организованы общественные работы.—Вот при такой ситуации поползли слухи, а затем появились и оффициальные сообщения о выступлении чехов. Местные власти охватила растерянность, неуверенность; известная часть населения перешептывалась, затаив дух и поглядывая по сторонам.

Когда пала Самара, а за нею Бугуруслан, местный Совет эвакуировал ценности из казначейства, а затем началось беспорядочное оставление города властями. Был образован Военно-Рев. Комитет, во главе которого стали Бакулин и Просвиркин с Петровской (оба последние растреляны белыми офицерами).

II.

Чехи пришли!

Ясный, июльский день. На улицах разодетая праздничная толпа, уже не шушукается, а громко говорит, что к станции подошел эшелон чехов. В городе власти нет. Здесь уместно будет сказать о провокаторской роли комиссара города—Петрова, б. офицера. Он открыл склад оружия при милиции и вооружил офицерство, которое кинулось по всему городу вылавливать «комиссаров». Наконец, со стороны станции показался отряд чехов и приблизился к центру города. Отряд шел стройно, с песнями, вооруженный винтовками, обвешанный патронами, бомбами; на фуражках красовались георгиевские и бело-красные ленточки; лица смелые, загорелые, как на подбор привлекающие своим здоровым видом. Публика шпалерами выстраивалась по обеим сторонам улицы и вливалась в толпу. Образовалось грандиозное, триумфальное шествие. Но вот раздалось одинокое «ура», и его подхватила тысячная толпа торжествующей контрреволюции; полетели вверх шапки, замелькали платочки, цветы; гул имел обширный диапазон — от контр-актавы 7-ми пудового купца до фальцетных дискантов ребятишек, заразившихся всеобщим торжеством. Земский служащий Карабанов особенно усердно орал. Я имел безусловную неосторожность крикнуть ему: «Чему вы радуетесь, кого приветствуете?» и тут же по его указанию был схвачен сербом или чехом и приведен к начальнику отряда. Толпа зловеще притихла, расступилась, и я предстал перед грозные очи чешского офицера. Наскоро ему об'яснили, за что я

был арестован. Приговор был произнесен моментально: он меня толкнул в грудь и крикнул толпе: «берите его и делайте, что хотите». Я учел психологию толпы, я видел что ей нужна жертва; с понятным ужасом я понял, что меня ждет ужасная смерть от самосуда. Так как мне терять уже было нечего, то я громко и смело закричал чешскому офицеру: «разве такой у вас суд, товарищ! где же допрос?» За «товарища» я получил еще один удар в грудь, но все же был спасен: он отдал приказ арестовать меня и вручил чеху и белому офицеру Кадыкову. Меня повели на станцию; в пути Кадыков отстал, а чеха я заманил к себе на квартиру, где его задобрил, угостив обедом. К этому моменту прибыл броне-поезд грозного Полупанова и начался бой. Полетели в город снаряды и чеху было не до меня. Не зная, каков исход боя, я, безоружный, скрылся в лесу, где пробыл 3 дня до нового прихода чехов. Не вкусивши прелести опыта подпольной работы, я снова неосторожно появился в городе и тут же был снова арестован, как пом. комиссара (я был чл. коллегии Комис. Соц. Обесп.). На этот раз я просидел в тюрьме 56 дней. Что можно сказать об этих 56 днях? Это был кошмар. Чехи, видимо, укреплялись. Душа ноет в ожидании новых выстрелов со стороны Полупанова, но его нет. Уже Симбирск пал. А власть чехов растет, это я вижу по количеству прибывающих арестованных. Я попал в пустую еще тюрьму, потом началось уплотнение. Пригнали Ершова (впоследствии председатель Уисполкома), Пензина (впоследствии председатель Ревтрибунала); правда они через несколько дней вышли. К нам в камеры бросали новые жертвы днем и ночью, предварительно избивая их. Пошли тревожные дни. Наконец пала и Казань, камеры набиты «до отказа», уплотнили их уголовными. Прошла неделя. Вдруг широко открылись тюремные ворота, ворвался отряд добровольцев, окружавший Просвиркина и Петровскую. Охрана усилилась. Через несколько дней их под усиленным конвоем увезли и между Ютазой и Туймазой прапорщик Вотяков их застрелил. Тела их впоследствии были привезены в Бугульму, и торжественно похоронены в городском саду, который ныне получил название «Сад имени Петровской». Были арестованы, но вскоре освобождены: Шингареев, Исхаков, Рахманкулов и др. Они ловко сумели использовать свои прежние знакомства с влиятельной татарской буржуазией. Что делалось вне тюрьмы, мы не знали, периодическая печать к нам не попадала и пользовались мы лишь записками во время передач. Но от молодых часовых мы знали, что народноармейцы ропщут на восстановление царской дисциплины, чинопочитание. Появились декларации учредиловки, но обезумевшие, остервенелые, вернувшиеся к «своим» поместьям и домам белогвардейцы знали только свою «декларацию»: нагайка и стенка. Особенно отличался офицер Семенихин. Он был нач. карательного отряда. Он же проводил «мобилизацию» в уезде. Крестьянские сыновья познакомились с его нагайкой, не одного он вывел из состояния равновесия, аполитичности и сделал большевиком. Эти же новобранцы потом повернули свои штыки против Семенихина и гнали его до Енисея.

Через 56 дней я стараниями знакомых (в том числе бывш. казначея, ныне зав. Госбанком Самарина) был освобожден под залог. Я укрылся в деревне, но изредка появлялся в городе, не зная, что за мной идет слежка. Сделав однажды собрание за городом в одном из приютов, я попался на этом. Донес бывш. сторож приюта — Чудин и через десять дней я снова был арестован. Но это было уже не то время. Грозные тучи нависли над учредиловкой: красные взяли Симбирск, Казань. Белогвардейцы еще больше рассвирепели. Уполномоченный учредиловки Швецов, именовавший себя эсером, сыном с.-ра Швецова, открывшего 5/I—1918 г. Учред. Собрание, вооруженный двумя револьверами и казачьей плеткой, носился по городу; посетил и меня в тюрьме, отдал приказание «изолировать». «Изолировать» нами было понято по своему, т. к. в предыдущую ночь было расстреляно два новобранца, не пожелавших служить в «Народной армии». Несколько ночей я ложился не раздеваясь, но, очевидно, Швецову было не до меня: красная армия заняла уже Мелекес, а с другой стороны— Чистополь и по тракту двигалась на Бугульму. В тюрьме не обошлось без шпиков: был посажен один под видом дезертира-народоармейца, но вел он себя так не консперативно, что сразу был разгадан и через «волчек» мы все об этом друг друга предупредили. Прошло еще 10 дней. Слухи о расправе белых с арестованными в Казани, Чистополе, Елабуге нас нервировали. А слухи были один чудовищнее другого. В камерах у нас установились негласные дежурства на ночь. Одна из камер сделала запас соли, чтобы засыпать глаза белогвардейцам и предприняла др. примитивные меры в целях самообороны, на случай если ночью они к нам ворвались-бы. Напряжение и тревога достигли наивысшей степени.

III.

На восток!

Наступило 30-е сентября. В тюрьму явился Семенихин с отрядом. Нас всех, всего около 120 человек, считая с уголовными, выстроили во дворе; Семенихин, потрясая револьвером, произнес грозную фразу: «идти в строю, соблюдая равнение, держать дистанцию, выход в сторону из строя на один шаг будет пресекаться выстрелом без предупреждения». Нас вывели на улицу, окружили и погнали на станцию. Мы поняли, что нас эвакуируют *).

Нас гнали бегом, падающих поднимали нагайками и прикладами. В числе охраны был только один чех, остальные были белые добровольцы

*) Кроме увезенных ранее в Уфу: Степаненко (умер), Павлова, Баторина и Крекшина, я помню следующих товарищей: 1) Шапошникова, 2) Шавша, 3) Малешина (матросы), 4) Коробкова, 5) Плеханова, 6) Бердникова (впоследствии командир партизанского полка в Сибири), 7) Зубова, 8) Фролова (умер), 9) Равиллова, 10) Зембицкого, 11) Кострикова, 12) Прохорова (был избит, впоследствии умер; его же два сына красноармейцы расстреляны; за похороны их он и был арестован), 13) Викентьева, 14) Фомина, 15) Бондаренко и много других пленных красноармейцев всего около 60 человек политических.

из буржуазных сынков, отличавшихся особой свирепостью. На станции был пристрелен Семенихиным военком Ненастьин. Он сидел в тюрьме с несколькими пулевыми и штыковыми свежими ранами. Затем началось ужасное избиение. Первым был вызван Плеханов, к-р каваллерийского отряда, затем Равилов, татарин из уезда, (попался за агитацию против мобилизации в нар. армию). 3-м был матрос Шапошников за попытки к организации в Бугульме партии большевиков. Отличаясь слабым здоровьем, последний с 1-го удара прикладом между лопаток свалился без звука. Все притихли на минуту. Затем его подняли и стали избивать прикладами куда попало. Он не испустил ни одного стона, только просил пристрелить его. Товарищи впоследствии мне сказали, что подслушали разговор офицеров, из которого видно было, что следующая очередь была моя. Неизвестно, чем бы кончилась эта расправа и остался-ли бы в живых Шапошников, но стало темнеть и нач. тюрьмы заявил, что пора начать посадку. 120 человек были размещены в трех теплушках. Пол был весь в грязи, мы все тоже были грязные. Скоро вся грязь превратилась в пыль. Двери были заперты, люки наглухо заколочены гвоздями. В этих вагонах мы провели 4 дня и 4 ночи. У Гаршина есть рассказ «4 дня»; наши 4 дня не уступают тем. Этим 4 дням можно бы посвятить отдельный рассказ. Это были самые сильные, ужасные мучения, на которые могли быть способны рассвирепевшие белогвардейцы. Поезд ночью двинулся, но где-то около Кандров или Буздяка остановился: оказалось, что из соседнего вагона убежало через люк 7 арестованных, в том числе избитый Плеханов и несколько уголовных. Конвой оцепил вагоны и пошла поверка. Начальник конвоя сказал нам, что за побег одного отвечает своими головами весь вагон. К утру мы приехали в Чишму. Здес наши вагоны загнали в тупик, где мы простояли кошмарных 2 дня. За все же 4 дня мы получили всего по $1^3/_4$ ф. хлеба каждый и по разу в день воды. Как мы узнали впоследствии, в Чишмах решалась наша судьба: белогвардейские офицеры настаивали на нашем поголовном расстреле, а начальник Чишминского укрепленного района, чешский полковник, твердо заявил, что в своем участке не допустит такого зверства. Вообще, чехи были гораздо гуманнее наших отечественных противников. Каждый из 4 дней после полудня, когда пригревало солнце, начинались муки ада: пыль в вагоне шла столбом, запах от переполненной параши, мучительная жажда; но все это—ничто в сравнении с животным ужасом задыхания. Стены и потолок нагревались, воздух горячий, но и его не хватало. Как только первый раз я почувствовал, что задыхаюсь, я припал головой к скважине между дверью и полом и это меня спасло, но за то я должен был держать на себе человеческие тела в 3—4 этажа, так как все по звериному друг друга отталкивали и стремились к спасительной скважине. Когда в первый день открыли вагон, чтобы дать нам пить и я оглянулся, то увидел неподдающуюся описанию картину: воздух в вагоне был серый от пыли, некоторые в полуобморочном состоянии валялись на полу, а другие сняв рубахи, топтались по ним

и размахивали грязным бельем, вроде веера. По потным лицам и телам струились черные ручьи, глаза расширенные, безумные. Картина была потрясающая и даже конвой опустил глаза не надолго. У меня лично что-то заклокотало в груди и я, не помня себя, закричал: «дайте пить, или перестреляйте нас»! Нам дали пить. Толкотню, драку из за кружек не стану описывать. Я попросил разрешения вынести парашу, с тем, чтобы во что бы то ни стало бежать—-или получить свободу, или пулю в догонку,—но начальник тюрьмы нас провожавший, понял, очевидно, мою мысль, и парашу понесли другие. Тем временем мы любовались соседним эшелоном: он был наполнен «беженцами» из Симбирска и Бугульмы. Нарядные дамочки держали на руках пухленьких детишек, пили чай с белым хлебом и глазели на нас, а мы на них... «Мы» и «они»... Ровно через 4 дня поезд наш остановился в Уфе и мы легко, «свободно» вздохнули в тюрьме, куда нас пригнали. Здесь я нашел Степаненко (в одиночке) и чтобы наладить связь друг с другом, мы сговорились записаться в церковный хор. Таким образом, мы получили возможность переговариваться на спевках и в тюремной церкви. Получалась такая картина: стоим на клиросе, вокруг надзиратели; между «подай господи» и «тебе господи» вставляешь слова: «Абдулино занято»,—господи помилуй—«бегут белые» и т. д. Продержали нас в тюрьме около 10 дней. В последний день произошло следующее: — неожиданно из камеры меня вызвали в контору тюрьмы, и когда я спросил, брать ли с собой вещи, мне надзиратель загадочно ответил: «да все равно, как хочешь». Я сообразил, что раз Бугульму чехи уже оставили, то значит, Швецов здесь. Значит, он захотел со мною сквитаться. Уходя, я простился с товарищами. В конторе мне задали четыре незначительных вопроса: «фамилия, откуда прибыл, когда?» и проч. и снова отвели в ту же камеру. Под вечер нас всех угнали в концентрационный лагерь за город.

В дальнейшем пути в Сибирь мне удалось бежать.

М. В. Подольский.

В деревне во время чехов.

Деревня Чемодуровка Микулинской волости, Бугульминского кантона, с окружающими ее деревнями: Алферовкой, Фаевкой, Тетвель и др. заражена революционным духом еще с 1905 года. Эти деревни хорошо помнят 1905 г. и революционера того времени Зотина Петровича Городецкого (сельский учитель), который тогда еще говорил, что спасение крестьянства в отобрании земли помещьичьей в собственность народа. Эти слова до сего времени из мужицких голов не выходят, этими словами определялось сознание и действия чемодуровского мужика. В чешский период они выделили в деревне передовиков: Василия Трифонова, В. Быстрова, Матвея Шуралева, Андрея Слепова и др., с которыми и пришлось столкнуться чешской местной власти. Местная Советская власть, хотя еще и недостаточно хорошо сорганизовалась, но благодаря тому, что землю помещика Оранского со всем имением сразу же отдала в руки крестьян, имела поддержку со стороны Чемодуровских крестьян. Приход чехов в 1918 г. в начале июля месяца и мероприятия их уже к середине июля, как например замена Волисполкома Волостной земской управой, а Сельсовета—Старостой, вызвали сильное недовольство крестьян. Всех интересовал вопрос: кто же такие чехи, чего они хотят? Ходили разные толки, но никто из крестьян не знал, чего они им принесут. Их любопытство удовлетворил счастливый случай. Как то невзначай проговорился «сам» помещичий управляющий в разговоре с кулаком И. Солодихиным; последний не утерпел поведать, что «чехи пришли для восстановления порядка, а поэтому они возвратят все, что отобрали большевики и насчет земли будет решен вопрос «более правильно», т. е. сейчас же возвратят ее тому, у кого взяли. Услыхав об этом крестьяне решили не повиноваться поставленному чехами старосте-кулаку И. Солодихину и всячески тормозить проведение в жизнь распоряжений Волостной земской управы, во главе которой засел тетвелевский кулак Андрей Гурьянов—не давать проводить мобилизацию людей и т. п. Сорганизовалась группа крестьян (нелегальная), опиравшаяся в своих действиях на бедняков и середняков, которые были целиком на нашей стороне. На стороне же чехов была кулацкая часть деревни, вследствие чего работать членам группы приходилось с большой осторожностью. Поэтому они скрывались в лесу, в поле, огородах, лишь бы не возвращаться с работы домой.

Чтобы иметь больше осведомленности и чтобы не ошибиться в действиях, необходимо было связаться с городом, но мы не знали в городе сторонников Совласти. Я, как уполномоченный от группы, (я только что возвратился с военной службы) в каждую поездку устраивался для получения сведений на постоянной базарной квартире моего отца, где стояли двое чешских командиров. Хозяйка квартиры была болтливая ста-

руха и от нее я узнал, что чехи большой надежды на свой успех не питают и скоро ли долго ли, а из Бугульмы всетаки уйдут. Имея такие сведения, мы более спокойно могли добиваться поставленных себе целей. В общем, мы, несомненно, многого достигли; так, например, в первые дни прихода чехов в Микулино был привезен приказ выслать 35 подвод из д. Чемодуровки, но под влиянием агитации нашей группы, *подводы пошли не в Микулино, а скрылись в лесу, пробыв там до ухода из Микулина чешских отрядов*. Такая же проделка была устроена в момент мобилизации, которая у нас проводилась в конце августа и в начале сентября. Все, подлежащие мобилизации, были ночью собраны в квартиру В. Быстрова; там им был указан следующий план действий: из деревни они должны уйти якобы в город, на самом же деле скрыться в лесу. Крестьяне, действительно, на призыв неявились и мобилизация, таким образом, была сорвана.

При этом не попали в мобилизацию и из других окружающих деревень, напр. из Алферовки, с которой у нас была тесная связь через т. Спичака. Успешно прошла мобилизация в д. Тетвель, где ее проводил сам пред. волост. земской управы Гурьянов (местный житель), показав пример отправкой в первую очередь своего сына; всех же остальных выгнал насильно.

С помещиком Оранским и землею его дело обстояло так: часть земли в апреле месяце была взята крестьянами в свое ведение и засеяна яровым хлебом и крестьяне готовились уже к пару. По приходе же чехов, управляющий имения землю взял обратно, об'явив крестьянам, что «он мужиков обижать не хочет и посеянным ими поделится пополам». Это привело крестьян в отчаяние и некоторые смалодушничали, стали жалеть о совершенном в октябре перевороте, ругали большевиков, думая что им, крестьянам, пришел совсем конец и советская власть уже безсильна как нибудь помочь; однако такое настроение было создано под влиянием кулацкой агитации И. Солодихина, Федина Ивана и др. Наша же группа имела сведения, что чехов скоро погонят и придут вновь большевики; ввиду этого нами было предложено крестьянам всячески саботировать, оттягивать возку хлеба с поля, если же кто и будет возить, то пусть оттягивают молотьбу. Так и было сделано, и Оранский не получил ни одного пуда, удрав вместе с чехами и оставив все в распоряжение общества.

Для проведения в жизнь своих распоряжений чехи с большим удовольствием пускали в ход казацкие плети, так напр. в последних числах августа казак избил десятника Никифора Ефимова за несвоевременную подачу подводы. Но нельзя сказать, что учредиловцы применяли только одни плети для принуждения, были и более «благородные» орудия, напр. агитация, с которой к нам 28-го августа приехала некая барышня из школьн. работниц. Вопрос ставился ею о поддержании Учредит. Собрания, как людским материалом так и продовольствием (вообще натурой); в этом

духе она сделала доклад, после которого ей задавались такие приблизительно вопросы: почему нужна мобилизация, с кем будем воевать и зачем; она отвечает: «мы вынуждены воевать с большевиками затем, чтобы востановить порядок в России, большевики же представляют собою в настоящее время большую шайку разбойников». Задает вопрос т. Быстров: «а кто такие большевики и чем они нарушили порядок? ответ: «большевики—это шайка разбойников, такая же, как была при Стеньке Разине, а порядок они нарушили тем, что идут против веры в Бога; также неправильно, что они отобрали собственность: деньги, землю и т. п.». Я вновь задаю вопрос: «как же вы думаете разрешить земельный вопрос?»—ответ: «покаместь власть еще слабая и порядку нет, мы землю у помещиков отбирать не хотим до востановления порядка, а когда власть окрепнет, тогда ее возьмем, но не безплатно, а по дешевой цене, иначе никак нельзя; возьмите в пример себя, говорит барышня: что-бы вы сказали, если бы у вас взяли что либо из собственности?» Вспомнив слова Городецкого, я мужикам заявляю, что, если мы не возьмем землю сейчас, то впоследствии останемся в дураках, а потому чешская программа для нас неподходяща. Она стала допытываться о моей фамилии, что ей однако не удалось. В это время вырывается из толпы язвительное для агитаторши выражение «собственность, говоришь, отнять нельзя, а сама приехала за собственными нашими детьми, а они для нас—дороже земли-то!, шла бы сама, безштанная, да повоевала, тогда бы и узнала Кузькину мать!» Это вызвало общий смех, с которым и была препровождена наша агитаторша. Все это обратило внимание начальства: за мной и Быстровым два раза приезжали из волости с целью ареста, но благодаря теплой погоде мы дома не ночевали, а так же и днями работали в поле; так продолжалось до самого ухода чехов. В конце сентября они ушли, не отстал от них и Гурьянов; забрав с собой все распоряжения и дела земской управы, он был вынужден уйти, иначе его в этот горячий момент за мобилизацию так или иначе убили бы свои же деревенские, которые все таки сумели дезертировать из чешской армии. Уход чехов и приход большевиков было общей радостью для крестьян, которые во всех требованиях их шли на встречу; так из нашей деревни Илья Платонов, молодой человек, пошел добровольцем, взяв с собой свою лошадь, которая считалась лучшей из всей деревни. Много помог тов. Спичак, как материально, а также и подачей сведений. Вновь сорганизовался Сельсовет, в который наша группа вошла целиком, выбрав меня председателем. Ненависть к помещичьему имению была так сильна что крестьяне готовы были уничтожить его, а землю которую занимает оно, спахать, но после долгих разговоров решено было имение оставить, организовав там детский дом.

В. Трифонов.

Примечание: Никаких документов, не осталось; при составлении мне оказывали содействие члены тогдашней активной группы: В. Быстров и М. Шуралев.

Елабуга.

Борьба против учредиловцев.

Отступавшие из Казани белогвардейцы попутно занимали прикамские города.

Информация у нас поставлена была слабо и штаб полка совершенно не имел сведений о продвижении белогвардейцев; все сведения были сосредоточены в руках Замятина*), а он, видимо, в то время не находил нужным информировать штаб полка.

7-го сентября Замятин явился в штаб полка и за отсутствием командира полка приказал полк привести в боевую готовность мне, а сам ушел; только что я начал по телефону отдавать распоряжения (приказом отдавать было некогда) как раздались артиллерийские выстрелы и в городе начали рваться снаряды. Нужно сказать, что в этот же день из 10 стрелковой дивизии ожидалась артиллерия, поэтому первоначально я был в недоумении, пробная ли то стрельба нашей артиллерии или же стреляют белогвардейцы; однако, недоумение скоро раз'яснилось; Замятин звонил по телефону и приказал всем группироваться на Сарапульском шоссе. Я начал отдавать по ротам приказание Замятина, попутно приказав упаковать в мешки канцелярию полка.

Белогвардейцы стреляли из орудий, установленных на пароходах.

Пытаясь собрать красноармейцев, я раз'езжал по городу, но оказалось, что все мобилизованные и большинство командного состава разбежались, остались одни добровольцы и отряд чрезвычайной комиссии.

Добровольцы под командой Зиновьева**) направились на Сарапульское шоссе, а поэтому белогвардейцам никакого сопротивления оказано не было и город они заняли без всяких затруднений.

Видя, что дальнейшее пребывание в городе не возможно, я поехал на лошади по направлению к тюрьме и на углу Сарапульской улицы догнал командира полка Вдовкина с женой и командира баталиона Масютина, переодетых в штатское платье; когда я стал к ним под'езжать, Вдовкин закричал мне, боясь расправы со стороны граждан, чтоб я к ним не под'езжал, что, мол, я своей военной формой и вооружением выдаю их.

Доехав до деревни Трехсвятской, оставил лошадь и присоединился к Вдовкину, затем к нам присоединился еще командир роты Кашин.

Дойдя до Саралинского леса я, Кашин и Масютин направились на Сарапульское шоссе, а Вдовкин отправился в село Сарали; на наше же приглашение идти с нами—отказался.

---

*) Замятин—Военком Елаб. уезда. (Ред.).

**) Зиновьев перед этим за несколько дней был выпущен из тюрьмы, подозреваемый в контр-революции.

На шоссе мы встретили всех отступивших едущими по направлению к Елабуге; тут же был и Тимофеев с отрядом матросов *); кто то закричал, что Тихие Горы заняты белогвардейцами; поэтому все вернулись и двинулись на деревню Мунайку (в 19 верстах от Елабуги), где и остановились, выслав разведку; разведка установила, что отряд белогвардейцев, занявший Елабугу, незначителен; тогда было решено произвести на Елабугу наступление, выставив с этой целью заставу в Мунайке; остальные же части двинулись в Бондюжский завод.

По прибытии туда, наши силы увеличились вступившими в отряд рабочими; в общем, отряд насчитывал до 200 человек, кроме того, должен был прибыть отряд из Мензелинска в 80 человек с 2-мя 3-х дюймовыми орудиями.

В ночь с 8-го на 9-е сентября состоялось военное совещание из ответственных работников. Тут были: Тимофеев, Бурумов (Спасский увоенком, задержавшийся в Тихих Горах вследствие невозможности ехать на пароходе), Масютин, командир баталиона, Черемных (председ. Рев. штаба), Тугаров и др. На этом совещании был выработан план наступления: весь отряд разбивался на 4 отдельных отряда, один должен был вести наступление по Сарапульскому шоссе, под командой Петрова Е. и моей; второй—на Спичечную фабрику под командой Сушкова, третий—на новое кладбище под командой Лямина (мензелинец) и четвертый—на Чертово Городище под командой Черемных и Масютина, общее же командование возложено было на т. Зиновьева.

Приведение плана в исполнение задержалось поздним прибытием отряда и артиллерии из Мензелинска.

К Елабуге подошли уже часов в 7 утра и передовой отряд вступил в перестрелку с белогвардейской заставой; спустя некоторое время подошли и остальные отряды, но белогвардейцы были осведомлены о плане наступления бежавшим из Мунайки командиром роты 6 пехотн. Вятского полка, Державинским, поэтому везде было организовано сопротивление.

Спустя четверть часа завязался бой на всех участках; с обоих сторон работали пулеметы и артиллерия, но белогвардейская артиллерия имела над нашей преимущество тем, что была установлена около самой тюрьмы; поэтому наша артиллерия стрелять по участку расположения белогвардейской не—могла, боясь похоронить в развалинах тюрьмы наших-же товарищей, арестованных белогвардейцами и не успевших отступить.

Часа полтора бой был без перевеса на чью либо сторону, но вот наша цепь выдвинулась на такое место, что белогвардейцы начали наносить нам поражение; в силу этого командир правого фланга Петров скомандовал—«50 шагов назад»; а вместо 50—получилось отступление; может быть на это повлияли другие обстоятельства, но я их не знаю; после

**) Тимофеев с отрядом 7 сентября Замятиным был командирован в село Можгу для подавления восстания на продовольственной почве, но, узнав о наступлении на Елабугу белогвардейцев, вернулся обратно.

отступления головного отряда отступили и другие. К этому же времени замолчала и наша артиллерия.

Замятин после отступления куда-то исчез, впоследствии же попал к белогвардейцам.

Из командного состава полка перешли к белогвардейцам: командир полка Вдовкин, Державинский, Кисарев, Крутиков, Большаков, Зарубин, Иконников М., Березкин (писарь штаба) а также перешли и взводные командиры,—фамилий которых не помню.

Расстреляны в городе: командир роты Серебряков В., красноармейцы В. Аникин, Е. Аникин, Степанов М., Изморяков, Иванов и еще 2 фамилии не помню, член РКП Салин взят был из больницы раненым—в общем в городе расстреляно около 30 человек, в селе Кочке—7 чел. в Ленине—2, в Грахове—8 моряков и «максималист» М. Аникин; в Куракове—5.

Ранено во время боя смертельно 1, легко—2.

Имущество почти всех учреждений не было эвакуировано; захвачены были только телеграфные аппараты.

После неудавшегося наступления все сгруппировались в Бондюжском заводе, эвакуировали главные части машин и двинулись на Кокшанский завод, а проделав там то же, что и на Бондюжском заводе, двинулись на ст. Кизнер, куда прибыли 11-го сентября; со ст. Кизнер пошли на Вятские Поляны. Характерно то, что мы в ночь с *12-го на 13-ое сентября в Вятские Поляны* прибыли по железной дороге, а белогвардейцы на пароходах, завязался короткий бой и белогвардейцы были отбиты.

29-го—30-го сентября Елабуга вновь была занята войсками Красной армии при непосредственном участии 1-го Смоленского полка.

По возращении в Елабугу все учреждения приступили к работе, а Уезд. Военкомат об'явил мобилизацию и эта мобилизация уже проходила планомерно и успешно.

В боях около «Красного Бора» убит командир баталиона 1-го сводного революционного полка т. Маленков, память его увековечена переименованием Спасской улицы в «Маленковскую».

По занятии Елабуги 7-го сентября белогвардейцы вырыли и вывезли за город трупы похороненных, а на месте могилы соборные попы отслужили молебен и место могилы «освятили» водой.

Всех сочувствовавших Советской власти белогвардейцы пороли плетями, пороли даже женщин и, когда город был освобожден, то настроение большинства граждан изменилось в пользу Советской власти, а в особенности изменилось отношение к Красной армии. Про нее белогвардейцами распространялись разные ужасы: будто красноармейцы убивают всех, кого захватывают в населенных местах; большевики же дескать отбирают у мужиков все,—вплоть до одежды.

А. Чигвинцев *).

*) Тов. Чигвинцев—член РКП Елаб. организации, умер в 1924 г. в Казани, потерпев аварию при полете на эроплане в день годовщины Воздухофлота. (Ред.).

На Бондюжском заводе.

Летом в 1918 г., над молодой, неокрепшей Советской Республикой набежали черные тучи, предвещавшие грозу тяжелой гражданской войны. До завода доносились слухи, что от Казани на пароходах поднимаются банды чехо-словак.

Бондюжская организация, обсудив на своем собрании, создавшееся положение, быстро организует вооруженный отряд, к которому примыкают многие из членов «Интернационала Молодежи»; завод об'является на военном положении; в разных направлениях от завода выставляются заставы и завод принимает характер военного лагеря, но не прекращая своей работы.

Пароход, посланный в разведку с частью отряда на устье Вятки, попадает под сильный обстрел неприятеля и многие товарищи, как Лутфуллин, Иванов, Самигуллин и другие, становятся жертвой первых выстрелов гражданской войны.

Вскоре банды чехо-словак на вооруженных пароходах доходят до Елабуги, которую занимают без выстрела.

Выяснив численность неприятеля, заводский отряд начал готовиться к наступлению на Елабугу. К отряду присоединяется и беспартийная молодежь. Разделившись на три группы, вечером на второй день отряд пошел в наступление, чтобы окружить Елабугу с трех сторон.

Но благодаря отсутствию надлежащей военной подготовки, отсутствию связи и проч., отряд принужден был отступить, т. к. противник был вооружен орудиями и пулеметами, которых у нас не было. (Был один пулемет, но не работал).

Накануне наступления был остановлен завод и к моменту отступления нашего отряда, ценное заводское имущество, арматура и пр. было эвакуировано в Вятские Поляны, вместе с техническим персоналом и квалифицированными рабочими завода.

При отступлении от Елабуги, крестьянами с. Гарей, был зверски убит участник наступления—рабочий Александров.

Отступающие товарищи, в одиночку и группами, также направлялись на Вятские Поляны через Кокшанский завод, который являлся сборным пунктом.

В Вятских Полянах в момент приезда нашего отряда, также разгуливали белые банды, прибывшие туда на пароходе. Перебравшись на поезде через железнодорожный мост, наш отряд открыл по пароходу пулеметный огонь (пулемет был починен в пути), чем вызвал большое замешательство в отряде белых, и пароход быстро удалился вниз по Вятке.

Здесь наш отряд присоединился к частям Красной армии и вместе с ними повел наступление. В боях с белыми бандами погибли: Галимбеков, Саид-Гареев и др. товарищи.

На второй день после эвакуации, белые заняли Бондюжский завод. Первое требование, пред'явленное населению завода было—указать большевиков и добровольцев Кр. армии. За время 2-х недельного пребывания в заводе, было созвано несколько общезаводских собраний, где эс-эры и меньшевики, блистая золотыми погонами, рисовали рабочим свои планы государственного строя и уверяли, что большевики всюду переловлены и Советская власть пала.

В доказательство своего уважения к рабочему классу, был расстрелян старичек—рабочий Городничев за то, что зять его—Юсупов принадлежал к враждебной им партии—большевиков.

И рабочие завода, уяснив их «волчью дружбу», вели себя сдержанно и не особенно увлекались баснями «их благородий», но зато некоторые служащие чувствовали себя «на девятом небе» и предоставляли им все удобства и давали всевозможные сведения.

Несмотря на оторванность Бондюжского завода от внешнего мира, все же до слуха его обитателей начали доноситься упорные вести, что белые отступают. Слухи подавлялись строгими угрозами. Наконец, в один прекрасный день до завода долетели орудийные выстрелы, которые подтвердили факт отступления белых.

Красные моряки гнали их на своих броневых пароходах вверх по Каме и в тылу снова прочно укреплялась власть Советов. Грозные носители власти также незамедлили быстро удалиться из Бондюжского, захватив с собой, что могли. С ними уехали и их поклонники из служащих завода.

Еще не успели выстрелы смолкнуть вдали, как в Бондюжском началась лихорадочная работа по восстановлению производственных цехов, вернувшимися из эвакуации техническими силами. И через неделю завод зажил трудовой жизнью. И теперь в памяти невольно напрашивается стишек, написанный после эвакуации:

Белых прогнали и снова завод
Словно от спячки проснулся,
Снова к станкам и машинам зовет
Всех, кто к работе вернулся и т. д.

Через некоторое время, начинают возвращаться с фронта партийные товарищи, освобожденные, как спецы, по разным химич. производствам, и партия снова начинает организационную работу.

Пережитые события создали резкий перелом в убеждениях рабочих и после эвакуации можно было наблюдать большой приток членов из рабочей среды в партию.

П. Панов.

Свияжский кантон.

Чехо эс-эровский набег.

К моменту набега чехо-учредиловцев, партийный аппарат был в разгаре борьбы с левоэсеровскими течениями.

Военная сила, состоявшая из роты в 120 штыков при военном комиссариате, хотя и возглавлялась двумя партийцами, но благодаря комсоставу, состоявшему из лиц прежняго офицерства, ценного для Сов. власти ничего из себя не представляла. Тем более, что рота состояла *из добровольцев, мало сознательных и мало стойких.* В ночь на 6 августа 1918 года власть была застигнута в расплох. О движении учредиловцев доходили сведения из частных запоздалых источников; пресса тоже запаздывала. За неделю до набега через Свияжск проходили отступавшие из Симбирска ответств. работники, (члены губисполкома и партии—припоминаются фамилии Никитина, Варейкиса). В исполкоме мы их снабдили документами и с их слов узнали о взятии белыми Симбирска; при этом об их наступлении на Казань мы и не думали. 5 августа 1918 года в Свияжск прибыло 5 разведчиков-красноармейцев, которые сообщили о преследовании их учредиловцами со стороны Симбирского тракта. Тут же они предложили нам принять меры к эвакуации. Сомневаясь, однако, в сведениях разведчиков, наша военная власть запросила Полевой Штаб о положении дел на фронте в связи с появлением войск в уезде. *Ответ последовал к вечеру: «у Бурундук оперируют наши красные отряды, положение устойчивое».* Такой ответ приостановил всякий разговор об эвакуации. Позже вечером в Свияжск прибыл 3 Казанский эскадрон под командой Левицкаго, заявившего, что учредиловцы наступают и скоро будут в Свияжске. Заявление это сделано было в Военном комиссариате; Левицкий, учитывая слабость сил и усталость эскадрона, предложил отступление на ст. Свияжск, где концентрировались некоторые силы войск и был бронепоезд. Только после таких известий было приступлено к эвакуации. Председатель исполкома Грунин и некоторые члены, узнавши накануне от разведчиков о приближении белых, покинули город. Оставшиеся же совработники, как например Баранов, Костюнин, Пучковский, Тычкин и др. совместно с командиром эскадрона создали Ревком для выработки плана отступления. План был выработан тут же на экстренном заседании Ревкома и приступлено к погрузке имущества. Между прочим, было постановлено эвакуировать ценности и денежные знаки казначейства. С этой целью был вызван в Ревком казначей Львов, которому мы предложили собрать своих служащих и приготовиться с кассой к отступлению. Львов служащих собрал, а сам с ключами от кассы умышленно скрылся. Вследствие этого, эвакуация замедлилась, ибо Ревком в свою очередь не желал оставлять в городе ценностей и вынужден был вскрыть целым составом кассу. 6-го августа, лишь только закончились работы в казначействе, как в город со стороны Московского тракта бе-

шено ворвались белогвардейские отряды и перерезали путь отступления на ст. Свияжск обозу и части оставшихся совработников и красноармейцев; эти последние, будучи застигнуты врасплох, вынуждены были спасаться каждый по отдельности; успевшая-же вырваться из города часть отступила на станцию. Местная обывательщина и торгаши, увидя белых, примкнули к ним и стали вершить сообща подлое дело предательства и разстрелов оставшихся работников и пойманных красноармейцев. До 12 час. дня в разных местах города *валялось до тридцати пяти трупов* красноармейцев и совработников; но мало того, белые отыскивали новые жертвы. Всему мужскому населению города было приказано явиться на площадь, где выдавалось оружие и надевались белые повязки. На площади появился и *исправник Кошанский во всех своих полицейских доспехах,* а также вновь назначенный комендант города полковник *Паракин.* Часть населения была привлечена для охраны города, часть ходила с офицерами и производила обыски в квартирах совработников, *побывав у каждого до 5 раз.* Оставив в городе часть своих сил, белые с главными силами начали наступать на ст. Свияжск. Сгруппировавшаяся на ней часть красных войск в свою очередь повела правильное наступление на неприятеля, противопоставив белым сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Не выдержав натиска, белые вынуждены были отступить обратно в город и тут же немедленно готовиться к дальнейшему отступлению. В момент наступления на станцию городскими думскими деятелями лихорадочно готовился в городе белым обед, а на площади был назначен благодарственный молебен. Неудача на фронте помешала белым как обедать в Свияжске, так и служить благодарственный молебен: они спешно покинули город.

За белыми потянулась буржуазия и мещанство, участвовавшие с ними в операциях; пошли, как бараны и мирные граждане, поддавшись распространявшимся белыми слухам, что, если придут красные,—то будут всех вырезать поголовно. Целые сутки город оставался без власти. В 4 часа дня 7 августа город вновь был занят красными войсками, после чего повелось наступление, которое продолжалось на территории кантона и продолжалось целый месяц вплоть до взятия Казани. Местные работники все время участвовали в операциях, организуя одновременно расстроенный советский аппарат и помогая фронту снабжением живой силой и продовольствием.

Крестьянство и приход учредиловцев.

Зажиточное крестьянство, под влиянием эсеровских заправил, учредиловцев встретило сочувственно и возлагало на них большие надежды в смысле свержения пролетарской власти; возстаний, однако в кантоне не было. Отступившие случайно в с. Соболевское, Свияжского кантона—Свияжский военный комиссар т. Костюнин и военный руководитель т. Шекун, местными кулаками были жестоко избиты и брошены в амбар. Одновременно была послана в штаб белых в Казань к коменданту Григорьеву

телефонограмма о задержанных двух комиссарах с просьбой указать как с ними поступить. Ответ последовал следующий: «*Под усиленным конвоем живьем доставьте в Казань, Грузинская, дом Оконишникова. Григорьев*».

Но тут же, среди крестьян нашлись и верные Советской власти, которые постарались сообщить на ст. Свияжск о задержанных и избитых товарищах, благодаря чему их удалось своевременно спасти от лап белых.

Члены РКП (б) Свияжской организации *Пучковский* и *Тычкин*.

Борьба в Мензелинском кантоне.

В 1918 году в Августе месяце чехо-словацкие отряды начали проникать на территорию нашего кантона. У нас в это время, хотя не было регулярного войска, но был создан по инициативе Кантонного Исполнительного Комитета добровольный местный вооруженный Мензелинский баталион при шести пулеметах и сотне кавалерии, численность которого достигла до 1,000 чел.; это составляло всю вооруженную силу, выставленную для встречи наступающих контр-революционных отрядов. Это небольшое количество силы было явно недостаточно на довольно обширную территорию Мензелинского кантона, тем более, что в то время *) еще Мензелинский кантон был раза в полтора больше нынешнего.

Тотчас же по получении сведений о проникновении чехо-словацких отрядов на территорию нашего кантона, Военным комиссариатом были посланы отряды для отражения наступающего противника, и тогда же был организован Военным Советом при Военном Комиссариате, так называемый Военно-полевой суд.

Военно-полевой суд был организован из пяти членов из состава военного совета—т.т. Бузеева, Хамидуллина Шакирзяна, Белопухова и меня, пятого товарища непомню фамилию, при Секретаре тов. Павлове. Нам пришлось судить не один десяток ярых, активных белогвардейцев контр-революционеров, пойманных нашими отрядами на полосе фронта. Наши отряды не только отражали противника от своей территории, но они действовали и за пределами кантона, сражались на территории Бирского и Бугульминского кантонов. Нужно сказать, что наши отряды сражались с противником не за страх, а за совесть, люди были подобраны проникнутые революционным духом. Не один десяток пал на поле сражения за дело завоеванной Октябрьской революции.

Приблизительно 20 августа по распоряжению штаба 2-й армии Восточного фронта мы эвакуировались в Сарапул. Оттуда наш баталион получил задание повести наступление на Ижевский завод, т. к. последний восстал против Советской власти; рабочие этого завода, агитируемые контр-революционерами, и главным образом, эс-эрами-максималистами, были настроены против Советской власти; они прилагали все меры чтобы рабочие

*) До образования Татреспублики и выделения из Мензел. кантона в 1921 г. Челнинского кантона.—Ред.

восстали против Советской власти и требовали созыва учредительного собрания (в это время чехо-словаками были уже заняты Уфа, Бирск, Белебей, Бугульма, Мензелинск, Чистополь и Казань); момент был решающий—быть или не быть.

Перед наступлением на Ижевск наш баталион был переформирован, из этих 8-ми рот были составлены четыре под командой т. Митюшкина Ф.

Нужно сказать, состав 2-й армии был настолько малочислен, что почти вся она состояла из нашего баталиона; кроме него она имела еще три-четыре мелких отряда, отряд Елабужский 150 чел. Сарапульский 50 чел., Латышский 25 чел. Отряд Чебарова 200 чел., еще какой-то отряд Интернационалистов 80 чел., и наш баталион 1000 челов. пехоты и 200 кавалерии, вот и вся сила второй армии.

Мы повели наступление на Ижевский завод, но занять его нам не-удалось ввиду малочисленности наших сил по сравнению с противником. Нам пришлось отступить потеряв несколько десятков убитых, раненых и попавших в плен; общая численность потери в нашем баталионе была 30%; на подробностях боев останавливаться не буду, т. к. это не касается характеристики Мензелинского кантона.

Отступивши в Сарапуль, мы получили распоряжение возвратиться обратно в Мензелинск, взять его с боем и повести дальнейшее наступление по направлению на Бугульму. Переехав из Сарапула, мы высадили десант на левый берег Камы и действительно повели наступление на Мензелинск и дальше. Для командования фронтом в Мензелинске был создан полевой штаб под начальством т. Железкина. Главный же штаб и Ревком находились в селе Наб. Челны (ныне Кантонный город). Продержавшись там две недели, мы были принуждены эвакуироваться по направлению на Вятские поляны. На пути разбивая всевозможные белогвардейские штабы, мы добрались до Вятских полян; здесь мы застали наш эвакуированный штаб, и штаб 2-й армии; наш баталион был слит со Смоленским полком.

Коммунисты для политической работы были влиты в состав политотдела 2-й армии. Вот что я мог дать в краткой характеристике о набеге чехо-словаков на Мензелинский кантон. Что же касается настроения трудящегося населения кантона, оно безусловно было против чехо-словаков и целиком было на стороне Советской власти и всеми силами поддерживало Сов. власть, за исключением кулацкого элемента.

Уполномоченный Истпарта по Мензелинскому кантону *Ахметшин.*

PS: Советскими войсками гор. Мензелинск был взят в 11 часов 50 мин. 18 октября 1918 года; сразу же мы погнали контр-революционные чехо-словацкие банды дальше. 24-го октября этого же года был организован Уздный Революционный комитет, к которому и перешла вся власть.

Дальше следуют подтверждающие подписи т.т. *Мельникова и Новикова.*

14 марта 1924 г.

Мамадыш.

Против чехо-учредиловцев.

Прежде всего считаю нужным указать, что коммунистическая организация в Мамадыше до чехо-словаков состояла из маленькой группы—5—6-ти товарищей, которые и вели всю работу, борясь с другими группами—левыми и правыми эс-эрами.

В конце июня, на II с'езде Советов, группа потерпела поражение, благодаря выступлению левых эс-эров. Вся работа левых эс-эров проекала в агитации за Учр. Собр. под лозунгом национальной защиты страны (против немцев). Исполнительный Комитет был составлен из крупных кулаков, старшин, мелких торговцев и проч. Будучи Военным Уездным Комиссаром, я следил за ходом развивавшейся гражданской войны; личный же состав Исполнит. Комитета и в особенности сам председатель его—бывший прапорщик Гаврилов, заставляли нас особенно быть на стороже.

О признаках движения ч.-с. приходилось догадываться только по слухам от приезжающих с низовьев Волги.

О взятии же Казани извещение мы получили от делегата Губс'езда крестьянских депутатов члена партии т. А. А. Коробова, который бежал из Казани в вечер занятия последней чехо-словаками.

Т. Коробов доложил ячейке о положении дела, главное, о наказе т. Шейнкмана делегатам Губс'езда, партийцам,—какой линии последним необходимо держаться на местах.

Ячейкой было постановлено распустить членов Уисполкома и созвать экстренный с'езд Советов (вернее только представителей волостей).

Девять членов были отпущены в отпуск, а двое из них, не ожидая документов, сбежали, после чего в составе Исполкома остался один коммунист, один сын мелкого торговца, один сочувствующий РКП—Галеев и один эс-эр—прапорщик Гаврилов.

Чрезвычайный с'езд был созван; на нем были поставлены два вопроса: 1-й—защита границ уезда от ч.-с. банд и 2-й—пополнение Уисполкома, ввиду неявки членов на с'езд (последние были в отпусках). По докладу предс. И. К. Гаврилова и содокладу т. Коробова выяснилось, что защита уезда необходима, за что и ухватился председатель Гаврилов, предложив с'езду организовать конный отряд в 500 человек из сыновей крестьян под его личным руководством, как председателя и как бывшего офицера. По обсуждении вопроса и после раз'яснения мною, как Военкомом, что у нас уже есть сотня красноармейцев местного гарнизона, а также мобилизуются два младших возраста (1893—4 годы), предложение Гаврилова было отклонено. Затем Гаврилов внес предложение остаться крестьянству пассивным и не вступать в ряды ни к одной из борющихся сторон. Предложение большинством голосов было принято и отпечатано, как воззвание ко всем волостям.

Ввиду создавшегося положения и принятия с'ездом пассивной резолюции, мною, как начальником гарнизона, был выставлен заградительный отряд из 10-ти человек в селе Абдях (в сторону Казани 60 верст) во главе с т. Домолазовым и восстановлена, как живая, так и телефонная связь с пристанью Соколки, где стояла береговая охрана под командою т. Бабкина из 5-ти—6-ти судов.

По нашим сообщениям, в уезде было спокойно, кроме происходившего бегства из Казани красноармейцев и некоторых граждан.

Вверх по левому берегу Вятки отступал отряд под командой тов. Хитрикова. На наше требование, обращенное к нему, об оставлении в нашем распоряжении части артиллерии, он ответил полным отказом и рекомендовал, напротив, нам же следовать за ним. Однако ячейка постановила продолжить мобилизацию и не уходить до последней возможности.

Группа эс-эров, чиновников и офицерства работала во всю, ведя агитацию на постоялых дворах среди мобилизованных (сведения мы получали от председателя Чека т. Матвеича). Телефонная связь с Абдями и Соколкой часто прекращалась, благодаря прорыву проводов, а 6 сентября частью была потеряна. Т. Домолазов больше в Мамадыш не возвращался.

7-го сентября—день решающий для г. Мамадыша и всего уезда.

В пять часов вечера, я находился в Комиссариате, где была сосредоточена телефонная связь и получил из Соколок извещение, что со стороны Чистополя идут пароходы. Известив товарищей (все дежурили в здании Чека) я через полчаса получил извещение, что в Соколках происходит стрельба и высадка десантов. Телефонист, дежуря один, периодически выбегал, чтоб сообщать мне новости, получаемые от бегущих красноармейцев и граждан; он передавал, что на улицах в наших стреляют, снимают одежду, надевают на себя и отбирают продукты. Далее, он сообщил, что один пароход потоплен, некоторые захвачены в плен, пароход же с т. Бабкиным спасся и выехал в Мамадыш. Мною было отдано распоряжение разбить телефон и бежать через лес по направлению к Мамадышу. Последний не успел исполнить распоряжение и при выходе был расстрелян на дворе, где находился телефон. Пароходы противника не только подошли вплотную к пристани, но, пройдя несколько за пристань, боевик с орудиями открыл стрельбу в упор по нашим судам; последнее об'ясняется тем, что команда парохода Бабкина с вечера изрядно выпивала.

По моему докладу о положении дел, товарищами было решено выслать разведку под командой члена партии Лобова (находится в настоящее время в Севастополе). В этот день призываемых на пункте собралось около 700 человек; опасность грозила не только со стороны противника, но изнутри, т. к. велась антисоветская агитация.

В 8 часов дня, у здания Комиссариата собрались мобилизованные в количестве около 500 человек и, подстрекаемые пьяными вооруженными моряками, потребовали общего собрания. Из толпы быстро выделился пра-

порщик Чернов и, об'явив эту толпу собранием, предложил обсудить вопрос, для какой цели и кто мобилизует; толпа шумела и требовала комиссара, для дачи об'яснений, насколько велика опасность. Я вынужден был выйти с своим помощником т. Хисамутдиновым. На несколько сказанных мною слов посыпались крики: «бей их!» Видя безвыходное положение, один из товарищей—Ахун Сабиров,—стал бросать с верхнего этажа, где помещалась ячейка, газеты и брошюры; во время расхвата газет, мне удалось скрыться в казарму, откуда на толпу я выставил два пулемета (один был не годен); выстрелами вверх толпа была рассеяна. По совету некоторых товарищей, был вызван предс. И. К. Гаврилов (как пользовавшийся у массы авторитетом) для агитации среди мобилизованных.

Несмотря на такое настроение, всетаки прием был налажен; все, как будто, было хорошо; только в Чека получились известия, что банды находятся уже в Грахани, и продвигаются дальше по направлению к Мамадышу.

Часов в 9 утра в Комиссариат явилась группа Елабужских товарищей; некоторые были раздеты до белья. Они сообщили, что бегут из Грахани, где утром их пароход с Елабужскими ценностями потоплен белыми и они вплавь, кто мог, спаслись; по сообщению их, некоторые были убиты на воде. Всем им мы выдали обмундирование и направили в Вятские поляны.

Приемная комиссия во главе с доктором Николаевым (бежавшим с белыми) все время оттягивала работу, стараясь затянуть мобилизацию.

В 2 часа дня, разведка вернулась и сообщила, что белые подходят к селу Атарки, что в 10-ти верстах от Мамадыша, приблизительно в количестве 300 человек при орудиях и нескольких конных.

Тогда ячейкой было решено в первую очередь отправить мобилизованных, во вторую—захватить более крупные кассы и казначейство; всех же заложников было решено оставить в тюрьме.

Мобилизованным роздан был обед, а затем взводами, под старую песенку «За Уралом за рекою», они были направлены на баркас; настроение среди солдат слишком возбужденное, многие возражали против посадки, но все же, в конце концов, посадка удалась.

Тяжелое положение было пережито, опасность от взрыва внутри миновала, оставалось произвести эвакуацию.

По возвращении в казармы, я увидел, что вооруженных красноармейцев осталось из сотни—человек 30; остальные, как выяснилось впоследствии, разбежались по домам.

Нечего делать, пришлось эвакуацию проводить с оставшимися.

Время было 4—5 часов вечера; красноармейцы брали подводы, укладывали оружие; т. Лобов, Матвеичев, Губанов и Соловьев производили выемку сумм из Казначейства. Тов. Каленовым, слесарем по специальности, была принесена пилка, при помощи которой стали выпиливать замки; привели казначея, который лишь под страхом расстрела отдал ключи. Тов. Коробову было поручено захватить денежный ящик Продовольственного Комитета, а тов. Мустафину, как казначею Исполнительного Комитета,—

суммы всех остальных отделов, тов. Иванов (из Чистополя) снимал телефонные и телеграфные аппараты, агент же и следователь Чека разыскивали Председателя Исп. К-та Гаврилова, чтобы захватить и его с собою, но поиски были безрезультатны.

Часов около 6-ти были отправлены все денежные суммы, часть обмундирования, отряд красноармейцев—и к 8 часам выезжали из города последние товарищи.

При самом от'езде, из второй части города, мне сообщили, что цепи противника расположились у винокуренного завода и остановили свою артиллерию верстах в 3-х от города. При выезде из города были слышны отдельные выстрелы, а на набережной видны были ракеты, как после выяснилось, пускавшиеся оставшимся в городе офицерством. Через час в город вошли «освободители» во главе с местным владельцем винокуренного завода, офицером Л. Щербаковым. Всего вошли в город—две группы—Чистопольская и Мамадышская, в количестве около 500 человек, при двух орудиях.

В первую очередь была открыта тюрьма и произведены розыски коммунистов (но последних не оставалось). На утро были распределены роли: Щербаков получил должность коменданта, штабс-капитан Шахаев—воинского начальника, остальные—в строю, а пред. И. К. Гаврилов принял командование над ротой местных офицеров.

В первый день, т. е. 8-го сентября—были произведены аресты сочувствующих красноармейцев и семейств коммунистов, некоторых притом—с детьми; к вечеру были разстрелы пленных, повидимому, захваченных в пути, о чем и донес командир батареи Окунцов, командиру второй роты следующим документом. «Командиру 2-й роты. семь человек пленных разстреляно по приказанию начальника отряда, баба отпущена, сапоги сданы. Прапорщик Окунцов. 3/IX батарея».

Об'явленная мобилизация, с 1893 г. по 1897 г. включительно, не прошла, т. к. крестьян явилось очень мало, призываемое же офицерство с 1893 г. по 1900 г. явилось за небольшим исключением.

11 Сентября к коменданту Щербакову явился его бывший служащий тов. Колочков (максималист), рабочий с Донбаса и просил оружия, якобы для охраны района со стороны Кукмора, т. к., де, он имеет отряд. Колочков, как работавший ранее с нами, имел намерение вооружить в одной из волостей отряд и захватить Мамадыш. Разрешение на оружие ему выдали. Однако перед от'ездом тов. Колочкова, в час ночи, бывшим старшиной Абдинской волости было сообщено, кто такой Колочков, и его немедленно арестовали, а часов в 6 утра расстреляли; перед самым расстрелом т. Колочков пытался бежать, но не удачно.

Утром, 15 сентября в 9 часов, отряд тов. Кримкина произвел наступление на город, но настолько аляповато, что каждый видел заранее полную неудачу; наступление шло с высокой горы с уклоном

к городу более 200 сажен, благодаря чего цепи в упор разстреливались из орудий и пулеметов, как мишень, и не более, чем через час отряд был весь разбит, оставив более ста убитых и несколько раненых, которых белые здесь же прикалывали. По сведениям, отряд был интернациональный и нужно отметить, что под градом пуль все же некоторые храбрецы ворвались в город,—где и падали в неравной борьбе.

Тем не менее, после боя белогвардейцы почувствовали силу на стороне красных и имея сведения, что штаб 2-ой армии прибыл в Вятские Поляны *), начали подготовлять отход. 17 Сентября под видом наступления в спешном порядке отступили на Соколки, захватив с собою лишь часть добровольцев, все же мобилизованные разошлись по домам. Город оставался около двух суток без всякой власти, некто Долгов, мелкий владелец мастерской, пытался организовать нечто вроде комитета, но население не обращало никакого внимания на такую организацию.

19-го вечером, в город вошел кавалерийский отряд под командой тов. Турчанинова, но последний после длинного перехода, сделал лишь привал, не занявшись делами управления. При этом нужно отметить, что отряд был слишком распущен и занимался исключительно конфискацией, от чего пострадало все население, как никогда.

21-го отряд Мамадышцев с сотрудниками Чека, вступил в город.

Во время своего пребывания в Кукморе, ячейка с Исполнительным Комитетом издали два воззвания к населению, с призывом не подчиняться распоряжениям белых; неоднократно посылалась разведка в Мамадыш, благодаря чему возможно было ориентироваться.

За весь период нахождения белых в Мамадыше, последние, большей частью, были заняты личной жизнью. Ежедневно происходили кутежи' биллиардная и картежная игра, собирание лоскутов конфискованного имущества; хозяйства коммунистов раздавались населению, у кого имелись дома— постановлено было сжигать на дрова в солдатских кухнях. Несколько более серьезным делом были заняты два-три офицера и часть бывших царских чиновников.

В период пребывания белых был созван учительский с'езд, на котором по агитации бывш. Предс. Исп. К-та Гаврилова и под угрозой ареста со стороны прапорщика Сироткина, было отчислено 1000 рублей в пользу отрядов белой армии.

За весь период, белыми было расстреляно, по официальным данным 9 человек: 7 красноармейцев и кроме того тов. Колочков и старший конный милиционер Троицко-Секинесской волости, тов. Самарин.

Давыдов (член Р. К. П.).

---

*) Штаб II армии был в Вятских полянах со средины Августа. (Ред.)

Чистопольский кантон.

Учредиловцы в Ново-Шешминской волости.

Весною 1918 года состоялся 4-ый по счету волостной с'езд Советов Ново-Шешминской волости. В то время крестьяне-бедняки составляли фракцию совместно с партией большевиков. Фракция решила во что бы то ни стало в волсовет провести своих кандидатов, и ни в коем случае не давать с'езду подпасть под влияние левых эсэров, каковых, и при том весьма активных, в то время можно было насчитать десятки. Больше всего эсэры давали себя чувствовать в слободе Черемуховой.

Политическая борьба закончилась в конце концов победой фракции бедняков. Вопросы разрешались все по большевистски; в волсовет прошли в большинстве коммунисты. Работа в волости пошла успешней, борьба между бедняками и кулачьем становилась резкой. Тогда проводилась разверсточной комиссией контрибуция,—тут же шла и конфискация имущества всех кулаков, выступавших активно против установленного порядка. Бедняцкое население вздохнуло свободнее.

Вдруг в первых числах августа того же года, началось опять эсэровское волнение. Предводителями его были председатель Чистопольского совета Строганов и Данилов. Приехав на автомобиле в село, они пред'явили в волсовете свои полномочия и издали приказ об организации «крестьянских комитетов Защиты Земли и Родины».

В то же время, созвав собрание, начали вести агитацию. В речах их к крестьянам была заметна травля большевиков; последние, правда, дали ей соответствующий отпор. Местные работники-демобилизованные солдаты, некогда принимавшие участие в разложении старой армии, с'умели во время овладеть бушующей массой. Под их влиянием эта масса отнеслась критически к предлагаемой организации; «уважаемым» агитаторам пришлось покинуть собрание.

Прокричав до вечера, мужики разошлись. Вечер прошел тихо и спокойно. На следующий день происходило заседание фракции. Шло оно целиком под впечатлением происходивших волнений, разрешение вопросов носило чисто ораторско-агитационный характер. Деловой связи с гор. Чистополем, а равно с партийным комитетом, не было. Мы не знали, что же, наконец, творится и решили для выяснения выслать в Чистопольский парткомитет своего представителя.

Представитель наш уехал. Ждем день, другой—но его все нет. Посылаем другого. Еще через дня два наш ходок вернулся; ночью на 20-е августа, срочно собрали секретное заседание фракции; тут мы выяснили, что посланный первый представитель, тов. Лаптев, захвачен учредиловцами. Чистопольский комитет эвакуирован. В самом Чистополе начинается расправа Земства; учиняли эту расправу: Конычев, Лукашевич, Вачугов и др. Фракция задумалась, что же ей делать? Решили тоже эвакуироваться..

Утром до восхода солнца они ушли из пределов Ново-Шешминской волости. В волсовете остались канцеляристы, да два эсэра; они писали, что-то, суетливо пожимали плечами и ожидали дальнейших происшествий.

День прошел. На второй прибывает в Ново-Шешминск уроженец этого села «господин» Конычев (эс-эр) с целью поискать себе работников-помощников. Тут к нему присоединились местные помещики: Улитин, Куряшников и др. Свора их стала увеличиваться не по дням, а по часам; тут кулаки, попы, старые чиновники, офицеры, сельская интеллигенция, земские гласные, эс-эры и пр. начали орудовать. На третий день собрали официальное волостное земство, где распределялись служебные функции; определив выбранных на соответствующие должности, приступили к выполнению, как они выражались «гражданского долга», т. е.—к исполнению своих служебных обязанностей.

Трудовиков крестьян на собрании волостного земства не было, из этого вытекает ясно, что речь господина Конычева, произвела на присутствующих громадное впечатление. После такого эффекта волостному земству преподнесли мобилизацию в чехо-словацкую «Народную армию». Сыны кулаков, помещиков, попов и проч. в армию вступали добровольно. Разносились слухи, что большевиков загнали в Москву и Петроград, окружив их со всех сторон. Там, де, они с голоду и подохнут. Чтобы окончательно их победить нам, де, нужны средства, армия, фураж, пища, скот, орудия и т. д.

Кулачье добровольно дает лошадей, скот, хлеб.

Далее, начинается расправа с семьями эвакуированных товарищей большевиков: конфискация имущества, порка в штабе, для чего арестовывали и препровождали в соседнюю волость Ерыклы.

Тов. Лаптев, посланный фракцией, для связи с Чистопольским комитетом партии, был расстрелян. Семья раззорена. На пятый же день в Ново-Шешминск прибыл отряд «Народной армии», но состав его далеко не соответствовал наименованию: то были сыновья чистопольских кулаков, попов, дворян и проч. сельской буржуазии; отряд был оплотом земства. Под влиянием этой силы населению пришлось итти в солдаты, отдавать хлеб и скот. Отношение населения к учредиловцам было различное. Средняки и бедняки питали обостренное недовольство и были готовы пойти с ними «в рукопашную». Кулачье благоговело, смотрело на них, как на спасителей их рода. Наконец, солдат отправили... Стали потихоньку проникать слухи, что Казань взята обратно Красной армией. Так говорили день. На второй день—занятий в земстве нет, под предлогом от'езда членов на районное заседание в село Ерыклы. Но к вечеру того же дня выяснилось, что Чистополь взят красными. «Земские начальники» скрылись...

А. Есипов.

Буинский кантон.

Из воспоминаний.

Июль 1918 г. Наставала пора сбора ржаных хлебов, когда по всему кантону разлилось брожение. Кулаки начали притеснять бедняков еще до прихода чехо-словаков. После взятия города Симбирска чехо-словаки еще долго не появлялись в Бугульминском кантоне, так как он стоит на значительном расстоянии от железной дороги и водного пути. Кантон продолжительное время находился без власти; между прочим, по эвакуации Исполкома (в первый раз) власть в городе была захвачена местными белогвардейцами под руководством бывш. Воинского Начальника Зиновьева, поддерживаемого чиновниками города Буинска. За это время было много арестовано советских работников и заключено в тюрьму, как-то: Розов (Комиссар Юстиции). Корчагин (чл. Земотд.) Кочетков (Ком. Внут-дел) попавшийся во время разведки. Они были освобождены командующим войсками Красной армии правого берега реки Волги тов. Додоновым. Но Красные войска были в городе не более 3-х дней, после чего Буинск был вновь занят, но на этот раз уже чехо-словаками. В эти же дни пала и Казань. По всему кантону они стали производить мобилизацию насильственным путем. Посыпались отряды добровольцев: из волостей шли более зажиточные элементы, имевшие большое количество земли. А в городе шли прихвостни буржуазии, так назыв. интеллигенция. Мобилизация проходила с большим трудом, местами даже крестьяне выступали против белых; в таких случаях применялись расстрелы, как это было в Тимбаевской волости. Некоторые волости совсем не шли в белую армию, а поступали добровольцами в Красную. Это волости Шамкинская, Помаевская, Архангельская (в настоящее время вышли из состава Буинского кантона во время образования Татреспублики и Чувобласти).

По волостям и сельским обществам чехами была организована власть из старого состава волостных управ; в городе же власть принадлежала коменданту Лактионову; земство было собрано также из старого состава. В волостях и селах во главе стояли кулацкие элементы мобилизация лошадей производилась не по плану, а просто у кого хотели, у того и брали, более же пострадали ближайшие от города волости.

При вступлении чехо-словаков население уезда отнеслось к ним сначала, как к защитникам, но когда последние стали у власти, население приняло враждебную к ним позицию, даже отчасти и кулаки.

В ближайших от города волостях коммунисты и Сов. работники, которые были мобилизованы, разлагали ряды призванных в армию, а в отдаленных волостях при поддержке бедняков работали открыто.

При отступлении чехов настроение крестьян было хорошее; они всячески поддерживали и помогали Красным войскам.

Озлобление крестьян против чехо-словаков было вызвано главным образом дерзким обращением последних с населением и мобилизацией

лошадей и людей; последнее обстоятельство внесло в их среду еще большоее озлобление тем более, что и люди и лошади в летнюю страдную пору были особенно нужны.

Бои происходили в одном райне уезда, где погибло много советских работников. В то время, когда происходил бой, крестьянство было в панике и не вмешивалось ни в ту, ни в другую сторону. Кода же Красная армия наступала на Буинск, из крестьян Буинского уезда, в особенности Шамкинской, Помаевской и Архангельской волостей был сформирован отряд, под командованием Космовского. На пути из Алатыря в Буинск к отряду присоединилось населание уезда, каковой от чехо-словаков и был очищен. Мобилизованные в белую армию почти все дезертировали оттуда и шли добровольно в Красную армию.

Корчагин.

Спасский кантон.

Из воспоминаний.

Перед нашествием чехов в Спасский кантон я проживал в селе Ромодан. За несколько дней еще до нашествия чехов у нас в селе было уже известно, что Советская власть в Казани пала и чехи по всем местам рассылают отряды по кантонам и волостям и организуют свою власть. Работники волсовета, зная, что все равно их сменят, в совете не работали и ходили туда только для того, чтобы поговорить о новостях. Мне, как чл. РКП(б), в то время приходилось задумываться о том, бежать-ли куда или скрываться где-нибудь у знакомых. Население волости, которое сочувственно относилось к Соввласти, также растерялось; некоторые говорили, что надо бежать, некоторые же полагали, что нужно в момент прихода чехов спрятаться, а потом, мол, ничего не будет. Я и т. Купцов к тому времени запаслись всеми возможными документами. Не помню, какого числа—в июле месяце, я, как и всегда, пришел в волисполком узнать, нет-ли каких новостей; собрались еще несколько товарищей.

Только что мы увлеклись разговором, как влетают в волисполком четыре офицера, повертели головами, осмотрелись и стали спрашивать, кто в волисполкоме председатель; его в то время в волисполкоме не было; тогда они обратились к секретарю, а мы этим временем тихонько выбрались из исполкома и—кто куда. Я тут же ушел в лес и пробыл там до темна.

Возвратившись из леса, я дома узнал, что чехо-словаки созвали собрание граждан села Ромодан, на кот. арестовали двоих братьев Зубковых за сочувствие Соввласти; узнав это, я решил где-нибудь спрятаться и подождать, когда пойдет народ с собрания и расспросить, что там говорили. Дождавшись, когда кончилось собрание, я встретил нескольких мужиков. Они мне рассказали, что, как только открылось собрание, один

из офицеров (назначенный комендантом в Ромодановскую волость) об'явил себя законной властью и что население должно, де, ему подчиняться, большевиков же об'явил шайкой бандитов. Присутствующие на собрании местные кулаки ему апплодировали; на этом же собрании комендант Яхонтов, сказал: *„все, что население растащило у помещиков, мы соберем и землей до учред. собрания будут пользоваться помещики"*.—Из разговоров с мужиками видно было, какое впечатление на них произвело *это собрание и кто-то из них сказал: „теперь опять будет власть помещиков, а за то, что мы посягнули на их имения, поплатимся шкурой"*. Мне после этого ничего не оставалось делать, как только скрываться, и я в ту же ночь ушел из своего села и, как бродяга, ходил по всему кантону. Через 12 дней я был пойман и посажен в Спасскую тюрьму. В то время, когда я скрывался, по распоряжению Яхонтова несколько раз делались обыски в моей квартире. Тов. Купцову тоже пришлось скрыться и он весь период нашествия скрывался в лесу около своей деревни («Крещеный Баран»). Несколько раз в этот лес высылали отряд для розыска тов. Купцова, но найти его не удалось; зато все сочувствующие Соввласти и группировавшиеся около т. Купцова, жестоко поплатились.

После того, как в Ромодан приехал комендант, он организовал отряд из добровольцев,—настоящих палачей. Вот этот-то отряд и расправлялся с соратниками т. Купцова, а таковых они отобрали одиннадцать человек. Приехав в деревню, первым долгом арестовали их, затем некоторым произвели порку и настойчиво требовали указать, где находится т. Купцов, но они выдать его отказались, за что тут же были отправлены в Спасскую тюрьму.

Особенною жестокостью в отряде отличались два местных жителя, «работавших» добровольно — это Ренарди А. и Егоров А., (в настоящее время они где-то служат в Красной армии). Во время заключения в тюрьме мне пришлось испытать и видеть всю жестокость чехо-словаков. Администрация тюрьмы обращалась со всеми очень грубо, зачастую за какие-либо разговоры давали пощечину. Ежедневно в тюрьму ходили солдаты и производили порку; больше всего доставалось бегавшим из их армии солдатам. Через нашу камеру ежедневно проходило таких человек понескольку.

Издевались над бежавшими до невозможности. Приходилось наблюдать, как бросали в камеру совсем полумертвых солдат, засеченных до неузнаваемости (нельзя даже было различить: лицо это или кусок мяса); они валялись без сознания по несколько часов, а иногда и целые сутки без всякой медицинской помощи; все, что было на них, палачи снимали и оставляли их только в нательном белье.

Мне лично удалось избегнуть расстрела благодаря только поспешности отступленая белых.

Анисимов.

V. Приложения.

(*Документы времени борьбы за Казань*)*).

От Казанского Совета Р. и К. Д. и Казанского комитета коммунистов.

К рабочим города Казани.

Товарищи, Казанские рабочие!

Казань во власти контр-революции, Казань во власти белой гвардии и чехо-словаков. На своих плечах испытываете вы, товарищи, что значит эта власть, на борьбу против которой принес кровавые жертвы рабочий класс в дни Октябрьской революции. Вернулись старые знакомые лица: все те-же генералы, полковники и капитаны, Лебедевы, Григорьевы, Калинины--недавние сотрудники и соратники Милюкова, Гучкова и Керенского. Прикрываясь фиговыми листочками и красивыми словечками об Учредительном Собрании, вернулись герои недавнего прошлого, вернулись для того, чтобы забить осиновый кол на хребте Рабоче-Крестьянской России и возвратить капиталистам и помещикам их былые вольности, привиллегии и права, прежде всего—главное право—угнетать рабочих и крестьян. Все стало по старому, по бывалому. Свобода печати для буржуазии и преследование рабочих газет; свобода слова для буржуазии и расстрелы рабочих агитаторов; свобода собраний для буржуазии и разгон рабочих организаций.

Вся свобода, вся радость жизни для буржуазии и могильная плита на тело пролетариата. С места в карьер, опираясь на белую гвардию и подкупленных чехо-словаков, буржуазия расчищает себе путь к закреплению восстановленной власти угнетателей. И на этом пути железная пята буржуазии не знает пощады и жалости. Как некогда, в 1871 г., во время восстания французского пролетариата—версальцы—французские белогвардейцы—затопили в крови Парижскую Коммуну, так ныне Казанская буржуазия массовыми уличными расстрелами рабочих хочет отбить у пролетариата Казани охоту к революционным выступлениям.

Буржуазия дает нам хороший урок, как нужно закреплять классовую власть. В своей борьбе против буржуазии до сего времени мы были слиш-

---

*) Приложения к статье Н. Знаменского «Время чехов».

ком мягки и не применяли ее приемов, не прибегали к массовым расстрелам и массовому истреблению своего врага. Но теперь мы говорим: довольно! Ваша кровь, кровь казанских пролетариев призывает нас к иной борьбе, к борьбе беспощадной, к борьбе на полное уничтожение своего противника. Пусть Казанская буржуазия вспомнит Ярославль. Та же участь ждет и Казанскую буржуазию.

Рабоче-Крестьянская Россия, Россия пролетариата и беднейшего крестьянства, не остановится ни перед чем, чтобы положить конец надеждам буржуазии. Если понадобится, все буржуазные кварталы Казани будут сметены с лица земли огнем артиллерии. Со всех концов Советской России вам на помощь идут революционные полки. Советская армия железным кольцом обложила Казань и горе буржуазии, когда круг сомкнется над нею. Пощады не будет.

Товарищи, никогда мы не были так сильны, как сегодня.

Наши неудачи только закалят и организуют нас. Взятие Казани дело нескольких дней. Мужайтесь, товарищи, мужайтесь, рабочие Казани, и приготовьтесь в нужную минуту поддержать нас своим восстанием, как поддержали казанские генералы, офицеры, студенты и прочая буржуазная сволочь своих друзей из Самары. В Рабоче-Крестьянской России нет места для угнетателей. Власть должна быть и будет в руках рабочих и крестьян.

Горе всем, кто станет на пути пролетарской революции!

Долой душителей рабочего класса!

Долой казанскую буржуазию, белогвардейцев и чехо-словаков!

Да здравствует беспощадная борьба против угнетателей всего мира!

Долой власть буржуазии!

Да здравствует власть Советов!

Президиум Казанского Совета Рабочих
и Красноармейских Депутатов.
Казанский Комитет Партии Коммунистов.

ПРОТОКОЛ

Общего Собрания Казанского Учительского Союза

14-го августа 1918 года.

Заседание открыто в 6 час. вечера.

Председательствует *М. Н. Ивановский.*

Открывая заседание, М. Н. Ивановский предлагает собранию почтить вставанием память тех, кто ценою жизни своей освободил граждан г. Казань от власти тех, что являлся выразителем не воли народа или хотя-бы какого-нибудь класса, а воли личной. Собрание встает.

Собранием устанавливается следующий порядок дня: 1) организация надшкольного органа, 2) предложение Алюнова об избрании делегатов на совещание (17 авг. 7 ч. веч.) по делам школьного управления, 3) организация помощи Народной армии: а) в отношении питания, в) в военном и б) финансовом и 4) о начале учебного года.

I. По вопросу об организации надшкольного органа собрание заслушало доклад А. Г. Муравьева о результатах переговоров его по данному вопросу с представителями новой власти.

А. Г. Муравьевым были заданы власти следующие вопросы: 1) как комитет Учр. Собр. полагает организовать школьное управление, 2) как комитет чл. Учр. Собр. намерен финансировать школу, 3) как комитет Учр. Собр. относится к факту занятия учебных заведений под военный постой и 4) намерена ли новая власть освободить учителей-офицеров от военной службы.

1) По вопросу об организации школьного органа от Фортунатова последовало предложение правлению учительского союза наметить трех лиц, которым можно было бы поручить ликвидацию Казанского совета отделов по просвещению. Правлением были намечены Муравьев, Ивановский и Бекеев, но почему-то другим членом Учр. собр. Васильевым была выдвинута единоличная кандидатура. Ликвидатором был намечен Юрьев; за отказом последнего, ликвидатором совета отделов по просвещению и помощником особо уполномоченного ком. чл. Учр. Собр. по делам народного просвещения Каз. губ. был назначен Алюнов, от которого поступило предложение избрать от губ. учит. союза трех членов на совещание для разрешения вопросов школьного управления.

2) На второй вопрос получен ответ, что комитет чл. Учр. собрания немедленно удовлетворит жалованием личный состав учеб. заведений по 15 августа, для чего уч. зав. составляют требовательные ведомости.

3) Разрешение вопросов об учебных заведениях, занятых под военный постой, будет возложено на тот орган школьного управления, который будет создан совещанием.

4) На четвертый вопрос было отвечено, что Народная армия не знает отсрочек и освобождения.

ПОСТАНОВИЛИ: Настоящий доклад принять к сведению.

II. СЛУШАЛИ: сообщение А. Г. Муравьева о предложении особоуполномоченного по делам просвещения Каз. губ. Алюнова губернскому учит. союзу прислать на имеющее быть 16 авг. в 7 час. *) веч. совещание об организации школьного управления. Состав этого совещания намечен такой: от городской управы—3, от губ. зем. упр.—2, от уезд. зем. упр.—1, от губ. учит. союза—3, от русских—3, от мусульман—2, от чуваш—2,

---

*) Сопоставляя с датой в начале страницы, находим невязку.

На самом деле, совещание состоялось 16-го августа, как это видно из отчета по докладу Куприяновой—«Раб. Дело» № 175—Ред.

от мари—1, от мелких народностей—1, от университета—1, от академического союза—1, всего—20 человек.

1) А. Г. Муравьев предлагает собранию, в виду тех соображений, что совещание является органом не только общегуберн., но и городским, просить о предоставлении в этом совещании еще трех мест (для информации) и для городского учительского союза, так чтобы всех мест за учительством в совещании было 6.

В результате прений по данному вопросу на голосование поступило два предложения: первое—надо иметь по представителю от каждого типа учебных заведений и другое—достаточно увеличить представительство до 6 мест (от каждой секции по 2).

Большинством против 2, при 3-х воздержавшихся—принимается второе предложение.

2) По вопросу о времени избрания щести представителей в результате прений поступило два предложения—одно—надо избрать этих представителей в настоящем собрании и другое—надо отложить это собрание до выяснения вопроса о том, дадут-ли представители власти 6 мест вместо предлагаемых трех. Если дадут, то назначить особое собрание для выборов. Большинством голосов против 14 при 6 воздержавшихся:

ПОСТАНОВИЛИ: выборы членов в совещание отложить и поручить правлению войти с ходатайством об увеличении числа представителей до 6 и в случае удовлетворения ходатайства поручить произвести выборы правлению каждой секции.

III. По вопросу о помощи Народной Армии собрание слушало доклады А. Г. Муравьева (о помощи Н. А. в отношении питания) и А. А. Половинкина (о помощи Н. А. физической—военной).

1) Доклад Муравьева.

Первая тревожная ночь, проведенная казанцами после изгнания большевиков, когда каждый момент можно было ждать проявления злобного врага, окрепшего и собравшегося с силами, показала, что нужна немедленная помощь Народной Армии со стороны населения, помощь: а) в военном отношении, б) в питательном и в) в финансовом, и казанское учительство сумело немедленно дать эту помощь. Быстро был организован отряд из учителей, который немедленно и приступил к работе. Часть этой группы взялась за дело чисто военное, часть же организовала питательный пункт. Этот пункт был организован путем сбора пожертвований. Он взял на себя питание армии и караулов. В настоящее время у учительской группы существуют две походные кухни—на пристанях и по железной дороге. Отряд развозил хлеб, огурцы, яйца по караулам, которые стояли голодные. Накормлено было этим отрядом 400 человек караула. В высшей степени желательно, чтобы учительство пополнило ряды этой группы, ибо дела весьма много, рук не хватает, чтобы всех накормить. Организация убедительно просит учительство принять участие в этом великом деле. Из этой группы, кроме питательного отряда, выделился отряд сани-

тарный, который следовал за боевой армией и делал святое дело. Кроме главного пункта—в женской семинарии—установлены пункты—в крепости для городских воинов и на пристанях. Группе была оказана помощь продовольствием из квартальных комитетов. Группа получила благодарность от военного начальства за помощь Народной Армии в такие трудные дни.

2) Доклад А. А. Половинкина (о помощи армии военной).

12 августа небольшая группа учителей решила участвовать активно. В полтора часа организовался отряд около 20 человек. В штабе узнали, что не хватает людей для караула на весьма ответственных местах. Хотя отряд был неопытен, но все-таки отправился для караула на ответсвенные места. Все вели себя крайне хорошо, серьезно и бдительно. В свободное время от караула учились военной науке. В этом отряде, кроме учителей, было 3 ученика и все составляли одну дружную семью. Отряд простоял на карауле почти сутки и с честью выдержал это первое стояние. Но нужно иметь смену. И командир известил, что он озаботится найти другую смену, что он принимает все меры к бдительной охране важных пунктов. За время караула учительство показало, что оно может выдержать военную службу, может с честью выполнить военную задачу. Есть даже склонность в отряде к бою.

Но отряд этот гораздо нужнее будет для охраны ответственных мест. Одна ночь показала, что все в отряде были близки и доверчивы друг другу, что весьма важно в деле охраны важных пунктов. Спаянная и сознательная группа может нести другое весьма важное и ответственное дело—службу связи. Чем больше будет у армии сознательных работников, тем спокойнее она будет себя чувствовать и тем вернее будет достигнута военная цель. Предлагаю всем мужчинам записываться в отряд. Когда отряд достигнет 40 человек, то он, подготовившись, может выступить активно в военных действиях. Людей для дела не хватает, так сегодняже надо выделить из отряда 4 человек для охраны военного имущества. К делу организации армии надо приступать немедленно, иначе враг может одолеть, и тогда спасения не будет никому.

Ю. Н. Фармаковский от имени думского комитета помощи Народной армии приносит глубокую благодарность учительской группе, вставшей на помощь армии, при чем сообщает, что ему пришлось слышать на собрании думского комитета, что учительская группа помогла в самый критический момент одному санитарному отряду. Но чтобы учительская группа могла иметь прочное материальное основание, ей надо зарегистрироваться в думском комитете, который будет группу финансировать; кроме того регистрация нужна и для координирования действий ее с другими группами.

Фармаковский обращается от имени думского комитета ко всему учительству с просьбой о сотрудничестве. В данную серьезную пору всякий человек дорог, всякий может оказать посильную помощь.

А. А. Красновский приветствует сообщение Половинкина и вносит новое предложение, которое идет дальше сферы деятельности организо-

вавшейся группы учителей. Настал момент, когда зачинается новая, великая война с Германией. Если в прежней Армии не хватало сознательных работников, то таковых надо дать Народной армии. Надо создать кадры учебной команды. И в этом деле учительству надо взять инициативу в свои руки. На это дело надо собрать денег. Их можно достать путем сбора, путем отчислений двухдневного заработка, путем составления всевозможных брошюр и в особенности—составить учебник словесности для армии. В этой книге должно быть изложено самым популярным языком все то, что должен знать каждый русский гражданин, каждый солдат Народной Брмии.

По заслушании этих докладов и обсуждении их, собрание ПОСТАНОВИЛО: образовать комиссию с двумя подкомиссиями: а) военная и б) издательская, которая бы и занялась разработкой плана осуществления намеченных задач и просить А. А. Красновского взять на себя руководство работами по издательству, а А. А. Половинкина по организации военной помощи Н. А.

3) По вопросу о помощи финансовой собрание ПОСТАНОВИЛО большинством против 1: отчислить в фонд Н. А. полдневный заработок.

IV. По вопросу о времени функционирования учебных заведений. Собрание единогласно выносит пожелание, чтобы учебные занятия в школах начались не ранее 1 сентября старого стиля.

Заседание закрывается в 8 с пол. час. вечера.

Председатель собрания.
Секретарь *Лаврентий Прокопьев.*

Копия с копии.

В. Нужное.

Господину коменданту гор. Казани

Полковнику Григорьеву.

Наблюдается, что все, расклеиваемые по гор. Казани, исходящие, как от Вас, так и от других военных и гражданских властей, приказы, воззвания и разного рода об'явления исчезают с мест наклейки с чрезвычайной быстротой и наклеиваются очень непрочно, часто на одни уголки, что позволяет не только легко срывать их, но и отрывать ветром,—вследствие изложенного и боясь, что уничтожение происходит по злому умыслу шпионажа врагов, обращаю на это Ваше внимание, считаю долгом предложить: во первых строго приказать все расклейки делать по образцу театральных афиш, т. е. наклеивать их с промазыванием клейстером всего об'явления (а не уголок), а во вторых на каждом квартале, независимо от других пунктов наклейки об'явлений, обязательно наклеивать еще на домах и заборах, находящихся в непосредственной близости к конторам квартальных комитетов, коим при этом приказать вменить в обязанность под ответственностью охранять их целость, что вполне легко при существующей теперь непрерывной охране города, при чем квартальные комитеты, производя смену охраны и передавая оружие, одновременно могут сдавать караулу счетом или по списку, расклеенные близ него хотя-бы наиболее важные продолжительные призывы, приказы и об'явления, и в третьем—желателен общий приказ об ответственности лиц, даже детей (за которых отвечают родители)—за срыв об'явлений, каковой приказ должен быть, кроме газеты об'явлен через квартальные и домовые комитеты каждому жителю под росписку.

Председатель Казан. Район. Управления Водного Транспорта
Волжск. бассейна (подпись).

С подл. верно: старш. ад'ютант-подпоручик (подпись).

На заводе № 40.

На митинге *).

Около 2-х часов 3-го сентября стало известно, что на заводе № 40 предполагается митинг фронтовиков.

Когда мне сообщили об этом, я большого значения не придала, так как еще на собрании в воскресенье 1-го сентября мне пришлось говорить с фронтовиками о собрании их.

На митинге в воскресенье по его окончании бывшие на собрании, очевидно фронтовики, просили меня и тов. Поповицкого устроить митинг только для солдат бывавших на фронте. Нами им на это было заявлено, что во-первых мы не можем устраивать митинги, когда нам неизвестно, зачем они устраиваются, а второе, что Р. С.-Д. Р. П., от имени коей мы здесь выступаем, устраивает митинги в рабочей среде для всех рабочих без исключения и без различия их на фронтовиков и тыловиков. Нам на это был брошен упрек, что мы, де, очень хорошо говорим об организации, но помочь рабочему классу в организации не хотим. Так, не поняв друг друга, мы и разошлись, назначив предварительно общий митинг для всех рабочих данного района на будущее воскресенье.

Но прошел день и, оказывается, фронтовики созвали таки митинг. При чем, очевидно, разобиженные нашим отказом помочь им в организации, они решили и организоваться и даже провести митинг одни. Так заставляет думать то, что никто, даже рабочая конференция оффициально не была извещена о митинге. Но мы решили воспользоваться данным собранием, как воспользовались бы всяким другим, и отправились туда в качестве партийных ораторов, чтобы развить свою точку зрения на текущий момент. Отправились втроем, кроме того по дороге к нам присоединились еще некоторые члены конференции, между прочим и 2 члена президиума и помощник особоуполномоченного Алкин. По пути везде было совершенно спокойно, в Ягодной у Алафузовцев обычный будничный день. Но когда стали подходить к заводу № 40 было около 4-х часов (мы запоздали), то здесь нам группами стали попадаться рабочие, возвращающиеся частью с работ, отчасти с митинга. Вид у них был напуганный и растерянный. Мы остановились, стали распрашивать, кончился ли митинг, какое вынесено решение. Тут мы узнали, что настроение тревожное, что к рабочим фронтовикам присоединился уже 1 полк Народной Армии.

Спешим дальше, в надежде застать еще митинг и сделать все, чтобы предотвратить могущие быть последствия, чтобы предостеречь рабочих от провокации. Но уже около церкви завода № 40 убеждаемся, что дело кончено, решено и предотвратить что-либо навряд-ли удастся. От площади завода по направлению к пешеходному мосту через Ка-

*) Статья А. Войдиновой. (Ред.).

занку движутся массой вооруженные и невооруженные люди, почти исключительно в солдатской форме и раздаются крики: «скорей, скорей, не останавливайтесь». Из расспросов выясняется, что идут эти люди в Артиллерийский склад вооружаться, что вместе с ними идут и солдаты какого-то полка. Пробуем остановить, уговорить. Указываем на то, что неизбежно кровопролитие, что нельзя предпринимать никаких шагов без ведома конференции.

Часть останавливается, но другие более возбужденные торопят ее, говорят, что нечего нам их слушать, много они говорили, а нам умирать то все равно придется—там-ли, тут-ли. И с криками «пулеметчики вперед», толпа двигается дальше. Мы уже у заводского комитета. Подходим к площадке, убеждаемся, что туда попасть нельзя, так же трудно и выбраться из завода, так как ставятся уже караулы. Нам преграждается дорога штыком и окриком: «куда идете, кто такие?» Вынимаем документы-мандаты на рабочую конференцию, и нас пропускают, но мы идем уже не к площадке, а дальше от нее к выходу из завода, идем быстро, так как позади нас уже раздается: «не выпускай никого». (Раб. Дело № 175).

Резолюция.

По докладу т. Медведева по вопросу о воссоздании советов рабочих депутатов и взаимоотношении с профессиональными союзами, принятая в заседании 18—31 августа 1918 г.

Принимая во внимание:

1) Что советы, как органы революционной демократии, сорганизовавшие вокруг себя широкие народные массы и служившие великими рычагами могучего политического воздействия пролетариата на государственную власть, после октябрьского переворота, приняв власть, обратились в орудие диктатуры правящего меньшинства над бесправным большинством и вступили в непримиримый конфликт с органами демократических самоуправлений, выродились в бесконтрольные и безответственные бюрократические учреждения, захваченные отдельными группами и лицами, управлявшими страной путем самого тяжкого произвола и тирании и попали в зависимость от вооруженных сил и авантюристических элементов, командующих этими силами.

2) Что Советская власть, взяв на себя заместительство профессиональных союзов в вопросах экономической борьбы, превратила их в правительственные учреждения по организации производств, исполнению хозяйственных и хозяйских функций, вместо защиты интересов труда исказив задачи профессионального движения, повела к ослаблению профессиональных союзов, массовому уходу от них, умерщвлению боевого духа, тем разоружила рабочий класс, оставив его без классовых, политических и

экономических организаций, кроме сего, благодаря большим денежным средствам, Советская власть поставила в зависимость от себя десятки и сотни тысяч людей, в частности из рабочих в роли разных агентов власти, оторвав их от рабочей массы, внесла глубокое развращение и рознь в среду самого пролетариата.

3) Что распад хозяйственного организма России, развал промышленности, массовая безработица создают условия, обостряющие политическую и экономическую борьбу рабочего класса и в целях закрепления политических и социальных завоеваний революции, в целях воссоздания государственного единства России, как необходимого условия завершения революции в интересах рабочего класса, в целях внедрения в государственный строй России принципов народовластия—необходимо создание мощных массовых, внутренно крепких классовых политических и экономических организаций пролетариата.

4) Что революция еще не завершена и основные задачи ее еще не выполнены, что ввиду отсутствия общепризнанной государственной власти и происходящего процесса борьбы за нее, ввиду политической отсталости самих рабочих масс, не могущих сплотиться под руководством социалистической рабочей партии, классовым органом пролетариата политического характера, для организации и руководства рабочих масс и влияния их на другие слои и классы, отнюдь не как органы власти, могут быть только организации в форме советов рабочих депутатов, и только такая организация может в настоящих условиях привлечь к политической жизни широкие беспартийные массы рабочего класса.

Конференция рабочих делегатов гор. Казани постановила:

1) Признать необходимым создание политического классового органа Казанского пролетариата в виде совета рабочих депутатов, как организатора, руководителя и выразителя задач рабочих масс, который ни в каком случае не должен стать или пытаться стать органом власти.

2) Признать необходимым восстановление профессиональных союзов из организаторов производств и хозяйственных органов власти, как классовых органов экономической борьбы, независимых от какой-либо власти и авторитетных в руководстве экономической борьбой рабочего класса.

3) Признать, что сфера компетенции этих органов в руководстве рабочим классом определяется их функциями, т. е. советы раб. деп.—органы политического характера, профессиональные союзы—экономического характера.

Взаимоотношение их должно быть построено не на принципе подчинения друг другу, а на принципе солидарности в целях и тактике, как двух равноценных и равноправных ветвей рабочего движения, теснейшей согласованности в их действиях и на полном признании морального авторитета, решений одного органа рабочего класса в его сфере и компетенции—другим органом.

4) Выборы в совет раб. деп. должны быть произведены с соблюдением всех демократических гарантий, для правильного отражения воли избирателей.

5) Для выработки положения о технике этих выборов, определении нормы представительства и положения о выборах, а так же о том, какой орган должен существовать до выборов в совет раб. деп.—избрать комиссию из пяти человек, которая должна доложить результаты своих работ, до окончания работ конференции на ее утверждение.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

ПРЕЗИДИУМ БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ,

единственного уполномоченного Органа Казанского пролетариата, предлагает рабочим и работницам гор. Казани к неукоснительному выполнению следующие меры:

1) Ни одно политическое выступление не должно иметь места без ведома и без разрешения Рабочей Конференции и избранного ею Президиума: всякое выступление без ведома Рабочей Конференции есть выступление против организаций пролетариата.

2) Рабочие не должны поддаваться провокационным призывам к вооруженным манифестациям и выступлениям.

3) О всяких попытках вызвать анархические выступления следует немедленно извещать Президиум Рабочей Конференции.

4) Во всех случаях недоразумений рабочие должны обращаться в Президиум Рабочей Конференции.

Переживаемые события требуют чрезвычайной осторожности, сознательности и организованности рабочих масс.

Каждый ложный шаг может нанести непоправимый удар рабочему движению.

Дружными, сомкнутыми рядами пролетариат даст отпор провокации, откуда она не исходила бы.

Президиум Рабочей Конференции помещается в рабочем клубе «Новая Жизнь»—Проломная ул. Обращаться можно ежедневно с 10 ч. утра до 6 часов вечера.

Президиум Беспартийной
Рабочей Конференции.

Казань. Губернская Типография.

240

КАЗАНСКОЕ
Информационное Отделение
ПРИ
КОМИТЕТЕ ЧЛЕНОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
Учредительного Собрания.

3 сентября 1918 г.
№ 80.

Г. КАЗАНЬ.

Председателю рабочей Конференции.

В номере газеты «Рабочее Дело» от 3 сентября за № 173 помещено сообщение, что происходящая под Вашим председательством конференция постановила затребовать от представителей власти об'яснение по поводу арестов членов конференции.

Ввиду этого доводится до Вашего сведения, что власть, исходящая от всенародного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для того перед мерами строгости.

Что касается арестов членов конференции, то члены совещаний частных групп населения подлежат аресту на общем основании и дела о них рассматриваются в обычном порядке.

Чрезвычайные Уполномоченные
Фортунатов, Вл. Лебедев.

2 сентября 1918 г.

С подлинным верно:
Начальник Информацион. Отделения *(подпись)*.

Выписка из протокола № 162

заседания Заводского Комитета завода № 40

от 17 августа 1918 г.

. . . . . .

2. 16-го августа заводской комитет потребовал лошадь (для поездки) по делам службы в город. Обратились к смотрителю казенных зданий Пегальскому, который заявил, что ему приказано хозяйственным комитетом не отпускать лошадей заводскому комитету «ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах». Как выяснилось из бесед с членами хоз. комитета означенное распоряжение было дано без ведома членов комитета единолично председателем к-та, полковником Харитоненко.

Заводский Комитет находит, что такие действия отдельных лиц администрации, нарушающие права Зав. Ком-та, являются недопустимыми при существующем строе государственной власти и по существу контр-революционными справа. Согласно распоряжения Самарского правительства, напечатанного в Самарских газетах от 11-го сего августа, за Заводскими Комитетами остаются все те функции, которые она имела до октябрьского переворота. В уставе же заводских комитетов, выработанном и изданном при Временном Правительстве прошлого года говорится в пункте 40-ом следуещее: «Заводоуправление обязано предоставить необходимые средства на содержание Ком-та и на ведение его дел». Заводский Комитет полагает, что от отказа в лошадях недалеко до отказа во всяких средствах Комитету, после чего можно ожидать отказа в помещении, закрытия помещения Комитета на замок, что явится фактическим разгоном рабочей организации.

Принимая во внимание все вышеизложенное, Заводский Комитет просит Начальника завода раз'яснить подведомственным ему чинам администрации, что восстановление единоличной власти Начальника завода.... не означает разрушения рабочих организаций и принять самое горячее участие к поддержанию этих организаций, о чем он уже хлопотал при приеме у Особо-Уполномоч. члена Учр. Собр., помощника Управл. Военным Министерством Лебедева.

3. Читается протокол общего собрания рабочих Делового двора от 11 августа, поданный непосредственно Начальнику Завода (о выписке заработной платы и о прекращении работы на заводе в связи со стрельбой). Копия протокола с резолюцией Начальника Завода препровождена Заводскому Комитету для оповещения рабочих. Выяснилось, что в это время среди рабочих Делового двора кем-то распространялись слухи (по заявлению тов. Сементинова даже раздавались особые листки) об уничтожении заводских комитетов и что вся надежда теперь на начальство.

Заводский Комитет выносит порицание рабочим Делового двора, в одну из тревожных минут забывших о своей организации и подавших протокол непосредственно начальству. Вместе с тем протестует против такого порядка оповещения рабочих о резолюциях Начальника Завода, каковое Правителем канцелярии было избрано. Исполнительным органом и проводником решений Начальника Завода является подведомственная ему администрация.

Заводский Комитет является органом самостоятельным от заводоуправления и быть на посылках у последнего не желает.

Аналогичный случай с вышеупомянутым, по словам Председателя Хозяйствен. Ком-та. полковн. Харитонова имел место и в хозяйственной части.

К полковнику Харитонову обратились рабочие с заявлением о готовности сделать отчисление в пользу «Народной Армии». Об этом заявлении полковник Харитонов при случайной встрече оповестил Председателя Заводского Комитета, заявивши, что это пожелание рабочих он намерен провести в жизнь. Когда один из членов Ком-та присутствовавший при этом разговоре, заявил, что полковник Харитонов не должен сам для одной части рабочих решать такие вопросы, а передать их для решения во всезаводском масштабе Заводскому Комитету, последний ответил: «Да, но дело в том, что сейчас восстановлена единоличная власть Начальника завода». При чем здесь единоличная власть Нач-ка завода осталось комитету непонятным, но этот факт свидетельствует о том, что власти на заводе вторгаются в такую область жизни рабочих, которая подведомствена только Заводскому Комитету. Вопрос о вычете может быть решен только общим собранием рабочих, а собрание созывается никак не чинами администрации.

Сопоставляя эти случаи, Заводский Комитет постановил уведомить о вышеизложенном Начальника завода посредством протокола и просить его сделать все возможное к поддержанию на должной высоте рабочей организации в заводе. Вместе с тем предписать чинам администрации не вмешиваться в ту область жизни рабочих, которая их не касается. Если же по неведению или смущению рабочие и пойдут не туда, куда следует, то указывать им правильный путь разрешения волнующих вопросов—Заводский Комитет. Поручается председателю Комитета т. Алексееву оповестить рабочих на общем собрании о том, что рабочие организации существуют, что они законны и только враги рабочего класса сеют в среде их смуту. На будущее время Заводский Комитет будет бороться с подобными явлениями посредством печати.

. . . . . .

Воззвание*).

Всюду уже начинает подниматься русский народ против затуманивших его совесть большевиков с их комиссарами и красноармейцами.

Увидел народ наконец, что Советская власть не по праву господствует на земле русской, что она за деньги продает нашу общую кормилицу матушку Русь в руки немцев, заставляет русских людей лить братскую кровь, убивать своих-же русских людей, разбойничает, расстреливает невинных и грабит родную нашу страну.

И в гневе возмущения народ стал восставать против Советской власти: то комиссара убьет, то красноармейцев прогонит, то отказывается хлеб везти и работать на них, и никакие карательные отряды не помогли большевикам.

Слыхал народ, что в единении сила и стал об'единяться и нашлись истинно народные вожди—Члены Учредительного Собрания, которые стали во главе и весь народ стал об'единяться вокруг них, слушать их советов и приказов, итти к ним, ибо все думают они лишь о том как бы спасти от рабства и бедствий и освободить свою родину от врагов.

А для этого прежде всего нужно создать сильную народную армию. И вот истинно-русская временная власть членов Учредительного Собрания всей России стала набирать новую армию. Да, так они мудро порешили, чтобы знать. Армия была хорошая и храбрая, будем брать в нее лишь того, кто добровольно придет на наш призыв, а не за большие деньги, как красноармейцы. Кто пойдет—это уже наверняка истинно-русский человек, истинно любящий свою родину.

И такое войско из таких молодцов уж сумеет защитить свою кормилицу Россию от всех ее врагов. А кто не пойдет в эту Армию, тому потом так стыдно и тяжело будет, что хоть вон беги из своей земли, которую он из трусости и низости не хотел защищать.

Внутри нашей Земли враги наши собирают силы изменников и немцев и хотят перебить все истинно-русское. Потому, братцы, нам нужно скорее пойти на клич Учредительного Собрания и всем кто только может записаться в ряды Народной Армии добровольно.

То-то и честь ея солдатам, что всякий может сказать: «Чай, я русский человек—вот и пришел добровольно защищать свою Землю от вра-

*) Образец агитационного творчества белоармейцев. Безграмотно, по-детски наивно составленная, абсолютно пустая по содержанию, не дающая ни одного существенного лозунга, за которым массы могли бы итти, направленная по адресу «граждан казанской губернии и других» «истинно-русских людей»—т. е. главным образом—всех черносотенных мелко-буржуазных групп, самым откровенным образом зовет к возврату того «благополучия, мира и славы» дворянско-чиновничьего господства в котором жили помещики и все имущие классы России свыше трехсот лет. Могла-ли, такая агитация найти отклик в сердцах рабочих? (Ред.).

гов, обязательной мобилизации вовсе даже и ненадо—все и так пойдем—все себя же защищать будем от чужого ига, ярма и разбойничества».

Вот, что много уж приходилось слышать от истинно-русских людей.

Поэтому и вы, граждане Казанской губернии, и другие, все идите скорее в добровольческие полки Народной Армии, все идите кто уже умеет стрелять, и кто не умеет,—всех научим, быстро обучим и за дело.

Вот в Казани весь город и рабочие, и крестьяне, и студенты, и офицеры, и партии, и учреждения, все стали на защиту страны и вас, братья, зовут из деревень и сел, идите скорее, а то враг соберется с силами и опять отнимет Казань у истинно-русских людей, идите и вместе двинемся спасать Москву и всю нашу Родину. А кто уже никак не в силах пойти в армию, тот так помогай, чем только можешь. Вези хлеб, крупу, картошку, огурцы—на пропитание Армии. Веди лошадей,—вот в Казани в одну ночь без всякого приказа привели до 1000 лошадей, а бабы упрашивают мужчин брать винтовку и итти драться за спасение Родины. Идите и все помогайте, кто чем может: и стар и млад, и мужик и баба. Идите. Ваша Родина-мать зовет вас для своего спасения, не то нас немцы всех заберут в кабалу, и беда нам тогда великая и горе Земле Русской.

Вспомните как ваши предки 300 лет тому назад все до одного восстали, когда тоже злой враг забрал было всю нашу Русь и отстояли ее и прогнали врагов и зажили опять в благополучии, в мире и во славе. Идите скорее в Народную Армию, а остальные поддержите ее—помогайте ей и работайте.

Агитационное Отделение Отдела формирования Народной Армии,
Казань, Лобачевская ул., д. Стахеева.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ЧАДА *)

СВ. ПРАВОСЛАВНОЙ КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ!

«Услышати же имате брани и слышание бранем.
Зрите, неужасайтеся» М-ѳ 24 гл. 6 ст.

К Вам, верующим во имя Господа нашего Иисуса Христа, Мое Архипастырское слово.

Опасность близка. Враг, изгнанный из пределов Казани, еще не побежден. Он напрягает свои последние силы, стучится во врата нашего града.

Бодрствуйте все, да не внидите в напасть.

Пастырей св. Церкви призываю усилить свои молитвенные подвиги.

Православные храмы должны быть открыты день и ночь: да совершается в них непрестанная молитва. Перед лицом общей опасности, не дадим веждам нашим дремания.

ВСЕ ВЕРУЮЩИЕ, наипаче старцы и старицы, женщины и дети, **присоедините ваши молитвы к молитвам пастырей.**

Умоляйте Царицу Небесную пред Ее св. иконами и святителей Казанских о прощении грехов наших, о помиловании, о заступлении. Да будет наша общая неустанная, из глубины души взносимая молитва щитом, ограждающим град.

ИМУЩИЕ! Проявите Вашу горячую любовь к св. церкви и обуреваемому отечеству: **несите ваши материальные жертвы на дело защиты гонимой церкви и спасения отечества.**

Все способные носить оружие становитесь в ряды народной армии, немедленно, без колебания и страха, записывайтесь в добровольческие полки.

Спешите на борьбу: Спасайте святыни наши от поругания, город от разрушения, жителей от истребления.

Усердная заступница града нашего да сохранит нас от всякого зла. Св. Священномученик Ермоген да вдохнет в борцов за правое дело дух непобедимого мужества. Святители Казанские да даруют им победу над врагами, земли нашей—мир и душам нашим, в печали сущим, утешение, радость и спасение.

Благословение Божие да пребудет на нас и на граде нашем. Аминь.

Смиренный Иаков, Митрополит Казанский и Свияжский.

Казань. типография М. В. Добренькова.

*) Прокламация», изданная в последние дни господства чехов. Результаты ее—бешенная травля большевиков со стороны попов, «неусыпная молитва»—(церкви, действительно, открыты были и по ночам:—шло «моление») «Прокламация» попала по адресу: «наипаче» отозвались на нее «старицы и старцы»—(Ред.).

Рас-казанское положение *).

Как во славном было городе—Казани,
Ожидаючи от нас прежаркой бани,
Не на пир оно честной, на пирование
Темным вечером сходилось на собрание
Именитое казанское купечество:
— Постоимте, братцы, крепко за отечество!
Отстоимте от конечной от погибели
Животы свои, да праведные прибыли!
А и много же купцов тут насбиралося.
Горе-горькое к купцам, вишь, подбиралося.
Подбиралося к ним горе неотходное,
Большевистское-ль то воинство народное,
Та-ли силушка железная упорная,
Та-ли силушка крестьянская, все черная.
Та-ли рать неодолимая опасная,
Рать фабричная, заводская, все красная.
— «А и что же вы, купцы, да пригорюнились?
А и что же вы, словно бабы, все разрюнились»?..
Богатырь-Бова сказал им учредиловский,
Тот-ли Лебедев, соратничек Корниловский,
На купечество сердито он накинулся,
Ажно стол перед Бовою опрокинулся!
Богатырь перед купцами он похаживал,
Свои жирные он ляжечки поглаживал,
Говорил он, сукин сын, да раздабаривал,
Именитых толстосумов уговаривал,
Выговаривал купцам он укоризненно:
— «Что вы смотрите, голубчики, безжизненно?
Что вы тесно так друг к другу поприжалися?
А кого вы так, мил—други, испужалися?
Богатырь-ли тот Бова он ухмыляется,
Богатырь-ли тот Бова он похваляется!
— «Ой вы, добрые вы люди, вы не бойтеся!
Вы не бойтеся, мил—други, успокойтеся!
Как я выведу всю гвардию, да белую,
Офицерскую шеренгу свою смелую,

*) Стихотворение, написанное Демьяном Бедным по поводу собрания 15-го августа 1918 г. «Представителей торгово-промышленного класса» в Гор. Театре.

Да казацкую всю силушку яицкую,
Разобью я всю орду, да большевицкую!
В пух и в перья разнесу ее без жалости!
Раскошельтесь только, други, вы по малости!
Проявите достодолжное усердие,
К вашим храбрым оборонцам милосердие.
Как их доблесть вся в боях уж попритуплена,
Она, доблесть их, на денежки вся куплена,
Из французского из банка вся оплачена,
По трактирам по Казанским порастрачена,
Самогонкою казанскою размочена,
А должна быть эта доблесть вновь отточена,
В сторублевые бумажечки оправлена,
На златом на оселочке вновь направлена!»
Приуныло тут крещеное купечество:
— «Бьем челом тебе, отец, за молодечество!
Раскошелиться, что делать, нам приходится.
Твоя доблесть нам в копеечку обходится.
Пообчистили мы до чиста все лавочки,
Так не будет-ли какой хоть малой сбавочки?»

* * *

— Братцы,—молвил тут купец-мудрец Крестовников:
Ублажим уж без отказу мы полковников!
Сколько-б ни было за доблести им дадено,
Чай поболе нами денег понакрадено.
Было дельце нам в Казани предоходное:
Казначейство обобрали мы народное:
Сколько золота там ни было в наличности,
Все прибрали мы к рукам без околичности!
Стало нечего нам, братцы, канителиться:
Есть расчет теперь нам, братцы, раскошелиться!
Посудили, порядили, покалякали,
Пели с вечера, а утречком заплакали:
— «Ой вы, головы, вы наши запропащие!
Ой, полковнички лихие, разледащие!
Ой, обманщик ты, Бова, душа злодейская!
Ой, ты беглая ты рать белогвардейская!
Да куда же вы, собаки, все рассеялись?
Понапрасну мы на вас так понадеялись!
Ваша доблесть вся не стоит ни полушечки!
Завалящей не осталось у вас пушечки!
Побросали вы врагам все снаряжение!
Рас-казанское-ж ты наше положение!

* * *

Как во славной-ли то было во Казани,
Дождались купцы от нас прежаркой бани—
Крепко парились купцы да не допарились,
За Бовою улепетывать ударились,
Во всю прыть они помчались без оглядочки,
Растерявши образа и все лампадочки.

* * *

Ой ты Волга многоводная, широкая,
Что широкая, раздольная, глубокая!
Ты тряхни своею вольностию старою,
Зашуми да забушуй ты под Самарою!
Расскажи там всем про дело, про Казанское,
Что про войско, про рабочее, крестьянское:
Оно движется—несется темной тучею,
Темной тучею, лавиною могучею;
Оно бьется за судьбу свою свободную,
За Советскую за власть простонародную!
Оно бьется, горит ревностию ярою...
Скоро грянет гром жестокий над Самарою.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

В ПУТИ.

ПРИВЕТ*).

Гудит ревет аэроплан.....
Летят листки с аэроплана;
Читай белогвардейский стан
Посланье Бедного Демьяна.

—

Победный звон моих стихов
Пусть вниз спадет, как звон набата.
Об отпущении грехов,
Буржуй, молись! Близка расплата!

—

Готовься отвечать и ты,
Правоэс-эровский Иуда,
За слезы темной бедноты,
За кровь обманутого люда!

—

Где меньшевик? Иди сюда,
Трус онемевший от испуга.
Ты стоишь строго суда,
Как все вы стоите друг друга!

—

Одни дела—один ответ.
Всем воздадим по равной чести!
Друзья рабочие! Привет!
Я вас зову к жестокой мести!

—

Пусть мой, знакомый вам, напев
Откроет всем глаза и уши.
Да будет свят ваш правый гнев!
Да закалит он ваши души!

—

Пусть в вас воскреснет прежний пыл
И доблесть рати пролетарской!
Сомкните строй! Ударьте в тыл
Остаткам гнусной банды царской.

—

Агентам биржи мировой,
Холопам их чехо-словакам!

---

*) Стихотворение расбрасывалось с аэроплана по Казани.

Пусть ни один из них живой
Не уцелеет. Смерть собакам!

—

Друзья, вперед! стальным кольцом
Врагов трепещущих охватим;
Все завершим одним кольцом,
За все сторицею отплатим!

—

К стене проклятых подлецов!
Отмстите, новые титаны,
За смерть товарищей-бойцов,
За нашу кровь, за наши раны!

—

Мы раны нашего вождя
Слезами ярости омоем:
Клянись, рабочий, в бой идя—
Иль победить, иль пасть героем!

—

Сметя врагов стальным дождем,
Докажем всем шипящим змеям,
Что с нашим раненым вождем
Мы победить весь мир сумеем.

—

Мир торгашей и богачей
Напором пламенным разрушим.
Своих извечных палачей
В стальнык об'ятиях задушим.

—

Мы авангард передовой
Великой рати пролетарской,
С ней на арене мировой
Поднимем алый стяг бунтарский.

—

Горят зловещие огни.
Сплелись пророчески созвездья.
К оружью все! привет вам дни,
Дни пролетарского возмездья.....

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

КАЗАНСКИМ ТОВАРИЩАМ *).

Товарищи. Вчера.
Вас Троцкий чаровал бодрящими словами.
Наш красный вождь прощался с вами
На ваше мощное ответное «УРА».
В прощаньи час
С какою жадностью я всматривался в вас,
Внимательно следя за каждым вашим взглядом!
Когда сомкнетесь вы, друзья, стальным отрядом
С рабочею Московской и красным Петроградом,
Я вас узнаю всех.
Я знаю: краток срок разлуки
И не надолго вы прощались с вождем.
Товарищи, винтовки в руки.
Мы с красной армией вас ждем.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Казань. 13 сентября.

*) Напечатано в «Знамя Революции» № 165.

Приложения к статье
т. Ф. Терехина.

Выписка из протокола

Заседания Совета Народных Комиссаров Казанской Республики 26 13 марта 1918 г.

Присутствовали: *Мохов, Султан-Галеев, Саид-Галеев, Брауде, Гордеев, Максимов, Карпов, Ефремов.*

Заслушали:	Постановлено:
1) Постановление батарейных и др. Комитетов по поводу действий Комиссара Ефремова. 2) Постановление Чрезвычайной Комиссии по формированию добровольческой армии.	1) Отложить окончательное решение до рассмотрения этого вопроса Партийными Комитетами. 2) Довести до сведения президиума батарейных комитетов, что неподчинение распоряжениям военного комиссара будет рассматриваться как дезорганизационная попытка и президиум может быть расскассирован и привлечен к революционному суду. 3) Предложить Комитету партии большевиков немедленно дать представителей в Военный Комиссариат и в Мусульманский социалистический комитет.

Подлинный протокол за подписями
Саид-Галеева и А. Максимова.

Выписка из протокола

Заседания Совнаркома Казанской губернии от 11/IV нов. ст. 1918 г.

Заслушано:	Постановлено:
1) Доклад Военного Комиссара.	1) Войти с предложением в Совет о немедленном упразднении Коллегии по управлению Округом и о передаче всех Окружных управлений и дел по ликвидации Округа—в Военный Комиссариат. Упразднить институт комиссаров по формированию армии. Доизбрать двух комиссаров в Военный Комиссариат. От имени Совнаркома предложить т.т. артиллеристам выбрать в Совет Рабочих Депутатов своих представителей по норме. Произвести перевыборы Комитетов социалистической армии в присутствии представителей Совета. Предложить Председателю Совета разъяснить артиллеристам недоразумение относительно бывших представителей от артиллерии в Совете, в частности о тов. Шейнкмане, указав, что он является представителем от Комитета партии. Всю ответственность за правильность выборов возложить на Военного Комиссара. Предложить Военному Комиссару выяснить вопрос о непорядках в Военном госпитале. Бывший дом Командующего войсками передать в распоряжение Совета.

Подлинный протокол подписали: Управделами *Фролов.*

Комиссары: *Саид-Галеев.*
А. Максимов.
Краснов.

Для настоящего сборника дали материал и участвовали в общей работе следующие товарищи:

1. Виноградов.
2. Либанов.
3. Фасхутдинов.
4. Трифонов, В.
5. Каллистов, С. Н.
6. Ершов, В. Е.
7. Филиппов, М.
8. Игнатьев, Д.
9. Гришин.
10. Шерепов, В.
11. Кутузов, И.
12. Гаев, Н.
13. Кривин, М.
14. Карпенко, А.
15. Федоров, Ф.
16. Ахметшин.
17. Мельников, Г.
18. Новиков, Н.
19. Попов Н.
20. Сеген.
21. Греков, Н. Ф.
22. Скоринов.
23. Осипов, С. Д.
24. Зеленин.
25. Самойлов.
26. Титов, В. А.
27. Галеев, А.
28. Иванов.
29. Карпов.
30. Давыдов.
31. Корчагин.
32. тов. К.
33. Чигвинцев, А.
34. Брауде, В.
35. Вафин, А.
36. Есипов, А.
37. Анисимов.
38. Чекунов, А.
39. Борисов, М.
40. Войтов, А. Н.
41. Лацис.
42. Шляпников, Д. Д.
43. Ионов, П. Н.
44. Брауде, С. М.
45. Покровский, В. А.
46. Соловьева, Н. А.
47. Зарницын, Е. И.
48. Вегер, О.
49. Шейнкман, С. А.
50. Пионтковский, С. А.
51. Догадов, А. И.
52. Гордеев, Г. С.
53. Жаков, А. П.
54. Лившиц, С. Е.
55. Вайнштейн, С.
56. Евдокимов.
57. Батуров.
58. Константинов.
59. Сагеев.
60. Хериков.
61. Кузьмин.
62. Протодьяконов.
63. Беркутов.
64. Иванов.
65. Максимов.
66. Смирнов, Н.
67. Зорина.
68. Калиновская.
69. Коробков.
70. Колегаев.
71. Милх.
72. Измайлов, Я.
73. Измайлов, А.
74. Ванюшин, Д.
75. Просвирнов.
76. Машкин, К.
77. Ширшин.
78. Мельников.
79. Саттаров.
80. Дубовых.
81. Шаймарданов.
82. Трузгин.
83. Терехин.
84. Ведерников.
85. Муштаков.
86. Сергиевский.
87. Иванов, В. Н.
88. Ефимов, С. М.
89. Шнуровский, К. Ю.
90. Знаменский, Н. А.
91. Мазунин, В. М.
92. Поляков.
93. Белоклонов.
94. Тихомирнов, Г.
95. Пучковский.
96. Тычкин.
97. Козлов, Г.
98. Шагаров.
99. Тимофеев, И.

100. Киселев.
101. Протасов.
102. Рукавишников.
103. Кузнецов.
104. Светцов.
105. Слепнев.
106. Оюшин.
107. Тяпин.
108. Федотов.
109. Куренков.
110. Белозоров.
111. Серебряков.
112. Козмодемьянский
113. Мазиков.
114. Подольский.
115. Казаков, Н.
116. Панов, П.
117. Ибрагимов, М.

Кроме того в работе по изданию сборника принимали участие след. т.т. рабочие:

Корректор:

118. Томашевский, И.

Метранпаж:

119. Степанов, В.

Наборщики:

120. Юрлов, В.
121. Сборский, С.
122. Кутуев, М.
123. Шанин, К.
124. Магницкий, В.
125. Почаев, А.
126. Бирюков, М.

127. Мочалов, Н.
128. Туманов А.

Печатники:

129. Климентов, В.
130. Павлов, Н.

Цинкографы:

131. Назаров, И.
132. Гросс, К.
133. Савин, Н.

Переплетчики:

134. Бочаров, И.
135. Ларионов, Г.
136. Денисова, А.
137. Петрова, А.
138. Донская, Е.

Художник:

139. Н. Г. Мазунина.

Библиотека
Института В. И. Ленина

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От Истпарт Отдела О. К. Р. К. П. 2

I. Казань до налета чехо-учредиловцев.

Лацис. Четыре месяца в Казани и под Казанью 5
Л. Милх. Партийная и советская Казань до чехов. 14
Ф. Терохин. Красная армия с момента формирования—до налета чехов . . 19
В. Мазунин. 3 месяца до и во время чехов (Казань—Арск). 37
К. Шнуровский. Казанский Совет Крестьянских Депутатов и левые эс-эры перед чехами 60
Протокол вечера воспоминаний 6—V—1924 76
А. Догадов. Стенограмма речи на вечере воспоминаний 10—V—1924. . . 84

II. Борьба за Казань.

Г. Тихомирнов. Борьба за Казань. 90

III. Материалы о пребывании чехов и учредиловцев в Казани.

С. Каллистов. Казанская организация П. С. Р. и власть Ком. Уча 102
Н. Знаменский. Время чехов 111
М. Ибрагимов. Учредиловский застенок 181
А. Константинов. Чехи в Казани 182
К. Машкин. Казанские профсоюзы во время власти Ком. Уча 190
Ларионов. Восстание 3-го сентября . . . . . .
А. Измайлов. Настроения среди татарского населения 196

IV. Материалы о пребывании чехов в уездах бывшей Казанской губернии и кантонах Татреспублики.

а) Бугульминский кантон.

Либанов. Воспоминания 199
М. Подольский. Дни чехов в Бугульме 200
Трифонов. В деревне во время чехов 207

б) Елабужский кантон.

А. Чигвинцев. Борьба против учредиловцев 210
П. Панов. На Бондюжском заводе 213

в) Свияжский кантон.

Пучковский и Тычкин. Чехо-эсеровский набег 215

г) Мензелинский кантон.

Ахиедшин. Борьба в б. Мензелинском кантоне 217

д) Мамадышский кантон. Стр.

Давыдов. Против чехо учредиловцев 219

е) Чистопольский кантон.

А. Есипов. Учредиловцы в Ново-Шешминской волости 224

ж) Буинский кантон.

Корчагин. Из воспоминаний 22

з) Спасский кантон.

Анисимов. Из воспоминаний 227

V. Приложения (документы).

К статье Н. Знаменского.

№ 1. «К рабочим г. Казани» — прокламация Каз. Сов. Р. и К. Деп. и Каз. Губкома РКП. 221
№ 2. Протокол Общего Собрания Каз. Учит. Союза 14 авг. 1918 г. . . 230
№ 3. Отношение Председателя Каз. Район. Упр. Водн. Тр-та на имя коменданта города 235
№ 4. На митинге—из газеты «Рабочее Дело» № 175 236
№ 5. Резолюция по докладу Медведева на Рабочей конференции 18—31 августа 1918 г. 237
№ 6. Об'явление Президиума Рабочей конференции 240
№ 7. Отношение Каз. Информац. Отдела на имя председ. Рабоч. конфер. 241
№ 8. Выписка из протокола № 162 засед. завкома завода № 40. 242
№ 9. Воззвание Агитационного Отдела формирования Народн. Армии. . 244
№ 10. Воззвание митрополита Иакова 246
№ 11. Демьян Бедный. «Рас-казанское положение» 247
№ 12. » » «В пути. Привет» 250
№ 13. Демьян Бедный. «Казанским товарищам». 252

К статье Ф. Терехина.

№ 15. Выписка из протокола Совнаркома Казанской Респ. 26-13/III 18 г. 253
№ 16. » » » » » 11/IV 1918 г. 254
Список товарищей, давших материалы и принявших участие в составлении сборника 255
Оглавление 257

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ:

1) Первый Исполком после чехов.
2) Ответ. работники 1918 и 19 г.г.
3) т. Гассар (расстрелян чехеми в Казани).
4) т. Петровская (предисполкома Бугульмы, расстреляна).
5) Группа Особ. отдела 2-й армии.